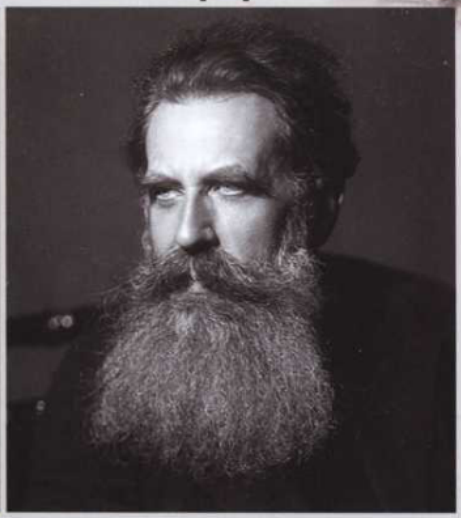
КУЛЬТУРА И НАУКА

Отто Шмидт



Владислав КОРЯКИН

Отто Шмидт

ВИП

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

Владислав КОРЯКИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Знаменитый полярник, директор Арктического института, талантливый руководитель легендарной экспедиции на «Челюскине», обеспечивший спасение людей после гибели судна и их выживание в беспрецедентно сложных условиях ледового дрейфа… Отто Юльевич Шмидт — поистине человек-символ, олицетворение несгибаемого мужества целых поколений российских землепроходцев и лучших традиций отечественной науки, образ идеального ученого — безукоризненно честного перед собой и своими коллегами, перед темой своих исследований. В новой книге почетного полярника, доктора географических наук Владислава Сергеевича Корякина, которую «Вече» издает совместно с Русским географическим обществом, жизнеописание выдающегося ученого и путешественника представлено исключительно полно. Академик Гурий Иванович Марчук в предисловии к книге напоминает, что О. Ю. Шмидт был первопроходцем не только на просторах северных морей, но и в такой «кабинетной» науке, как математика, — еще до начала его арктической эпопеи, — а впоследствии и в геофизике. Послесловие, написанное доктором исторических наук Сигурдом Оттовичем Шмидтом, сыном ученого, подчеркивает столь необычную для нашего времени энциклопедичность его познаний и многогранной деятельности, уникальность самой его личности, ярко и индивидуально проявившей себя в трудный и героический период отечественной истории.

- Владислав Корякин
  - Предисловие
  - Вместо введения
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Послесловие
  - Использованная литература

- Основные даты жизни О. Ю. Шмидта

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Владислав Корякин
ОТТО ШМИДТ

Предисловие

Вступительное слово президента Академии наук СССР академика Гурия Ивановича Марчука на заседании, посвященном столетию со дня рождения О. Ю. Шмидта (1991 г.).

Я являюсь представителем того, тогда еще очень молодого поколения, которое впервые встретилось с О. Ю. Шмидтом, только начиная свой путь, и Отто Юльевич сыграл в моей биографии весьма немаловажную роль. Но прежде всего о самом О. Ю. Шмидте. Конечно, это был совершенно выдающийся, я бы даже сказал, гениальный человек. Почему он был гениальным человеком? Потому что он был первопроходцем, это был человек, который открывал целые пласты науки и научно-технического прогресса. Я не знаю такой сферы, где бы он ни приложил свой глубокий ум и талант — или к решению какой-либо проблемы, или сам непосредственно инициировал создание новых направлений науки. Возьмите математику: мне, как математику, всегда страшно импонировало, что первые результаты по абстрактной теории групп, которые сыграли выдающуюся роль не только в развитии науки в нашей стране, но и стали известны всюду, во всем мире, на них ссылались выдающиеся ученые, математики, учились по ним, — так вот эти основы были заложены О. Ю. Шмидтом. Он начал именно с математики, но жизнь быстро переместила его на новые проблемы. Может быть, второй проблемой, которая действительно его волновала, стало образование, подготовка кадров, и он еще с самого начала, когда работал в Наркомпросе, Наркомпроде и других организациях только начинающей жить нашей молодой республики, уделял этому свое внимание, прилагал свои силы и способности в области образования.

Но потом О. Ю. Шмидт занялся Арктикой. Он был, как вы знаете, директором Арктического института, и уже там, по-видимому, у него созревали далекоидущие планы покорения Арктики человеком. Но вот — пожалуй, это я помню хорошо, я был школьником — ледокол (трудно, правда, сказать, ледокол это или нет) «Георгий Седов» бороздил бассейн Карского моря, и там впервые открывались острова и структуры Карского моря, и было показано впервые — и опять говорю, впервые показано О. Ю. Шмидтом, — что можно исследовать Северный Ледовитый океан и его окрестности с помощью той техники, которая в то время

была. А потом — я думаю, что это всем нам памятно, — экспедиция «Сибирякова», которая знаменует первый, уже действительно первый крупнейший поход. Из Европы к Тихому океану фактически был проложен Северной морской путь. Затем… О. Ю. Шмидт возвращается к Северному морскому пути, уже проводя эсминцы с запада нашей страны в Тихий океан.

И наконец, я думаю, что самая выдающаяся эпопея — это эпопея челюскинцев, когда уже не ледокол, а обычный пароход пытается прорваться через льды, сквозь огромные торосы по Северному Ледовитому океану. «Челюскин» затонул, вы знаете это, но 104 человека были спасены, в первую очередь благодарю мужеству руководителя экспедиции О. Ю. Шмидта.

Я не могу не вспомнить следующий этап его деятельности, когда он освоил Северный полюс. Ведь это была первая научная воздушная экспедиция, когда была произведена высадка, первый десант наших ученых на Северном полюсе, и появилась станция «Северный полюс-1». С тех пор уже много-много лет мы имеем систему, которая была открыта практически О. Ю. Шмидтом.

И наконец, я, как аспирант Геофизического института, — который, как известно, родился из Института теоретической геофизики, организатором которого был О. Ю. Шмидт, — посещал его семинары на совершенно уникальную тему — космология, космогония, как по-всякому ее называли, где О. Ю. Шмидт продвигался буквально как танк, чтобы свои идеи внести в построение модели Солнечной системы. На эти семинары ломились люди из разных учреждений нашей страны — это были геофизики, геологи, это были и мы, аспиранты, которые стремились вобрать что-то новое.

И вы посмотрите: — если всё это себе представить, этапы пути, грани его, огромные заслуги этого легендарного человека, которые были отмечены наградами, то мы увидим действительно уникальную личность, исследователя и ученого. Человека, который всегда хотел что-то новое — и открывал, а потом подкрепляли его всё новые и новые люди, таким образом, он поднял очень много направлений. Да и вице-президентом Академии наук он был два или три года. Это говорит о том, что его реноме как ученого — не только как полярника, исследователя было высоким.

В заключение хочу сказать, что мне повезло с Отто Юльевичем встретиться в 1954 году. В то время он был, если я не ошибаюсь, заведующим отделением геофизики в Московском государственном университете. Я работал в Географическом институте, и О. Ю. Шмидт пригласил меня домой на чашечку чаю и предложил мне работать в его отделе. На меня, еще очень

молодого человека, знакомство с легендарной личностью произвело потрясающее впечатление. О. Ю. Шмидт был совершенно удивительным человеком — деликатный, интеллигентный, тактичный, умный. Он предложил мне перейти. Я только что закончил кандидатскую диссертацию и согласился с удовольствием. Через полгода меня избрали доцентом. Я помню, как он позвонил сам, лично, поздравить меня и сказал: «Мы ждем вас на работу». Но через три недели было решение правительства, и меня отправили совсем в другое место — в лабораторию, где я долгих девять с половиной лет занимался атомной энергией. Я очень пожалел, что пересечение наших путей было столь коротким, но я увидел и убедился, что природа рождает таких великолепных людей. Я бы считал, что это был гениальный человек, который всегда что-то открывал, всегда что-то искал и оставил неизгладимый след в науке и в развитии производительных сил нашей страны. Я думаю, что мы долго будем помнить его. Придут будущие поколения и будут помнить вклад О. Ю. Шмидта в этом большом созидательном труде.

Г. И. Марчук

Вместо введения
Почему именно О. Ю. Шмидт?

В первых числах сентября 1956 года автор этих строк в составе небольшого отряда, направлявшегося с целью рекогносцировки на один из арктических архипелагов, оказался на Диксоне, который в те годы нередко называли столицей нашей западной Арктики. Мы жили в гостинице в ожидании самолета, осваиваясь с новой, непривычной обстановкой, и в свободное время, прогуливаясь, пытались постичь окружающую арктическую реальность, знакомую только по книгам и фотоальбомам. Все мы были новичками — полярниками нам предстояло только стать… Однажды на такой прогулке мы услыхали целый хор судовых гудков многочисленных сухогрузов и ледоколов, стоявших на якорях в проливе, который отделял остров от материка. Вскоре к ним присоединились сирены из поселка на материке и в обсерватории. Определенно происходило нечто необычайное, и мы направились в гостиницу, готовясь к самому худшему, ибо холодная война еще не закончилась. Проходя мимо обсерватории, мы увидали вывешенный флаг в обрамлении черных траурных лент и в ответ на наш недоуменный вопрос услыхали:

— Шмидт умер…

Один из нас решил уточнить:

— Тот самый?

Человек, к которому был обращен вопрос, лишь выразительно покрутил пальцем у виска, сплюнул, и, смерив нас взглядом, поинтересовался, давно ли мы с Большой земли. Удовлетворившись ответом, он лишь бросил на ходу:

— Тот самый, и другого не будет…

Продолжение этой «темы» ожидало нас в гостинице. Скорбь «старичков» довоенного призыва Главсевморпути, пребывавших в возрасте преимущественно около полувека, была вполне искренней и сердечной. Это было тем удивительнее, что Шмидт покинул Арктику почти двадцать лет назад! Здесь его помнили и, я бы сказал, почитали, — это было очевидно. Не слишком светские поминки сопровождались лавиной воспоминаний о покойном, с такими деталями и ситуациями, о которых было невозможно узнать со страниц официальных изданий. Запомнилась не вполне трезвая, но прочувствованная речь одного из ветеранов, обращенная к присутствующим:

— Да, ребята! Считайте, нам крупно повезло, потому что нами в ту пору командовал «и академик, и герой, и

мореплаватель…», жизнь которого — сплошное приключение. Он прошел и огни, и воды, и медные трубы, и даже волчьи зубы и оставался Шмидтом всю жизнь. Очень нам повезло, и вот им (последовал кивок в нашу сторону) уже как придется… Может, они ребята и неплохие, но почем фунт полярного лиха еще полной мерой не отведали, не узнали, что почем на нашей полярной службе… Сейчас они выбрали Арктику, а Арктика им своего слова не сказала, а уж мы-то точно знаем, что последнее слово за ней… Всякое в нашей полярной службе бывало, но за Отто Юльевичем мы были как за каменной стеной, для нас это главное…

Его собеседники-собутыльники в клубах махорочного дыма дружно закивали в знак одобрения. Затем полярный ветеран продолжил свою не слишком складную, но прочувствованную речь:

— Не знаю, каким он был там в Кремле, чего не знаю, того не знаю, но здесь он был на месте, под Полярной звездой… и сам заслужил Золотую Звезду — одним словом, звездный был мужчина… Ни разу себя не уронил, что на «Челюскине», что на полюсе, что в тридцать седьмом, когда флот в Арктике замерз… Отто Юльевич, Отто Юльевич, вечная тебе память. Когда мы с ним начинали, времена на Большой земле были такие, что вспоминать не хочется: холод, голод, карточная система и распределители, великое переселение сбежавших от коллективизации, не считая ГУЛАГа с его лагерями. А Шмидт завел свой порядок — в Севморпути только добровольцы, не считая коммунистов по партийной мобилизации. Поэтому у нас и был отборный народ, да и спрос на высшее образование в нашей системе был всегда. А какие люди шли к нам из недорезанных — Визе, Урванцев, Евгенов, да и былым красным партизанам вроде Ушакова или Папанина было на кого равняться! А Отто Юльевич ни нас не забывал, ни наших родных на материке — пробил-таки красноармейский паек нашим семьям, пока мы зимовали, а на Большой земле люди голодали…

Определенно мы присутствовали при настоящей лавине новой для нас информации, которую нельзя было получить из официальных изданий, включая даже «Арктическую библию», как называли полярники книгу В. Ю. Визе «Моря Советской Арктики», выдержавшую три издания. Тем временем полярный ветеран продолжал свою поминальную речь:

— Наша служба, конечно, не сахар… Пока разгружались да строились — аврал он и есть аврал. Зато на полярке у каждого отдельная каюта, хоть размером с носовой платок, не то, что на Большой земле: в лучшем случае комната на семью в вонючем

бараке. Да и заработок по тем временам за два года вполне приличный, другое дело как распорядишься… Поэтому на полярника в довоенную пору смотрели как в наше время на атомщика или ракетчика.

Однако, думаю, везло Отто Юльевичу больше не на Большой земле, а здесь, в Арктике, — не только он ее выбрал, но и она приняла его, а она дама с норовом, угодить на нее дано не каждому. Похоже, в Москве ему удачи было меньше, хоть уцелел в 1937 году. Новый ледокол назвали на стапеле — «Шмидт», а спускали уже — «Микоян»… И сменщик-то его Папанин нас иначе как шмидтовцами не именовал, а сам продолжал да развивал то, что досталось. Целая эпоха с Отто Юльевичем ушла… Помянем его добрым словом, и вечная ему память…

Определенно это был какой-то другой взгляд на личность известного полярника, каким мы его знали со страниц разных изданий, не только научных. За словами бывалых профессионалов, вызывавшими одновременно доверие и удивление, вставал гораздо более человечный образ, со своими деталями и подробностями, далекими от официальных реляций. И у нас не было оснований не верить его былым соратникам и сотрудникам, прошедшим с ним через испытания белым пеклом (о чем мы более или менее уже знали), хотя, возможно, не меньшие испытания он прошел в Кремле (о чем мы не догадывались).

Расставшись с Арктикой много лет назад, он остался в сердцах и в благодарной памяти неизбалованных судьбой людей, на которых он когда-то положился и которые сделали его тем самым Шмидтом, известным всей стране. Прав был захмелевший ветеран полярной службы (и кто бы его осудил?) — со Шмидтом ушла целая эпоха в Советской Арктике, которую он обозначил на десятилетия вперед.

Уже во время продолжительной зимовки на одном из самых суровых архипелагов Арктики, когда мы на собственном опыте постигали почем фунт полярного лиха, особенно во время долгой полярной ночи, когда было больше свободного времени, имя Шмидта неоднократно всплывало в наших разговорах, вызывая порой жаркие дискуссии.

— Какой же он ученый, — порой с жаром утверждали одни, — если он не оставил ни законов формирования льдов, ни исследований в области погодного прогноза, как Визе или Зубов…

— Ни Магеллан, ни Колумб также не замечены в подобном, — не менее пылко отвечали оппоненты. — За него это сделали другие, которых он направил в Арктику. А Северный

морской путь, а первая дрейфующая станция «Северный полюс»?

Были и такие, кто видел в нем лишь функционера, откликавшегося на пожелания Великого Диктатора, вершившего судьбы не только собственной страны, но мира. Это особенно характерно для некоторых постсоветских изданий, например для книг М. М. Ермолаева, А. М. Ермолаева и В. Д. Дибнера.

Сложность отношений О. Ю. Шмидта с «властями предержащими» особенно отчетливо проявилась в его кратковременном взлете на академическом Олимпе в должности первого вице-президента Академии наук СССР. Интересно, что при всей своей известности и популярности у народа (включая интеллигенцию) он не проявлял активности в партийной и политической (но не в общественной) жизни. Более того, как показал анализ его выступлений и публикаций, избегал славословий в адрес Великого Диктатора и правящей коммунистической партии. Там же, где ему это приписывалось, легко угадывалась роль Политуправления Главсевморпути с его «комиссаром» С. А. Бергавиновым. Определенно для страшных 30-х годов прошлого века («бывали хуже времена, но не было подлей») с их взлетами и падениями и такими же противоречиями в стране и обществе это была по-своему знаковая фигура, которая многое позволяет понять и оценить заново в истории советского периода.

Еще один повод для выбора героя настоящей книги — взаимоотношение российской интеллигенции с властью на переломных этапах истории. Эта тема, по-видимому, неисчерпаемая благодаря обилию биографической и художественной литературы, изобилует самыми яркими примерами, известными читателю по истории превращения Российской империи в СССР. Здесь и фрондирующий лауреат Нобелевской премии академик И. П. Павлов вместе с другим академиком и политическим «перевертышем» А. Н. Толстым, здесь и самые искренние апологеты новой власти К. А. Тимирязев и В. Я. Брюсов, здесь и порожденные ею «ученые» из недоброй памяти школы Т. Д. Лысенко, а с ними соседствуют пассажиры знаменитого «философского парохода»… Многочисленные представители старой российской академической интеллигенции служили советской власти верой и правдой, не выражая к ней своего отношения публично, полагая, что служат России и российской науке и культуре.

По совокупности причин среди этой весьма пестрой и неординарной публики личность О. Ю. Шмидта выделяется присущим ей колоритом, в первую очередь полярным. Его новаторская деятельность в новой для него сфере протекала в

условиях грандиозного социально-общественного эксперимента, проводившегося по воле ВКП (б) и ее руководства над страной и народом. Поэтому и настоящая книга получилась не столько об Арктике, сколько о советском обществе, даже если читатель придет к другому заключению. Автор, отстаивая свою точку зрения, не стремился навязать ее читателю, отдавая первенство новым фактам, информации из ведомственных архивов и собственному опыту.

Однако прежде, чем перейти к биографии одного из самых известных людей начального периода советской эпохи, отмечу главную трудность темы. Это особые отношения со Сталиным, несомненно, Великим Диктатором своего времени, которого невозможно спутать с известным героем одноименного чаплинского фильма. Думаю, что в оценке этой действительно огромной исторической личности наиболее емко и близко по сути высказался в одном из своих писем Константин Симонов: «Человек он был великий и страшный» (1990, с. 678). С этим лидером огромной страны, ответственным за судьбы миллионов людей, Шмидт встречался, разговаривал, получал задания и советы, возможно, в чем-то спорил, и не только…

Во всем перечисленном автор и пытался разобраться на страницах предлагаемого читателю издания, используя пример жизни незаурядной харизматической личности.

Существует определенная связь поколений полярных исследователей, о которой мне однажды уже пришлось высказаться: «Без Русанова не было бы Самойловича, каким мы его знаем, и, вероятно, Шмидт не стал бы тем самым Шмидтом, который вошел в историю таким, каким вошел. Каждому из них — свое, поскольку «мы дети страшных лет России, забыть не в силах ничего…» — значит, все они остаются с нами»[1] (2005, с. 354). Следуя этой концепции, автор опубликовал ряд научных биографий наших предшественников[2] в Арктике, продолжив свое намерение настоящей книгой.

В завершение вводного раздела автор благодарит профессора Сигурда Оттовича Шмидта за консультации и предоставленные материалы (включая бумаги из семейного архива), а также за многочисленные замечания при обсуждении настоящей книги, разнообразные советы, рекомендации, многочисленные фото из семейных собраний родственников главного героя книги. Без помощи С. О. Шмидта книга, вероятно, не состоялась бы в настоящем виде. Автор также благодарит В. В. Шмидт и К. А. Левинсона за помощь в редактировании книги.

Глава 1
В начале жизненного пути

Блажен, кто посетил сей мир.
В его минуты роковые…

Ф. Тютчев

Я знаю, что неопытен и молод,
Однако время принесет мне зрелость.

У. Шекспир

Герой настоящей книги появился на свет 18 (30) сентября 1891 года в губернском городе Могилеве (нынешняя Республика Беларусь) в лютеранской семье выходцев из Лифляндской губернии. Его отец Юлиус Фридрихович Шмидт вел свое происхождение от немцев, получивших русское подданство в XVIII веке, но оставшихся (в отличие от многих представителей родовитого остзейского дворянства, проявивших себя на флотской или академической службе) в крестьянском звании, формально относясь к колонистам. В дореволюционном документе один из представителей рода Шмидтов именуется «почетный гражданин». Крестьянкой по происхождению была и избранница Юлиуса, латышка по национальности Анна Фридриховна, урожденная Эргле, женщина властная, суровая, настоящая глава семьи. В опубликованной автобиографии сам будущий полярник и Герой Советского Союза особо отметил: «Языком, на котором я не только говорил, но думал и писал, стал русский. По паспорту я являюсь русским, в соответствии с моим самосознанием». Известно, что лютеранские выходцы из Прибалтики отличались своеобразной религиозностью, влияния которой поначалу не избежал и юный Отто, со временем, однако, уже в пору возмужания и переоценки моральных ценностей, расставшийся с былыми взглядами в поисках новых идеалов.

Семейные традиции в совокупности с многонациональным окружением запада и юга бывшей Российской империи способствовали выработке в юности у Отто своеобразного

бытового интернационализма, со временем ставшего частью его мировоззрения. Это обстоятельство характерно для наших полярников не только в советское время, но и до революции. На общем русском фоне среди наших полярных исследователей, начиная с моряков Великой Северной экспедиции XVIII века (принадлежавших в основном к служивому мелкопоместному дворянству), отчетливо прослеживается весь национальный состав России от ученых-прибалтов К.М. Бэра, Э. В. Толля и А. Ф. Миддендорфа до представителей малых северных народов (чукча Дауркин, ненец Вылка). Во все времена национальность в экстремальных условиях Арктики отходила под напором стихий если не на десятый, то на второй план. С другой стороны, семейное многоязычие (где говорили на немецком, русском и латышском языках) в будущем пригодилось юному Отто, привив вкус к изучению других языков и облегчив их усвоение.

Немцу такого почти крестьянского происхождения, обремененному многочисленной семьей (пятеро детей, один из которых умер в трехлетнем возрасте), в родных прибалтийских землях было трудно сводить концы с концами, что и заставило главу семейства стать торговым агентом в мелких писчебумажных фирмах Могилева, Одессы, а позднее — Киева. С учетом доходов отца семейства его дети в лучшем случае могли рассчитывать на карьеру ремесленника. Средств семьи было недостаточно, чтобы дать всем детям гимназическое образование, и на семейном совете было решено учить Отто. «Все мы люди небогатые, — высказался на семейном совете его дед по материнской линии, — но если сложимся вместе, то одному из детей мы можем дать образование. И нужно дать образование этому мальчику, он способный» (Подвигина, Виноградов, 1960, с. 4).

Надо сказать, что в отличие от некоторых других полярников (например, Русанова или Самойловича) у Шмидта не наблюдалось влечения к активной революционной деятельности, хотя, несомненно, он был свидетелем восстания на броненосце «Потемкин» в Одессе, а также революционного брожения в городе, еврейских погромов и убийства Столыпина в Киеве. Все увиденное и пережитое повлияло на общественно-политические взгляды юноши, типичные для интеллигенции того времени, сочувственно относившейся к нараставшему революционному движению.

В связи с переездами семьи ему довелось посещать гимназии в Могилеве, Одессе и Киеве. Считается, что именно одесская гимназия привила ему вкус к древним языкам. Там наряду с обязательным латинским юный Отто стал изучать еще и древнегреческий. Этим дело не ограничилось — в гимназическом

оркестре Отто играл на контрабасе, увлекался классической музыкой и литературой. Во 2-й киевской гимназии (расположенной в центре города неподалеку от 1-й, где почти одновременно с ним обучались будущие светила русской литературы Булгаков и Паустовский) уже в седьмом классе Отто поразил воображение своих одноклассников, с ходу предложив самостоятельное решение теоремы, не зная решения по школьной программе, поскольку отсутствовал из-за болезни. Кто испытал большее удивление от такого смелого и самонадеянного поступка — соученики или преподаватель, — неизвестно, но сам случай остался в неписаных анналах гимназии. Неудивительно, что гимназию Шмидт закончил с золотой медалью, оправдав надежды своих родителей. Определенно в молодые годы он резко отличался своим поведением и образом жизни от других известных полярников — Русанова или Самойловича, доставивших в молодости немало хлопот что родным, что властям. И хотя все они получили образование в самых авторитетных высших учебных заведениях, разница в их характерах, наклонностях и жизненных устремлениях настолько очевидна, что легко объясняет многое в их дальнейшей полярной карьере и жизненном финале на фоне событий своего времени…

А пока молодость кружит голову взрослеющему гимназисту, пейзаж весеннего Киева с обрывами над Днепром и Владимирской горкой вызывает в нем жажду жизни со всеми ее надеждами и тревогами:

Там в кленовом оцепленье
Лица девочек смуглы,
Там ложатся чьи-то тени
На кленовые стволы.
Репродуктор напевает,
И, придерживая крест,
Князь Владимир застывает,
Словно слушает оркестр.
Гимназисты и старушки,
Пионеры, юнкера,
Близлежащие церквушки,
Белошвейки, шофера,
Горку держат на примете
Напролет под соловьи…

(В. Каденко)

Поэт специально спутал приметы времени, чтобы отразить не

стареющее с годами очарование киевских круч над Днепром. Можно ожидать, что на этом фоне юный Отто не только поддавался воздействию очаровательных сверстниц, но и сам пользовался заслуженным вниманием, сохранив эту способность и в более зрелом возрасте. Не обладая, однако, даром Мопассана, автор не рискует развивать эту достойную тему применительно к герою настоящей книги. Здесь стоит ограничиться свидетельством очевидца: «К Отто Юльевичу тянулись незаурядные женщины… Неустанность его романов, тем более длительная верность тем, с кем сближался, порядочность его поведения по отношению к внебрачным детям, делали его натуру в глазах других еще более неординарной» (Шмидт, с. 250–251, рукопись). Се ля ви, как говорят об этой теме на родине Мопассана…

В 1909 году молодой Отто Шмидт становится студентом физико-математического факультета университета Святого Владимира, с самого начала приняв активное участие в работе семинара профессора Д. А. Граве по вопросам алгебры и теории чисел, на котором преобладали студенты старших курсов. Активный, интересующийся студент с самого начала видел в математике некий исследовательский аппарат, имеющий самое непосредственное отношение к запросам практики в широком спектре применения — в пределах от проблем денежной эмиссии и до расчетов нагрузок на судно в условиях ледового плавания, чем ему позднее пришлось заниматься. Так что его выбор был не просто оправдан, но и свидетельствовал о стремлении к поиску некоей истины на основе точного знания.

«На этом семинаре, — вспоминал позднее член-корреспондент АН СССР Б. Н. Делоне, — и появился студент О. Ю. Шмидт, который выделялся не только своими математическими способностями, но и волевыми качествами. Он разбирал теорию групп в последовательно делаемых им на семинаре Д. А. Граве докладах» (1959, с. 178).

В своем дневнике студент-первокурсник, разумеется, не мог не остановиться на впечатлениях от экзаменов, тем более, что (дата записи 2 мая 1910 года) «…все время, начиная с марта или раньше, я занимался, не переставая и не отдыхая. И все-таки я не пришел к удовлетворительным результатам: предметы мои слишком обширны, они требуют больше времени. Уроки также отнимают много времени, но это, возможно, неплохо, оберегает от отупения за одной и той же работой. Во всяком случае, жаловаться не хочу. Если провалюсь, то никого винить не стану». Хотя опасения студента-первокурсника не оправдались, его первые самооценки, судя по записи 17 мая, по-видимому,

несколько завышены: «Я вышел из аудитории сияя. Этим экзаменом я мог быть доволен. Я смог продемонстрировать познания по всем дисциплинам, и они отлично выдержали испытания». Отметим пока свойство студента, не однажды пригодившееся ему впоследствии: не жалеть усилий именно на этапе подготовки для обеспечения будущего успеха.

Не только учеба волнует его, но показательно, до какой степени среди житейских проблем главное все-таки принадлежит учебе, о которой он не забывает даже через несколько дней после завершения экзаменационной сессии и в совсем иной обстановке: «28 мая. Сейчас читаю «Отрочество» и «Юность» Толстого. Своеобразное впечатление производит на меня сходство духовного развития и даже любимых идей у меня и у героя. Весь тон книги говорит о том, что это все быстро проходит и потом человек смотрит на свою философию сверху вниз, едва ли не как на ошибки молодости. Может быть, это и правда. Но в энтузиазме и в вере в себя и заключается привилегия и прелесть юности. Пускай потом я проделаю нежданную эволюцию, но пока я твердо держусь за свои взгляды…

Постепенно приступаю к своим летним работам. Я составил себе очень обширную программу, хотя или, вернее, потому что — всю ее я не выполню. Предметы моих занятий будут следующие: 1) дифференциальное исчисление, 2) высшая алгебра, 3) английский язык, 4) русская литература, 5) немецкая и другая литература и история литературы, 6) история философии, 7) немецкий язык, 8) греческий язык. Если половина этого сможет быть как следует выполнена, я смогу быть доволен, потому что спорт, поездки в Святошино и тому подобное в программу не включено, а занимает большую часть времени». Определенно это почерк максималиста, но еще (особо отметим на будущее!) и энциклопедиста по охвату проблем и намерений, во многом позднее воплощенных в жизнь, а это немало!!!

Еще одно качество будущего Шмидта отражает дневник — весь жизненный расчет только на собственные силы, например в части обеспечения жизненных запросов, включая оплату учебы в университете заработками за репетиторство: «20 августа… Был уговор, что в университете я сам буду обеспечивать свои расходы, только на первое обзаведение я получил сто рублей… Выяснилось, что мне нужно не 240, а 330 рублей — и я их заработал! Этот внешний успех, достигнутый в тяжелых обстоятельствах, естественно, укрепил мою веру в собственные силы». Определенно студент (пока студент!) умеет не только планировать, но и проводить в жизнь намеченное, и уже поэтому от него можно ожидать большого будущего, если обстоятельства

не окажутся сильнее, как это бывает нередко в жизни.

И как это бывает у всех в молодости, сомнения: люблю или не люблю (или любят или не любят меня)… — все как у людей, но не только…

«6 октября. Весной я запланировал заниматься в этом году философией, эстетикой и тому подобным, а в следующем — изучать политическую экономию, социологию и т. д. Пока я выполняю свою программу удовлетворительно, но почти жалею, что не изучал летом политические науки. Сейчас время совершенно аполитичное, но без четких политических убеждений все-таки жить тяжело, а для четких убеждений необходимы хоть какие-нибудь познания…

7 октября. Интерес к общественно полезной деятельности у студентов пропал совершенно. Чтобы оживить интерес к политике у себя и у своих друзей, я подумывал… основать кружок — без конкретной цели, чтобы иметь возможность обмена мнениями, будящими мысль. Я при этом надеялся, что мы будем больше заниматься общественными науками и, когда снова придет время работы, не будем относиться к движению как чему-то непонятному и чужому… Каждый на своем месте будучи студентом, ученым и т. д., все же должен чувствовать себя звеном целого и должен быть готов по мере сил этому целому служить». Таковы были довольно наивные, но вполне самостоятельные намерения молодого человека еще на студенческом уровне в части служения обществу, во многом оправдавшиеся в будущем.

«24 октября. Философские беседы с папой становятся все реже. Отчасти причина заключается в обилии забот и тревог, которые занимают наши мысли и разговоры, но отчасти причина лежит и глубже: отцы и дети редко способны понять друг друга. Мировоззрения совершенно разные, единение невозможно, да даже и нежелательно, ибо разрушать веру старого человека, не приняв ее, — нехорошее дело… Он проповедует по Библии и не хочет понимать мои рациональные аргументы.

Чаще, нежели о религии, мы говорим теперь о политических вопросах, но у папы все пропитано религией…»

Вернувшись к учебе студент, мировоззрение и характер которого становятся все более зрелыми, определенно не сдает позиций, самостоятельно овладевает новыми высотами науки. Например, он работает с огромной монографией Бернсайда по теории групп (сохранившую свое значение и поныне) и с солидным томом Журдана «Träte des substitutions»: определенно перспективный «студиоуз» на полную мощь задействовал запас знаний иностранных языков, полученный в гимназии. Более того, спустя два года Шмидт вознамерился использовать работу

Бернсайда вместе с целым рядом журнальных статей из иностранных источников (включая, например, доказательства Ремака, ученика известного математика Исаии Шура) для создания собственной книги по теории групп, небольшой по размерам, но классически отработанной. Уже в 1912 году Шмидт в «Трудах Киевского университета» опубликовал новое доказательство теоремы по теории групп, гораздо более изящное, чем у Ремака. Кроме того, он продолжил одно из исследований Журдана в работе «Об уравнениях, решаемых в радикалах, степень которых есть степень простого числа». Результат — золотая университетская медаль и решение печатать работу за счет университета. Очень неплохое начало для будущего научного светила первой величины!

Похоже, как в научных вопросах, так и в жизненных подходах у начинающего исследователя (а таким он уже, несомненно, был) складывался свой специфичный подход к явлениям и проблемам. Вопреки позиции большинства, привыкшего анализировать ситуацию на основе отдельных примеров, похоже, даже в раннем возрасте Отто Юльевич уже вырабатывал свои оценки на основе синтеза, исследуя, прежде всего, взаимосвязи известных компонентов явления, чтобы понять его в целом. Такой подход прослеживается у него вполне отчетливо и позднее, особенно в 30-х годах, когда он занимался проблемами, с первого взгляда далекими от теории групп или каких-то других разделов высшей математики. Такой вывод подтверждается его выводами и оценками, сделанными на вершине жизненных и научных достижений: «Нельзя быть культурным человеком без знания основных результатов всех наук. Культура едина. Синтетична (подчеркнуто мной. — *В. К.).* Нет отдельной культуры для инженера и медика. Все вместе науки формируют культуру, ее идеологию-мировоззрение» (по Яницкому, 1959, с. 19). Этот же источник отмечает: «несмотря на то что искусству и литературе Отто Юльевич мог уделять в течение всей своей жизни лишь немного времени — столько, сколько оставалось от занятий наукой и государственно-общественной деятельностью, — он и в этой области выделялся своей высокой культурой» (с. 49). Характерно, что в будущем Отто Юльевич многократно возвращался к прочитанным в юности книгам, предпочитая представителей русской классики, а из зарубежных — Гете, которого он читал на языке оригинала. Позднее его любимыми современными авторами оказались молодой Маяковский (особенно «Облако в штанах») и Есенин. В музыке он ценил оперу Глинки «Руслан и Людмила», творчество Мусоргского, а также романсы Грига.

К киевскому периоду его жизни относится дружба с семейством военного врача генерала Яницкого. Молодой отпрыск этого семейства, Николай (будущий видный экономгеограф советской поры, профессор и доктор наук) сохранил с Отто Юльевичем дружбу на всю жизнь, в своих воспоминаниях он опубликовал целый ряд ценных сведений о жизни будущего полярника. Молодой человек увлекся сестрой Николая — Верой. Ей в обозримом будущем предстояло стать спутницей жизни Отто. К этому же периоду относится и появление знаменитой бороды будущего полярника. В 1913 году выпускник университета по болезни надолго угодил в военный госпиталь, где долгое время не брился. Отросшая борода, по мнению посетителей, лишь украсила его лицо, оставшись на нем на всю жизнь. Не исключено, что именно тогда в его организме и поселилась та самая хворь, которая доставила ему немало хлопот в Арктике и в конечном счете раньше времени свела его в могилу.

Определенный рационализм отличал начинающего математика в подходе к собственному образованию в избранной области знаний. В литературе нередко цитируют рассказ начинающего студента Шмидта, отражающий не столько его юношеский максимализм (кто из молодых людей не грешил этим на пороге самостоятельной жизни!), сколько своеобразный рациональный подход, типичный для немца: «Я сел подсчитывать — ведь все же я был математиком. Оказалось, необходимо 1000 лет, чтобы все намеченное одолеть… Тысячу лет прожить нельзя, и все знать невозможно. С болью в душе я стал вычеркивать то, что хотя и интересно, и нужно, но без чего все же можно обойтись. Оставил себе только то, без чего не мыслил себе пути в науку. Вновь подсчитал… Осталось еще на 250 лет» (1959, с. 18). Однако нельзя, например, ограничивать себя во времени при изучении иностранных языков (коренного недостатка в подготовке, например, технических кадров в советское время). «Самый лучший способ изучать языки — это начинать прямо с чтения книг. Сначала ничего не понимаешь. Постепенно накапливается большое количество знакомых слов. Потом можно прибегнуть к словарю» (1959, с. 19–20).

В результате, по заключению Делоне, «…к окончанию университета О. Ю. Шмидт имел три интересные печатные работы по математике, был одним из немногих математиков мира, осиливших большой труд Журдана по теории подстановок, и уже в большей части написал свою превосходную книгу «Абстрактная теория групп». Ему было тогда 22 года» (1959, с. 180). Неудивительно, что с окончанием университета в 1913 году он был оставлен для подготовки к профессорскому званию с

выделением специальной стипендии. Молодой человек тут же принялся дописывать свою книгу по теории групп. Как начинающий ученый, он не подлежал призыву на вскоре начавшуюся Первую мировую войну, эвакуировавшись вместе с частью университета в Саратов.

В 1916 году его книга «Абстрактная теория групп» вышла в свет и была удостоена премии имени Рахманинова. Среди специалистов эта книга признается первой по общей теории групп, а способ доказательства свидетельствовал о научной зрелости автора. В частности, академик П. С. Александров следующим образом оценивает вклад Шмидта в этой области: «Теорема теории групп, известная под именем теоремы Шмидта, представляет собой одну из основных теорем современной алгебры. Это теорема такого ранга и значения, которые в каждой области математики насчитываются единицами. Математика состоит из многих различных областей; в каждой из них имеется несколько фундаментальных фактов, вокруг которых концентрируются дальнейшие исследования. Теорема О. Ю. Шмидта в теории групп принадлежит именно к фундаментальным, большим открытиям, которые навсегда останутся в науке» (1959, с. 173).

Однако для осознания даже ведущими специалистами крупного открытия требуется время. Автору же этого открытия предстояло сдавать магистерские экзамены, отношение к которым среди принимающей профессуры было разным. Граве, например, считал такие экзамены в достаточной мере формальными, предпочитая, чтобы его ученики больше занимались научным творчеством. Однако другие профессора в своих требованиях нередко отличались чрезмерным педантизмом. Так, по словам Делоне, профессор «…Пфейфер требовал знания назубок шести томов Форсайта, трех томов Пикара, тома Гурса и работ Имшенецкого. Плохо было то, что надо было знать это со всеми подробностями. Я помню, когда мы со Шмидтом пришли в Саратове к Пфейферу договариваться о днях экзаменов, он сказал: «Вы не думайте знать кое-как. Например, я могу вас спросить, что сказано в примечании к 373-й странице 111-го тома Пикара. А для того, чтобы вас строже экзаменовать, я сам перед экзаменом проштудирую еще раз те вопросы, которые намерен вам задать». Должен сказать, что в Саратове был тогда только один экземпляр курса Пикара и нам со Шмидтом удалось его перед экзаменом изъять из библиотеки. В этом памятном разговоре Пфейфер еще добавил: «Вообще, вы, молодежь, уже мните себя учеными, а между тем хорошо, если вы к сорока годам будете приват-доцентами, что же касается быть профессором, то

об этом можете только мечтать».

Шмидт держал все экзамены на два месяца раньше меня. На каком-то первом из них строгий экзаменатор хотел поставить ему «посредственно». Но Граве настоял на том, чтобы поставили «отлично». После этого вышло особое постановление совета университета о том, чтобы отметки ставил только экзаменатор. Представьте, как нам с Отто Юльевичем пришлось стараться, чтобы удачно сдать все экзамены.

Наконец, экзамены сданы. И как раз к этому времени началась реэвакуация, и мы вернулись в Киев… Вскоре Шмидт уехал в Петроград, и мы некоторое время с ним не виделись. Году в 1918 или 1919 он еще раз приехал в Киев, чтобы ликвидировать свою квартиру и вывезти в Москву какие-то свои книги; я ему помогал их укладывать. В это время Отто Юльевич был уже всецело погружен в государственную деятельность, он был тогда членом коллегии Наркомпрода и занят снабжением Москвы. В 1920 году Шмидт снова приехал в Киев, как уполномоченный по заключению хлебной конвенции с Украиной, и мы снова с ним виделись и много говорили» (1959, с. 181–182).

В этих воспоминаниях Делоне уже намечены основные события в жизни Шмидта. Прежде всего, переход от академической учебной работы к участию в административной деятельности, хотя и с применением полученных ранее знаний и опыта в чисто научной сфере. Делоне, таким образом, подтверждает своеобразную раздвоенность интересов Шмидта на чисто научную, умственную сферу, с одной стороны, и прикладную, практическую деятельность — с другой. Эта вторая его склонность позднее в Арктике вылилась в проведение целого ряда натурных экспериментов. Переход от чисто научной деятельности к практике общественной и хозяйственной жизни отражен у нескольких биографов Шмидта (Матвеева, 2006,Яницкий, 1959 и др.), причем Яницкий особо подчеркивает, что «Отто Юльевич не был кабинетным ученым: после окончания магистерских экзаменов он сразу же начал работать — в Киевском университете, где ведет занятия со студентами, и в Киевской продовольственной управе, где ему приходится иметь дело с массой населения (продовольственные вопросы в период 1916–1917 гг. были очень острыми). С этого момента до 1956 года через всю жизнь Отто Юльевича проходят органически связанные две линии работы — научная и практическая, линии, дополняющие друг друга» (1959, с. 22). Таким образом, информации Делоне и Яницкого об этом периоде жизни в биографии нашего героя совпадают.

На исходе 1916 года по прочтении двух пробных лекций Отто

Юльевичу было присвоено звание приват-доцента. Вопреки мнению профессора Пфейфера, он добился его не к сорока годам, а к двадцати пяти. Однако к чтению лекций он был, согласно действующему регламенту, допущен лишь позднее, по совокупности отзывов профессоров Д. А. Граве, А. П. Котельникова и того же Г. В. Пфейфера. Об этом ректор университета любезно сообщил новоиспеченному приват-доценту в письме от 23 февраля. Успешное начало подтверждалось и премией, полученной за чтение курса лекций «Общая теория групп» в весеннем семестре 1917 года. С мая того же года Граве поручил ему также проведение практических занятий со студентами по аналитической геометрии.

Одновременно, еще с 1915 года, Шмидт возглавлял Общество преподавателей высших учебных заведений Киева, возникшее в связи с эвакуацией этих учебных заведений из Киева и работой преподавательского состава в военных условиях. «Указанная организационная работа, — писал позднее Отто Юльевич, — давала некоторое отвлечение от абстрактных научных занятий, однако меня определенно тянуло к более практической административно-общественной деятельности. Начатки делового опыта я получил еще с детства, присматриваясь к коммерческой деятельности отца» (Архив АН, ф. 496, д. 36, л. 2). Кроме того, с конца 1916 года Шмидт участвовал в организации и управлении университетским кооперативом, а в начале 1917 года поступил на службу в продовольственную часть Киевской городской управы. Это направление своей практической деятельности он оценивает следующим образом:

«В качестве старшего помощника и заместителя заведующего отделом карточной системы я имел возможность приобрести разнообразный опыт, с одной стороны управляя учреждением в 150 служащих, с другой стороны, разрабатывая формы карточной системы на муку и хлеб, включая организацию контроля над мельницами, пекарнями и лавками и участие в разработке таксы на муку и ее продукты» (Там же, л. 6).

Одновременно он отмечал, что «карточная система как средство при помощи организованного вмешательства общественной организации в дело распределения ограниченных в количестве продуктов может нормально протекать только при наличии ряда условий: условии регулярного снабжения, возможности сосредотачивания распределяемых продуктов в руках какой-то одной организации, подготовленности к этим мероприятиям масс населения и др.» (Там же, д. 58, л. 13). Таким образом, молодому, по сути, специалисту с ученым званием приходилось применять свои профессиональные познания

нередко в обстановке не только неподдающегося контроля со стороны властей, но просто на фоне непрогнозируемого развития событий в государстве.

Именно к этому времени относится рассказ Делоне о деятельности Шмидта в условиях военного времени: «Уже в 1917 году Отто Юльевич стал все больше и больше втягиваться в общественную деятельность. Как-то мы с ним пошли гулять в Голосевский лес, и я его спросил:

— Почему вас так мало видно?

— А я занят организацией карточной системы в Киеве.

— Неужели вас это интересует? — спросил я.

— Да, видите ли, Борис Николаевич, во мне два человека — человек науки, ума и человек действия, воли, и эта деятельность удовлетворяет второго из них». (1959, с. 181).

Новое направление приобрела и деятельность Отто Юльевича в качестве председателя Совета младших преподавателей университета, направленная на реформирование порядков в учебном заведении. Это относилось, в частности, к составлению «Временного положения о Совете младших преподавателей Университета Св. Владимира», определявшего круг академической деятельности, средства для научной деятельности, проведение семинарских занятий, кружковой, экскурсионной и экспедиционной деятельности, а также ученых собраний разного уровня (местных, всероссийских и даже всемирных).

В дни февральской революции Шмидт взял на себя руководство киевским студенчеством через созданные им старостаты, в частности, потребовав в сложившейся обстановке переноса экзаменов на осень. Работа администрации университета все более нарушалась, начались студенческие волнения, а также ответная реакция консервативной части профессуры.

Для возвращения к нормальной университетской жизни было решено провести совместные встречи профессуры со студенчеством для обсуждения назревших проблем. Совет младших преподавателей во главе с Отто Юльевичем в создавшейся обстановке выступил со следующим заявлением: «Мы, младшие преподаватели, еще так недавно принадлежавшие к составу студенчества, в настоящие тревожные дни убедились на деле в доверии студенчества к нам. Младшие преподаватели полагают, что должны сейчас воспользоваться своим влиянием на студенчество, чтобы помочь ему сорганизоваться в формах, гарантирующих порядок в университете. Поэтому собрание решило обратиться к студентам с воззванием» (Матвеева, 2006, с. 35).

Ниже следует текст воззвания, приведенного по тому же источнику частично: «В сознании величия текущего момента государственной жизни и в связи с событиями, имевшими место в Университете Св. Владимира в последние дни, мы, младшие преподаватели университета, постановили обратиться к студенчеству с призывом: нам всем дорого счастье нашей Великой Родины; нам всем дорога наша высшая школа, которая в свободной России должна быть свободной… мы знаем, что в эти дни студенчество не может жить мыслями, отличными от мыслей народа… На глазах большинства из нас протекали 1905–1906 годы, годы беспримерно тяжелые для России и для русской высшей школы. Многие из нас тогда находились в студенческих организациях и с ними вместе пережили это время.

Бойтесь повторения крушения народных надежд! Бойтесь провокации! Помните, что большинство наших товарищей на фронте и что общая разруха подвергает их жизнь и судьбу Родины грозной и напрасной опасности! Больше спокойствия! Прекратите доступ в университет посторонним: университет нужен России как свободная школа… Помните ваш долг перед Родиной и вернитесь к своей работе, ибо она не может помешать вам оставаться гражданами. Несите в дар свободной Родине свои силы и знания». (Там же, с. 35–36).

В целом все содержание этого документа отражает стремление сохранить роль университета на службе Родине (России) перед лицом надвигающейся опасности. Необходимо отметить отсутствие в этом документе какого-либо желания превратить войну империалистическую в войну гражданскую (что резко расходилось с позицией большевиков, претендовавших на выражение воли рабочих) или стремления к украинской «незалежности», отражавшей позицию населения сельской местности.

В конце апреля 1917 года прошло объединенное заседание исполкома общественных организаций, президиумов Совета рабочих и военных депутатов и коалиционного совета студенчества. Хотя исполком вынес резолюцию о переносе срока экзаменов, а также необходимости морального, а не силового воздействия на студентов, коалиционный совет ее не поддержал. Участвовавший в этих мероприятиях Шмидт поставил вопрос об особом совещательном органе при Киевском учебном округе для выражения точки зрения младших преподавателей, но это предложение не прошло. Тем не менее семестр кое-как был доведен до конца. Потерпела неудачу попытка сместить ректора университета профессора Н. М. Цитовича (специалиста по полицейскому праву) с его поста — из-за поддержки большинства

университетской профессуры. Поскольку подобным образом развивалась ситуация и в других российских университетах, Временное правительство пошло на уступки, допустив приват-доцентов к решению университетских дел с правом совещательного голоса. Однако к тому времени у Шмидта возникли собственные планы на будущее. В середине сентября 1917 года он подал прошение об освобождении его от чтения лекций и ведения практических занятий, одновременно обратившись к Граве с просьбой дать рекомендации к петроградским математикам. «Шмидт временно исчез из моих взоров», — отметил это событие его учитель. Очевидно, чтобы найти применение знаниям, полученным в университете, с отдачей уже на государственном уровне.

Глава 2
Советский чиновник

…Грядущее темно,
Что сбудется — нам ведать
не дано.

У. Шекспир

Судьба, как ракета, летит
по параболе
Обычно — во мраке, а реже
— по радуге…

А. Вознесенский

Единственная достойная причина для того, чтобы описывать чиновную деятельность героя книги в деталях, — необходимость объяснить, каким образом в будущем у О. Ю. Шмидта возникло желание порвать с чиновной средой и вырваться на простор творческой и исследовательской деятельности. Ведь подобное дано не каждому! Нормальный советский чиновник такого ранга гордился бы любым из руководящих постов, которые Шмидт занимал в 20-х годах. А вот он пренебрег, сбежав однажды на просторы Памира, а потом и ледяные просторы высоких широт…

Важно, что его деятельность в качестве чиновника отличалась частой сменой направлений. В этом сказалась не только поиски самого себя в годы первых лет революции и Гражданской войны, но, несомненно, и отношения с властью, как правило, непростые, и не всегда подтвержденные документами.

Отметим, что его чиновная деятельность началась в Петрограде еще при Временном правительстве. Этот период в жизни Шмидта по известным историческим обстоятельствам продолжался около полугода, но для последующей биографии сыграл немалую роль, поскольку связан с поступлением на государственную службу.

Приезд в Петербург летом 1917 года для участия в работе Всероссийского съезда по делам высшей школы, по-видимому, связан со стремлением принять активное участие в надвигавшихся событиях и, прежде всего, получать информацию из самой гущи происходящего. Позднее в письме к Граве Шмидт

написал: «В Питере моя жизнь вначале была отдыхом от киевской суеты последнего времени. Я никого не видел, много гулял по окрестностям, занимался философией и т. д. Осенью вновь пробудилась энергия, я стал увлекаться службой в министерстве» (Матвеева, 2006, с. 43). Хотя письмо написано в первых числах следующего, 1918 года, что интересно, никакой реакции на события июля или октября переломного для судеб страны 1917 года в нем не найти.

Однако известно, что 14 июля герой книги (видимо, с учетом предшествующей деятельности по тому же направлению в Киеве) получил должность старшего делопроизводителя по вольному найму отдела снабжения тканями, кожей и обувью Управления по снабжению предметами первой необходимости Министерства продовольствия. Тем самым бывший перспективный университетский приват-доцент оказался в цитадели российской бюрократии на переломном моменте истории страны, когда бывшим хозяевам жизни история предъявила весьма серьезные претензии. Их «погашение» на практике обычно связано с многочисленными эксцессами, нередко болезненными. Хотя герой настоящей книги и полагал, что «никакой прогресс невозможен отдельно в науке и в просвещении без прогресса политического» (из личного архива Шмидта), но рядовые участники Октябрьского переворота, даже разделяя подобные убеждения, тем не менее в чехарде событий могли и… погорячиться, чему достаточно примеров.

Когда Аничковым дворцом, где размещалось бывшее Министерство продовольствия Временного правительства, овладели победители во главе с народным комиссаром по продовольствию А. Д. Цюрупой, они не встретили готовности к сотрудничеству со стороны большинства сотрудников этого министерства — картина обычная для тех дней. В попытке остановить развитие саботажа со стороны старорежимных чиновников Шмидт составил «Обращение группы объединенных социалистов Министерства продовольствия с изложением проекта политической платформы». Суть «Обращения» — готовность сотрудничать со всеми, кто согласен с государственным регулированием экономики и продовольственного обеспечения населения вне зависимости от политических взглядов граждан. Из нашего времени подобные пожелания выглядят откровенной наивностью, но в те годы подобные настроения разделялись многими российскими интеллигентами.

Через месяц после взятия Зимнего в «Правде» было опубликовано следующее заявление: «Мы, второе частное совещание, стоя на почве принятой… резолюции о

необходимости немедленного возобновления занятий, постановляем немедленно практически приступить к работе и, войдя в контакт с Продовольственной комиссией СНК, с завтрашнего дня наладить и организовать текущую работу наличными силами». Прав был Наполеон, утверждавший, что путь к сердцу солдата (как и защитника революции) лежит через желудок. Несомненно, коммунисты 1917 года разделяли эту точку зрения, даже будучи не в силах накормить своих новых подданных.

Оба документа, составленных при участии Шмидта, вызвали взрыв негодования среди старорежимного чиновничества, не желавшего иметь дело с большевиками. Шмидт свою позицию объяснил так: «Я был против забастовки — и по своей политической позиции, близкой к интернационалистам «Новой жизни», и потому, что считал политическую забастовку продовольственного ведомства вообще недопустимой, но оставаться на работе в уничтоженном ведомстве все же не хотел» (Матвеева, 2006, с. 46).

Что касается отношения самого Шмидта к большевистскому перевороту, то он выразил его следующим образом: «Я чувствовал сумбур у себя в голове, не мог охватить всей совокупности явлений… Я встретил Октябрьскую революцию с радостью…», однако «…до Октябрьской революции я еще не дозрел… у меня не было опыта работы с массами, я плохо понимал силу масс». Признания, надо прямо сказать, нетипичные для пламенного революционера и верного ленинца, каковым он, очевидно, и не был. Скорее, он относился к тем членам РСДРП, у которых, по Бердяеву, «…отношение к представителям интеллигенции, писателям и ученым, не примкнувшим к коммунистам, было иным, чем у чекистов: у них было чувство стыдливости и неловкости в отношении к теснимой интеллигенции в России».

В Наркомате продовольствия Совета Народных Комиссаров Отто Юльевич становится начальником Управления по продуктообмену, занимаясь практически тем же самым, что и при Временном правительстве. Теперь в его положении было не до проблем высшей математики, требовалось овладеть «боевым оружием алгебры революции» (из личного архива Шмидта). В отличие от героя светловской «Гренады», вместо того, чтобы постигать «грамматику боя, язык батарей», этот интеллигентный «попутчик», похоже, оказался еще и неисправимым романтиком. Но это не помешало ему собирать статистические сведения и обобщать их по отдельным регионам для принятия соответствующих решений не слишком опытными представителями новой власти как в центре, так и на местах.

Вместе с СНК в марте 1918 года он переезжает из Петрограда в Москву, где окончательно связывает свою судьбу с советской властью — судя по документу, впервые опубликованному И. Дуэлем: «В момент Октября у меня не было предвидения силы победившего пролетариата, но было достаточно образования в этой области, чтобы понять историческую закономерность явлений. В таком положении, в каком очутился я, было еще несколько товарищей… которые образовали группу социал-демократов-интернационалистов… В марте 1918 года на очередном съезде этой небольшой партии произошел раскол и образовалась группа левых интернационалистов, в которую вошел и я. Затем создалась организация, которая называла себя «ЦК», но, кроме членов ЦК, в этой партии не особенно много было людей. Эта левая группа приняла программу РКП и никакой другой программы РКП не противопоставляла, оставляя, правда, за собой право расходиться по тактическим вопросам, но расхождений у нас никаких не было. Настоящий ЦК смотрел на нас так: ребята там дурят, но ребята хорошие… Стало ясно, что такая группа ни к чему… Поэтому был поставлен вопрос о слиянии с РКП… Мы были приняты в коммунистическую партию, и ввиду того, что выполняли все поручения ЦК и никакой другой программы не пытались ему противопоставлять, то нам зачли весь стаж пребывания в партии левых интернационалистов» (1977, с. 50–51). С любой точки зрения членство в партии помимо первичной партийной ячейки ставило Шмидта в глазах многих коммунистов в положение «попутчика». Не случайно соратник Отто Юльевича по Главсевморпути М. И. Шевелев отметил, что позднее, в условиях 30-х годов «Шмидт… не очень хорошо себя чувствовал. Он ведь до революции был в группе социал-демократов — интернационалистов — это была крупная группа интеллигенции, примыкавшая к Горькому» (1999, с. 92). Нет оснований обвинять Шмидта в стремлении приобщиться к победителям из карьерных соображений, поскольку сами победители в то время таковыми себя не чувствовали — вплоть до поражения Колчака и Деникина.

С переездом в Москву Шмидт начал проработку постановления Совнаркома об эквивалентном товарообмене. Он наглядно продемонстрировал в своих работах специфику ситуации, сложившейся в разгар Гражданской войны: «Крестьяне, не получая мануфактуры, плугов, гвоздей и прочих предметов первой для них необходимости, разочаровываются в покупательной силе денег и перестают продавать свои запасы, предпочитая хранить вместо денег хлеб… Товарообмен уже и теперь повсеместно происходит в связи с мешочничеством.

Прекратить этот стихийный процесс можно лишь одним способом, организуя его в масштабе государственном и тем превращая из средства дезорганизации продовольственного дела в могучее орудие его успеха» (Матвеева, 2006, с. 50). Однако на практике ведущая роль в товарообмене тех лет принадлежала командирам продотрядов, не изучавшим разработок Шмидта и руководствовавшимся революционной целесообразностью, усугубляя взаимную ненависть между городом и деревней.

На практике это означало, что не слишком компетентные представители советской власти на местах кое-как распределяли предназначенные для товарообмена ценности среди горожан, а крестьянам предпочитали продавать за деньги, обесценивавшиеся с каждым днем. На фоне отсутствия самого необходимого прибывшие по железной дороге вагоны с товарами не разгружались месяцами, а затем грузы нередко оказывались в кооперативных или частных распределительных пунктах. Реагируя на сложившуюся обстановку, ВЦИК и СНК приняли целый ряд постановлений (9 мая 1918 года декрет о введении продовольственной диктатуры, а 27 мая — о специальных органах снабжения). 11 июня 1918 года последовал декрет о создании в деревне комитетов бедноты 6 августа 1918 года — «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций» с введением продразверстки и использованием вооруженных продотрядов: мероприятие, которое сельское население восприняло как попытку ограбления со стороны большевиков.

Шмидт, как член коллегии Наркомата продовольствия (которым он стал 3 сентября 1918 года), считал, что неизбежное принуждение крестьянства к изъятию хлеба «…должно носить характер государственной повинности, передающей в распоряжение государства излишки сельскохозяйственных продуктов… Хлебная монополия есть первый подход к осуществлению социалистического принципа на земле. На хлебную монополию нужно смотреть не только как на теоретическое, но и как на практическое требование момента» (Архив Академии наук СССР, ф. 496, оп. 2, д. 87, л. 1). Однако практика продотрядов оставалась иной, а сами участники этих операций воспринимали идеи, вроде приведенных, в лучшем случае как «интеллигентские благоглупости», мешающие им в повседневной работе во имя победы мировой революции. Шмидт уже в ту пору умел вскрывать противоречия в теории и практике, что далеко не всегда устраивало народ и власть. Он писал: «На этой почве создавались недовольства, внешне выражавшиеся в ряде местных восстаний… Курс в пользу крестьянства, а результаты не в его пользу… Политика советской власти

потерпела фиаско, так как несомненное противоречие налицо». (Там же, л. 2–7). Надо было делать выводы, как советской власти, так и крестьянству, а заодно и герою настоящей книги.

Еще одна попытка решить продовольственную проблему была предпринята партией через кооперацию и вновь директивными методами. Кооперацию декретом СНК от 20 марта 1919 года подчинили Наркомату продовольствия. По Шмидту, «…целью декрета 20 марта было осуществление тех организационных форм, в которых созданный кооперативным движением капиталистической эпохи аппарат мог бы продолжать нести полезные функции и принять на себя определенную часть хозяйственных заданий государства, в том числе все дело распределения продуктов… Мы не смотрим на кооперацию как на то яйцо, из которого именно и получится социализм, но видим в ней высокоценную форму, которая еще долго будет полезна… Надо смотреть правде прямо в глаза и точно сознавать, что то, что есть, всегда встречает недоверие со стороны всех, кто привык к другому порядку… Со стороны кооператоров мы слышим общее недовольство, вполне понятное, ибо то дело, которое они строили много лет, как-никак меняет свой облик в результате всей русской истории, войны и обеих революций… Всеобщее кооперирование, ставшее фактом, теперь становится общим организационным принципом и становится законом» (Экономическая жизнь, № 61, 20 марта 1920 года).

Еще раньше, в январе 1920 года, Ленин провел совещание по вопросу о кооперации при участии как партийной верхушки (Дзержинский, Бухарин, Каменев и т. д.), так и деятелей, непосредственно отвечавших за положение с продовольствием (Цюрупа, Брюханов и др.).

В своем докладе «О роли кооперации» Шмидт предлагал рассматривать ее как часть советского строительства, «приспособленную к вовлечению широких масс населения в дело осуществления хозяйственных задач как в деле распределения (в первую очередь), так и в деле заготовок… с дальнейшим овладением кооперацией путем увеличения партийного влияния во всех кооперативных организациях, с одной стороны, и путем слияния с потребительской кооперацией (кредитной, сельскохозяйственной и т. д.) — с другой» (Архив АН СССР, ф. 496, оп. 2, д. 89–95, л. 2–5). Отказаться от возможностей кооперации при существующем отчаянном положении, как предлагали иные партийцы, он считал «диким легкомыслием». Однако потребовалось слияние кредитной кооперации с потребительской в одном государственном учреждении — Центросоюзе, поскольку, по Шмидту, одна только «…кооперация

не справилась с возложенной на нее задачей, но это было самое лучшее, что могло сделать государство; не было такого аппарата, которому можно было бы поручить дело распределения, тем более в момент острого кризиса» (ф. 496, оп. 1, д. 277, л. 8.). Увы, факт остается фактом — идея российской кооперации в ее первоначальном виде потерпела под натиском различных сил и влияний поражение, а вместе с ними и Шмидт — в своих попытках увязать советскую действительность эпохи Гражданской войны с реальными запросами голодающего населения, как партийного, так и не состоящего в партии. В результате активность одного из ведущих теоретиков той поры в области продовольственного обеспечения страны, изнемогавшей в муках братоубийственной Гражданской войны, во многом оказалась обесцененной. Ожидать иного на фоне смены фронтов и зон влияния красных и белых, при «самообеспечении» войск обеих сторон (в зависимости от обстановки то в виде реквизиций, а то и элементарного грабежа), при отсутствии необходимой статистики и т. д. едва ли оправдано. Возможно, этим и объясняется переход Шмидта в Наркомат финансов Совнаркома.

Он стал членом коллегии этого Наркомата 20 апреля 1920 года, возглавляя одновременно с августа того же года налоговое управление. Гражданская война шла к завершению. Советы, потерпев военную неудачу под Варшавой, задумывались перед открывающейся мирной перспективой, хотя Врангель еще пытался изменить ситуацию в свою пользу на нижнем Днепре и в Таврии. Это были уже последние конвульсии Белого движения. Гражданская война для обессилевшей страны завершилась своеобразным военно-политическим клинчем при формальной победе красных, в лагере которых оказался и герой настоящей книги. На развалинах былой России ему предстояло найти себе достойное дело под стать собственным возможностям и амбициям, устроиться в новом обществе, целью которого была мировая революция под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А пока окружающая реальность выглядела жутко:

…За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды…

Автор этих строк Николай Тихонов рисует картины деградации одной из богатейших стран мира как следствие только что завершившейся Гражданской войны:

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке.

В 1921 году, принесшем несчастной стране очередные испытания (восстания в Кронштадте и на Тамбовщине, голод в Поволжье, обошедшийся в миллионы жизней), Шмидт возглавляет созданный еще в 1919 году в системе Наркомфина Институт экономических исследований. Он, таким образом, работает строго по своей специальности — в качестве исследователя сложившейся в стране тяжелейшей экономической и финансовой ситуации. Стоявшая перед советской властью (и Шмидтом) дилемма требовала, с одной стороны, «невинность соблюсти» по части намеченных «конечных целей», то есть мировой революции, а с другой — «и капитал приобрести», предоставив населению возможность восстановиться в условиях НЭПа хотя бы на физиологическом уровне. Народу грозило вымирание… По Шмидту, тогда требовалось стремление к «выгодности для государства во взаимоотношении с частным хозяйством, откуда берет начало принцип платности и стремление к коммерчески безубыточной постановке государственных предприятий» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 175, л. 1–7).

В обстановке, когда нарушены все производственные связи, отсутствует сырье, разогнан и уничтожен квалифицированный персонал, Шмидт считал, что «…нужно создавать прежде всего рынок, спрос и интерес к своим изделиям, так всегда делали предприятия частной инициативы, которые торговали первое время в убыток, чтобы создать себе имя и приобрести покупателей… Уравновесить бюджет страны можно только путем сокращения расходов на управление и оборону, разбухших канцелярий, которое компенсируется улучшением положения служащих, лишних аппаратов» (д. 98, л. 8–9). Как к подобной перспективе могла отнестись еще юная командно-административная система, ценящая собственное благополучие выше блага трудового народа и той же мировой революции? Ответа на этот вопрос ждать не приходилось, и Отто Юльевич

сформулировал еще один «простенький» вывод: «Размер самой платы должен гарантировать безубыточность хозяйственной деятельности государства и давать излишек, доход на покрытие необходимых нехозяйственных расходов (управление, оборона) …» (д. 175, л. 8). Что касается распределения доходов, то Шмидт предполагал большую самостоятельность на местах, полагая, что такая децентрализация будет способствовать восстановлению экономики в регионах. Более того, по его мнению, «…давая свободу частному капиталу, государство не должно стеснять свободы передвижения денег… Поскольку государство заинтересовано в развитии некоторых сторон частного хозяйства, оно должно, в особенности в первое время, помочь ему кредитом» (Там же).

Как специалист, Шмидт понимал, что одной из узловых проблем сложившейся обстановки в хозяйственной жизни страны является денежная эмиссия и связанные с ней явления. Выступая 23 ноября 1922 года в Коммунистической академии перед аудиторией, пришедшей в застиранных гимнастерках и заношенных кожанках, и несмотря на усталость и раны фронтовых лет, мысленно ориентированной со всем пылом пассионарности на мировую революцию, Шмидт начал с небольшого исторического экскурса:

«Законы денежной эмиссии теоретически очень мало изучены, экономическая наука прошлого периода ограничивалась описанием вреда, проистекающей от эмиссии, да легкими советами, как после прекращения эмиссии восстановить «нормальную» денежную систему.

Эти исследователи смотрели на эмиссию как на преходящую тяжелую болезнь народного хозяйства, но патологией этого явления не интересовались.

Между тем большим государствам не раз приходилось много лет жить в условиях эмиссии. Самым знаменитым примером — до нашей эпохи — была французская революция, в течение которой бумажные деньги оказались обесцененными в 300 раз. Советская Россия показала пример гораздо более изумительный: эмиссия привела к падению рубля в 10 000 000 раз, не вызвав тем не менее государственного банкротства…

Несомненно, что мы не должны в период эмиссии приостанавливать теоретические работы до восстановления рубля. Период эмиссии длится долго, за это время проводятся крупнейшие реформы, происходят колоссальные сдвиги в народном хозяйстве. Нельзя не поставить себе задачи изучения законов эмиссии как для лучшей ориентировки в современности, так и для большей стабилизации денежной единицы… Мы делаем

попытку применить к эмиссии те приемы и методы, которые усвоены математической физикой. Исходя из убеждения, что такие массовые явления, как, например, цены во время эмиссии, несмотря на колебания отдельных сделок, подчиняются в общем и среднем доступным точному изучению, мы ставим себе задачей обнаружить в форме точных математических законов зависимость эмиссии от тех или иных факторов, в первую очередь зависимость эмиссии от времени, характер того неизменного непрерывного роста эмиссии, который мы наблюдали».

Актуальность этой работы, опубликованной первоначально в «Вестнике Коммунистической академии», в книге 3 за 1923 год, подтверждается перепечаткой в сокращенном варианте в сборнике «Экономика и математические методы» в 1989 году (т. 25, вып. 1, с. 47–48), в эпоху перестройки и грядущего возвращения страны в капитализм.

Не случайно реакция властей предержащих на выводы, оценки и рекомендации Шмидта, мягко говоря, оказалась неоднозначной. Так, Е. А. Преображенский назвал доклад Шмидта «сплошными пародоксами», считая его предложения более грубыми, чем его же экономический анализ. Другой его критик, В. А. Базаров, отметил, что работа Шмидта «не может дать никаких практически ценных указаний эмиссионной деятельности Наркомфина, чем, однако, ничуть не подрывается ее теоретический интерес» (Прения до докладу Шмидта. Вестн. Ком. академии, 1923, т. 3, с. 262). Правда, известный экономист и математик Е. Е. Слуцкий поддержал Шмидта, как и А. Н. Крицман, посчитавший, что докладчик «…сделал полезное дело, за которое мы должны быть ему благодарны». Тем, по сути, дело и ограничилось, а со временем, по мнению А.В. Матвеевой (2006), работа Шмидта оказалась забытой.

Теоретизирования Шмидта в области как продовольственных дел, так и финансов, при всей его готовности использовать математический аппарат, не привели к какому-либо прорыву на указанных направлениях. Определенно Шмидт на этом этапе своей деятельности не встретил понимания у правящей советской элиты, одновременно обнаружив определенную склонность к конфликтности. В верхах партийного и государственного руководства той поры ценилось пролетарское происхождение и набирало силу сталинское окружение, не склонное к излишнему теоретизированию. К сожалению, в опубликованных работах герой книги не делится своим отношением к представителям власти и не дает оценок происходящих событий.

Так или иначе, его обращение к прикладной науке не случайно. В первую очередь это относится к работе Шмидта в

Главном комитете профессионально-технического образования (Главпрофобр), целью которого была подготовка необходимой квалифицированной рабочей силы, в значительной мере потерянной на фронтах Первой мировой и Гражданской войн. В состав этого комитета входили такие видные специалисты, как О. Г. Аникст, Ф. В. Ленгник, В. Г. Козелев, А. И. Скворцова. Срочно требовалось провести реформу школы, состояние которой нашло отражение в художественной литературе («Республика Шкид» Белых и Пантелеева, «Педагогическая поэма» Макаренко, «Два капитана» Каверина и т. д.). Читателю понятно, какие огромные усилия требовалось приложить, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Выработка конкретных мер ложилась именно на Главпрофобр и, в частности, на заместителя главы комитета в лице Шмидта, который распоряжением Ленина одновременно становился и членом коллегии Наркомпроса, приобретя тем самым весьма широкими полномочиями. Свои взгляды на предстоящую деятельность Шмидт изложил следующим образом: «Необходимо покрыть всю Россию сетью таких техникумов в соответствии с экономическими условиями каждого района. В 1920 году должно быть положено начало этому делу в виде учреждения техникумов по основным специальностям в крупнейших центрах провинции и в Петрограде, с одновременным пересмотром существующих (в частности, в Москве) и закрытием нежизнеспособных… Ряд практических (нужды хозяйства в ближайшие десятилетия) и теоретических соображений заставляют Главпрофобр не довольствоваться политехническим образованием юношества, а стремиться к созданию различных форм школ с профессиональным уклоном и серьезным изучением определенной специальности» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 103, л. 3–4).

На этот раз ему оппонировали более суровые критики в лице А.В. Луначарского, Н. К. Крупской и некоторых других партийных и государственных деятелей, выступавших за более широкое политехническое образование и поддержанных Лениным. К нему, как к верховному судье, нередко апеллировали противники Шмидта в лучших традициях командно-административной системы. Точку зрения Шмидта разделял лишь Г. Ф. Гринько, нарком просвещения Украины, остававшийся его верным союзником. Постепенно из хаоса самых необходимых исходных понятий и позиций в процессе дискуссий по вопросу о подготовке трудовых кадров определились два направления: 1) профессиональное во главе со Шмидтом и Гринько и 2) политехническое с трудовым, возглавляемое Луначарским, Крупской и З. Лилиной.

Отстаивая свою точку зрения, Отто Юльевич говорил, что при подходе к делу его оппонентов «…вузов хватит только для небольшой части населения, а остальным приходится вступать прямо из средней школы в жизнь. Поэтому, провозглашая этот принцип, мы обеспечиваем лишь интересы меньшинства (практически детей интеллигенции) и остаемся равнодушными к судьбе огромного большинства учащихся… Трудовой принцип осуществлен, только дети ничего не делают» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 106, л. 3, 8). Читатель, очевидно, отметит актуальность этих строк девяносто лет спустя…

В полной мере столкновение мнений произошло на партийном совещании в первых числах 1921 года, где Шмидт выступил с двумя докладами «О задачах профессионального образования» и «О высшей школе» с собственной концепцией, целью которой было: «1) выработать вполне развитых людей, владеющих научными методами и способных к социалистическому строительству, 2) подготовить молодежь к практической работе в этом строительстве» (там же), что приходило в противоречие с программой РКП(б), утверждавшей, что «общее образование должно доходить до 17 лет, потому что это минимальный возраст, при котором мы можем сделать человека гражданином и коммунистом». Столкновение, таким образом, было неизбежным, и для начала ему предшествовала резкая реакция Ленина на результаты совещания: «Гринько, видимо, пересобачил до глупости, отрицая политехническое образование (может быть, частью и О. Ю. Шмидт). Исправить это… Временную меру, вызванную нищетой и разорением страны, Шмидт пытался возвести в принцип. Выступая в печати против политехнического образования, он ратовал за монотехническое…» (т. 42, с. 230). Резкий «обмен любезностями» продолжался и далее, причем высказалась в «Правде» (за 23 февраля 1921 года) и Крупская, критиковавшая Шмидта с его мнением, что «трудовая политехническая школа весьма пригодна для украшения программы коммунистической партии, но в жизнь ее провести нельзя и надо поставить на ней крест». Крест, однако, был поставлен на работе Отто Юльевича в Главпрофобре после того, как Крупская в «Правде» от 8 марта задалась вопросом и сама же на него ответила: «Имел ли право Шмидт выступать на совещании учителей г. Москвы против трудовой и политехнической школы? Он не имел права».

Похожая ситуация повторилась и по результатам деятельности Шмидта на поприще вузовского образования, которое находилось в не менее плачевном состоянии, чем школьное. В одном из писем того времени В. И. Вернадский так

оценивал его положение: «Идет окончательный разгром высших школ: подбор неподготовленных студентов рабфаков, которые сверх того главное время проводят в коммунистических клубах. У них нет общего образования, и клубная пропаганда кажется им истиной. Уровень требований понижен до чрезвычайности — университет превращается в прикладную школу. Политехнические институты превращаются фактически в техникумы. Понижение образования чрезвычайное и объясняется «демократизмом». (Н. М., 1989, № 12, с. 208).

Планы Главпрофобра предусматривали также реформу высшей школы применительно к нуждам народного хозяйства в специалистах высшей квалификации на основе реформы высшего образования, которую проводил ГУС — Государственный ученый совет, учрежденный еще в феврале 1919 года. Шмидт также вошел в состав этой организации, причем возглавив научно-техническую секцию.

По мнению Шмидта, целью «…завоевания высшей школы политически» было обеспечение революционной направленности в ее работе, политического воспитания всех студентов, а также подготовки специалистов из среды пролетариата.

Этим критериям, разумеется, не отвечала старая университетская школа с ее претензией, по Шмидту, «давать «строгое научное» образование при полном игнорировании того, что 99 % выходили из школы не в научную работу, а в ту или иную практическую. Благодаря полному отрыву от жизни при этом и сама наука превратилась в мертвую схоластику. Этот порок не только губил прежние университеты (особенно математический и филологический факультеты), но и царил в других высших учебных заведениях, вплоть до технических… Искореняя этот порок, нельзя, однако, просто превратить высшую школу в чисто практическую, ибо задача подготовки ученых в различных отраслях науки и преподавателей из тех же высших школ есть не менее важная задача, без решения которой и практика немедленно измельчает и остановит свой прогресс. Правильный выход заключается в принципиальном разделении обеих задач: подготовка массового работника — специалиста и подготовки научного работника-исследователя… Необходимо развивать и те и другие, причем создавать вузы с большой осторожностью лишь там, где имеются научные работники и научные лаборатории, а техникумы создавать возможно энергичнее, где только есть достаточные кадры преподавателей-практиков и практическое оборудование» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 108, л.1).

Похоже, что ветры и пафос революции настолько захватили

Отто Юльевича в период написания этого документа, что в стремлении порвать с прошлым и оказаться в светлом будущем он, мягко говоря, «перегнул палку» или, используя выражение Ильича, «пересобачил». Ведь по гимназическим учебникам Киселева и многих других училось не одно поколение советских школьников, а дореволюционные издания «Просвещения» широко использовались в учебниках по географии и биологии советского времени, не говоря уже о заимствованиях из гимназического географического атласа Э. Ю. Петри. Одним словом, Отто Юльевич, высказываясь о высшем образовании на раннем советском этапе его становления, погорячился… но в меру, — с кем не бывает.

Пока же для школьников и студентов, которым предстояло строить новую жизнь, надо было срочно решать проблему новых учебников, что вызывало у самого Шмидта массу вопросов: «Ждать ли, пока они будут написаны? Предоставить школе и вузам питаться остатками старых или дать учебники, хоть частично политически исправленные и обновленные?.. Мы знали, что нас будут за это ругать, и нас действительно ругали. Тем не менее я убежден, что мы были правы — благодаря этому выпуску в 1922–1923 гг. школьная жизнь воскресла, вновь начались правильные занятия. А теперь, конечно, нужен дальнейший шаг — от компромиссных учебников перейти к действительно новым, вполне отвечающим задачам школы» (Петров, 1959, с. 145–146).

Отметим также педагогическую деятельность Отто Юльевича, которую после переезда в Москву он начал с чтения лекций по математике в Московском лесотехническом институте. Продолжилась она с 1923 года во 2-м Московском государственном университете (позднее Педагогический институт имени В. И. Ленина), а с 1928 года — в МГУ. Не ограничиваясь лекционным курсом, он активно участвовал в разработке планов, программ, руководстве научными семинарами и т. д. Много сделал для поддержки ученых по линии ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых), что в холодные и голодные годы имело первостепенное значение. Если же учесть, что к ученым в ту пору относились как к неким «пережиткам старого режима», деятельность Шмидта способствовала повышению их общественного статуса, особенно после награждения их Ленинскими премиями, в учреждении которых Отто Юльевичу принадлежит немалая роль. Не случайно среди первых лауреатов Ленинских премий оказались такие корифеи нашей науки как академики В. А. Обручев, Н. И. Вавилов, Д. Н. Прянишников, А. Е. Чичибабин.

На фоне организационной деятельности приобщение к

последним достижениям мировой науки для Шмидта явилось глотком свежего воздуха. По свидетельству профессора А. Г. Куроша, «…весной 1927 года Отто Юльевич был в двухмесячной научной командировке в Геттингене, где в то время активно работала школа Эмми Нетер по общей или «современной» алгебре. Отто Юльевич быстро вошел в круг идей этой школы и, возвращаясь к тематике своих первых студенческих работ, исключительно изящным и филигранным методом доказал для одного достаточно широкого класса не обязательно конечных и не обязательно коммутативных групп теорему, частными случаями которой оказались и теорема Круля, и теорема Ремака. Эта теорема вошла затем в золотой фонд теории групп. Можно сказать, что с нее и относящихся примерно к тому же времени, но посвященных другим вопросам результатов Прюфера и Шрейера вообще начинается общая теория бесконечных групп» (1959, с. 55–56).

Особое место в работе Шмидта тех лет занимает его деятельность в Госиздате, где он «…старался содействовать и выходу научных сочинений и произведений современной литературы» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 425, л. 11). Назначение Шмидта на руководство после убийства Воровского белогвардейцами в конце 1921 года тут же вызвало протест Наркомфина, адресованный Ленину: «…новые задачи финансовой политики Республики сейчас в общем итоге важнее Госиздата… разрушение этой работы в самый острый момент объективно нежелательно» (Там же, л. 12). Ленин решил по-своему: возглавляя Госиздат, Шмидт оставался членом коллегии Наркомфина.

Начало работы Шмидта в Госиздате совпало с введением НЭПа, что позволило для издания учебной литературы, например, привлекать частные издательства. Тем более, что, как отмечал видный книгоиздатель тех лет И. Д. Сытин, доживший до советского времени, «…масштаб работы частных издательств крайне незначителен и в сравнении с Госиздатом просто ничтожен. Давая частным издательствам задания на издание книг на контрагентных началах, Госиздат тем самым дает им возможность стать на ноги. Этим одновременно достигается использование богатого опыта старых издателей» (Там же).

Что касается самого Шмидта, то, по его мнению, «…пусть каждый делает полезное дело. Госиздат должен показать, что он печатает книги легко, хорошо и дешево, тогда он будет, конечно, вне конкуренции» (Там же, д. 409, л. 9). «В России осуществляется очень любопытный опыт. Мы создаем самое большое в мире издательство, но ставим ему не коммерческие цели, а культурно

политические» (Там же, д. 414, л. 6). Работа в Госиздате оказалась сложной не только в силу поставленных перед ним задач, но из-за изношенности технической базы, печатных машин, шрифтов, типографского оборудования, отсутствия бумаги и т. д. Тем не менее, одновременно с изданием классиков марксизма-ленинизма и многочисленных учебников, а также до сорока журналов, вышли в свет многие книги по истории и культуре. За 1920–1924 годы Госиздат увеличил свои тиражи в десять раз, сосредоточившись, естественно, на советской тематике. «Книга, — утверждал Шмидт, — хороший плуг, медленно, но верно поднимающий пласт за пластом. Трудно учесть громадность того культурного переворота, который произошел и продолжается на наших глазах. Сотни тысяч таких книг, как «Азбука коммунизма», «Русская история» М. Н. Покровского, сотни тысяч «Коммунистического манифеста» — эти цифры, невозможные в буржуазной Европе, дают нам представление о том, как ширится образование народа и в чем его главные запросы. А можно ли достаточно учесть значение того теоретического углубления революционной практики, которое приобрели передовые слои чтением десятков тысяч экземпляров «Капитала», а в особенности 100 000 тиражом сочинений В. И. Ленина?

Размах и характер переживаемого нами глубочайшего культурного переворота особенно проявляются в научной книге. Строить социализм мы будем на научной основе, на основе марксистской теории и марксистской переработки всего великого, накопленного наукой» (Госиздат за 5 лет, 1922).

На новом поприще у Шмидта порой возникали непростые ситуации, как, например, с изданием книги А. Л. Чижевского «Физические факторы исторического процесса», находившейся, как показывает ее заголовок, на стыке естественных и общественных наук. Возникающие при этом коллизии характерны как для прошлого, так и для современности. Как правило, подобные ситуации отличаются крайностями как сторонников, так и противников различных взглядов. В ту пору идеи Чижевского поддержали физик академик П. П. Лазарев, нарком просвещения А.В. Луначарский, физиолог и врач академик В. Я. Данилевский и его коллега В. М. Бехтерев и даже престарелый бывший народоволец Н.А. Морозов. Это вовсе не означало, что взгляды Чижевского получили всеобщее признание. Например, его противниками до конца оставались не менее авторитетные в науке биолог академик М. М. Завадовский и его брат и коллега Б. М. Завадовский.

Со слов П. П. Лазарева известно, что Шмидт в описанном

случае возражал против объяснения активности народных масс следствием изменений солнечного излучения, что, по его мнению, принижало роль рабочего класса. За это Лазарев назвал Шмидта «пламенным ортодоксом»… В итоге, при встрече с Чижевским Шмидт известил его: «Госиздат, к сожалению, сейчас не может взяться за публикацию вашего дискуссионного труда по уважительным причинам… Не сердитесь, прошу вас, на меня. Я огорчен, что не могу быть вам полезным как заведующий Госиздатом». Главной среди «уважительных причин» была грядущая отставка Шмидта по требованию Сталина из-за издания работ Троцкого. А кто в середине 20-х годов мог определить, за кем будущее — за Троцким или за Сталиным? Очевидно, уже в ту пору мнение преемника Ленина на посту пролетарского вождя перевешивало точку зрения всех оппонентов из числа перечисленных выше. Видимо, это первый контакт (пока не непосредственный) будущего академика и всенародного героя с Великим Диктатором. Но не последний, как показало будущее. Известно, что товарищ Сталин не забывал чужих прегрешений…

Книга Чижевского была опубликована в 1924 году в Калуге в частном издательстве. В том же году Шмидт оставил руководство Госиздатом после резких расхождений в оценке деятельности этой организации в правительстве, предварительно заявив: «У нас, в сущности, продолжается военный коммунизм. Мы, не имея достаточного капитала, все время занимаемся тем, что составляем и пересоставляем планы, точно Компрод в 1918 году. В этом смысле — это прошлое, но в то же время это и настоящее» (Там же, ф. 422, л. 2). Как считает Матвеева, «слишком прямое и честное выступление О. Ю. Шмидта не осталось без внимания. Через 10 дней после совещания 20 ноября 1924 года. Наркомпрос освободил О. Ю. Шмидта от должности заведующего Госиздатом с оставлением за ним других обязанностей по Наркомпросу» (2006, с. 102).

Не справившись, по сути дела, с ролью советского и партийного пропагандиста в Госиздате, Шмидт гораздо успешнее проявил себя в руководстве изданием Большой Советской энциклопедии. Она строилась, с одной стороны, на базе обязательного марксистско-ленинского мировоззрения, а с другой, — с учетом требования дать доступное чтение широким слоям трудового народа — не слишком образованного, но стремящегося к знанию. В таком контексте советское государство могло расщедриться, отпустив необходимые средства, а многочисленные представители интеллигенции, выжившие в нечеловеческих условиях Гражданской войны (не эмигрировавшие или не высланные на «философском пароходе»),

могли рассчитывать на достойную работу по просвещению и образованию собственного народа.

Создание Большой Советской энциклопедии началось с инициативной группы в 1923 году. Одобрение ЦК РКП (б) было вынесено 17 апреля 1924 года, а назначение Шмидта главным редактором состоялось только 15 января 1925 года. Состав редакции включал, помимо О. Ю. Шмидта, также В. В. Куйбышева, М. Н. Покровского, А. Н. Крицмана, Л. Н. Мещерякова, В. П. Милютина, И. И. Скворцова-Степанова, Г. М. Кржижановского, к которым позднее присоединились Н. И. Бухарин, Г. И. Бройде, Н. Осинский, Е. А. Преображенский и К. Радек. Показательно, что Шмидт находился во главе редакции БСЭ вплоть до 1941 года, когда был освобожден от этой должности по условиям военного времени. На качестве этого издания, несомненно, отразился состав ведущих специалистов. Так, военный отдел в те первые годы издания БСЭ вели М. В. Фрунзе и М. Н. Тухачевский, отдел медицины — Н.Н. Бурденко и Н.А. Семашко, за раздел естествознания и точных наук отвечал академик А. Ф. Иоффе, за исторический раздел — М. Н. Покровский, за искусство — И. Э. Грабарь, литературный отдел возглавлял В. Я. Брюсов, обширный технический раздел — И. М. Губкин, М. А. Павлов и Л. К. Рамзин. Сам президиум Главной редакции БСЭ в письме в ЦК ВКП(б) особо отметил, что «энциклопедия возникла по идее Шмидта, он ее рассматривает как дело своей жизни и отдает ей все свои силы» (Петров, 1959, с 155). Несомненно, во-первых, БСЭ стала одним из успешных детищ Шмидта, во-вторых, он сумел наладить работу редакции таким образом, что она продолжалась, даже когда «шеф» в ближайшем будущем на месяцы исчезал в свои арктические походы. Та, первая БСЭ не устарела и по настоящее время, поскольку зафиксировала состояние науки и общества на годы издания и, таким образом, является ценным отправным источником для характеристики последующих изменений в советской культуре.

Описание деятельности Отто Юльевича в 20-е годы было бы неполным без рассказа о его участии в работе Социалистической (с 1924 года Коммунистической) академии, членом которой он был избран в 1921 году. Сама академия начала свою деятельность с лета 1918 года. Согласно утвержденного Совнаркомом положению, «Социалистическая академия общественных наук есть свободное сообщество лиц, имеющих целью изучение и преподавание как социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма, так и наук, которые соприкасаются с указанными знаниями», что отвечало интересам Шмидта к

взаимосвязям философии с естествознанием. Это направление активно исследовалось с коммунистических позиций в секции естественных и точных наук при участии или с привлечением таких ученых и специалистов, как А. Н. Бах, С. И. Вавилов, М. Я. Выгодский, А.С. Серебровский, И. И. Скворцов-Степанов, И. Е. Тамм, А. К. Тимирязев, В. Г. Фесенков, С. С. Четвериков и другие. По Матвеевой (2006), «…основная работа, которую наметила секция, заключалась в углубленном изучении проблем естествознания под углом зрения диалектического материализма. В итоге определились три основные линии, по которым велась работа секции: экспериментальная разработка наиболее принципиальных и важных вопросов; изучение философских проблем естествознания; углубленное изучение истории науки» (с. 108). Есть все основания считать эксперимент наиболее сильной стороной деятельности Отто Юльевича, судя по его деятельности в Арктике. Что касается истории науки, то одно только предложение о создании Института по изучению истории естествознания (почти на двадцать лет ранее Института естествознания и техники АН СССР) ставит его в положение первопроходца. Несомненно, для Шмидта история науки была частью общей культуры специалиста, необходимой для ученого всех направлений и специальностей.

Десятилетие 1918–1928 годов для Шмидта в свете дальнейших событий его биографии по-своему показательно. В целом — типичная судьба интеллигента, застигнутого революционной бурей и воспринявшего идеи революции, но, очевидно, не ее практику, особенно в крайностях. Он работал на самых наукоемких направлениях, что отвечало его образованию и складу характера. Вместе с тем практически каждый раз на новом месте он вступал в определенный конфликт с власть предержащими, отчего в ряде случаев его работа не получала достойного завершения, реализации, — финал его деятельности оказывался не в его пользу.

Обладая необходимым образованием, талантами администратора и дипломата, многими несомненными достоинствами как в рабочих, так и в личных отношениях, получив необходимый опыт и связи в «высшем свете» советского общества, он, видимо, не был удовлетворен достигнутым. Слишком многим его достоинствам и качествам пока не находилось применения. Отсюда смена направлений, благо общая обстановка неустроенности и общественной незавершенности позволяла делать это свободно. Однако по своему общественному положению Отто Юльевич оставался чиновником достаточно высокого ранга, его должности для большинства — предел

мечтаний.

Вместе с тем уже в это время у него наблюдается избыток энергии, характерный для пассионарных натур. Но это проявляется не в струе политической борьбы, которой он явно избегает (как и партийных должностей), и не в партийных дискуссиях, характерных для того времени, при столкновении троцкистской и сталинской точек зрения на развитие страны и партии. Шмидт предпочитает оставаться вне партийных споров, не проявляя сколько-либо заметной активности в вопросах идеологии, что сыграло важную роль в будущем.

Неудовлетворенность, присущая многим одаренным натурам и требующая выхода, проявлялась, в частности, в его увлечении альпинизмом — занятии, связанном в те годы с ликвидацией белых пятен на карте страны.

Глава 3
1928. Побег на Памир

…Зачем все это людям нужно, —
Блаженный, страшный путь зачем?
Вершина! Сердце отдыхает,
И странный мир со всех сторон
Лежит под ними, в тучах тает,
И подвиг воли завершен.
Как знать, что он обозначает?

Н. Тихонов

С самого начала Отто Юльевича привлекала не только сама возможность сменить будничную жизнь советского чиновника на приключения в горах Средней Азии, чтобы дать выход избытку сил еще не старого организма. Сама идея побывать в белом пятне на карте страны, участвовать в его ликвидации, оказалась настолько привлекательной, что избежать соблазна поучаствовать в первооткрывательстве было для него невозможно. Эта черта его характера в ближайшем будущем получит мощное развитие, во многом определив его судьбу и на десятилетие вперед сделав его тем самым Шмидтом, каким он вошел в историю страны. Прежде, однако, остановимся на истории самого белого пятна, в ликвидации которого ему предстояло принять непосредственное участие.

Неисследованное пространство в самом сердце Памира оставалось, поскольку первоначальные усилия исследователей были направлены на изучение пограничных окраин этой горной страны, поиски коммуникаций и создание пограничных постов. Этому в немалой степени способствовал и сам рельеф высокогорной пустыни, за которой маячили перевалы в Китай и Индию, определявшие стратегическое значение «крыши мира». Былое колониальное противостояние двух крупнейших империй мира даже в свете грядущей мировой революции отнюдь не утратило своего значения, внешне приобретя иную политическую

окраску.

Это противостояние отчетливо обозначилось в последние десятилетия XIX века, когда навстречу друг другу устремились разведчики и исследователи (во все времена разница между этими профессиями была достаточно условной) из Британской Индии и азиатских владений России.

Однако прежде сказали свое слово ученые. В 1871 году Федченко установил положение грандиозной Алайской долины, за которой к югу возвышались нагромождения высочайших вершин горного узла Памира. Спустя пять лет эту долину пересекла военная экспедиция М. Д. Скобелева, будущего героя очередной Русско-турецкой кампании. По перевалу Кызыларт она вышла на Восточный Памир, по характеру рельефа больше напоминавший плоскогорье с ландшафтами высокогорной пустыни и грандиозным солоноватым озером Кара-Куль посередине. На следующий год геолог И. В. Мушкетов с перевала Тер-Сагар Заалайского хребта описал грандиозную долину Мук-су с не менее грандиозным пиком в броне ледников с местным названием Музджилга. Этот пик служил очень надежным ориентиром в будущем, потому что его невозможно было спутать с каким-либо другим. В верховьях долины Мук-су другой известный русский исследователь, В. Ф. Ошанин, в 1878 году обнаружил, как «…поперек долины проходит какой-то вал, который нигде не представлял значительного понижения… Я был сильно заинтересован этим странным образованием, — пишет ученый, — и долго не мог понять, что бы это могло быть. Наконец, когда мы приблизились на какие-нибудь полверсты, дело разъяснилось. Перед нами был конец громадного ледника… Пусть Федченковский ледник и в далеком будущем напоминает путешественникам имя одного из даровитейших и усерднейших исследователей Средней Азии».

Хотя Ошанину, таким образом, принадлежит открытие одного из крупнейших ледников в мире, сам он считал, что его длина составляет не менее чем 15–20 верст. Подобное заблуждение — неслучайно: находясь в узкой долине, в окружении грандиозных вершин, он из-за условий обзора не имел возможности оценить его реальную величину.

Практически одновременно другой русский исследователь Средней Азии, Н.А. Северцев, обобщив собственные наблюдения и сопоставив их с материалами предшественников, следующим образом определил значение Памира: «Есть цельная, симметричная, хорошо ограниченная горная система — орографический центр всего азиатского материка… колоссальный горный узел, соединяющий Высокогорную Азию с Передней». И в

самом центре этого горного узла, с которым предстояло разбираться еще полвека, находился таинственный ледник Федченко неизвестных размеров, привлекавший внимание многочисленных исследователей.

Не касаясь всей истории исследований Памира, отметим лишь три события, имеющие непосредственное отношение к работе советской Памирско-Таджикской экспедиции. Первое — приближение к средней части ледника Федченко с востока по долине реки Танымас, в переводе означающей «ты меня не узнаешь». Оно было выполнено в 1887 году известным русским путешественником Г. Е. Грум-Гржимайло, в честь которого были названы ледники в верховьях этой реки.

Второе — замечательный маршрут военного топографа капитана Н. И. Косиненко, который летом 1909 года пересек Алайскую долину и с водораздела Заалайского хребта увидал долину Мук-су. «С перевала Терсагар эта долина представляется громаднейшим провалом, глубиною около трех тысяч футов, по дну которого разбегаются многочисленные рукава Мук-су. Впереди за нею возвышаются три пика, высотою не менее двадцати тысяч футов, более чем наполовину покрытые снегом». Караван этого топографа затем поднялся вверх по Мук-су, благодаря опытным погонщикам одолел свирепые водные потоки на подходах к леднику и в конце концов по моренному плащу поднялся на сам ледник Федченко, который оказался проходимым для лошадей. «Жутко было ступать по этой неведомой, никогда не знавшей человеческих следов области, где ожидало нас множество опасностей, свойственных этому царству льда». Однако в этом предположении Косиненко ошибался: вскоре за западным ледником-притоком, получившим название Бивачный, он обнаружил каменную пирамиду, сложенную в виде опознавательного знака. Возможно, это был своеобразный ориентир для каратегинских таджиков, совершавших набеги на земли киргизов в Алайской долине, при выходе к таинственному перевалу Кашал-Аяк, слухи о котором доходили до исследователя.

Примерно в 18 верстах от Бивачного отряд Косиненко вышел на ровное ледниковое поле, откуда и был предпринят поиск таинственного перевала в юго-западном направлении. Там разведчики уперлись в непроходимый обрыв. «Был ли это перевал Кашал-Аяк? — вспоминал позднее Косиненко. — Трудно сказать… Все возможные попытки найти путь в долину Ванча через этот «Ледовитый океан» потерпели неудачу». В создавшейся ситуации Косиненко оставалось возвращаться вниз по языку ледника. Оттуда он предпринял бросок на восток по реке

Баляндкиик, затем перешел в долину реки Танымас, а позднее по верховьям Бартанга добрался к устьям долин Язгулем и Ванч. Тем самым площадь белого пятна на Памире существенно сократилась. Дальнейшее сужение этого белого пятна произошло благодаря исследованиям экспедиции Русского географического общества, когда в 1916 году астроном Я. И. Беляев добрался с запада в район пика Гармо, а П. И. Беседин подошел к верховьям ледника Федченко по долине реки Ванч, буквально упершись в неизвестный ледник, названный им в честь Русского географического общества. Определенно таинственный перевал Кашал-Аяк располагался где-то в истоках обоих ледников, но определить его положение можно было, лишь обнаружив его на местности, пока не доступной.

Третье выдающееся событие в истории изучения Памира — маршруты и открытия Н. Л. Корженевского, начавшего свои работы в дореволюционное время. В июне 1924 года он поднялся на ледник Федченко. «При восхождение на ледник Федченко благодаря отсутствию облачности удалось выяснить истоки ледника Танымас и установить наличность горного хребта, отходящего на юго-юго-запад от пика Музджилга, увенчанного в этой части громадной обледенелой вершиной». На будущее читатель должен иметь в виду, что истоки реки Танымас находятся у восточных пределов ледника Федченко, а ледник — вблизи его конца и, таким образом, два этих разных Танымаса удалены друг от друга не менее чем на 70 километров. Корженевский правильно оценил орографической значение хребта, уходящего от Музджилги на юго-юго-запад, назвав свое открытие в честь Академии наук — по случаю двухсотлетнего юбилея этой научной организации. На следующий год Корженевский побывал в верховьях реки Танымас с ледником Музкулак. Тем самым он связал воедино как собственные маршруты, так и походы Грум-Гржимайло и Косиненко воедино, отчего проблема белого пятна в центре Памира обозначилась со всей отчетливостью.

Академическая Памирская экспедиция 1928 года была частью юбилейных мероприятий в связи с двухсотлетием Академии наук и одновременно использовалась для укрепления научных контактов с западноевропейскими странами. Для участия в ней были приглашены зарубежные специалисты. Фототеодолитную съемку, оправдавшую себя ранее в Альпах, в частности, проводил профессор Рихард Финстервальдер с помощниками, включая группу альпинистов из пяти человек. В литературе особо отмечается, что экспедиция была организована совместно Академией наук СССР и Notgemeinshaft der deutschen Wissenschaft

из Германии. Начальником экспедиции был назначен биолог и химик Н. П. Горбунов, активный участник революционных событий, в те годы работавший в аппарате советского правительства. С ним Шмидт был знаком лично. Помимо Горбунова, советская сторона была представлена геологом Д. И. Щербаковым (заместителем начальника экспедиции, впоследствии академиком), Корженевским, астрономом Беляевым, геодезистом К. В. Исаковым, военным топографом И. Г. Дорофеевым, зоологами А. Н. Рейнхардтом и Г. Н. Соколовым, не считая рабочих. В ее составе были также красноармейцы-пограничники и местные жители. Эти работы обеспечивала группа советских альпинистов во главе с Н. В. Крыленко (в то время генеральный прокурор РСФСР), включавшая Шмидта, Е. Ф. Розмирович (советский правовед, представляла НК РКИ), Е. М. Россельса и Л. А. Перлина. Один этот перечень показывает, что в те годы альпинизм был привилегией советской элиты. Немецкую группу во главе с доктором В. Рикмерсом представляли геодезисты Финстервальдер и Х. Бирзак, а также альпинисты П. Борхерс, Е. Альвейн, Е. Шнайдер, К. Вин и Ф. Кольхаупт.

Наша альпинистская группа задержалась в Москве и смогла выступить из Оша (традиционная база многочисленных экспедиций, направлявшихся на Памир) лишь 23 июля. Вместе с руководством экспедиции она прошла черед перевалы Джиптык в Алайском хребте и Кызыларт в Заалайском хребте с кратковременным посещением озера Кара-Куль и добралась до полевого лагеря в верховьях реки Танымас только 15 августа. Не считая кратковременных тренировочных восхождений на ближайшие вершины, альпинистам не было пока подходящей работы.

Тем временем другие участники экспедиции (включая немецких альпинистов и специалистов) одновременно с топографом Дорофеевым и астрономом Беляевым вовсю осваивали ледник Федченко, в частности, создав на высоте 3700 метров базовый лагерь № 1 у ледника Муз-Кулак (Грум-Гржимайло на современных картах), получивший из-за продолжительных пылевых бурь среди участников экспедиции прозвище Пыльный. Поблизости астроном Беляев отнаблюдал астрономический пункт, положив начало созданию сети в местных координатах. К тому времени был обнаружен доступный участок для подъема на ледник Федченко по так называемому Танымасскому лоскуту.

Еще 3 августа 1928 года им воспользовался Дорофеев со своими помощниками, осторожно продвигаясь на запад, тщательно отслеживая разворачивавшуюся перед ним панораму

горных цепей и ледников. «Мы увидели ледник шириной в 3–4 километра и длиной около 30 километров. Его верхний конец с многочисленными боковыми притоками упирался в белоснежную стену какого-то хребта. Склоны сжимавших долину гор были покрыты вечными снегами, только кое-где чернели отвесные скалы. Около перевала ледник резко поворачивал на северо-запад… На общем белом фоне резко выделялись черные ленты срединных морен», — отметил он характерную особенность срединной части ледника Федченко (1952, с. 406). Его дальнейшее описание было посвящено хребту Академии наук, впервые открывшемуся с этого направления: «Глядя вниз по леднику, мы увидали высокий скалистый хребет, на котором особенно выделялась раздвоенная вершина (Комакадемии. — *В. К.)* одного пика. Она была выше остальных, но еще выше нее поднималась неправильная усеченная пирамида гигантского пика, явно господствовавшего над всем хребтом» (Там же) название которого в последующее десятилетие менялось неоднократно (Гармо, Сталина, Коммунизма), пока, после распада СССР, не приобрело своего современного значения (Исмаила Самани). 5 августа Дорофеев по описанию Косиненко понял, что оказался у притока Бивачный ледника Федченко, и тогда увиденная им панорама получила привязку к известной карте: «Значение этого открытия было трудно переоценить: не только менялась предположительная схема расположения горных хребтов в районе «белого пятна», но и ледник Федченко оказывался одним из величайших горно-долинных ледников мира, имеющим, по нашим измерениям, около 76 километров. Итак, мы оказались на леднике Федченко» (Там же). Теперь, когда первоисследователи совместными трудами сделали свое дело, можно было выпускать вперед альпинистов. Одним из них и был герой настоящей книги, глазами которого дано дальнейшее развитие событий на бывшем белом пятне.

«Итак, 15 августа русская группа прибыла в лагерь 1 на реке Танымас, где была встречена начальником немецкой части В. Рикмерсом и русским топографом И. Г. Дорофеевым.

Местоположение лагеря 1 определялось тем, что это высшее место, до которого доходят лошади, дальше преграждают путь труднопроходимые ледники. В иных отношениях лагерь мало удачен — для лошадей мало корма, вода очень мутная и не близко, а главное — пыль. Мелкая, всюду проникающая, все застилающая пыль. Прямая противоположность общему мнению о чистоте горного воздуха. Высота лагеря — 3500 метров.

В лагере 1 оставаться для нас было и бесполезно, и неприятно (из-за пыли). Уже на следующий день, 16 августа, Н. В.

Крыленко и группа носильщиков с вещами русских отправилась вверх, в лагерь 2. Надлежало пересечь два ледника. Один на протяжении 0,5 километра, другой — 3 километра. Носильщики, впрочем, обходят ледники, перебираясь через реку вброд — по пояс…

17 августа вышли Е. Ф. Розмирович, Е. М. Россельс, И. Г. Дорофеев, О. Ю. Шмидт и два красноармейца — помощники И. Г. Дорофеева. Переход длился 10 часов… Тем не менее все препятствия были преодолены в самом бодром состоянии духа, а доктор Е. М. Россельс даже играл на мандолине и распевал в то же самое время, когда в сумерках пробирались между иглами второго ледника. При переходе через первый ледник надели кошки и для предосторожности взялись за веревку… по второму леднику в кошках было легче ходить. Трещин ледники в этих местах не дают, но утомляют крутизна и гладкость при пересечении первого ледника (у самого конца его) и ледниковые иглы второго, заставляющие несколько часов идти вверх и вниз, влево и вправо, без дороги. Вечером предупредительные немцы встретили нас факелами; палатки были ими же уже расставлены» (1960, с. 18–19).

Из первых впечатлений Шмидта в качестве новичка-памирца отметим следующее. Ледники на пройденном пути не представляли не только опасности, обычно связанной с трещинами, замаскированными снегом и фирном, но даже трудностей, — не считая временами крутизны. Альпинистский опыт Шмидта пока невелик — в противном случае он отметил бы местную экзотику, названную им «ледниковые иглы». В современной литературе это так называемые «снега кающихся грешников», особая форма ледниковой поверхности, возникающая при таянии ледниковой поверхности в условиях резкоконтинентального климата на больших высотах. Скопления таких форм вытаивания льда напоминают коленопреклоненную толпу замаливающих грехи в треугольных клобуках — это название пришло в нашу литературу от альпинистов и гляциологов Южной Америки, обладающих повышенной религиозностью и такой же образностью. Еще одна удивительная деталь, видимо, — в описанном переходе люди шли налегке, иначе трудно представить, чтобы участник маршрута на такой высоте бы пел, сопровождая упражнения в вокале игрой на струнном инструменте. Видимо, весь груз несли специальные носильщики, что трудно представить для позднейших экспедиций.

Для читателя, однако, важнее первый контакт спортсмена альпиниста Шмидта с профессионалом — экспедиционником

топографом Дорофеевым: «После доклада ко мне подошел Отто Юльевич и, пожимая мне руку, сказал: «Разрешите мне, Иван Георгиевич, быть вашим учеником. Научите меня проводить глазомерную съемку. Мне хочется, чтобы мое пребывание в экспедиции принесло возможно больше пользы для общего дела, чтобы мои походы по необследованной области в качестве альпиниста имели бы и более существенный след. Обидно ходить по местам, где до тебя не ступала нога человека, и не уметь изобразить на бумаге пройденного». Подумав немного, он добавил: «Жаль, что программы наших средних школ до сих пор не уделяют должного внимания преподаванию топографии в том объеме, какой заслуживает этот важный предмет. Вот в Германии, например, каждый окончивший среднюю школу умеет производить глазомерную съемку».

Я знал, что Отто Юльевич ведет работу большого масштаба, и поэтому его просьба меня смутила. В замешательстве я ответил, что мне неудобно быть учителем такого большого человека. Он, однако, еще раз повторил свою просьбу, и я согласился» (Дорофеев, 1959, с. 390–391). Понять начинающего скромного военного топографа, занятого своими проблемами, несложно, тем более что на описываемом уровне этот бородатый новичок, свалившийся на его голову, был для Дорофеева в полном смысле «котом в мешке» — ситуация, которую не любят в экстремальных условиях. А с учетом будущей стремительной карьеры Шмидта именно на исследовательском поприще интересно понять, когда же в его собственном сознании спортивные интересы были вытеснены исследовательскими.

С достижением лагеря 2 на высоте 4385 метров предстояло перераспределение имеющихся наличных сил для предстоящих исследований. По мнению самого Шмидта, как пишет Дорофеев, «вся неисследованная область была им исчерпывающе раскрыта (остались нераскрытыми лишь переходы на запад и юг)» (1960, с. 20).

Загадка морфологии ледника Федченко заключалась в том, что в нижнем течении, по наблюдениям Косиненко и Корженевского, он выглядел как обычный сложный, но все-таки горный ледник, принимавший с обоих бортов многочисленные притоки. Зато в верховьях, по Дорофееву, намечалась необычная картина, когда из обширных верховий, переполненных фирном, через понижения хребта Академии Наук к истокам рек, стекавших преимущественно на запад в бассейн Пянджа, вываливались ледниковые языки, снизу из речных долин выглядевшие самостоятельными, как это наблюдали еще Беседин и Беляев в 1916 году. На современных картах они показаны в качестве

самостоятельных ледников Язгулем, Абдукагор, Медвежий и Географического Общества.

Естественно, Дорофеев ожидал, что они связаны с верховьями ледника Федченко, заранее готовясь к самому сложному варианту — с точки зрения проходимости. При прорыве этих ледников через хребет Академии Наук следовало ожидать крутых ледопадов с массой трещин и других препятствий, которые предстояло изучить, причем с помощью альпинистов. Этой проблемой и предстояло заниматься Шмидту в качестве разведчика на местности во всеоружии приемов альпинизма, причем по согласованию с остальными участниками экспедиции.

Уже 17 августа вниз по реке Танымас ушла группа Горбунова, включавшая геологов Щербакова и Юдина, а также зоолога Соколова. Этой группе предстояло, обойдя неисследованную область с юга, затем подняться от Пянджа к леднику Язгулем, обследовать его и по возможности подняться по нему в верховья Федченко — навстречу Дорофееву и его помощниками примерно через две недели.

Обсуждение планов второй группы, с которой предстояло работать Шмидту, проходило 18 августа одновременно со сборами и описано в дневнике Отто Юльевича следующим образом:

«И. Г. Дорофеев убежден, что за известным ему боковым ледником должен быть перевал в долину Язгулема, и собирался с желающими альпинистами сразу туда спуститься. Мне и Н. В. Крыленко этот план казался необоснованным: во-первых, наличие перевала (спуска) было сомнительно — Дорофеев там еще не был; во-вторых, Р. Финстервальдер считал, что в этом направлении долина не Язгулема, а Ванча.

После долгих споров было принято мое предложение — сначала отправиться на разведку для установления перевала (или перевалов), а затем уже, сверив результаты разведки, пойти всей группой вниз по лучшему пути. Должны были отправиться три группы разведчиков: Е. Альвейн и Е. Шнайдер — на южную часть ледника, Н. В. Крыленко, И. Г. Дорофеев и я на север — к боковому леднику, намеченному И. Г. Дорофеевым, и П. Борхерс и К. Вин — также на север, еще дальше, к другому леднику, также указанному И. Г. Дорофеевым. Выступление было назначено на следующий день, 19 августа, срок разведки — три дня, с четвертым (но не более) про запас на непредвиденный случай.

Спор с И. Г. Дорофеевым умолк сам собой, когда выяснилось, что наличного продовольствия не хватит на снаряжение длительной экспедиции» (1960, с. 21).

По мнению Отто Юльевича роль Дорофеева на этом этапе

была определяющей, поскольку именно он намечал наиболее перспективные направления поиска на местности. Для самого Шмидта это был поучительный опыт, не менее поучительный, чем овладение искусством глазомерной съемки.

В маршруте 19 августа произошло непосредственное знакомство Шмидта с ледником Федченко, описанное им в дневнике. Отрывок из него приводится ниже: «…Около 8 утра выступили из лагеря. Сначала вверх по Танымасу, около 5 километров, до его истоков — ледникового озера, все время под стеной Танымасского ледника, идя по осыпи из крупных камней… Красота этого озера (длиной около 1,5 километра, шириной — 300 метров), окруженного снежными горами до 5500 метров высоты, совершенно исключительна. Уровень его — около 4500 метров. Сейчас же за озером Танымасский ледник переходит в большой ледник, являясь одним из переметных стоков последнего. Этот большой ледник подымается влево к югу на протяжении 15–20 километров и спускается далеко на север. Уже тогда было ясно, что это верхняя часть ледника Федченко, ранее известного только в нижней части (10–15 км), причем никто не предполагал такой длины. Ширина его в этом месте 8 километров.

Прямо против Танымаса спускается широкий боковой ледник — ледник Академии. За ним — кажущийся перевал, по которому шла первая разведка немцев. С нашей стороны подъем был пологий, но с другой — крутой обрыв, так что перевалом этот путь было нельзя назвать никак. Близлежащие горы с той и другой стороны были уже известны немцам, производившим съемку (фототеодолитом. — *В. К.).* Высота их около 5500 метров. Дальше на север и особенно на юг горы подымались еще выше. За озером первая немецкая группа отделилась от нас, идя на юг. Через 3 часа отделился Финстервальдер со спутниками, шедший сначала с нами, — он собирался на одну из гор продолжить работу.

Ледник Федченко — ровный, огромный, в этой части с редкими трещинами, но тем не менее довольно неудобный для ходьбы. Ледниковые иглы бьют колени, не дают прямо поставить ногу. Под тонким покровом из снега и льда бурлит вода над ледником. То и дело проваливаешься по колени — болото! Иногда дорогу пересекает настоящая глубокая и большая река. Река на леднике!

Пересекая ледник наискось вниз, достигли вечером скрещения с боковым ледником, который наметил И. Г. Дорофеев. Здесь расстались с остальными немцами, условившись на морене у маленького озерка поставить пирамидку и оставить письма.

Здесь впоследствии был наш лагерь 3. Расстояние от лагеря 2 — около 20 километров (около 10 часов хода), высота — 4050 метров. В тот же вечер поднялись еще на 5 километров по боковому леднику, совершенно ровному внизу, до начала крутого подъема. Здесь на высоте 4300 метров расположили горные палатки прямо на льду, покрытом снегом, прямо в яме, более или менее защищенной от ветра. Нас было 3 альпиниста, 2 красноармейца — помощники Дорофеева — и один таджик-носильщик. Устроились в двух горных легких палатках, по 3 человека, варили чай на примусе (внутри палатки из-за ветра).

20 августа пересекли главный ледник по направлению к одному из западных боковых ледников. На высоте 4800 метров нам удалось найти перевал (Кашал-Аяк), по которому спустились на другую сторону настолько, чтобы ориентироваться при дальнейшем пути по леднику всей группой. Отсюда увидали реку, оказавшуюся р. Ванч.

21 августа наша разведочная группа вернулась в лагерь, а 23-го по этому разведанному пути ушла вторая советская группа Н. В. Крыленко (на Ванч). Мне, как замещавшему начальника экспедиции Н. П. Горбунова, пришлось остаться для подготовки и организации лагеря 3, для встречи с ушедшими группами и для подготовки дальнейшего продвижения по леднику Федченко вниз» (1960, с. 21–23).

Описанное нуждается в комментарии — с тем, чтобы читатель мог оценить достижения Шмидта в изучении ледника Федченко, а также его роль в экспедиции 1928 года.

Самое главное — он оказался на только что открытом для науки участке ранее неизвестной горной территории, важной, прежде всего, по своему водораздельному положению. Сам Отто Юльевич неоднократно подчеркивает роль в этом открытии других: немцев и в первую очередь Дорофеева с помощниками. На его собственную долю альпиниста выпала роль своеобразной «зачистки» по следам первооткрывателей в виде поисков перевалов. Здесь он мог использовать свои навыки альпиниста.

Какой же альпинист избежит описаний красот природы и сопутствующих восторгов! Шмидт оставил восторженное описание озера при подъеме по Танымасскому лоскуту. Важнее, однако, его дальнейшие описания поверхности ледника Федченко с замечанием по поводу ледника Академии и указанием на обрывистый участок за ним — вероятно, это относится к истокам современного ледника Медвежий. Очевидно, повествование составлено со слов немцев, альпинистов или тех, кто занимался фототеодолитной съемкой. Из всего описания также следует, что его предшествующий опыт на ледниках был минимальным.

Неудивительно, что сам масштаб горной системы Памира поражает его, как и специфика оледенения: не только «снега кающихся грешников», но, например, и река на леднике — явление в общем-то нередкое. Все окружающее настолько занимает и восхищает его, вытесняя (судя по отсутствию жалоб) бытовые неудобства и даже мысли о состоянии людей, у которых — несомненная усталость, хотя и не приводящая к горной болезни.

Характерна общая устремленность на решение конкретной поставленной задачи — поиску таинственного перевала Кашал-Аяк, известного прежде только по слухам. Но ведь нашли! И не просто нашли, а тут же использовали для спуска маршрутного отряда Крыленко в долину Ванча, чтобы увязать собственные съемки с наблюдениями Беседина в 1916 году на леднике Русского географического общества. Шмидт ничего не пишет о тех моментах, когда он, занимаясь организационной и другой технической работой, бывал вынужден уступать право первопроходца (гордость спортсмена-альпиниста) другим. Но отсутствие жалоб подобного рода свидетельствует об умении оставаться на уровне в сложной психологической ситуации. В истории альпинизма немало примеров противоположного рода! Разумеется, в душе Отто Юльевич завидовал тем, кто первым прошел открытые при его участии ледниковые перевалы. Но на страницах опубликованного дневника нет ни сомнений, ни сожалений, что демонстрирует его способность держать удары, которые преподносит жизнь. И еще — не спешить с признанием собственных неудач! Тем более что очень скоро памирский опыт пригодился для выбора, определившего жизнь Шмидта на будущее славное десятилетие в иной роли, чем покоритель заоблачных высот. Однако не будем опережать события…

Работа экспедиции на леднике Федченко разворачивалась вокруг нескольких палаток, установленных среди каменных глыб на срединной морене близ обсерватории, которую построят несколько лет спустя. Значение этого места Шмидт оценил следующим образом: «Лагерь 3 был первоначально задуман как база для ушедших на запад, на Ванч, и как место встречи с Н. П. Горбуновым. По мере исчерпания задач на юге ледника Федченко и приближения ледяного похода на Алтын-Мазар (кишлак в 10 километрах от конца ледника Федченко на правом берегу Муксу. — *В. К.*), значение лагеря возросло, он стал базой восхождений в северной части ледника Федченко и перехода на Алтын-Мазар.

Место лагеря 3 оказалось чрезвычайно удачным. Несмотря на скрещение двух ледников (Федченко и того, за которым «наш» с

Н. В. Крыленко перевал) — полное отсутствие ветра и потому теплее, чем в лагере 2. Высота — около 4150 или 4200 метров. Палатки расставлены на морене, самой левой из срединных морен ледника Федченко, у южного угла ледников… Ночью под тонким слоем камней трещит лед, но к этому уже все привыкли. Поразительно ощущение тишины в звездную ночь, здесь, среди снега и гор, где уже нет ничего живого. Благодаря стараниям наших комендантов… наш лагерь 3 оказался вполне обеспеченным провиантом на все время его предполагаемой работы (около недели). При постоянном недостатке носильщиков снабжение стоило колоссального труда» (1960, с. 23).

Вкратце остановимся на событиях в этом лагере после того, как его покинул отряд Крыленко. На следующий день, 24 августа, пришлось искать немецких альпинистов Борхерса и Вина. «Голодных и израненных при переходе через реку… доставили их в лагерь». В результате только 26 августа большая группа альпинистов и ученых, до предела нагруженных всем необходимым, начала маршрут к верховьям ледника, располагавшимся южнее. «Место оказалось очень удаленным, — пишет Шмидт в дневнике. — Хотя ледник Федченко в верхней части не представляет опасностей: трещин мало, они большей частью видны, игл нет, подъем очень постепенный, тем не менее все, особенно носильщики, сильно утомились… Переход по снегу всегда утомляет, даже если нога погружается только по щиколотку. Высота лагеря (у восточного края ледника) — 4790 метров. Место ночлега у подножия скалы под ледником — очень поэтично. Любопытно, что некоторые из нас — Е. Шнейдер, К. Вин, я и И. М. Толчин, несмотря на высоту и долгий путь, ворочали большие камни и таскали землю, устраивая лагерь. Конечно, это было не совсем легко» (1960, с. 24). Каждая строка памирского дневника Шмидта содержит важную информацию — смысл последней: за неделю пребывания на Федченко люди настолько акклиматизировались и вошли в ритм экспедиционной жизни, что их хватает, несмотря на усталость, и камни поворочать, и полюбоваться изысканными пейзажами…

Два последующих дня были посвящены чисто альпинистским занятиям — штурму ближайшего безымянного шеститысячника, результат которого зафиксирован в дневнике за 28 августа: «Дошли! Из лагеря К. Вин, Е. Шнейдер, я и Л. А. Перлин совершили восхождение на высоту около 6000 метров. Этот наш подъем наши киноработники засняли» (Там же, с. 25). Теперь можно было приступать к самому главному — поиску очередного перевала, также описанному в дневнике:

«Я с Л. А. Перлиным и одним носильщиком отправились на

поиски перевала Танымас — к реке Язгулем. Мы прошли до начала главного ледника, пересекли его и на высоте 5200 метров нашли перевал, по которому спускался переметный (то есть из области питания ледника Федченко. — *В. К.)* на запад. В течение двух дней, преодолевая трещины и ледяные обвалы, мы опустились до высоты 4000 метров. Этот перевал был заснят мной глазомерной съемкой. Дальнейший путь был тяжелым, кончалось продовольствие, и мы вынуждены были вернуться в лагерь 2, куда прибыли к 1 сентября, а уже 5 сентября окончательно перебрались в лагерь 3» (Там же, с. 25).

Возвращение в знакомый лагерь 2 по более короткому пути, чем в лагерь 3, проще всего объяснить недостатком продовольствия, но, видимо, не только. Судя по задержке в этом лагере (ведь в лагере 3 они появились только 5 сентября), Шмидт и его спутники просто восстанавливали силы после испытаний на Язгулемском леднике.

Очевидно, это восстановление прошло успешно, потому что в лагерь 3 небольшой отряд Шмидта добрался почти одновременно с группой немецких альпинистов, одержимых идеей первовосхождения на неизвестную вершину где-то в истоках притока Бивачный ледника Федченко — будущий пик Сталина, Коммунизма, Гармо и т. д.

«Эта гора все время была в центре нашего внимания, — отмечено Шмидтом. — Видна от нас, с ледника Федченко и с Танымасских вершин, только верхушка — очень трудная, крутая, снежная трапеция.

Однако приходилось опасаться не столько верхушки, сколько подходов: было совершенно неясно, где, по какой долине к Гармо приблизиться, так как Гармо находится не в хребте, ограничивающем ледник Федченко, а километрах в пяти поодаль (в действительности — не менее двадцати. — *В. К.).* Вся группа гор, к которым относится Гармо, по характеру принадлежит скорее к Дарвазским, чем к Памирским, — остроконечные, обрывистые, с висячими ледниками, густо сгруппированные, без широких долин. Осторожные люди, как, например, Р. Финстервальдер, считали восхождение вообще очень маловероятным» (с. 25–26), в чем оказались совершенно правы…

Понятно, что немцы рвались за рекордом и за первенством, видимо, исходя из того, что второй подобной ситуации у них может не быть. Без предварительной разведки подходов (не случайно у Шмидта особо отмечено «неясно, где, по какой долине к Гармо приблизиться») такую попытку трудно воспринять иначе как авантюру, и не случайно в дневнике Шмидта при издании появилась фраза «решили отправиться на разведку», — явно

оправдательного характера. Поскольку приказом Рикмерса немецкие альпинисты находились в его подчинении, Шмидт поступил весьма дипломатично, возглавив предприятие, обреченное на провал, да и отчитался за него не менее дипломатично.

События неудачного штурма 6 сентября описаны им следующим образом:

«К двум часам дня достигли того бокового ледника (третьего после Кашал-Аяка), по которому предполагалось подняться (видимо, ледник Бивачный. — *В. К.)*. Открывшийся вид обещал мало хорошего. Все же поднялись от устья ледника (3800 м) на 300 метров, через пологую часть ледника. Оказались перед стеной высотой в 400–500 метров, над которой грозно нависали серраки. Внизу же, рядом с нами, ледник весь был усеян свежими обломками. Вверх подняться можно было надеяться по узкой щели между выступами горы и обрывами ледника. Подъем, хотя и трудный, представлялся вполне возможным. Но… как раз по этой щели, судя по конусу снега внизу, спускались лавины и обвалы льда. Свежесть следов заставляла думать, что обвалы часты, вероятно, ежедневны. А нам предстояло в течение трех часов подниматься по щели (и потом спускаться столько же. — *В. К.)*. Глыбы в один кубометр было бы достаточно для гибели всех нас…

Произошло длительное и горячее совещание. Я лично стоял за подъем, считая вероятность гибели весьма небольшой. Немцы же указывали на большую опасность и малую целесообразность подъема. Если бы была уверенность, что за серраками нас ждет Гармо, все бы полезли; но подвергаться столь несомненной опасности неизвестно ради чего, чтобы подняться только до 4800 метров, за которыми неизвестность и еще очень далеко до 7000 метров, попасть, быть может, совсем не к Гармо, а на несколько долин в сторону не стоит.

Я много раз видел немецких альпинистов в серьезной обстановке и не имел оснований упрекать их в отсутствии мужества. Мне оставалось только признать, что их большой опыт заставляет их быть осторожными и подчиниться большинству. Когда решение было вынесено и двинулись вниз, у одного из носильщиков, сопровождавших нас, вырвался возглас: «Спасибо!»

Ночевали под этим же ледником на морене ледника Федченко в довольно унылом настроении. Других подходов к Гармо не предвиделось. Гора в 7000 метров, а мы отбиты уже у порога 4300 метров. Вечером и ночью грохотали серраки, хотя и не совсем в месте нашего подъема» (1960, с. 25–27).

Для понимания значимости событий, описанных в его

дневнике, стоит обратить внимание на три момента. Первый — вершина была взята только в сентябре 1933 года (причем в одиночку) известным альпинистом Евгением Абалаковым после поисков ряда лет. Второй — сам маршрут восхождения проходил совсем в ином месте, чем у Шмидта с немцами в 1928 году. Третий — для ученого отрицательный результат остается результатом, тогда как для спортсмена — это поражение. Являясь в качестве участника событий и тем и другим, Шмидт эту непростую диалектику испытал на себе, вместе с тем получив солидный опыт дипломатического общения, который также пригодился ему в ближайшем будущем. В этом плане весьма показательно его замечание об опыте своих немецких коллег и необходимости его учета при принятии окончательного решения, которое он, как руководитель, оставлял за собой, — эта принципиальная схема также пригодилась ему спустя год.

После неудачи с Гармо было решено использовать оставшееся время для покорения ближайших вершин по восточному борту, пусть даже значительно более низких — всего в пределах 5600 метров. Это утешительное мероприятие тем не менее нашло свое отражение на страницах дневника, причем в контексте деталей, требующих комментария. В душе Шмидта продолжают бороться спортсмен и исследователь, что отчетливо прослеживается в приведенном ниже отрывке из дневника:

«Игра тумана только усиливала красоту, но для фотограмметрических работ Р. Финстервальдера оставалось мало возможностей, в частности, желанный Гармо редко выходил из туч.

Особенно были красивы Дарвазские горы за нашим хребтом. Ледник Федченко являл поразительную картину: 5–6 отдельно, но рядом текущих ледников, разделенных узкими моренами и имеющих совершенно различный характер: один в глубоких поперечных трещинах, другой — в ледяных иглах, третий — совершенно гладкий и т. д.

В10 часов утра мы решили идти в сторону северной (главной) вершины (на северо-восток). К сожалению, вопреки предположениям, соединительное ребро оказалось совершенно непроходимым, и нам пришлось метров на 400 спуститься в снежную котловину, к подножию вершины. Этот спуск происходил по фирну, очень крутому, местами покрытому порошкообразным снегом, местами обледенелому. Представляя значительную трудность, спуск был и несколько опасен из-за возможности лавины. Но зато он был исключительно интересен технически и исключительно живописен» (1960, с. 28). Отмеченное «единство и борьба противоположностей»

сохранялась у Отто Юльевича и на будущее, пока, наконец, исследователь в нем не возобладал над спортсменом, искателем приключений, что произошло уже совсем в иных условиях.

При возвращении в лагерь 3 Шмидт и его люди были удивлены количеством встречающих. Выполнив свою задачу, подошли (хотя и с запозданием) отряды Горбунова и Крыленко, чтобы общим караваном идти далее в Алтын-Мазар по завершении экспедиционных исследований. Их достижения Шмидт описал в следующих выражениях:

«Товарищи совершили трудный подъем по Язгулемскому леднику и затем спустились по леднику Федченко. История их путешествия — перевал Кашал-Аяк — Ванч — перевал Абдукагор — Язгулем — перевал Танымас — лагерь 3 на леднике Федченко, полная героизма и давшая прекрасные географические результаты, должна быть рассказана самими участниками, а не мной.

Кроме географического значения, этот переход заключал в себе и прекрасные альпинистские эпизоды — переходы через несколько перевалов, переправы через горные реки. Особенно крупным альпинистским результатом является подъем по всему Язгулемскому леднику от верховьев Язгулема до перевала, где объединяются ледники Язгулем и Федченко в один переметный ледник (5200 м).

Этот переход удалось осуществить благодаря тому, что Н. В. Крыленко после двухдневных поисков нашел удобный путь вверх. Любопытно, что путь вел как раз по правой (орографически) стороне ледника, частью над ледником. Именно там, где я его и подозревал после нашего с Л. А. Перлиным возвращения из разведки, показавшей, что ледник ни слева, ни посередине не проходим. Приход Н. П. Горбунова, Н. В. Крыленко и их групп с носильщиками более чем удвоил население нашего лагеря 3. Продовольствие было припасено на всякий случай и на них, но в обрез» (1960, с. 28–29).

С выполнением намеченной программы настало время сворачивать работу экспедиции и возвращаться по языку ледника Федченко в кишлак Алтын-Мазар. 11 сентября Шмидт вышел вниз по леднику в сопровождении трех немецких альпинистов и трех местных носильщиков, с тем чтобы выслать к остающимся на леднике караван лошадей для эвакуации людей и имущества. На этот раз наибольшие трудности ожидали разведчиков при форсировании Мук-су. «Попытки переправиться одна за другой кончались неудачей: передового сбрасывало силой течения, покрывало водой, било о камни, пока остальным удавалось его вытащить. Так каждого из нас топило по нескольку раз, и мы

провели в общей сложности по 4 часа (каждый) в ледяной воде, пока, наконец, удалось переправиться через Мук-су.

Достигнув 14 сентября Алтын-Мазара, наш авангард немедленно снарядил лошадей и продовольствие для основного отряда, который прибыл сюда 16 сентября» (1960, с. 30).

Хотя пребывание Шмидта на леднике Федченко заняло немного более месяца, это обстоятельство во многом определило его судьбу на будущее. Памир, несомненно, разбудил в душе советского чиновника качества и стремления исследователя-первопроходца, до поры до времени дремавшие под гнетом обстоятельств. Чтобы они вырвались на простор, нужен был только повод. Тем не менее в строгом соответствии с шекспировскими строчками:

> Мы видим жизни постепенный ход
> И это сходство будущего с прошлым
> С успехом позволяет говорить
> О вероятье будущих событий.
> Их и в помине нет еще пока,
> Но семена и корни их в налимье.

Подобное предупреждение необходимо для самого вдумчивого читателя, ибо последующий жизненный кульбит в судьбе героя книги оказался, несомненно, весьма неожиданным, но очень показательным для его биографии, заставив Шмидта навсегда расстаться с альпинизмом.

Глава 4
1929–1930 годы. Приобщение к Арктике

…С южных гор до северных морей…

Из советской песни

Здесь! — сказал один и третий:
— Здесь!
Здесь! Каких еще искать нам мест?

Н. Тихонов

Свои ближайшие намерения на лето 1929 года позднее сам Отто Юльевич описал так: «Собирался в этом году с Н. В. Крыленко и Б. Н. Делоне опять на Памир — брать пик Ленина». Такое намерение было вполне в русле событий предшествующего года. Но судьба-злодейка в лице другого крупного советского чиновника, смешав все карты, круто изменив жизнь героя книги на ближайшее десятилетие, направила всю его жизнь на совсем иное поле деятельности.

Шмидт так продолжает свои воспоминания: «На просмотре кинофильма о прошлогодней Памирской экспедиции (в марте 1929 года) Н. П. Горбунов (управделами СНК СССР, участник Памирской экспедиции. — *В. К.)* рассказал мне об экспедиции на Землю Франца-Иосифа и предложил ехать ее начальником… В мае я согласился, получил назначение Совнаркома и в июне был в Ленинграде, в Институте по изучению Севера, где с Р. Л. Самойловичем и В. Ю. Визе договорился об основном» (1960, с. 44). Из перечисленных персон на ближайшее десятилетие его сотрудниками стали — первый в качестве директора Института по изучению Севера (впоследствии Арктического института), а второй — в роли участника мозгового центра, определявшего события во льдах Советской Арктики.

Этот жизненный кульбит связан с возвращением в советских верхах к идее научно-практического освоения Земли Франца-Иосифа и ее включения в наши полярные владения, как это декларировалось еще нотой царского правительства 1916 года и подтверждалось советской нотой 1926 года. Пора было

переходить от слов к делу, тем более что Норвегия, ободренная уступчивостью великого соседа в отношении Шпицбергена, надеялась повторить аналогичный вариант и на соседнем архипелаге. Чтобы подобного не произошло, было решено построить на Земле Франца-Иосифа научную станцию. В воспоминаниях рядовых полярников эти события государственного уровня получили свою оценку.

«Из газетных сообщений я узнал, — писал позднее один из первых советских зимовщиков архипелага М. С. Муров, — что 5 марта 1929 года Совет Народных Комиссаров утвердил проект организации экспедиции на Землю Франца-Иосифа, где предполагалось строительство радиостанции, и что выполнение этой задачи возложено на Институт по изучению Севера, находящийся в Ленинграде»(1971, с. 16). Начался набор добровольцев, который проходил непросто. Одним из первых явился Эрнст Теодорович Кренкель, имевший к тому времени опыт двух зимовок на Новой Земле. Свое приобщение к новому архипелагу он дополнил такими деталями: «Экспедиция обещала быть очень интересной… Я немедленно написал письмо в Ленинград директору Института по изучению Севера Рудольфу Лазаревичу Самойловичу. Письмо Самойловичу не осталось без ответа. Я выехал в Ленинград и вместе с будущими товарищами по зимовке оказался на Съездовской линии Васильевского острова, где находился Институт по изучению Севера. К тому времени, когда нас пригласили в институт, туда прибыл и Отто Юльевич Шмидт. Первая встреча со Шмидтом произвела большое впечатление. В комнату вошел человек, облик которого был совершенно необычен. Огромная окладистая борода, волосы пышные, зачесанные назад. Прекрасная шевелюра. Запоминающиеся черты лица, особенно глаза — умные серые глаза, способные принимать десятки разных оттенков. Стоило Шмидту войти в комнату, как тотчас же возникало ощущение, что этот человек все знает, все понимает, все умеет.

Шмидт разговаривал с нами на равных. Мы тоже держались вполне независимо, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что внутренне каждый из нас трепетал и робел. Вполне официально Шмидт сказал в этой беседе, что нам предстоит стать первой сменой самой северной в мире полярной станции, которую поставят на Земле Франца-Иосифа.

И наконец, еще одно знакомство — знакомство с человеком, завершившим этот великолепный триумвират, которому предстояло возглавить экспедицию, — с Владимиром Юльевичем Визе. Если Рудольф Лазаревич Самойлович был практиком Арктики, то Визе был ее тонким теоретиком. Он написал много

книг и статей об Арктике и поставил посередине Карского моря большой знак вопроса, отметив им место предполагаемого острова… С тех пор я считаю своими учителями весь этот великолепный триумвират — Отто Юльевича Шмидта, Рудольфа Лазаревича Самойловича и Владимира Юльевича Визе» (1973, с. 149–151).

Самым старым полярником среди участников экспедиции на Землю Франца-Иосифа был, несомненно, Владимир Юльевич Визе, сделавший свой выбор в 1912 году, когда в качестве географа экспедиции Седова прошел с ней весь ее крестный путь, не пожалев о своем первоначальном выборе. Рудольф Лазаревич Самойлович вполне самостоятельно сделал свой арктический выбор еще в 1911 году в качестве участника неудачной экспедиции Држевецкого на Шпицберген на судне «Жак Картье». На следующий год он прошел великолепную арктическую стажировку под руководством самого В. А. Русанова на Шпицбергене, а это многого стоит.

Не случайно будущий глава советских полярников останавливается на вкладе своих предшественников: «План экспедиции был разработан Институтом по изучению Севера под руководством Р. Л. Самойловича и В. Ю. Визе и утвержден созданной при Совете Народных Комиссаров Арктической комиссией… Руководителем научных работ и помощником начальника экспедиции были назначены Р. Л. Самойлович, директор Института по изучению Севера, и В. Ю. Визе. Первый большой знаток Шпицбергена и Новой Земли, заходил ненадолго на Землю Франца-Иосифа в предыдущем году. В. Ю. Визе знал Землю Франца-Иосифа еще по экспедиции лейтенанта Г. Седова 1912–1914 гг., когда «Св. Фока» зимовал в бухте Тихой на о. Гукера. Вопросы руководства экспедицией обычно обсуждались «тройкой» (Шмидт, Самойлович, Визе), а по вопросам курса плавания — вчетвером (те же и капитан)» (Там же, с. 33–34).

Несомненно, Шмидт объективен в отношении своих предшественников на новом для него поле деятельности в высоких широтах. Определенно Самойлович и Визе в роли ближайших помощников на самом начальном и поэтому ответственном этапе не подвели Шмидта, во многом обеспечив его стремительный взлет на новом поприще уже в ближайшие годы.

«Шло время, — продолжает Муров, — и состав нашей экспедиции постепенно увеличивался. Из Архангельска приехал Петр Яковлевич Илляшевич, зимовавший до этого на Новой Земле, а сейчас назначенный начальником нашей зимовки… Плохо обстояло дело с наймом рабочих для сборки этого дома на

Земле Франца-Иосифа: желающих ехать не находилось.

Наконец, появился четвертый зимовщик — Георгий Александрович Шашковский. Это был молодой геофизик, ростом не менее двух метров, с поэтической душой и скептическим складом ума. Он тоже уже зимовал в Арктике на Маточкином Шаре. На Земле Франца-Иосифа ему предстояло проводить метеорологические работы.

В течение месяца мы четверо лихорадочно готовили экспедицию… Экспедиция приняла политический характер, и Совет Народных Комиссаров назначил начальником ее Отто Юльевича Шмидта… Шмидт появился в Институте по изучению Севера в сопровождении Визе. Шмидт был высок, несколько сутуловат, носил большую бороду. Одет в новую, явно не по росту, серую шинель. Еще запомнились кепка и ботинки с шерстяными гетрами.

В течение трех часов длилось заседание в кабинете директора. Сообщение делал Шмидт. По мнению ученых, экспедиции предстояло преодолеть полосу льда шириной не менее 250 миль. Доступ к Земле Франца-Иосифа открыт не каждый год. Но пробиться к архипелагу должны во что бы то ни стало. В крайнем случае намечалось перебросить на собаках до ближайшего острова двух человек: радиста и механика, а также продовольствие, рацию, жилье, в котором они могли бы находиться, держать связь с Большой землей.

Далее Шмидт рассказал, что для экспедиции зафрахтован ледокол (точнее, ледокольный пароход. — *В. К.*), капитаном которого назначен Владимир Иванович Воронин.

Кроме того, Отто Юльевич настоял на приглашении на зимовку врача и повара.

Во время заседания я мог ближе рассмотреть Отто Юльевича. Он произвел на меня огромное впечатление своей романтической внешностью. У него были тонкие черты лица, высокий лоб, длинные, зачесанные назад волосы и пышная черная борода» (Муров, 1971, с. 24–25). Отметим, что в воспоминаниях Мурова образ Шмидта целиком заслонил роль и участие в делах экспедиции других ее участников, что наблюдается во многих других печатных изданиях. Не случайно — в силу присущей будущему руководителю советских полярников особой харизмы.

После приезда Шмидта в Архангельск обнаружился ряд неблагоприятных моментов. С трудом накануне отъезда из Ленинграда удалось найти на зимовку врача: им стал доктор Георгиевский. И очень кстати! В Архангельске Кренкель угодил в больницу с подозрением на аппендицит, но вскоре сбежал оттуда — к счастью, без последствий на будущее. По многочисленным

сообщениям с моря, ледовая обстановка складывалась самая неблагоприятная. Льды буквально подпирали Кольское побережье, стало известно об айсбергах в Горле Белого моря, резко упала температура воды (этому Визе при прогнозировании придавал большое значение), пароход из Архангельска на Печору вместо обычных четырех суток из-за льда добирался почти две недели и т. д.

Для Визе и Самойловича Архангельск был давно знакомым городом, мало изменившимся за советское время — не считая переименования улиц в честь деятелей времен Гражданской войны и революции. Бросались в глаза переделки многочисленных церквей под хозяйственные нужды, включая подворье Соловецкого монастыря. А в остальном — все те же дощатые тротуары на бывшем Троицком проспекте, переименованном в честь красного героя Гражданской войны Павлина Виноградова, замысловатая резьба наличников на домах старинной постройки, певучий поморский говор на набережной Двины, стойкий запах пека и вара на Смольном Буяне вперемежку с ароматом соленой трески на городском рынке и в порту да множество пароходов и шхун на просторе раскинувшейся Двины. Среди них глаз моряка легко выделял знакомые силуэты ледокольных судов, а то и самих ледоколов. Порой помощники Шмидта превращались в его гидов, демонстрируя места, связанные с деятельностью Русанова или Седова, сами припоминая, где и когда на Двине стояло то или иное экспедиционное судно. Эта информация усваивалась Шмидтом буквально с лету, помогая принимать удачные решения в новой для него обстановке.

На протяжении столетий Архангельск был не просто колыбелью русского полярного мореплавания, но и неофициальной столицей Поморья, где каждый житель изначально был связан повседневной жизнью с морем. Архангелогородцы продолжали пополнять экипажи судов Карской экспедиции, каждым летом уходивших на Обь и Енисей, а также кадры зимовщиков полярных станций, находившихся в ту пору в ведении УБЕКО-Север, бывшей Гидрографической службы. Даже названия судов у причалов или на Двинском плесе утверждали арктические устремления первого российского порта: «Малыгин», «Сибиряков», «Русанов» и другие, с которыми Шмидту предстояло в ближайшие годы иметь самое непосредственное дело.

По условиям того сурового времени (начало коллективизации!) «заготовка продовольствия и снаряжения велась, главным образом, в Ленинграде, отчасти — в Москве… Необходимо отметить, что все руководители местных органов, в

особенности секретарь Краевого комитета партии С. А. Бергавинов (запомним это имя на будущее, поскольку спустя пять лет этому человеку предстояло стать ближайшим помощником Шмидта в качестве представителя партии. — *В. К.),* отнеслись к экспедиции с исключительным вниманием и заботой» (1960, с. 34).

Для экспедиции был выделен ледокольный пароход «Седов», с капитаном Владимиром Ивановичем Ворониным (1890–1952), родившимся в Сумском Посаде на Поморском берегу Белого моря. Коренной помор, пять его братьев также стали капитанами. Морскую службу начал зуйком (юнгой на рыболовецких промыслах на Мурмане) с восьми лет, а с 10 лет — продолжил юнгой на паруснике. К 1916 году с дипломом штурмана дальнего плавания служил на пароходе «Федор Чижов», вплоть до гибели судна при нападании немецкой подводной лодки. Воронин сумел спасти всех пассажиров, сам, однако, получив тяжелое ранение. С установлением советской власти участвовал в Карских экспедициях и зверобойном промысле на Белом море, где познакомился с авиаторами и, в частности, с летчиком Бабушкиным, совершавшим с 1926 году, первые посадки на лед. В том же году стал капитаном «Седова», на котором получил большой опыт ледового плавания, включая поход на Землю Франца-Иосифа летом 1928 года в поисках пропавших без вести членов экипажа «Италии». Сам Шмидт вскоре пришел к выводу: «Воронин — лучший ледовый капитан. Он обладает исключительным самообладанием, не только великолепно ведет судно, но интуитивно чувствует как его надо вести (может быть, это чутье выработано целыми поколениями его предков-поморов). И что очень важно, В. И. Воронин отличается редким для капитана пониманием целей и значения наших научных исследований. Он сам помогал нам в научной работе, своей рукой вычертил карту с указанием ледовых условий района, в котором мы находились. Он готов идти на многое, даже на риск, ради успеха научных исследований. В этом смысле это исключительный капитан исследовательского судна» (1960, с. 83).

«Седов» имел водоизмещение около 3000 тонн, мощность машин 2300 л. с., экипаж 35 человек. Численность персонала будущей полярной станции — 7 человек, экспедиционный состав (включая руководство) — еще 6 человек и несколько представителей прессы (включая кинооператора). 11 июля, закончив ремонт, на «Седове» приступили к погрузке угля, экспедиционного снаряжения и стройматериалов для будущей станции. В ночь на 21 июня судно покинуло Архангельск.

Оценивая перспективы предстоящего похода, Шмидт, разумеется, должен был целиком полагаться на своих более опытных помощников, не имея пока собственного ледового опыта.

22-го «Седов» был уже в Горле Белого моря, а посреди Баренцева моря на 75°40′ с. ш. были встречены первые айсберги и к вечеру того же дня на 77°30′. достигли кромки льда — для Шмидта начиналась настоящая Арктика.

28 июля ледовый пояс был преодолен, «Седов» вышел на участок чистой воды и вскоре после 18 часов открылся берег. В своем дневнике Шмидт отметил: «Сквозь снег выступает что-то черное, гористое. Дали сразу задний ход, остановились. Встреча с землей произошла неожиданно и раньше, чем мы предполагали. Должно быть, при счислении ошиблись, не учли дрейфа. А солнце за туманом и снегом давно не было видно. Мы ожидали землю только через 20–30 миль! Первый этап пройден» (1960, с. 50). Реакцию зимовщиков при виде открывшейся картины сурового арктического побережья наиболее полно выразил радист Кренкель: «Здесь зимовать не вредно. Черт побери, красота-то какая!»

На следующий день, 29 июля, «…спустили три шлюпки. Я пригласил на торжество водружения флага руководящую тройку, капитана, предсудкома, секретаря ячейки, прессу (всех трех), кинооператора, П. И. Илляшевича, еще нескольких человек и гребцов-матросов… Торжественная часть прошла хорошо — просто и в то же время с подъемом. Серьезно, в духе Севера. Я объявил: «В силу моих полномочий правительственного комиссара водружаю этот флаг и объявляю о вхождении Земли Франца-Иосифа в состав Союза ССР». Боцман (он же секретарь ячейки) поднял флаг, присутствующие салютовали из винтовок и револьверов… Бухта Тихая свое название оправдывает. Описать эту очаровательную бухту я успею… Отпали другие «кандидаты» — решили строить станцию здесь. Ночью я послал П. Я. Илляшевича на землю. Он с В. Ю. Визе выбрали место для станции — под крестом, поставленным Г. Я. Седовым в качестве астрономического знака. Рано утром капитан промерил глубину, подошел к этому месту. Ему удалось стать в 30 метрах. Идеальные условия выгрузки. При хорошей погоде выгрузка займет 10–15 дней, при плохой — 20–30. Сегодня, 2 августа, выгрузка началась…» (1960, с. 51–54.).

Все шло хорошо, но 6 августа подвижкой дрейфующего льда «Седова» отжало на мель с последующим небольшим авралом при снятии. Шмидт продолжает усваивать новую для себя обстановку: «Только и слышно: «трави канат», «вира лебедкой». Надо выучить целый словарь: «канат» — это якорная цепь, а наш канат, если

толстый, особенно металлический — «строп», поменьше, как и веревка, — «конец»(с. 54–55). Похоже, знание иностранных языков на этот раз не помогло очередному арктическому новобранцу, изучавшему новое для себя поле деятельности буквально с азов.

Новая природная обстановка, включая ледники, непохожие на памирские, вызывает обостренный интерес арктического новичка: «Ледник (Седова на современной карте. — *В. К.)* настоящий, со всамделишными трещинами, в которые дважды по пояс погружался, удерживаясь винтовкой — не взял ни веревки, ни чего-либо другого. В следующий раз пойдем во всем альпинистском вооружении… Изумительной красоты базальтовая скала (о Рубини-Рок. — *В. К.)* на противоположном берегу бухты. Переехали на шлюпке, поднялись по крутым осыпям, частью покрытых мхом. Круто, но не трудно, больше опасности от катящихся камней… Обратно, по выбору Самойловича и вопреки моему совету, шли по крутой расщелине — осыпи камней. Было нетрудно, но довольно эффектно… Вчера Р. Л. Самойлович, его помощники и я поехали на Рубини-Рок. Они обследовали долину за ним, нашли много интересного для геологов… Убедился на этом случае, что Р. Л. Самойлович — мужественный человек со склонностью к благородной авантюре» (Там же, с. 55).

Последняя характеристика принадлежит человеку, впервые оказавшемуся в ледовитых морях, она по-своему показательна, тем более что и сам Шмидт в целом ряде случаев при знакомстве с новыми для него природными объектами и ситуациями не соблюдает правила техники безопасности, обязательные для всех.

Вновь и вновь он обращается к особенностям арктической природы, вызвавшей его удивление: «Странные здесь ледники — новый для меня тип северного глетчера. Плоский купол с очень слабым подъемом…

…На обратном пути была вознаграждена наша спортивная жилка. Спустились с ледника прямо к мысу Седова, пройдя несколько километров по леднику. На спуске, уже менее пологом, конечно, масса трещин. На этот раз я взял веревку и ледоруб — они пригодились. Обвязав всех веревкой, я давал практические уроки перехода через трещины и вытягивания из них… Особенно я был рад восторгу спутников, ранее трещин не видавших. И. М. Иванов насчитал, что мы перешли через 271 трещину» (с. 58). В том первом знакомстве с Арктикой Шмидт еще оставался спортсменом-альпинистом даже в роли официального представителя государства, пока еще не осознавая себя полярником.

Между тем на берегу свои трудности — темпы выгрузки

слишком превосходили темпы стройки. Не случайно 12 августа в дневнике Отто Юльевича появляется следующая запись: «Выгрузка кончается… Очень мне не нравится бездеятельное сидение «Г. Седова» на якоре. Как только все выгрузят, хочу настоять на разведывательных поездках (в Британский канал и др.) на 1–2 дня, оставив рабочих и зимовщиков на берегу» (1960, с. 57).

Чтобы не напугать остающихся на берегу строителей, обеспечив их всем необходимым, решили уложиться с рекогносцировкой в сутки с вылазкой — в пролив Юнга и Британский канал — использованной для проведения гидрологических и морских биологических сборов, оставивших у Шмидта сильное впечатление: «Все наше население толпится вокруг, смотрит и помогает. Г. П. Горбунов с усмешкой говорит, что вначале все рады помочь, даже мешают, а потом — не упросить. Лично я и раньше часами стоял с биологами над драгой, рассматривая поразительное разнообразие и красоту форм» (с. 58). Разумеется, пока это восприятие дилетанта в новом для него деле, больше Шмидт озабочен задержкой в строительстве станции.

Очередная экскурсия на «Седове», продолжавшаяся около суток в ночь с 19 на 20 августа, ознаменовалась опасным приключением Шмидта в ледяном гроте айсберга на крохотной лодочке-тузике, которое он красочно описал в своем дневнике. Мало того что будущий академик, обнаружив его, сам вдоволь насладился опасной красотой, причем без малейшей научной необходимости, он вовлек в рискованное приключение и других участников экспедиции, приводя сомнительные оправдания: «Не умею я смотреть красоту один. Выплыл ко входу и закричал на «Седов» старшему штурману: «Здесь такая красота, какой я в жизни не видел. Будите всех корреспондентов, пусть и капитан и научные, и киноработники — все придут!» Грот образовывал гигантское звуковое зеркало. Меня было хорошо слышно, через несколько секунд я услышал «Есть!». С ледокола спустили большую шлюпку, я с нетерпением поехал навстречу, опять через льды, ставшие еще хуже… Как всегда бывает, собирались долго, наконец, тронулись. Льды стали почти непроходимыми для большой шлюпки. Капитан сразу стал нервничать, ведь и на «Седов» льды могли надавить. Но не успели еще проникнуться его красотой, как выход стало закрывать льдиной. Скорее назад! Капитан запрещает отталкиваться от стен — могут обвалиться. Нельзя громко говорить. В то же время все галдят, хоть вполголоса, некоторые выскакивают на льдину, потом обратно. Я, оставшись в гроте на тузике, кричу П. К. Новицкому, чтобы он

непременно снимал…

…А в это время крик с «Седова»: «Лед напирает!» Судну надо немедленно уходить, а то прибьет к айсбергу. Происшествие, которое потом весело вспоминали. Но в то время капитану было не по себе» (с. 60–61). Как говорится, no comments… Кто был прав — капитан (пошедший на поводу у начальника) или начальник экспедиции, читатель может сам составить мнение…

То, что на начальном этапе своей деятельности Шмидт принимал порой сомнительные решения, подтверждают и другие участники событий. М. С. Муров, занятый на строительстве, отмечает, что «21 августа к нам неожиданно приехал Шмидт и сообщил, что он принял решение до окончания строительных работ… предпринять исследовательский рейс на север архипелага. Рискованная затея пришлась нам не по душе, и мы ему откровенно признались в этом…

«Мне понятны ваши опасения, — ответил Отто Юльевич, — в случае, если мы застрянем, вам придется зимовать с шестнадцатью рабочими — перспектива тяжелая не только в продовольственном отношении. Но бездеятельное сидение научного состава, когда есть возможность исследовать весь архипелаг, найти могилу Седова, будет непростительно»(1971, с. 77–78).

Обнаружив в походе на север присутствие атлантических вод, Визе понял причину отсутствия льда у северных границ архипелага, тогда как начальник экспедиции испытывал определенный рекордсменский зуд, своеобразный пережиток недавнего спортивного прошлого, который в ближайшие годы ему предстояло преодолеть, судя по записи в дневнике: «Двинулись севернее, ломать мировой рекорд (82°04′ с. ш.). Скоро льды стали тяжелее. Все же я решил идти дальше, даже когда В. Ю. Визе и Р. Л. Самойлович стали советовать повернуть назад. Это было на 82° 06’ с. ш. Я согласился с ними только когда достигли 82° 14’ с. ш., т. к. когда рекорд стал совершенно бесспорным — вне ошибок счисления. Капитан присоединился к «отступающим» (1960, с. 63). Были и другие достижения научного характера — размеры острова Нансена на английской морской карте оказались значительно меньше, что выяснилось при посещении острова Самойловичем и Ивановым. Найти могилу Седова не удалось, зато зимовочная база американской экспедиции Фиалы в бухте Теплиц была изучена настолько основательно, что Шмидт, несмотря на солидный возраст сохранившегося провианта, смог оценить его достоинства: «Консервы хороши»! (Там же, с. 64).

Возвращение «Седова» к строящейся станции совпало с возобновлением ее блокады очередным напором льдов, которые

остановили «Седова» примерно в 15 километрах от станции.

30 августа станция в бухте Тихой отправила первую радиограмму и, таким образом, вошла в строй действующих, что было отмечено салютом и поднятием флага на построенном доме, а также торжественным митингом и речами. Льды продержали «Седова» у архипелага до 1 сентября и возвращение началось в обход острова Гукера с севера. Только спустя трое суток судно оказалось на чистой воде, что вселило в ученых надежду во время плавания к востоку посетить остров Уединения и даже добраться до Северной Земли. Это устраивало гидрологическую группу — в первую очередь Визе, Лактионова и Горбунова. Особый интерес Визе к новой акватории понятен — пять лет назад он заявил о существовании там неизвестной суши, предсказанной им по результатам изучения дрейфа «Святой Анны» в 1912–1914 годах.

Финал похода также описан в дневнике Шмидта:

«6 сентября, вечер. Конец эпопеи близок. Идем на юг, назад к земле. Проделали гидрологический разрез по 79° с. ш. до 70° в. д. за долготу мыса Желания. От плана добраться до о. Уединения и до Северной Земли приходится отказаться… Вечером 5 сентября капитан, при сочувствии Самойловича, стал убеждать меня повернуть обратно… судно в таком виде не может больше входить в лед и не перенесет серьезного шторма. Вода впереди чистая… но доводы капитана серьезны… Утром 6-го момент для решения наступил… Волнение 6 баллов, ледокол сильно дрейфует, научные работники бьются без успеха — невозможно работать. Тут уже и В. Ю. Визе вышел из себя, заявив, что, раз гидрологические исследования вести более невозможно, незачем дальше ехать… Потеряв последнего союзника, я уже не могу сопротивляться общему мнению специалистов» (1960, с. 70–71).

Общая результативность экспедиции (помимо главного — создания научного стационара) была значительной, начиная с работы геологов и топографов, кроме гидрологических наблюдений, помимо изучения обитателей моря. Это не считая топографических съемок, когда интересы различных специалистов соприкасались. «Наш топограф И. М. Иванов, — отметил Визе, — занялся съемкой ледника Юрия, спускающегося с южной стороны скалы Рубини. Съемка ледника Юрия представляла большой интерес, так как 15 лет назад этот ледник был заснят мною, а еще раньше — в 1904 году — экспедицией Фиала. Из сравнения карт, составленных в 1904 и 1914 годов, с новой картой 1929 года, можно будет вывести заключение о том, отступают или наступают ледники Земли Франца-Иосифа… Эти изменения в положении ледников, которые могут быть весьма значительными, вызываются колебаниями климата… За

последние 25 лет климат Земли Франца-Иосифа, очевидно, не изменился в какую-либо сторону, так как положение края ледника Юрия оставалось за этот промежуток времени почти неизменным» (Там же, с. 86–87). Эти отрывочные, порой случайные наблюдения положили начало изучению изменений природной среды высоких широт, столь актуальному в настоящее время в связи с глобальным изменением климата. Понятен и интерес, проявленный учеными к геологии Земли Франца-Иосифа, поскольку они уже мысленно сопоставляли новые данные с известными условиями Новой Земли и Шпицбергена, пытаясь мысленно объединить их в единую природную систему на основе проблемы континентального шельфа, столь актуальной в наши дни в связи с потребностях в углеводородах.

Новичку Шмидту приходилось жадно усваивать новую для него информацию, отмечая совпадения и нестыковки во взглядах своих более опытных подчиненных. Неудивительно, что на будущий год Шмидт не вернулся в столь любимые им горы, изменив им ради Арктики. Определенно по великолепию пейзажей горы Средней Азии не уступали Арктике. Зато Арктика оказалась несравненно перспективней для его могучего научно-организационного таланта.

В ближайшие годы инициатива в арктических делах перешла от директора Института по изучению Севера Самойловича к Шмидту. Именно в экспедициях 1929 и 1930 годов фактически состоялась передача дел на местности (как это и должно быть в идеале), когда новый «шеф», на лету усваивая специфику предстоящих работ, с каждой новой экспедицией все глубже входит в курс дела, одновременно строя планы на будущее.

Новое поле деятельности определенно заинтриговало Шмидта, о чем он поведал позднее: «…После того, как прошлогоднее путешествие прошло удачно, и на Земле Франца-Иосифа установлен достаточно мощный опорный пункт, и наш ледокол показал себя пригодным для арктических исследований, и Арктическая комиссия в план этого года (то есть на навигацию 1930 года. — *В. К.)* включила решение в один рейс двух задач: вновь достичь Земли Франца-Иосифа, где сменить зимовщиков и достроить станцию, и в тот же рейс отправиться на Северную Землю неизведанным еще путем, также построить там станцию и оставить людей. Выполнение этих задач требовало такого расхода угля, который превосходил возможности ледокола. Поэтому нам было нужно получить уголь с другого судна где-то между Землей Франца-Иосифа и Северной Землей» (1960, с. 72).

В предстоящем походе 1930 года штат ученых был увеличен до двенадцати человек. Помимо них в экспедиции участвовали

представители прессы и кино (пять человек), смена зимовщиков на Землю Франца-Иосифа (еще 9 полярников), а также зимовочная экспедиция на Северную Землю под начальством Г. А. Ушакова — для ликвидации белого пятна на этом, по сути, неизвестном архипелаге. Шмидт отчетливо понимал, что научные достижения где-то в высоких широтах должны стать известными всему советскому обществу, чем объясняется наличие группы представителей средств массовой информации. Капитаном судна, как и в прошлом году, оставался В. И. Воронин — Шмидт вполне оценил достоинства этого помора как мастера ледового плавания. Всего на борту «Седова» находилось 78 человек — мягко говоря, судно было весьма перенаселено.

Плавание «Седова» в навигацию 1930 года явилось наращиванием достигнутого в прошлом успеха, что, несомненно, является заслугой Шмидта. Он наметил новые перспективные задачи: во-первых, создание научной базы на Северной Земле для ее дальнейшего изучения, во-вторых, проверку одного из наиболее удачных прогнозов в Арктике за первую треть XX века на существование неизвестной суши в центральной части Карского моря. Добиться такого решения в «верхах» оказалось не слишком сложно, поскольку в международном сообществе активно обсуждалась проблема Земли Гарриса. В свое время американский гидрограф Гаррис на основе сведений экспедиции о приливах-отливах в районе Канадского Арктического архипелага предсказал массив неизвестной суши площадью с Гренландию. Его прогноз привлек внимание политиков, у которых возникал свой вопрос: а не является ли столь же теоретическая «Земля Визе» частью этой «Земли Гарриса», тем более, что очертание западных пределов Северной Земли оставалось неизвестным?

«Седов» вышел из Архангельска 15 июля. Проводы при скоплении большого количества народа состоялись на Красной пристани и в соответствии с новыми советскими традициями были отмечены речами. Шмидт сосредоточился в основном на политических задачах предстоящей экспедиции: «… Мы уходим в далекий путь — завоевывать Арктику и подчинить ее капризы воле могучего рабочего класса, направленного к развитию Советского Союза… Мы не будем одиноки, не будем чувствовать отчужденности от происходящей великой стройки. Нас посылает советское правительство. За работой экспедиции будет следить пролетариат всего мира… Мы едем как северный отряд великой армии труда, неся частицу энергии рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии. Мы победим!»

Соответственно, Самойлович уделил больше внимания

научным исследованиям для хозяйственных целей: «Вы — жители края, из которых устремлялись все наши научные исследования… Одна из задач нашей экспедиции — ряд научных исследований для развития Северного края и выяснения его экономических возможностей. Мы сейчас еще точно не знаем, какое значение может иметь то или иное научное открытие нашего похода. До сих пор еще в Арктике скрыто много тайн. Социалистическое строительство нашей страны требует от людей науки ответа, что представляют эти северные уголки, что может быть использовано для быстрейшего развития нашего хозяйства? Север все еще мало изучен, мы совершенно не знаем, что скрыто в недрах его земли. И мы идем за ответом. Правительственная арктическая экспедиция уходящая сегодня на Землю Франца-Иосифа и Северную Землю, поставила перед собой цель — взять на учет эти острова и нанести на карту тот большой, незнакомый еще кусок загадочной земли, который был в 1913 году случайно открыт Вилькицким — к северу от Сибири за Таймырским полуостровом. На пути к землям Франца-Иосифа и Северной экспедиция исследует морских животных, выяснит, какая рыба водится в северных морях. Тот интерес, который проявляется в изучении Арктики, делает нашу страну руководящей в области полярных исследований. Наши молодые, готовые к любым лишениям исследователи, добьются выполнения пятилетки изучения Севера в два-три года».

В краткой речи Визе, другой заместитель Шмидта, выразил собственные надежды, не оправдавшиеся год назад: «Эта наша советская будничная работа, которую мы проводим для быстрейшего развития нашей страны. Советское правительство давно уже обратило внимание на вопросы освоения и нашего Севера и закрепления северных границ. В этом году на пути к Северной Земле мы предполагаем открыть новые земли, острова, о которых человечество еще не знало. Над ними водрузится советский флаг, и они будут включены в территорию Советского Союза. Правительство и коммунистическая партия, благодаря которым так успешно идут полярные исследования, дают нам, ученым, прекрасное орудие в борьбе со льдом — знаменитые на весь мир советские ледоколы» (Муханов, с. 16–17).

Реакцию архангелогородцев, провожавших своих близких в неизвестные моря, отметил корреспондент «Комсомольской правды» Л. Муханов, вскоре сам оказавшийся в рядах полярников: «Пристань загудела, замелькали платки и кепки».

В отличие от прошлого года ледовая обстановка по маршруту плавания оставалась благоприятной, и неделю спустя «Седов» вошел в бухту Тихую. «Станцию мы нашли в превосходном

состоянии, — отметил Шмидт. — Все люди здоровы и в хорошем состоянии духа, полученные задания ими выполнены. Запасы оказались совершенно достаточными. Неприкосновенные запасы не тронуты. Люди доказали возможность там жить, возможность регулярно проводить работу» (1960, с. 73), что в первую очередь относилось к регулярным метеонаблюдениям. Несомненно, важным достижением первой советской зимовки на архипелаге стало установление Э. Т. Кренкелем радиосвязи с базой антарктической экспедиции Р. Э. Бэрда, что являлось мировым рекордом и, разумеется, имело огромное практическое значение. Здесь были также продолжены наблюдения прошлого года. «Во время пребывания в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа большое место занимали сбор геологических коллекций, а также биологические и гидрологические работы. В частности, попробовали взять лед с разных глубин ледника, чтобы потом подвергнуть его анализу. В этих целях мы отправились на один из ледников, и я, как альпинист, опустился в щель на 25 метров. Висел и рубил лед, который потом был отправлен на юг. Когда мне показалось, что уже довольно, что я уже больше часа нахожусь в щели и больше не выдержу, попросил меня вытащить. Вытащили. Оказалось, что я пробыл в щели два с половиной часа. Какой результат дали пробы льда, не знаю, но если лед доехал в целости, то результаты его исследования должны быть очень интересны» (1960, с. 74–75).

На этот раз на Земле Франца-Иосифа встречи с норвежскими промысловыми судами произошли, что называется, нос к носу. Два из них «Седов» встретил у острова Альджер. Шмидт разъяснил норвежцам, что они находятся в советских территориальных водах, посещение которых требует специального разрешения советских властей.

3 августа «Седов» покинул берега Земли Франца-Иосифа для поисков неизвестной суши на белом пятне в центре Карского моря. Однако прежде, по Шмидту, полярники «…вернулись к Новой Земле, чтобы получить уголь, который должен был нам доставить ледокол «Сибиряков»… Мы приняли предложение Р. Л. Самойловича — попытаться произвести разгрузку в Русской Гавани в северной части Новой Земли… Р. Л. Самойлович увидал ее во время объезда Северного острова Новой Земли, и это оказалось ценнейшей находкой. Правда, наш капитан скептически смотрел на эту гавань, но она оказалась очень интересным местом.

Гавань достаточно обширная, чтобы вместить Карскую экспедицию. Она защищена от всех ветров, кроме западных… Хотя берега Новой Земли опасны, были проведены съемки гавани

и подробные промеры. Оказалось, что Русскую Гавань можно рекомендовать и карским, и прочим экспедициям как базу… если Карская экспедиция пойдет кружным путем, то она может воспользоваться этой гаванью» (1960, с. 75).

Признание роли Самойловича в выборе места для встречи судов, как и первоначальной оценке значения Русской Гавани для стоянки судов, со стороны Шмидта очевидно и не требует комментария, хотя с его приходом первенствующее значение приобрели океанографические работы на гидрологических станциях, тогда как изучение геологии морского дна только начиналось. Разумеется, были сделаны сборы донной фауны в процессе траления. 5 августа «Седов» вошел в Русскую Гавань, опережая «Сибирякова» по крайней мере на трое суток, которые руководство экспедиции решило использовать по-своему.

При этом Шмидт описывает почти недельное пребывание в Русской Гавани достаточно скомкано. Он отметил среди событий (помимо угольного аврала и съемок) обследование побережья этого достаточно обширного залива, весьма удобного для пережидания штормовой или неблагоприятной ледовой обстановки на пути в Карское море. Пока специалисты в ожидании судна набросились на берега Новой Земли, Шмидт, по прежней альпинистской привычке, решил отправиться на ледник Шокальского, поразивший его своими размерами. «Наша цель — достигнуть водораздела вершины горного хребта и увидеть противоположный берег Новой Земли и Карское море, произвести на пути маршрутную и топографические съемки. С собою забираем походную парусиновую палатку, односпальный мешок, малицу, спиртовку, консервы, галеты. Маршрут пройдет по местности, впервые посещаемой человеком…» (Муханов, с. 107). Разумеется, из задуманного с такими средствами и в такие сроки ничего путного не вышло. В это время альпинист-рекордсмен все еще нередко побеждал в нем исследователя. В любом случае научные результаты этого марш-броска были минимальными, тогда как основной успех в Русской Гавани достался топографу и астроному экспедиции Георгию Анастасьевичу Войцеховскому, создавшему первую удовлетворительную карту окрестности за те несколько дней, пока «Седов» стоял в заливе. С тех пор на карте Новой Земли остались полуостров Шмидта, бухта Воронина и множество других топонимов в честь участников экспедиции.

Выход к западному побережью Северной Земли с пересечением Карского моря привел к открытию неизвестного острова, существование которого было предсказано Визе еще шесть лет назад. Поскольку наш современник не представляет реакции людей в момент открытия новых островов и территорий,

необходимо на этом остановиться детальнее. (Дальше по РАС, 2007, с. 147 и далее.)

Вечером 13 августа в кают-компании «Седова» состоялся концерт певца Московской оперной студии П. И. Румянцева (исполнявшего в экспедиции обязанности завхоза), причем в качестве его аккомпаниатора выступал Визе. Дальнейшие события детально описаны Л. Мухановым: «Из открытой двери в накуренную комнату влетел холодный ветер. Наш капитан тихо, как будто боясь, что ему не поверят, обвел всех присутствующих голубыми глазами и выпалил: «Товарищи, на горизонте показалась не обозначенная ни на одной лоции мира земля. Глубина упала. Впереди земля».

Многие из нас не верили даже капитану.

— Земля? Ну это, братцы, дудки. Пущена утка.

Подниматься наверх в разгар полярного концерта не хотелось. Многие думали, что навстречу снова жалует «плавучая земля» в виде огромной ледяной горы.

Однако Визе, прекратив аккомпанемент, легко одетый, первым бросился на капитанский мостик; долго не отрывал близоруких глаз от бинокля.

— Да, это земля, самая настоящая, — неспеша, но уверенно говорит Владимир Юльевич…

Вокруг Визе собралась толпа из матросов, кочегаров и члены экспедиции… которым ученый поведал историю своего предвидения… Штурман Альбанов, подобранный экспедицией Г. Я. Седова на Земле Франца-Иосифа, по плавучим льдам доставил вахтенный журнал [«Святой Анны»]… Сама же Св. Анна бесследно погибла. В журнале остались записи об общем движении судна, его дрейфе, о направлении и силе ветра… По теории нам известно, с какой скоростью и в каком направлении затертое во льдах судно должно передвигаться под влиянием ветров. Зная общее передвижение судна, скорость и направление ветра, можно вычислить скорость течения: это было моей целью, когда я взялся за обработку журнала «Анны». При анализе записей я натолкнулся на интересную особенность, которую дрейф «Анны» показал между параллелями 70° и 80° с. ш. и меридианами 70° и 80° в. д. Здесь судно, двигавшееся в общем на север, отклонялось не вправо, как следовало бы ожидать по теории дрейфовых течений Экмана, а влево. Объяснить эту аномалию я мог, только допустив существование суши к востоку, недалеко от дрейфа «Анны». Ряд других особенностей дрейфа «Анны» в этом районе подкрепил мое предположение. Более подробный анализ позволил мне приближенно определить место предполагаемой суши. Я нанес его на большую карту,

приложенную к моей статье о течениях в Карском море, опубликованной в 1924 году… Теперь «Седову» выпала честь открыть предположенную мной землю и стереть знак вопроса.

Более детальное описание острова, причем с точки зрения геолога, впервые дал Самойлович по результатам высадки: «Остров Визе, расположенный на 79° 27’ с. ш. и 76° 40’ в. д. от Гринвича, тянется с северо-запада на юго-восток, имея в длину около 30 километров и в ширину около 15 километров. Он представляет собою плато, возвышающееся всего на 10–14 метров над уровнем моря… плато со слабой волнистой поверхностью изрезано небольшими речками и ручьями и имеет спокойный рельеф. Коренными породами являются палеозойские песчаники, покрытые в некоторых местах четвертичными песками… По всему протяжению берега тянется полоса древнего льда, покрытая холмистыми нагромождениями обломков коренной породы, слабо окатанных. В расположении этих нагромождений не наблюдается никакой закономерности. На этих холмах я находил постплиоценовые раковины, свидетельствовавшие о морской трансгрессии этого района. Трудно предположить, что эти нагромождения являются образованиями моренного характера. Быть может, это останцы коренной породы, подвергшиеся сильному физическому выветриванию» (1930, с. 1144–1145). Войцеховский успел положить большую часть острова на топографическую карту и даже отнаблюдать здесь астропункт.

Шмидт окончательно убедился в возможностях Визе как прогнозиста, хотя отметил убогость здешней природной обстановки: «Остров Визе нас разочаровал характером своей природы. Он дал некоторое представление о той унылости и суровости, которое мы должны встретить на Северной Земле… Установили на о. Визе астрономический пункт… На большей части острова произвели топографическую съемку… Спрашивается, имеет ли этот остров большое значение? Он сравнительно мало доступен, по-видимому, зверя там нет. Но географическое значение он имеет большое…» (1960, с. 78). С эстетической точки зрения этот низкий, сумрачный клочок суши в окружении безжизненных льдов, безусловно, проигрывал вершинам Памира под синевой азиатского неба в потоках солнечного света. Однако с точки зрения научного предвидения, определяющего достоинства исследователя, этот жалкий клочок суши посреди забитого льдом моря на самом краю известного людям мира, стоил многого. Достижение нашего ученого оказалось тем выигрышнее, что вскоре выяснилась — предвидение Гарриса таковым не является просто из-за отсутствия суши там, где она предполагалась. А прогноз Визе уже

в обозримом будущем получил продолжение — вскоре были открыты и другие острова на общей узкой подводной возвышенности, протянувшейся в центре Карского моря по меридиану. В любом случае начальник экспедиции на этом примере оценил способности Визе в области прогнозирования на будущее, которое надолго оказалось общим для обоих.

Ледовая обстановка не позволила «Седову» выходить к Северной Земле напрямик, и судно было вынуждено спускаться к югу вплоть до 77° с. ш., а затем снова пробиваться во льдах к востоку в ожидании благоприятных южных ветров, которые на этот раз не заставили себя ждать. С выходом на чистую воду начались открытия неизвестных островов одного за другим. Днем 22 августа был обнаружен остров Исаченко, на который в связи с ограниченностью в сроках и предстоящей сложной задачей не стали высаживаться. При дальнейшем продвижении к востоку в ночь с 22 на 23 августа встретился еще один неизвестный остров, названный в честь капитана «Седова». В сложившейся ледовой обстановке легли курсом на север. На исходе 23 августа очередной неизвестный прежде остров получил имя Самойловича. Экспедиция 1930 года на «Седове» была последней, когда названия вновь открытым географическим объектам давали сами участники открытия, как правило, в честь причастных к этому лиц. Позднее подобная практика присвоения топонимов была пресечена и проводилась только согласно решения директивных или партийных органов с обязательным утверждением в местных советах.

Судно уже долгое время шло по белому пятну на карте, где не было совершенно отмечено глубин, что заставляло вахтенных и капитана Воронина действовать предельно осторожно, то и дело промеряя глубины, чтобы в самый неожиданный момент не оказаться в западне. Разумеется, это не могло не сказаться на состоянии экипажа. К постоянному нервному напряжению присоединились бесконечные миражи, словно Арктика любой ценой решила не допускать незваных гостей к своим тайнам.

«В своей подозрительности, — пишет О. Ю. Шмидт, — мы дошли до того, что уже перестали верить в наличие суши даже тогда, когда действительно появились острова. Мы подошли возможно ближе. Это были острова, причем они располагались все чаще один за другим на близком расстоянии. Это создало впечатление, что мы имеем дело с западным берегом Северной Земли, которая является не одним большим островом, а группой отдельных островов, с узкими, издали мало заметными проливами. Но вопрос этот пока оставался открытым.

Если нет больших геологических различий между западным и

восточным берегами, то можно думать, что и восточный берег не сплошной. Во всяком случае, на западном берегу имеется большая бухта, что подтверждает вероятность наличия здесь пролива.

Среди указанной группы островов предстояло выбрать место будущей станции» (1960, с. 80).

Повсеместно в пределах видимости на подходах к берегу оставалась полоса припая, шириной до двух километров. Сгоряча будущие североземельцы настаивали разгружаться прямо на него. Однако, судя по дневнику Визе, было принято другое решение. 24 августа «…с целью рекогносцировки на остров отправилась пешая партия во главе с О. Ю. Шмидтом. Окружавший остров припайный лед представлял собою чудовищные нагромождения торосов, и люди, даже без поклажи, пробирались по этому льду с большим трудом. О том, чтобы в оставшийся короткий срок перетащить по этому льду строительные материалы, не могло быть и речи… Г. А. Ушаков и Н.Н. Урванцев вернулись с рекогносцировки мрачные. Заветная мечта их — устроиться на Северной Земле на два года с целью ее детально исследовать — стоит под угрозой срыва…

25 августа. Вчера нам посчастливилось найти то, что мы искали небольшой, лишенный припая остров, к берегу которого ледокол мог подойти на расстояние полутора кабельтовых. Низменный остров (Домашний на современных картах. — *В. К.),* но зато условия выгрузки здесь идеальные. От места причала шлюпки до места, выбранного для постройки дома, всего только 30–40 метров. Кроме того, этот остров обладает рядом других преимуществ в отношении постройки на нем станции… До берега самой Северной Земли отсюда, кажется, тоже не близко, но с этим мириться можно. Во всяком случае, мрачное настроение у Г. А. Ушакова и Н.Н. Урванцева исчезло безвозвратно. «Деревня хорошая», — решили зимовщики, как только высадились на берег…» (Визе, 1934, с. 72–76).

За шесть суток очередная полярная станция, или научная, база была построена. Оставалось время на короткую рекогносцировку к северу, результатом которой стало открытие 31 августа неизвестного острова, очертаниями напоминающего ледяной купол почти на 81° с. ш. Он был назван в честь начальника экспедиции. На пути к нему был выполнен гидрологический разрез. Дальше путь преградили непроходимые льды… По замечанию Визе, «…если мы до сих пор рисковали здраво, то дальнейшее пребывание в этих водах в столь позднее время года было бы уже безрассудным риском. Итак — домой!» (1934, с. 77).

Определенно в экспедициях 1929–1930 годов кругозор Отто Юльевича и его представление о возможностях Арктики на будущее менялись на ходу настолько, что его разговор с Визе представляется весьма показательным на будущее: «Отто Юльевич спросил меня сегодня, что я думаю о дальнейшей экспедиционной деятельности Арктического института. Я отвечал, что считаю необходимым распространить экспедиционные исследования дальше на восток, с целью разрешения основной проблемы Советской Арктики — вопроса о возможности практического использования Северного морского пути на всем его протяжении. Я не согласен с довольно крепко укоренившимся мнением, которое в особенности поддерживается морскими кругами, будто на этот вопрос следует поставить окончательный крест… с усовершенствованными техническими средствами можно выполнить то, что раньше не удавалось. Я не считаю возможным утверждать сейчас, что Северо-Восточный проход может быть использован для регулярного мореплавания, но полагаю, что категорическое отрицание этой возможности не имеет под собой почвы. Вопрос этот остается открытым, и поэтому его необходимо изучить. Думается, что время для его изучения настало — экономическое развитие всего советского Севера настоятельно требует его. Первым необходимейшим мероприятием в этом направлении я считаю устройство станции в наиболее тяжелом в ледовом отношении участке Северного морского пути — на мысе Челюскина.

Отто Юльевич ответил, что вполне разделяет мой взгляд, почему решил включить в план работ Арктического института не только устройство станции на мысе Челюскина, но и организацию экспедиции Северо-Восточным проходом. К последнему проекту я присоединился полностью». (1934, с. 77–78). Определенно это был разговор единомышленников, причем с заключением устного союза о совместных действиях в значительной мере, как показало будущее, оправдавшихся.

Визе далее отмечает в своем дневнике: «6 сентября. Снова в Русской Гавани. Экспедиция идет к концу. Как только геологи и топографы закончат свои работы, идем в Архангельск…»

В дополнение к этому лишь отметим, что Шмидт предпринял попытку пересечь Новую Землю, которая не могла увенчаться успехом. По описанию участвовавшего в этом предприятии Муханова произвести более или менее достоверную привязку выполненного маршрута к реальной местности или современной карте невозможно. Можно лишь утверждать, что он проходил по восточной части ледника Шокальского. Скажем прямо, его научные результаты оказались скромными, наглядно

продемонстрировав Шмидту ограниченные возможности таких спонтанных, попутных решений на местности, что ему было, впрочем, уже известно по Памиру.

13 сентября «Седов» возвратился в Архангельск, и, таким образом, вторая совместная экспедиция Шмидта, Визе и Самойловича благополучно завершилась. Последний, по возвращении из вояжа, наиболее полно описал научные результаты экспедиции в журнале «Природа» (№ 11–12 за 1930 год). Судя по этой статье Самойловича, наблюдения в морских экспедициях 1929 и 1930 годов носили комплексный характер, позволяли характеризовать как ландшафты, так и природные процессы, что, несомненно, является сильной стороной проведенных исследований. Самому Шмидту в обществе опытных полярников и заслуженных специалистов было чему поучиться. Кроме того, связывая на будущее свою судьбу с Арктикой, он знал на кого опереться.

Непростой вопрос, по мнению ветеранов Арктики, — собственно, кто кого выбирает? Молодой ли человек, впервые переступивший порог соответствующей организации и старающийся сохранить независимый вид под испытующим взглядом кадровика, или Ее Величество Арктика, убедившись в качествах очередного новобранца по окончании испытательного срока? Испытательный срок для героя настоящей книги был уже пройден, и, как показали ближайшие события, свой выбор он сделал.

На Земле Франца-Иосифа создан опорный научный пункт с большими перспективами на будущее, необходимый, прежде всего, для изучения изменений в энергоактивной зоне Арктического фронта на контакте теплых и холодных воздушных и водных масс. Создание такого же пункта наблюдений на Северной Земле позволяло судить о затухании природного процесса по мере удаления далее к востоку. Открытие острова Визе доказало высокий уровень науки о природных процессах в море, включая прогнозное направление. Было устранено обширное белое пятно на востоке Карского моря (несравнимое по величине с тем, что было сделано два года назад на Памире). При его ликвидации установлены западные пределы архипелага Северной Земли и открыто несколько новых островов, выполнен обширный комплекс гидрологических и метеорологических наблюдений. Другие наблюдения (гидрология суши, рельеф, геология слагающих пород, изучение морского дна и грунтов, геоботаника, животный мир, включая топографические съемки) стали значительным вкладом в географию Арктики, что в полной мере определилось в самом ближайшем будущем. Сама география

высоких широт из науки о существовании неизвестных земель и морей все более становилась наукой о природных процессах в условиях на грани жизни, приобретая тем самым особое значение для страны.

Для Визе экспедиции 1929–1930 годов подтвердили заслуженную славу специалиста в области ледового прогноза, значение которого становилось все более актуальным в связи с увеличением перевозок по Карскому морю. Его научный потенциал на будущее далеко не был исчерпан, и сотрудничество со Шмидтом выглядело достаточно перспективным.

Самойловичу экспедиции 1929–1930 годов позволили значительно расширить свой научный и полярный кругозор, поскольку он побывал в новых местах, получив тем самым материал для сравнения с районами, где он работал прежде. Однако сам он, похоже, испытывал двойственное отношение к происходящему. Пик его славы в связи с экспедицией на «Красине» к лагерю Нобиле летом 1928 года отошел в прошлое. Достигнутый уровень вполне устраивал Рудольфа Лазаревича, и прорыва в неизвестное будущее на шестом десятке лет (десятилетняя разница в возрасте по сравнению с «шефом» была вполне ощутимой) ожидать было трудно.

Шмидт собственное участие в двух своих первых арктических экспедициях оценил следующим образом: «Для меня походы 1929 и 1930 годов на борту «Г. Седова» были арктическим крещением — до этого я не бывал в Арктике. Хотя географические исследования меня интересовали издавна, но не могу утверждать, что мои мечты концентрировались именно на Арктике. Как бы то ни было, но, отправляясь на Землю Франца-Иосифа, я, конечно, не знал, что так горячо полюблю Арктику и что мне придется в течение многих лет служить моей Родине на этом изумительном поприще» (1959, с. 28).

На глазах многих бывалых полярников, ученых и моряков, буквально быстро рос и развивался масштабный руководитель нового типа, настоящий адмирал ледового плавания. Помимо деловой хватки, административного таланта и харизмы в глазах подчиненных, он обладал еще нужными связями «в верхах», чего не было у других (Визе, Самойловича, Урванцева и т. д.), а также готовностью к риску масштабных решений. Правда, ему пока не хватало специальных знаний, связанных с арктической природной обстановкой, однако теперь в его распоряжении был весь научный штат Института по изучению Севера во главе с директором.

Стенограмма отчета Шмидта в Арктической комиссии под председательством С. С. Каменева весьма информативна для оценки его планов на будущее: «На борту «Седова» между мной и

В. Ю. Визе завязался разговор о дальнейших задачах арктических исследований. Мы сошлись на том, что исследования в западной части Советской Арктики можно считать в первом приближении законченными и что теперь внимание должно быть обращено на восточную часть и на пути с запада на восток. Я предложил экспедицию на ледоколе из Архангельска во Владивосток по пути Норденшельда, но без зимовки. В. Ю. Визе горячо поддержал эту идею и предложил осуществить ее в 1932 году — Международном Полярном» (1959, с. 29).

Определенно Шмидт увидал в Арктике в 1929–1930 годах гораздо больше перспектив, чем на Памире в 1928-м. Плавание же 1930 года дало ему еще больше! Он убедился в перспективности своих новых подчиненных для условий, несравнимых по трудности даже с Памиром, для достижения гораздо более значительных результатов в науке и практической работе! Определенно можно было пожертвовать спортом ради гораздо более значительных целей… Шмидт, если бы он был верующим человеком, мог бы с полным на то основанием воскликнуть вместе с героем Киплинга:

> О Боже! Мне по силам уйма дел!
> Что хошь могу — я знал в работе толк…

В самое ближайшее время в деятельности Института по изучению Севера произошли значительные изменения, причем по воспоминаниям современников не удается установить, кто был их инициатором. По утверждению Самойловича, «Институт по изучению Севера, на основании докладной записки автора этих строк, был преобразован во «Всесоюзный Арктический институт». Действительно, на заседании Президиума ЦИК СССР 29 ноября 1930 года было утверждено положение об институте, в котором его задачи излагались следующим образом: «Всесоюзный Арктический институт является центральным организующим и руководящим научно-исследовательским учреждением для всестороннего изучения полярных стран Союза СССР, состоящим при ЦИК СССР и находящимся в ведении Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР».

Таким образом, ВАИ (аббревиатура нового института) становился научно-исследовательским учреждением с гораздо более широким кругом задач, чем его предшественник — Институт по изучению Севера. А проблем для ученых в этой новой организации хватало — от научного прогноза по развитию природной среды (в первую очередь льдов во всех видах) до

ездового собаководства…

Официальным регулярным изданием, в котором помещалась официальная информация о деятельности института, стал Бюллетень Арктического института (БАИ). В редколлегию вошли полярники, в большинстве своем уже известные читателю: Визе, Есипов, Пинегин, Самойлович и, разумеется, сам Шмидт. Благодаря этому органу мы можем судить о событиях в Арктике тех лет.

В первом сдвоенном номере БАИ сведения о руководстве института отсутствуют, однако в следующем (также сдвоенном, очевидно, мартовско-апрельском) указано: «14 марта текущего года состоялось первое собрание Совета Арктического института под председательством зам. директора Р. Л. Самойловича» (с. 1). Тем самым смена лидера арктических исследований в нашей стране официально состоялась.

Отметим, что особое внимание в этом издании уделялось исследованиям, связанным с предстоящим Вторым международным Полярным годом. Совсем не случайно в № 11 БАИ сообщается, что на «…заседании Президиума ЦИК Союза ССР от 13 ноября были заслушаны доклады Гидрометеорологического комитета Союза ССР (А. Ф. Вангенгейм) о плане работ по второму Международному Полярному году и Всесоюзного Арктического института (О. Ю. Шмидт) об его деятельности. Президиум ЦИК Союза ССР в основном одобрил представленный план проведения Второго Международного Полярного года… СНК Союза ССР поручено предложить НКФ Союза ССР обеспечить надлежащее финансирование в 1932,1933 и 1934 гг. мероприятий по Второму Международному Полярному году, а НКВоду — обеспечить судовым составом и, в частности, ледоколами и ледокольными пароходами морские экспедиции по выполнению программы Второго Международного Полярного года… По докладу Всесоюзного Арктического института постановлено одобрить деятельность этого института, констатировав крупные успехи советских полярных исследований» (с. 217).

Важные детали грядущих событий прослеживаются по воспоминаниям хозяйственника И. А. Копусова, направленного на работу в ВАИ Василеостровским райкомом ВКП(б) со следующим напутствием: «Есть у нас в районе тихая обитель, которая занимает всего несколько комнат. Работа там спокойная и неспешная. Это — Арктический институт…»

Ответственный партиец, вероятно, и сам не ожидал, насколько ошибается в своем напутствии очередному полярному новобранцу, о чем тот и поведал в своих воспоминаниях:

«…Отправился я в Арктический институт. Директором его

был О. Ю. Шмидт, живший в Москве и посещавший институт каждые два-три месяца. Заместителем его был Р.А. Самойлович. Организовался институт лишь в конце 1930 года, то есть всего за несколько месяцев до моего прихода. О Шмидте я слышал давно, когда работал еще в системе народного образования. Шмидт тогда был членом коллегии Наркомпроса, и его имя часто у нас упоминалось.

Р.А. Самойлович вел обширную научную работу, и все организационные и хозяйственные заботы по институту, так же как и по снаряжению отправлявшихся на север экспедиций, естественно, легли на меня… В апреле 1931 года вместе с Самойловичем я поехал в Москву к Шмидту.

Шмидт произвел на меня хорошее впечатление своей мягкостью. Мягкостью, но отнюдь не мягкотелостью. Впоследствии я узнал его ближе: это умный, дельный человек, четко и точно формулирующий свои мысли и дающий ясные и определенные указания.

Я вернулся в институт и провел ряд мероприятий по его реорганизации. Прежде всего, я перевел его в новое помещение — в обширный Шереметевский особняк на Фонтанке… В том же 1931 году штаты института были расширены более чем вдвое, были отпущены средства на новые экспедиции, организованы новые лаборатории. Словом, работа закипела.

Должен сказать, что первое мое впечатление от института было неблагоприятное. В самой большой его комнате стоял огромный стол, на котором сотрудники… играли в пинг-понг. В два часа являлся один заместитель директора, в четыре часа — другой. Все это мне не понравилось. Я привык к дисциплине. У меня уже был опыт советской работы, и мириться с такой расхлябанностью я не мог…»

Институт принял облик научного учреждения. Были привлечены специалисты из других учреждений. Началась энергичная подготовка к экспедициям 1932 года, разумеется, под руководством Шмидта. Несомненно, свою роль в открытии перспектив предстоящих свершений сыграл Визе как знаток истории арктических исследований, к которым мы должны обратиться.

Глава 5
История Северного морского пути, как руководство к действию

Средь белизны, ослеплены,
Сквозь дикий мир мы шли
В пустыне льда, где нет следа
Ни жизни, ни земли.
Где справа лед, и слева лед,
Лишь мертвый лед кругом…

С. Кольридж

Шмидт с присущим ему вниманием к деятельности предшественников вел продолжительные беседы на исторические темы с более опытными полярниками, особенно с В. Ю. Визе, у которого интерес к Арктике (первоначально чисто книжный) возник еще во время обучения на химфаке Гейдельбергского университета (Германия). Не случайно один из участников событий позднее вспоминал: «В 1930 году мне посчастливилось быть в экспедиции вместе в Владимиром Юльевичем. Я часто наблюдал, как он, часто прогуливаясь на палубе «Седова», о чем-то беседовал с начальником экспедиции О. Ю. Шмидтом. О чем они беседовали, нетрудно было догадаться» (Лактионов, 1946, с. 15).

В свое время возникший, казалось бы, отвлеченный, абсолютно нежизненный интерес позднее изменил всю дальнейшую судьбу ученого и направил его научную деятельность по совершенно иному пути. В процессе общения с этим сложившимся исследователем Шмидт однажды обнаружил, что нечто подобное, видимо, ожидает и его самого. Такое открытие невольно сблизило этих двух непохожих людей с их могучим интеллектом, искавшим выход в реализации. Правда, в отличие от Шмидта Визе не обладал ни связями «в верхах», ни организационным талантом — каждому свое… Встреча двух неординарных личностей имела далекоидущие последствия. Визе обрел в лице Шмидта своеобразного лидера на будущее, а Отто Юльевичу лучшего эксперта в области истории полярных исследований и природным процессам в Арктике было не найти. Собственный жестокий полярный опыт (две зимовки с

экспедицией Г. Я. Седова в 1912–1914 годах) сочетался у Владимира Юльевича с глубоким знанием литературных источников, не говоря уже о практике полярных исследований, которой пока не хватало Шмидту. В Арктике до поры до времени Шмидт оставался перспективным новичком, но присутствие двух сильных экспертов (включая Самойловича) значительно облегчило его приобщение к полярным проблемам. Лучшим доказательством возможностей своего ведущего полярного эксперта для Шмидта стало открытие острова Визе.

Что касается Рудольфа Лазаревича Самойловича, его дальнейшая судьба в Арктике во многом определялась, видимо, сознанием того, что пик его достижений после спасения итальянцев миновал. В своих размышлениях о достойном завершении карьеры полярного исследователя он, видимо, не вполне оценил появление на арктическом горизонте активного новичка, с задатками масштабного лидерства в будущем. Поэтому (в отличие от Визе) в отношениях со Шмидтом он не мог избежать определенного дискомфорта, что не способствовало взаимопониманию между ними. Тем не менее опыт Самойловича в части использования новейших технических средств (ледокол, самолет, радио), полученный им во время спасения выживших участников экспедиции Нобиле, несомненно, был интересен Шмидту.

До поры до времени Шмидт выслушивал обоих, не рисуя особых перспектив на будущее. Однако в свете увиденного и пережитого, а также по результатам общения со своими даровитыми подчиненными перед Отто Юльевичем постепенно обозначилось такое поле деятельности, по сравнению с которым все его прежние занятия могли оказаться лишь более или менее успешной прелюдией. Оно было подготовлено многими веками освоения арктического Севера.

В романтическом XIX веке появилась легенда о некоем зове высоких широт, тогда как наших предков на север погнала жестокая нужда, связанная с ухудшение климата на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры. Последовал упадок европейского сельского хозяйства, когда значительная часть населения, не обеспеченная продовольствием, стала покидать места прежнего обитания в поисках лучшей доли. Обитатели Скандинавии бросились на юг, повергнув своим вторжением, грабежами и насилием в ужас население Европы вплоть до Средиземноморья. Со временем, однако, они приспособились к местным условиям и постепенно растворились в новой для себя общественной среде.

Новгородцам это направление оказалось практически

недоступным (не считая тех, кто примкнул к походам «из варяг в греки»), поскольку на запад их не пускали такие же оголодавшие скандинавы, а на юг — свои же братья славяне из бассейнов Днепра и Верхней Волги. Свободными для сынов Великого Новгорода оставались лишь пути на северо-восток в бассейны рек Белого моря. К ним вели дороги через волоки на притоках Северной Двины, отчего в летописях эта местность получила название Заволочья. Угро-финские племена, населявшие эту местность, ограниченную с севера ледовитыми морями, в русских летописях описаны как чудь-заволочская. Они первыми повстречали новгородских ушкуйников, прозванных так за свои небольшие лодки-ушкуи, удобные для использования на волоках. Естественно, эти добры молодцы, самые активные, самые рисковые и готовые на все, отправлялись на поиски новой жизни без каких-либо гарантий на лучшую долю. Они были пассионариями — по Л. Н. Гумилеву, — и они были способны на многое. Подобно своим скандинавским собратьям на морях, они не отличались в походах благонравным поведением как друг с другом, так и с аборигенным населением — Средневековье есть Средневековье… Сами землепроходцы-ушкуйники обычно не оставляли отчетов о пройденных дорогах, приберегая информацию о своих открытиях из опасения таких же конкурентов или вмешательства властей, поначалу своих новгородских, а позднее и Москвы. В противоположность этому возникшие позднее на Западе торговые компании, снаряжавшие экспедиции для открытия новых земель и морских путей, спешили известить мир о своих достижениях, исходя из прагматических интересов, прежде всего приоритета в бизнесе. Да и документы на Руси чаще становились добычей огня в деревянных постройках, в то время как в Европе они лучше сохранялись в каменных зданиях.

Визе время появления наших предков на берегах Белого моря относит к XII веку, хотя освоение приморской территории, позднее получившей в России название Поморья, затянулось до второй половины XVI века. Однако, по сведениям «Повести временных лет», в 1096 году новгородцы ходили на Югру и Печору. «Югра же людие есть язык нем и соседят с Самоядью на полуночных странах», — отметил летописец. Источник конца XV века («О человецах незнаемых на восточной стране и о языцах разных») утверждает: «На восточной стране, за Югорьскою землею, над морем, живут люди Самоедь, зовемые Малгомзеи», по имени одного из местных племен. Вскоре пришельцы шагнули дальше на север, за пределы материка. Один из западных источников начала XVII века отмечает: «Русские, плавающие по

северному морю, открыли около 107 лет назад остров дотоле неизвестный, обитаемый славянским народом… и подверженный вечной стуже и морозу… Он превосходит величиной остров Кипр и показывается на картах под названием Новая Земля» (Визе, 1948, с. 16).

Быстрое продвижение на северо-восток не было случайным. Пришельцы не могли заниматься здесь привычным земледелием, как на родине. На побережье Белого моря, в землях, получивших название Поморье, их основным занятием становилась охота, рыбная ловля, и только на Печоре обозначились островки земледелия у его северных пределов. Здесь еще в XV веке возникла Ижемская слобода (у впадения реки Ижма в Цыльму), позже была основана Усть-Цылемская слободка, а в конце XV века возник Пустозерский острог. По мере истощения освоенных охотничьих угодий приходилось искать и осваивать новые, поэтому, раз начавшись, процесс открытия и освоения новых северных территорий становился непрерывным и необратимым. С выходом к морскому побережью началась эксплуатация арктических морей с добычей морского зверя, рыбной ловлей и мореплаванием.

В наших летописях утрачено время начала поморского мореплавания в Арктике. Известные науке источники дают сведения о той поре, когда оно уже успело сложиться: между 1584 и 1598 годами «…ходил москвитин Лука гость со товарищи проведывати Обского устья тремя кочи, и те де люди с великие нужи примерли и осталось тех людей всего четыре человека». Несмотря на такие жертвы, продолжение подобных плаваний позволило Москве в царствование Бориса Годунова заложить административную и хозяйственную базу на реке Таз под названием Мангазея (видимо, по имени одного аборигенного рода) для сбора ясака с местного коренного населения. С основанием Мангазеи плавание в эту область с Белого моря приобрело постоянный характер, причем проходило, выражаясь современными терминами, нередко на судах типа река — море. Так, о плавании четырех кочей летом 1601 года из Холмогор в Мангазею рассказал «…промышленный человек пинежанин Левка Шубин, прозвище Плехан», отметив вынужденную зимовку в Пустозерске, поскольку «…шли до устья Печоры мешкотно, потому что были ветры встрешные и льды великие». Самым интересным куском этого повествования является рассказ о пересечении полуострова Ямал по система рек Мутная — Зеленая с волоком в верховьях, с использованием маломерных паузков для перевозки грузов мелкими партиями («а в павозок клали до четвертей до десяти, четыре пуда четверть»), в то время как сами

«кочи тянули канатами же, делаючи вороты». Как новое явление Левка Шубин отметил, что вода в Обской и Тазовской «…в тех обоих губах пресна, а не морская». Другой источник того времени отмечает вариант плавания в Мангазею с использованием совсем короткого волока в основании полуострова Канин: «А волоку Чесского с сажень двадцать», где для перетаскивания судов нанимали оленьи упряжки, принадлежавшие ненецкому роду карачеев. По своему содержанию цитированные источники представляют собой первые русские лоции на западном участке будущего Северного морского пути. Отметим, что на этом этапе освоения трассы в полной мере сохранялись традиции ушкуйников. Имеется в виду использование смешанного пути река — море, что на ту пору успешно решало проблемы освоения отдаленных северных окраин Московии.

Однако археологические раскопки в Мангазее показали, что помимо кочей (типичные для того времени суда река — море) были также корабли открытого моря с несколькими мачтами, непригодные для волоков. Похоже, что именно на них, отправившись однажды на поиски Гренландии, поморы наткнулись на какой-то архипелаг, который и посчитали целью своего плавания. Они именовали его Грумант, теперь он известен под названием Шпицберген. Преимущество кочей заключалось в использовании мелководья по так называемому «водяному заберегу», образующемуся весной, с началом таяния льдов. Видимо, не случайно русское мореплавание начало развиваться в разгар малого ледникового периода, когда широкое распространение льдов умеряло морское волнение, представлявшее для малых судов наибольшую опасность. Таким образом, русское полярное мореплавание в те годы развивалось совсем по иному пути, чем на Западе, со своими достоинствами и недостатками.

Хотя в нашей литературе принято ругать иностранцев за их многочисленные козни и злонамеренные происки, нельзя не признать, что в ряде случаев мы обязаны им сохранением ценной информации о наших же собственных достижениях в Арктике. Таким примером является русская карта северного побережья, опубликованная голландцем Исааком Массой на основе русских сведений в 1611 году. На ней показано наше северное побережье на восток вплоть до реки Пясина на западном Таймыре, причем с многочисленными русскими топонимами, сохранившимися вплоть до настоящего времени. Несомненно, на этой карте нашли отражение сведения помора Курочкина, обнаружившего, что «падет де Енисея в морскую губу студеного моря, которым ходят немцы из своих земель кораблями ко Архангельскому устью…

Енисея де глубока, кораблями по ней ходить мочно…».

Во время своих плаваний 1929–1930 годов ни Визе, ни Шмидт не знали еще о достижении русскими мореходами северных пределов Таймырского полуострова. Следы неизвестной русской экспедиции были обнаружены здесь спустя десять лет, накануне Великой Отечественной. Наши гидрографы неожиданно для себя нашли остатки богато снаряженной неизвестной экспедиции: навигационные инструменты, огнестрельное оружие, многое другое, озадачившее специалистов. В том числе экспедиционную казну в три с половиной тысячи монет, из которых самая поздняя была отчеканена в 1617 году. Последняя дата не случайна. В тот год последовал царский указ о запрете мореплавания между Архангельском и Мангазеей из-за опасения, что «мочно немцам пройти в Мангазею из своих земель, не займуя Архангельского города», то есть избегая государева контроля.

Появление этого указа удивительно, поскольку не существовало реальной опасности иностранного вторжения со стороны ледовитого Карского моря. Наши мнимые западные конкуренты на Севморпути к тому времени исчерпали здесь свои возможности, а наши предки только-только начали разворачиваться, получив тем самым несомненное преимущество перед «немцами», как называли на Руси европейцев. Поэтому есть основания полагать, что царский указ 1617 года был следствием происков известных купцов Строгановых, не желавших выпускать из своих рук контроль за путями в Сибирь через свои пермские владения. (Заметим, в будущем развитию Севморпути неоднократно препятствовали внутренние «разборки» различных общественных слоев, хотя и в иных условиях, но при несомненной финансовой заинтересованности). А пока поморскому мореплаванию «…та дорога, по государеву указу, от давних лет в крепкой заповеди со смертной казнью быть надлежит, чтоб никакой человек тем заповедным путем из большого моря-океана в Мангазейское море, ни из Мангазейского моря в большой окиан, никто не ходил». Так достижения народного («приватного», по определению М. В. Ломоносова) мореплавания были уничтожены распоряжением центральной власти.

С одной стороны, еще в самом начале XVI века о возможностях Северного морского пути в Арктике поведал просвещенному Западу московский дипломат при папском дворе Дмитрий Герасимов: «…Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении Северу… море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться до страны Китая», что явилось первой формулировкой идеи Северного

морского пути. А с другой — столетие спустя центральная власть обрекла Мангазею, наш важнейший экономический и административный форпост в Арктике, на запустение и гибель в самом обозримом будущем. Подчеркнем — на фоне прекращения плаваний западноевропейских моряков в наших северных водах. Однако в любом случае достижения наших предков и западноевропейцев оказались несопоставимыми.

Английские и голландские моряки, стремясь добраться до Китая и Индии, пытались в полярных водах на Северном морском пути «обойти» базы своих конкурентов испанцев и португальцев, расположенные по берегам Атлантики и Индийского океана. Первым рискнуло в 1553 году английское «Общество купцов-изыскателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещенных», которое отправило на север три корабля под командованием сэра Хью Уиллоуби, поскольку он имел «представительную наружность и опыт в военном деле». Однако для полярного исследователя требовались иные качества. В результате два судна Уиллоуби погибли у берегов Кольского полуострова, а капитан третьего Ричард Ченслер неожиданно оказался в роли английского посланника при дворе Ивана Грозного. На этом первая попытка англичан познакомиться с русскими арктическими водами завершилась. Более результативным оказалось плавание 1556 года Стивена Борроу (исполнявшего обязанности старшего штурмана еще на судне Ченслера) — по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, тогда англичане обнаружили интенсивное русское мореплавание в этих негостеприимных водах, и каждый раз вместо открытий они натыкались на следы поморов. Уже во время стоянки в Коле Борроу наблюдал скопление русских лодей, направлявшихся на промысел семги к Печоре. Причем поморы в отношениях с иностранцами не испытывали комплекса неполноценности, охотно вступая в общение и даже занимаясь своеобразным бартером, в частности выменивая у английских моряков компаса, которыми умели неплохо пользоваться. В свою очередь русские поведали англичанам о своих плаваниях к Оби как об обычном деле, не делая из этого секрета, не принимая зарубежных моряков за опасных конкурентов. Иностранцы явно уступали поморам в части ледового мореплавания. Ни голландцы, ни англичане не прошли в Карском море восточнее района современной Амдермы, когда наши предки штурмовали северную оконечность Евразии. От русских же англичане узнали также названия некоторых других земель, например: «За Вайгачом лежит суша, называемая Новой Землей. Это большая

земля, но мы не видели там людей; там было много птиц, мы видели также белых лисиц и белых медведей». Борроу, наткнувшись на неизвестную сушу, узнал от русских, что она называется Новая Земля, причем в своем отчете дал его английский перевод. Остается гадать, каким образом смысл этого топонима стал понятен англичанам: видимо, какие-то лингвистические познания у обеих сторон все же существовали, тем более что склонность моряков всех наций к взаимопониманию общеизвестна.

Во-вторых (несомненная заслуга англичан), они первыми положили на карту северное побережье Московского государства от Кольского залива до Югорского шара, что было, несомненно, первостепенным достижением того времени. В топонимах закрепился приоритет наших предков в освоении этих территорий и акваторий, что нередко упускают из виду историки.

Три плавания голландцев в русских водах (1594–1597 годы) связаны с именем Виллема Баренца. Они получили известность в значительной мере благодаря первой арктической зимовке западноевропейцев на Новой Земле, описанной в книге одного из участников. Описание побережья было выполнено детально. Это позволяет восстановить события экспедиции как на основе сохранившихся голландских топонимов, так и по описанным в книге Де Фера объектам побережья, которые достаточно четко опознаются при плавании с борта современного судна. Голландская карта Новой Земли отличалась такой точностью координат и детализацией самой ситуации, что по ней можно судить об изменениях различных объектов местности, например ледников.

Интересно другое: голландцы не просто получили зимовочный опыт, но при этом отделались сравнительно небольшим количеством жертв, хотя среди них оказался и сам Баренц. Роль его в этих плаваниях оказалась самой значительной. Действительно, из 17 первоначальных зимовщиков на родину вернулось двенадцать, что, возможно, связано с отсутствием цинги благодаря употреблению пива на хвойном сусле со значительным содержанием витамина С. Отчет голландской экспедиции содержит важные сведения о размахе русского мореплавания в водах Новой Земли: русские кресты были обнаружены вплоть до 76°с. ш., и даже существовала русская зимовочная промысловая база в районе полуострова Савина Коврига. Достаточно указать, что при возвращении после зимовки голландцы шесть раз встречали русские суда, причем в районе Чешской губы они повстречали целый отряд из шести вымпелов. Без этих встреч, вероятно, голландцы просто не выжили бы…

Так или иначе, иностранцы при этих встречах по сравнению с нашими поморами оказались на вторых ролях, отчетливо понимали это и не старались изменить ситуацию в свою пользу. Их единственным реальным преимуществом было картографирование на основе системы астрономических координат. Нашим предкам хватало приметных ориентиров на побережье в виде островов и устьев рек. Так повелось со времен ушкуйников, где опорными пунктами для плавания по самим рекам служили притоки, хотя расстояния между ними нередко измерялись в днях пути. Эта практика с некоторыми изменениями использовалась поморами при плаваниях вдоль морского побережья — с не меньшим успехом, чем у иностранцев. Действительно, в результате многочисленных попыток западноевропейским морякам не удалось пройти в Карское море восточнее современной Амдермы, тогда как наши предки уже в начале XVII века миновали северную оконечность Таймыра. Видимо, эти достижения были еще более значительными, судя по тому, что англичанин Логан еще в 1611 году упоминал в своем отчете реку Хатангу. Таким образом, участие иностранных моряков в решении проблемы Северного морского пути ценно для нашего историка-современника не столько своими достижениями, сколько сохранением информации о достижениях поморского мореплавания.

Сами поморы с учетом «приватного» характера их деятельности не писали отчетов, а то, что оседало в архивах местных властей (как правило, в деревянных постройках), впоследствии нередко становилось добычей пожаров. Опять западным морякам — с их отчетами, хранившимися в каменных постройках, — еще раз повезло: на этот раз в истории арктических исследований.

Неудача поморов на севере Таймыра имела самые неожиданные последствия для будущего освоения Сибири, направив будущие поиски в обход непроходимых льдов по верховьям сибирских рек. Уже в 1620 году помор Пенда обнаружил Чечуйский волок в верховьях Нижней Тунгуски. Он вывел разведчиков новых путей по Вилюю в бассейн Лены. Дальше события определялись историческим опытом, полученным еще в Заволочье и вновь пригодившимся столетия спустя. Теперь события по знакомому варианту развивались такими темпами, что за сорок лет в московских владениях оказалась вся Сибирь от Таймыра до Тихого океана. Уже в 1632 году был основан Якутск, и в самое ближайшее время Ребров спустился по Лене до ее дельты, откуда перешел в поисках ясака на Яну.

Не останавливаясь на деталях, лишь отметим, что в 1648 году холмогорец Федот Алексеев сын Попов и уроженец Пинеги (по другим сведениям — Великого Устюга) Семен Дежнев обогнули Чукотский полуостров, оконтурив русские владения с востока. Это означало, что отдельными участками Северный морской путь был пройден на всем его протяжении, за исключением Таймырского полуострова.

Теперь реализация этого пути переходила из разряда возможностей в разряд целесообразности, прежде всего экономической. Для этого потребовалось немало времени. Без Северного морского пути не было бы присоединения Сибири в XVII веке, а не было бы Сибири — не восстановилось бы Московское государство так быстро после лихолетья Смутного времени… Вот такая историческая логика вырисовывается из экскурса в нашу историю, если смотреть из Арктики. Сверх того, становится понятной роль малых народов Севера и Сибири в этом восстановлении, поскольку без их ясака, собираемого правдами и неправдами для центральной власти, позднее нельзя было бы перейти к петровским реформам. Таким образом, вклад сибирских и полярных аборигенов в нашу общую российскую историю не подлежит сомнению.

Следующий этап изучения Севморпути связан с Великой Северной, или 2-й Камчатской экспедицией под руководством датчанина на русской службе Витуса Беринга. Экспедиция начала работу после смерти Петра I, но по его замыслу. Грандиозность планов так отмечена в сенатском указе: «Оная экспедиция самая дальняя и трудная и никогда прежде небывалая, что в такие неизвестные места отправляется». До сих пор среди специалистов идут споры о цели этого гигантского предприятия. Сам Визе соглашался с выводом Г. Миллера (раскопавшего в Якутских архивах сообщение Дежнева о его историческом плавании 1648 года) о том, что русские моряки «…хотели устраивать сообщение по Ледовитому океану, чтобы выяснить, нельзя ли каким образом открыть в интересах торговли более удобный путь на Камчатку, чем длительная сухопутная дорога через Сибирь» (1948, с. 63).

Видимо, в этом же контексте Визе рассказывал о событиях двухсотлетней давности в арктических морях и Шмидту. Работа экспедиции воплотилась в деятельности шести отдельных отрядов, работавших формально под общим руководством, но на практике независимо друг от друга. Успех нередко определялся инициативой отдельных начальников и исполнителей. Труды экспедиции заняли очень значительное время по двум основным причинам.

Первая — работы Великой Северной экспедиции пришлись на

максимум похолодания, заслужившего у ученых название малого ледникового периода, что способствовало тяжелой ледовой обстановке в окраинных морях Северного Ледовитого океана. В целом ряде случаев пришлось отказаться от использования судов и вести опись побережья с суши на собачьих (Челюскин и Лаптев на Таймыре) или оленьих (Селифонтьев на Ямале) упряжках. Вторая — организационные условия, в частности, удаленность руководства от района исследований, недостаток транспорта, отношения между людьми и т. д. и т. п. Недаром позднейшие историки отмечали среди офицеров случаи разжалования «…за многие непорядочные, нерадетельные, леностные и глупые поступки», элементарную жестокость по отношению к подчиненным («головы ломал до крови») и падение дисциплины в личном составе («…подняли было ропот, говоря, что им все равно, где умирать…»). Нельзя не отметить также сложные отношения с местным населением, среди которого проводилась настоящая мобилизация на обеспечение экспедиционных работ вместе с собачьими и оленьими упряжками. Это негативно повлияло на местный хозяйственный потенциал, а люди «…все с женами и детьми из домов своих разошлись… И те обыватели объявили о себе, что якобы укрывались под опасением болезни воспы» и т. д. Полученные результаты не только не способствовали развитию местных производительных сил, а, наоборот, скорее, привели к их ослаблению. Недаром последствия деятельности Великой Северной экспедиции А. Ф. Миддендорф сравнил со вторжением вражеской армии. Этот исследователь спустя столетие также обнаружил, что засекреченные экспедиционные отчеты большей частью были утрачены при пожарах в архивах или затерялись среди других бумаг.

Неудивительно, что многие достижения моряков петровской школы оказались забытыми или же воспринимались продолжателями их дела как сомнительные. Так, Ф. П. Врангель, обладая собственным полярным опытом, считал, что вся работа Челюскина выполнена «весьма поверхностно», а академик К.М. Бэр обвинил его в подделке журнала наблюдений, «чтобы развязаться с ненавистным предприятием». В своих сомнениях указанные исследователи были не одиноки. Так, по мнению Ф. П. Литке, астрономические наблюдения некоторых отрядов оказались «…сколь малочисленны, столь и недостоверны, а берега, исследованиям подлежащие, осмотрены были очень поверхностно» и т. д. Отметим, что репутация самого Челюскина как выдающегося исследователя была восстановлена спустя сто лет академиком А. Ф. Миддендорфом, после посещения севера

Таймыра, где он получил возможность непосредственно на местности убедиться в достоверности наблюдений своего предшественника.

Тем не менее карты, снятые Великой Северной экспедицией, впервые охватили арктическое побережье России от полуострова Канин до устья Колымы. К моменту появления Шмидта в Арктике они оставались для многих участков побережья единственными документами подобного рода. Оценивая достижения Великой Северной экспедиции, Визе считал, что «…эта задача, за немногими пробелами, была выполнена… притом с ничтожнейшими техническими средствами, которыми располагали полярные исследователи того времени» (1948, с. 77–78). Что касается возможностей мореплавания, то за десять лет работ суда экспедиции с трудом одолели лишь отдельные участки вдоль побережья, уже пройденные поморами столетием раньше. Не говоря о многочисленных жертвах среди личного состава: только работавший на восточном участке будущего Северного морского пути отряд Ласиниуса потерял от цинги тридцать пять человек. Дождались смены только девять…

Что касается идеи «…устраивать сообщение по Ледовитому океану», то результаты Великой Северной экспедиции, очевидно, отодвигали эту задачу на далекое будущее, тогда как для участников плаваний 1929–1930 годов на «Седове» она становилось проблемой завтрашнего дня.

Правда, ближайшие попытки найти путь на восток через ледовитые арктические воды были предприняты вскоре после того, как последние участники Великой Северной экспедиции вернулись в столицу, чтобы засесть за отчеты и рапорты по начальству. Однако даже во времена Екатерины идея плавания по Ледовитому океану продолжала заботить правительственные верхи, что подтверждается двумя примерами.

Первой отправилась в высокие широты экспедиция В. Я. Чичагова, проект которой разрабатывал М. В. Ломоносов. Он по совокупности сведений поморов и иностранных китобоев наметил пути проникновения в высокие широты Арктики вдоль западного побережья Шпицбергена, где одно из ответвлений Гольфстрма отодвигает кромку арктических льдов до 80°с. ш. Для парусных судов того времени две попытки 1765–1766 годов завершились неудачей. У кромки льдов они «…за непреодолимыми препятствиями не могли достигнуть желаемого по намерению места». В свое оправдание Чичагов заявил: «Мне эту экспедицию представляли в другом виде (как господин Ломоносов меня обнадеживал)». К тому времени академик умер и не мог оценить результаты экспедиции.

Второй была экспедиция 1768–1769 годов «штурмана порутческого ранга» Федора Розмыслова, направленная для съемок Маточкина Шара на Новой Земле как нового пути в Карское море. Следует отметить: поводом для этой экспедиции стало сообщение помора Якова Чиракина о том, что летом 1766 года он «…одним небольшим проливом в малом извозном карбасе оную Новую Землю проходил поперек насквозь на другое, называемое Карское море». Достижением этой экспедиции стали первые съемки Маточкина Шара. Но характерно, что в задачу экспедиции входила попытка плавания к Оби и даже «… способов испытать с того места воспринять путь в Северную Америку». Определенные надежды на осуществление вековой мечты о мореплавании вдоль северного побережья Евразии появились в связи с обнаружением промысловиками в середине XVIII века так называемой Великой Сибирской полыньи — к северу от Новосибирских островов, на контакте неподвижного припая с дрейфующими льдами Северного Ледовитого океана. Ее существование в первой четверти XIX века подтвердили исследования М. Ф. Геденштрома, Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу. Но связанные с ней надежды также не оправдались. В то время могло показаться, что сама идея Северного морского пути является абсолютно нежизненной химерой. Однако из нашего времени ясно, что где-то в обозримом будущем накопление информации должно было перейти в новое качество.

Такая постановка проблемы была понятна Визе с его кругозором, и постепенно она усваивалась Шмидтом.

Во второй половине XIX века проблема Северного морского пути оказалась вновь актуальной. В значительной мере это произошло благодаря усилиям разбогатевшего на золоте и мехах сибирского купечества. Оно искало пути выхода для своей продукции на мировые рынки. Эта идея привела к очередному столкновению разных точек зрения среди представителей науки, деловых кругов и правительственной администрации. Главная заслуга в ее воскрешении принадлежала золотопромышленнику, уроженцу Архангельска и потомку поморов Михаилу Константиновичу Сидорову (1823–1887). К нему Визе испытывал несомненную симпатию. В изложении ученого, вся деятельность Сидорова проходила в жестоком противостоянии с официальными правительственными и научными органами царской России. Это позволяло Шмидту в будущем в отношениях с власть предержащими ссылаться на противопоставление подходов освоения Севера и Арктики в царское и в советское время, подкрепляя свои позиции еще и идеологически.

Свои первые предложения, оставшиеся без ответа, Сидоров

подал енисейскому губернатору в 1859 году. Тогда он решил искать поддержки в Петербурге — в Русском географическом обществе, во главе которого (при формальном президенте великом князе Константине) стоял Литке. Ответ не слишком успешного полярного мореплавателя гласил: «У нас, у русских, еще нет такого моряка, который решился бы плыть морем в устье Енисея». Предложение Сидорова Вольно-экономическому обществу также попало на отзыв Литке и вызвало соответствующий комментарий: «Такие экспедиции могут быть успешно снаряжены только в Англии, где в последние полвека образовались целые поколения пловцов — специалистов для ледяных морей».

Сидоров продолжал искать поддержки своим идеям в России, но его обращение к воспитателю будущего наследника трона генералу Зиновьеву заслужило следующую резолюцию: «Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо удалить народ с Севера… А вы хлопочете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на Севере быть не может. Такие идеи могут производить только помешанные».

Подобное отношение заставило Сидорова искать поддержки на Западе, в частности у Адольфа Эрика Норденшельда, который согласился на сотрудничество при условии официальной поддержки с русской стороны. Очередной ответ Русского географического общества гласил: «Едва ли в настоящее время можно ожидать существенной пользы от подобной экспедиции, в особенности если принять в соображение те существенные расходы, которые она повлекла бы за собой», при готовности Сидорова финансировать указанное предприятие. Упрямому помору, сколотившему порядочное состояние в Сибири, оставалось действовать в обход отечественной бюрократии.

В лондонских газетах он размещает объявление о награде в 2000 фунтов стерлингов капитану судна, решившегося на рейс к устьям сибирских рек. В 1874 году на подобный рейс на парусно-паровом судне «Диана» решился Дж. Уиггинс, который его успешно и провел. Лиха беда начало — затем этот английский моряк совершил целых одиннадцать рейсов в «ледяной погреб» Карского моря, из которых только один оказался неудачным. О предложении Сидорова вспомнил Норденшельд, который в 1875 году совершил успешный научный рейс в Карское море на крохотной шхуне «Превен» и повторил его год спустя на более крупном судне «Йемер». Уже под российским флагом капитан Д. И. Шваненберг на шхуне «Утренняя заря» в 1877 году доставил

в Европу первые грузы с Енисея. Воистину лед тронулся, и Сидоров на склоне жизни мог с чувством горечи и гордости мог написать:

«Считая открытие прохода морем из устьев Оби и Енисея жизненным вопросом для Сибири и имеющим важное государственное значение, я обратил на него все свое внимание… Я пожертвовал всем своим состоянием, нажитым от золотопромышленности в 1 700 000 рублей, и даже впал в долги. К сожалению, я не встречал ни в ком сочувствия к своей мысли: на меня смотрели как на фантазера, который жертвует все своей несбывшейся мечте. Трудна была борьба с общим мнением, но в этой борьбе меня воодушевляла мысль, что если я достигну цели, то мои труды и пожертвования оценит потомство».

На рубеже 60–70-х годов XIX века в связи с улучшением ледовой обстановки норвежские промысловики бросились в Карское море для добычи морского зверя. Доставленная ими информация вызвала у ученых шок. Так немецкий географ О. Пешель констатировал: «Все, что до сих пор было нам сообщено о Новой Земле и о Карском море, оказалось грубой и постыдной мистификацией. Недоступность Карского моря — чистый вымысел» (Визе, 1948, с. 103). Позднее Визе объяснил подобные изменения климатическими причинами, что с его стороны было смелым шагом — ведь его кумир Нансен считал климат Арктики достаточно постоянным.

Развитие мореплавания в Карском море, в свою очередь, побудило заняться проблемой Северного морского пути от Баренцева моря до Тихого океана. К этому времени идеи Сидорова нашли понимание и поддержку среди других представителей деловой Сибири, в первую очередь А.А. Сибирякова. На деньги последнего было осуществлено первое плавание по будущей морской трассе от океана до океана. Сибиряков в отношениях с иностранцами повел себя в высшей степени как деловой человек. Первоначальная сумма, предоставленная им в распоряжение Норденшельда, удовлетворила того на треть, что заставило ученого обратиться к капиталисту О. Диксону. Когда не хватило и этой суммы, пришлось раскошелиться шведскому королевскому дому. В результате предприятие, возникшее первоначально по русской инициативе и на русские деньги, прошло под шведским флагом.

1 августа 1878 года на новеньком промысловом паруснопаровом судне «Вега» (капитан Паландер) с мощностью машины всего 60 л. с. Норденшельд в сопровождении двух судов с грузом угля и небольшого парохода «Лена» миновал Югорский Шар. Десять суток спустя он отпустил «угольщиков» за грузом на

Енисей. Уже 19 августа «Вега» бросила якорь у мыса Челюскина, а к сентябрю на траверсе дельты Лены суда разделились: «Лена» отправилась в Якутск, чтобы трудиться на одноименной реке вплоть до Второй мировой войны, а «Вега» продолжила путь на восток, тем более что ледовая обстановка внушала обнадеживающие перспективы. Однако льды Чукотского моря остановили отважное судно всего в 200 километров от Берингова пролива, заставив его зимовать у Колючинской губы. С окончанием зимовки во второй половине июля 1879 года «Вега» всего за двое суток добралась до Берингова пролива. Несмотря на успех первого плавания по будущей трассе Северного морского пути, сам Норденшельд весьма осторожно оценил свои достижения: «Могут ли ежегодно повторяться плавания, которые совершила «Вега»? В настоящее время на этот вопрос нельзя ответить ни безусловным да, ни безусловным нет. Результат нашего опыта можно резюмировать следующим образом. Морской путь из Атлантического океана в Тихий вдоль северных берегов Сибири часто может быть пройден на приспособленном для этого пароходе, с экипажем из опытных моряков. Но в целом этот путь, насколько нам сейчас известен режим льдов у берегов Сибири, едва ли будет иметь действительное значение для торговли» (Визе, 1948). Такой вывод наши полярники восприняли как вызов. В последней четверти XIX века из 80 рейсов к устьям сибирских рек лишь 49 оказались удачными. При всем прогрессе мореплавания в арктических российских водах с точки зрения эксплуатации этой морской магистрали подобную ситуацию трудно было назвать благополучной.

Адмирал С. О. Макаров попробовал разрешить ее с помощью нового технического средства — ледокола, создав для своего времени настоящего арктического монстра — «Ермака» с мощностью машин 10 тыс. л. с. Под лозунгом «К Северному полюсу — напролом!» — он отправился в плавание. Однако его первое испытание у берегов Новой Земли в 1901 году оказалось неудачным, когда корабль попал в ледовый дрейф, продолжавшийся около месяца. Противники адмирала воспользовались этим, отправив «Ермака» на Балтику, а сам Макаров, вскоре погиб на Русско-японской войне и не смог продолжить свое дело. Как показало будущее, неудача 1901 года объяснялась предельно просто — новым техническим средством не научились пользоваться.

Предреволюционное время на Северном морском пути ознаменовалось рядом встречных плаваний. С запада их выполнял геолог А.В. Русанов из Архангельска, а с востока они развивались усилиями Гидрографической экспедиции Северного

Ледовитого океана, базировавшейся на Владивосток. Русанов по результатам экспедиции 1909 года, имея пока довольно ограниченный собственный морской опыт, заявил в одной из статей: «Я пришел к заключению о возможности и необходимости установить правильное и лишенное риска срочное торговое судоходство с Сибирью… Я предлагаю огибать Новую Землю как можно севернее, а Карское море совсем оставлять в стороне» (1945, с. 64). Этот вывод вызвал шок у многих моряков с опытом плавания на Обь и Енисей. Русанов считал, что тепло Гольфстрима обеспечит достаточно благоприятную ледовую обстановку на этом пути, тогда как большинство практиков-мореплавателей было уверено, что чем севернее, тем льдов больше.

На основе минимального опыта Русанов вполне отчетливо сформулировал три своих варианта плаваний к устьям сибирских рек: Югорско-Шарский («я предложил бы совершенно от него отказаться»), Маточко-Шарский и Ледовитоокеанский в обход Карского моря («мешок, наполненный льдами большую часть года»), из которых в качестве наиболее приемлемого он рекомендовал именно последний. Существенное уточнение — во времена Русанова к Карскому морю относилась акватория между Новой Землей и полуостровом Ямал. Однако на этих предложениях он не остановился, упорно продолжая развивать свои идеи как в теории, так и на практике, в частности обходом Северного острова Новой Земли в навигацию 1910 года. Русской экспедиции это удалось впервые. В последующих работах, отказавшись от дальнейшего теоретизирования, он сосредоточился на практических предложениях.

Излагая Шмидту взгляды Русанова на проблемы мореплавания по Северному морскому пути, Визе не мог отделаться от определенной двойственности в оценках своего предшественника. С одной стороны, сами взгляды Русанова в области режима арктических морей Визе считал достаточно дилетантскими, а с другой — именно на их основе Русанов и предложил вполне оправдавший себя в будущем план оборудования трассы и необходимых исследований, подтвержденный всей позднейшей практикой. Кроме того, Визе также не мог отрицать вывод Русанова о необходимости участия государства в арктических исследованиях: даже у богачей Сидорова и Сибирякова на это не хватило собственных финансовых средств, и дело освоения Севморпути на десятилетия остановилось. А за Шмидтом, несомненно, стояло государство…

Определенно сама исходная руководящая идея Русанова о продолжении Гольфстрима вдоль побережья Сибири абсолютно

нереальна. Русанов не знал о существовании Северной Земли, которая встала бы плотиной на пути такого потока. Недаром эта идея вызвала возмущение Нансена. Действительно, наблюдения самого Визе в рейсе «Таймыра» 1921 года, подтвердив присутствие атлантических вод в Карском море, одновременно опровергли реальную роль Гольфстрима в формировании сурового ледового режима этого моря. Кроме того, нельзя было не считаться и с мнением оппонентов. Так, Л. Л. Брейтфус, к которому Визе относился с величайшим почтением, также считал, что Северная Земля станет преградой в плаваниях на Северном морском пути. В любом случае эта проблема требовала дальнейшего исследования, для которого планы Ушакова и Урванцева оказались всего лишь началом.

Кроме того, Русанов, при всех своих достижениях, в глазах осторожного, чересчур рационального Визе выглядел авантюристом чистой воды. Он решился со своим маломощным «Геркулесом» (мощность машин 24 л. с.) войти во льды, где в 1901 году застрял «Ермак» (суммарная мощность машин 10 тысяч л. с.). Недоумение Визе вызывал то, что при расставании с Рудольфом Лазаревичем на Шпицбергене в 1912 году Русанов не сообщил ему о планах на ближайшее будущее. Сам текст последней телеграммы с Новой Земли («Если погибнет судно, направляюсь к ближайшим островам Уединения, Новосибирским, Врангеля») Визе расценивал как намерение плыть в Тихий океан без учета представлений самого Русанова о течениях в Карском море, способствовавших вынужденному дрейфу выживших («Если погибнет судно…») от одного из перечисленных островов к другим. Все, что связано у Русанова с гидрологией, по мнению Визе, было на уровне чистого любительства. Конечно, в науке бывает всякое. Теория открытого моря у полюса — тоже не оправдавшаяся фантазия, но она принесла несомненную пользу… Также и взгляды Русанова. А вывод Визе в целом сводился к тому, что каждый должен заниматься своим делом: геолог — геологией, гидролог — гидрологией и т. д., но в проблемах Севморпути, первенство могло принадлежать лишь специалисту по ледовому режиму.

Шмидт, на основе рассказанного ему Визе, видимо, получал весьма непростую и во многом противоречивую информацию. Если бы сам Русанов не пропал без вести в своем последнем походе навигации 1912 года, ему, несомненно, нашлась бы работа в советское время. Хотя кто знает, на какой стороне он оказался бы после 1917 года. Мало ли бывших революционеров приняли сторону белых, включая бывшего народовольца Чайковского, возглавившего власть в Архангельске…

Для Шмидта комментарий Самойловича, несмотря на его более близкое знакомство с Русановым в экспедиции на Шпицберген 1912 года, мог быть полезным в части геологии, но не более… Со всех точек зрения для Шмидта Визе оказался на будущее более привлекательной фигурой, чем Самойлович. Отношения со Шмидтом работали на Визе, тогда как Самойлович отходил на второй план.

Возвращаясь в оценке влияния на Шмидта исторической информации его ближайших советников, надо отметить следующее противоречие. Во всех работах Шмидта, где имеются ссылки на исторические прецеденты, отчетливо проявляется влияние Визе, тогда как организационные решения после рейса «Сибирякова» в навигацию 1932 года (подробнее в следующей главе) явились осуществлением многих предложений Русанова, что подтверждается целым рядом примеров.

Так, именно Русанов утверждал, что «огромное значение будут иметь точные, подробные и быстро публикуемые метеорологические бюллетени для будущего рационально поставленного мореплавания в полярных водах» (1945, с. 85)… «Представляеться… полная возможность заранее и очень задолго предсказывать приближение и затем наступление годов, неблагоприятных для полярного мореплавания» (Там же, с. 95).

«Необходимо соорудить маяки, установив на них наблюдательные посты и метеорологические станции» (Там же, 87)… «Когда явится возможность пользоваться услугами радиотелеграфных станций, извещающих о распределении льдов, тогда исчезнет необходимость в бесполезной потере времени на выжидательные стоянки у этих льдов» (Там же, с. 95) — разве это не действующие полярные станции, к которым Шмидт добавил еще две — на Земле Франца-Иосифа и на Северной Земле? Что и говорить об их роли, если время плавания от Карских Ворот до Диксона с их постройкой сократилось втрое…

Специальные суда для Арктики: «…Применение ледоколов будет последним и решительным шагом, навсегда и прочно обеспечивающим пользование этим великим путем» (Там же). А ведь он знал о неудаче «Ермака» в 1901 году у Новой Земли. И вот успех Самойловича на «Красине» в 1928 году на Шпицбергене…

«Тщательным обследованием пути и постановкой маяков и знаков в соответствующих местах будет устранена… опасность со стороны банок, мелей, подводных камней и т. д.» — то, чем в те годы занималась гидрографическая служба УБЕКО-Север. Таким образом, Русанов предусмотрел все, что спустя двадцать лет после его гибели использовал Шмидт — кроме авиации, которая в

начале XX века делала свои первые шаги.

В своих работах Шмидт не ссылается на Русанова, поскольку в ту пору у него просто не оставалось времени для исторического анализа и поиска истоков. От Шмидта требовались конкретные решения. Для автора и читателя важнее другое — плавания 1929–1930 годов оказались рубежными для Шмидта-полярника, открыв ему новые горизонты на новом, арктическом поприще. Несомненно, Шмидт по-своему оценил весь комплекс русановских предложений для Северного морского пути, воплотив его в жизнь на практике.

Практически одновременно с Русановым навстречу ему из Владивостока на ледовых транспортах «Таймыр» и «Вайгач» устремилась Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана, в составе которой оказалось немало даровитых моряков. Этих людей Визе понимал гораздо лучше в силу родства специальностей, причем многих из них он знал лично. Однако истоки этого исторического предприятия неожиданно для Шмидта уводили к личности, с которой новое руководство страны не желало иметь ничего общего, — недавнему лидеру Белого движения, Верховному правителю России Александру Васильевичу Колчаку. Непримиримому врагу советской власти…

Поскольку Колчак, как военный моряк и участник Русской полярной экспедиции Э. В. Толля (1900–1902), обладал необходимым арктическим опытом и был автором выдающегося для своего времени труда «Лед Сибирского и Карского морей», то военными кругами ему было поручено заняться проблемами Северного морского пути. Этого требовали уроки Русско-японской войны 1904–1905 годов. Первоначальное планирование велось с чисто военным размахом и включало проведение гидрографических работ тремя морскими отрядами по два исследовательских судна в каждом. Эти работы опирались на наблюдения шестнадцати полярных станций! На этом фоне проекты Русанова выглядели намного скромней, зато и реалистичней по затратам.

После многих переделок первоначальных планов по проекту Колчака и под его непосредственным наблюдением были построены два ледовых транспорта, названные «Таймыр» и «Вайгач». Они обладали необходимыми характеристиками (в частности, огромной автономностью — до 12 000 миль) для предстоящей работы в Арктике. В 1908 году Колчак перегнал оба транспорта обычным путем через Суэцкий канал и Индийский океан на Дальний Восток, но сам вскоре был отозван в связи с планами возрождения флота после Цусимы. По этой причине Колчак не участвовал в дальнейших плаваниях, когда кораблям

была поставлена задача пройти Северным морским путем.

Под начальством Сергеева в навигацию 1912 года (когда на западе пропали без вести экспедиции Брусилова и Русанова) эти корабли прошли на запад до побережья Таймыра, так что до мыса Челюскина оставалось всего 150 миль. Тем не менее из-за сложной ледовой обстановки пришлось возвращаться на восток, пройдя Берингов пролив в последней декаде сентября.

Наиболее успешные плавания этих кораблей уже под начальством Б. А. Вилькицкого (он заменил заболевшего Сергеева) состоялись в 1913–1915 годах. Тогда был открыт новый неизвестный архипелаг и пройден с одной зимовкой Северный морской путь. На этот раз, в отличие от Норденшельда, с востока на запад. Итак, второй раз в истории Северного морского пути он был пройден полностью. Но в условиях Первой мировой, а также последовавших за ней революции и Гражданской войны достижения экспедиции Вилькицкого оказались не реализованными в полной мере, в частности, из-за того, что большая часть офицерского состава, участвовавшего в научных наблюдениях, эмигрировала после победы красных.

С установлением советской власти предполагалось продолжение работ Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, теперь базировавшейся в Архангельске, — также под руководством Вилькицкого. После белого переворота в этом порту в августе 1918 года она состоялась уже под традиционным российским триколором и завершилась гибелью «Вайгача» у Ефремова Камня в Енисейском заливе. Радиостанция в Усть-Енисейском порту все же была построена, но действовала, по условиям Гражданской войны, очень короткое время. В следующую навигацию по указанию Колчака белые перегнали из Архангельска на Енисей пять гидрографических судов, что свидетельствовало о серьезности их намерений в части изучения Северного морского пути.

Таким образом, транспортные операции на западном участке Северного морского пути Гражданская война не только не остановила, но даже стимулировала. Ведь белые пытались наладить связи между территориями, находящимися под их контролем в Сибири и на Европейском Севере. Для осуществления этих операций в апреле 1919 года был создан специальный орган под названием Комитет Северного морского пути (Комсеверпуть) при правительстве Колчака в Сибири. Таким образом, предложения Русанова воплощались в жизнь в условиях жесточайшей братоубийственной войны. Когда время белых истекло, сам Северный морской путь и Комсеверпуть вместе с былой Россией в качестве трофея достались красным… Опыт

работы Комитета Северного морского пути оказался настолько успешным, что красные сохранили его в основе после своей победы, слегка приспособив к новым условиям, назначив комиссара на роль партийного контролера.

Оценивая перспективы, Шмидт интересовался положением с кадрами ученых-полярников и полярных моряков. Реально Шмидт мог рассчитывать лишь на бывших флотских лейтенантов — Евгенова (который в советское время пять раз возглавлял Карские экспедиции) и Лаврова, связавшего свою судьбу с военной гидрографией. Проще было с кадрами гражданских моряков, если бы не одно обстоятельство — все они во время Гражданской войны прошли службу у белых, поскольку флот на Севере оказался в их расположении. Но советские порядки, как известно, до поры до времени позволяли использовать буржуазных специалистов. Так что водить советские суда в Арктике предстояло бывшим белогвардейцам, заменить их было некем, и это Шмидту еще предстояло объяснять советским верхам. Состояние обветшавшего арктического флота, работавшего в предшествующие годы на износ, часто без необходимого ремонта, также не внушало оптимизма.

Возвращаясь к первым арктическим экспедициям Шмидта, отметим, что возглавлявший их научный триумвират оказался на редкость удачным, поскольку объединял разные возможности участников: Визе в части ледового прогноза, Самойловича как главу ресурсного направления и, наконец, самого Шмидта с его связями в верхах. Определенно можно утверждать, что каждый из «триумвиров» лишь выиграл от такого объединения, осуществившегося по инициативе Шмидта.

На исходе его второго арктического рейса масштаб увиденного в сочетании с рассказанным Визе захватил воображение Шмидта. Перед его мысленным взором возник целый ряд масштабных задач, для решения которых ему нужны были особые люди — полярники с их бесценным опытом. Восхищаясь полетом интеллекта Визе с его неизвестным островом посреди Карского моря (а сколько их может оказаться еще?), Шмидт в полной мере оценил мужество этих людей. Некоторые из них искали лучшей доли, другие исполняли научный поиск, а третьи просто выполняли приказ, как это было в прошлом с большинством участников Великой Северной…

Если бы не материалистическое восприятие происходящего, Отто Юльевич должен был бы вспомнить и арктического микроба, и арктическую лихорадку, подхватив которую люди остаются верны своему выбору на всю жизнь. Возможностей заняться иной деятельностью у Визе или Самойловича было достаточно, а вот

поди же — не хотят уходить из высоких широт… Как и Ушаков с Урванцевым, а также многие другие — их полно среди моряков в экипаже, включая самого капитана Воронина… Определенно с ними можно горы своротить! Но в сложившейся обстановке без партийного решения сверху — ни шагу…

Все отчетливее перед мысленным взором Шмидта вырисовывались четыре периода в открытии и освоении Северного морского пути в совокупности достижений и неудач. За ними — логикой истории и экономики — должен был последовать пятый.

Первый — поморский с незначительным участием иностранных моряков.

Второй — грандиозная Великая Северная экспедиция.

Третий последовал столетие спустя — по инициативе сибирских купцов, нанявших на службу России талантливого моряка из Англии Уиггинса, а также не менее талантливого ученого шведа Норденшельда, и при бездействии собственной Академии и Географического общества.

Четвертый связан был со встречными усилиями Русанова и Вилькицкого, пытавшихся решить проблему Северного морского пути с противоположных направлений. На этом фоне деятельность Комсеверпути — лишь эпизод, интересный и показательный, опытом которого не следует пренебрегать.

Очевидно, на повестку дня становится пятый этап, с достойнейшей задачей — сомкнуть последние усилия в пространстве и времени, одолев трассу в одну навигацию. Пусть это будет чисто технический этап. Ему со времени суждено стать экономическим. Задача — под стать эпохе, смело заявившей: «Нам нет преград на море и на суше, нам не страшны ни льды, ни облака»…

Знание логики партийных и государственных верхов, подсказывало Шмидту, что начинать надо с крупного проекта, способного заинтересовать власть предержащих на самом высоком уровне. Однако он понимал: прежде, чем выходить на «верхи», нужно сформулировать новую идею, способную поразить высшее руководство страны. Перед Шмидтом все отчетливей обозначилось новое грандиозное поле для приложения сил, не имевшее ничего общего ни с его предшествующей деятельностью на самых ответственных постах, ни со спортивными приключениями в горах. Не выходила из головы мысль, подсказанная словами из работы Русанова: «Что касается правительственной поддержки, то она могла бы ближайшим образом выразиться не в бесполезном субсидировании существующих частных пароходных компаний, а в подготовке

почвы будущего рационально организованного мореплавания… Особенности морского пути требуют специальной сложной организации…» (1945, с. 91)». Именно с этого следовало начать в сложившихся условиях. Требовался достойный повод. И каким он будет — Шмидт уже догадывался, тем более штат будущих исполнителей, готовых действовать под девизом «Никто, кроме нас!», уже был у него перед его глазами.

Глава 6
Поход «Сибирякова». Осуществление вековой мечты

У синего моря, у соленого у
Архангельского города,
У корабельного пристанища…

Из поморского фольклора.

И слова строятся в полный рост:
«С якоря в восемь, курс — ост»…

Н. Тихонов

Спустя четыре века настала пора осуществить то, к чему призывал просвещенную Европу посланник Ивана III при папском дворе Дмитрий Герасимов, хотя и с поправками на реалии жестокого XX века.

Этому предшествовал ряд решений в советских верхах.

11 ноября 1931 года было принято совершенно секретное постановление ЦК ВКП(б) с кратким названием «О Колыме», где высшее партийное руководство сочло необходимым «… для форсирования золотодобычи в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б)», позднее под названием Дальстрой переданный в НКВД. 25 января 1932 года СНК принял постановление «Об освоении северо-восточных водных путей СССР». Наркомводу поручалось обеспечить доставку рабочей силы и необходимого оборудования на Колыму арктическими морями — для обеспечения золотодобычи в бассейне Колымы. С этой целью формировалась специальная Особая Северо-Восточная экспедиция во главе с Н. И. Евгеновым и его с заместителем А. П. Бочеком, известным дальневосточным капитаном. Сам нарком Н. М. Янсон, рассказывая ему о целях и задачах предстоящей операции, подчеркнул ее значимость следующим образом: «За экспедицией будет следить не только Наркомат и Дальстрой, это вы должны знать…» — не решаясь произнести имени главного надзирающего. Впрочем, оба великолепно поняли, о ком шла речь…

Судьба Евгенова, окончившего Морской корпус и получившего полярный опыт еще в экспедиции Вилькицкого, в

советское время типична для представителя русской интеллигенции (включая военную) после Октября. Это очень точно подметил его начальник по Комсеверпути М. И. Шевелев: «Вилькицкий эмигрировал, а Евгенов волею судеб попал к Колчаку. Евгенов не был активным белогвардейцем, а с Колчаком у него были личные связи… Его даже арестовали в одном вагоне с Колчаком… Колчак был расстрелян, такая же участь угрожала и Евгенову… Но о нем доложили в Москву как о крупном ученом самому Ленину, и вышел приказ Евгенова помиловать. После этого он верой и правдой служил родине. Он был настоящий русский патриот, настоящий ученый, интеллигент. Был одним из первых начальников морской части Карской экспедиции» (1999, с. 57), возглавляя ее пять раз. Написал первую «Лоцию Карского моря и Новой Земли», за которую позднее был удостоен ученой степени доктора наук и звания профессора. Так что его назначение на должность начальника Особой Северо-Восточной экспедиции не было случайностью.

На западе Арктики складывалась иная ситуация. После бурного обсуждения плаваний 1929–1930 годов в Арктическом институте один из участников этих дискуссий вспоминал: «Не могу забыть горячих споров, которые происходили вокруг различных арктических вопросов и проблем, так же как не могу забыть разгоряченного спорами, возбужденного Владимира Юльевича, который с исключительной убедительностью говорил: «Дайте нам такую экспедицию, и мы докажем, что мы, вооруженные современными знаниями, мощной современной техникой, страстностью в исканиях, настойчивостью и непоколебимой верой в благороднейшее дело, сможем пройти из океана в океан, и так пройти, как никто до нас еще не ходил» (Лактионов, 1946, с. 15).

Но Визе, даже реально обладая, помимо современных знаний, только «страстностью в исканиях, настойчивостью и непоколебимой верой в благороднейшее дело», мог решить лишь часть проблем. Шмидту предстояло решить главное — добиться правительственного постановления на создание экспедиции, о которой мечтал его талантливейший прогнозист. Потребовалось правительственное постановление о проведении 2-го Международного Полярного года (МПГ), опубликованное в начале января 1932-го. Согласно этому постановлению в Советской Арктике в 1932–1933 годах по программе 2-го МПГ должна были участвовать 31 полярная станция. Для этого дополнительно надо было построить еще двенадцать, в том числе на острове Рудольфа (Земля Франца-Иосифа), в Русской Гавани (Новая Земля), на мысе Челюскина (Таймыр), в бухте Тикси (в

дельте Лены) и две на Чукотке — мыс Северный и в стойбище Уэлен.

Не случайно сам Шмидт связал планы ВАИ на лето 1932 года в первую очередь с выполнением программы 2-го МПГ. Предполагалось ее расширить за счет специальных морских рейсов со своей научной программой в основном гидрологической направленности: «В плане деятельности всех стран по Международному Полярному году работа Советского Союза занимает исключительно большое место, так как единственно Советский Союз не затронут мировым кризисом, который сильно затруднил капиталистическим странам выполнение первоначально намеченной программы работ… В августе этого 1932 года мы подойдем на ледоколах «Сибиряков» и «Русанов» к Северной Земле и сменим героических зимовщиков, оставив новую партию для продолжения работ. В этом же году мы построим новую станцию на мысе Челюскина… Надеемся в этом году завершить этот этап нашей работы прохождением на ледоколе «Сибиряков» из Архангельска во Владивосток… Мы сделаем попытку пройти без зимовки и этим доказать, что Северный морской путь имеет не только научное, но непосредственно хозяйственное значение. Разумеется, в нашем плавании на «Сибирякове»… мы опираемся на новейшую технику и на развитую сеть метеорологических станций… На «Сибирякове» будет самолет для ледовых разведок и научно-географических наблюдений. По дороге мы рассчитываем посетить устье Лены, где пополним запасы угля и сдадим работающей там нашей партии аэросани, при помощи которых зимой и весной будет обследована дельта Лены. Достижение Лены с запада имеет огромное значение для Якутии, так как открывается возможность регулярного сообщения Якутии с Европейской частью СССР и дает выход огромным естественным богатствам этой громадной республики… Заместителем начальника в части научной работы едет Владимир Юльевич Визе; затем участвуют два гидролога, два биолога, геодезист, инженер-подрывник для исследования наилучших методов взрыва ледяных препятствий и т. д. Особо интересно отметить участие в экспедиции женщины — магнитолога Ирины Леонидовны Русиновой, единственной женщины среди 70 мужчин, человека очень опытного, имеющего стаж трех зимовок на Новой Земле. Большое значение мы придаем также фиксации результатов экспедиции и борьбы с трудностями в печати и кино. Кроме двух корреспондентов газет, в экспедиции участвуют писатель Сергей Семенов, ленинградский художник Кантарович и киногруппа во главе с режиссером В. А. Шнейдеровым» (1960, с. 86–89). 15

февраля 1932 года правительство отпустило на проведение этого экспериментального рейса «Сибирякова» миллион рублей. По решению директивных органов штурм будущей трассы Северного морского пути в навигацию 1932 года проводился совершенно разными организациями — ВАИ и Дальстроем — одновременно с двух противоположных направлений навстречу друг другу… Для историка это повод сравнить их результативность, а также методы и роль руководства. По предполагаемым трудностям в глазах руководства страны оба предприятия выглядели несравнимыми, поскольку рейсы на Колыму регулярно проводились с 1911 года хотя бы одним судном (за исключением 1918 и 1920–1922 годов). При этом, правда, четверть всех рейсов сопровождалась зимовками…

Исход обеих экспедиций в значительной мере зависел от прогноза ледовой обстановки по маршруту плавания. Ответственный за прогноз профессор Визе исходил из следующих соображений: «Ледовые условия в арктических морях летом определяются следующими факторами: 1) запасом тепла, имеющимся в воде к началу таяния льдов (вследствие большой инертности прогностическое значение имеет также запас тепла и состояние льдов в предшествующем году); 2) направлением и силой господствующих зимой и особенно весной ветров;

3) температурой воздуха зимой и, главным образом, весной и

4) метеорологическими условиями летом. Последний фактор, по времени совпадающий с моментом, для которого дается предсказание, не может быть использован. В сравнительно глубоких морях (например, в Баренцевом) первый фактор имеет очень большое значение, тогда как в мелководных (например, в Восточно-Сибирском) он не играет почти никакой роли; в последнего рода морях большое значение приобретает зато третий фактор — температура воздуха» (1934, с. 35–36). В значительной мере составление прогноза облегчалось наблюдениями полярных станций, которых было достаточно в Карском море, зато дальше единственная метеостанция одиноким информационным островком (и, как показали дальнейшие события, весьма ненадежным) маячила на юге Новосибирского архипелага. Еще одна «полярка»(значение которой для предполагавшегося плавания также оставалось неясным) была на острове Врангеля — и это все! Точно так же трудно было ожидать реальной помощи от еще двух станций на берегах загадочного по режиму льдов Чукотского моря: их предполагалось построить по программе 2-го МПГ на мысе Северном и в чукотском селении Уэлен вблизи Берингова пролива одновременно со стройкой на мысе Челюскина. К этому времени уже вырисовывалась в общих

чертах так называемая «ледовая оппозиция». Суть ее заключалась в противоположных тенденциях в развитии ледовой обстановки на западе и востоке Северного морского пути. Так, в навигацию 1932 года можно было ожидать сравнительно благоприятных условий в Баренцевом и Карских морях и, наоборот, сложных в Чукотском море. Однако, чтобы объяснить эту особенность ледового режима морей на трассе Севморпути было недостаточно имеющихся наблюдений полярных станций. Прежде всего из-за слишком короткого ряда наблюдений.

Одновременно с «Сибиряковым» готовился к рейсу в Карское море ледокольный пароход «Русанов» (капитан Д. Т. Чертков, начальник экспедиции Р. Л. Самойлович), направлявшийся на строительство полярной станции на мысе Челюскина. Плавание к Новой Земле по опыту предшествующих лет не представляло трудностей. Что касается Карского моря, то ледовая обстановка там определялась развитием процессов в атмосфере над материком. А там область низкого давления с центром над средним течением Енисея с ветрами северных и северо-восточных направлений над Карским морем грозила закупорить прочными весной и в начале лета 1932 года ледовыми пробками южные новоземельские проливы. Такой вывод подтверждался по радио с полярных станций Вайгача и Маре-Сале на Западном Ямале. Поэтому для входа в Карское море было решено воспользоваться проливом Маточкин Шар, как это предлагал Русанов еще двадцать лет назад.

Визе, рассказывая в своей книге о подготовке плавания 1932 года, уделил особое внимание работе над прогнозом: «Уже с осени 1931 года я тщательно собирал все сведения о погоде… За каждый истекший месяц вычерчивались карты давления, ветров и температуры. Эти карты сулили нам очень радужные перспективы, и к началу лета уже можно было с уверенностью утверждать, что мы попадем в «малоледовитый» год. К сожалению, прогноз состояния льда можно было дать только для района к западу от Новосибирских островов, так как восточнее этих островов метеорологических станций в то время было очень мало» (1946, с. 65). Тревожило и то, что полвека назад парусно-паровая «Вега» А. Э. Норденшельда с машиной в 60 л. с. зазимовала в Чукотском море всего в 200 километрах от цели похода — Берингова пролива, и, видимо не случайно. Но причины столь неблагоприятного развития событий оставались непонятными, и это внушало опасения. Можно понять тревогу Шмидта, положившегося на своих судоводителя, прогнозиста и современное по тем временам судно (превосходившее по мощи машин свою славную предшественницу по крайней мере в

тридцать раз)! Как и не признать того, что его риск был достаточно взвешенным и оставался в пределах разумного. Как известно, тот, кто не рискует, не пьет шампанского!..

В любом случае главное событие навигации 1932 года в Советской Арктике — поход «Сибирякова» (вместо «Седова», оказавшегося на ремонте) по всей трассе Северного морского пути от Архангельска до Петропавловска-Камчатского за одну навигацию — впервые в истории арктических исследований! Советские партийные и государственные верха приветствовали любые подобные успехи на фоне провалов пятилетки и голода, сопровождавшего коллективизацию. Такой поход был практически подготовлен всем развитием событий еще досоветского периода и отвечал реальным нуждам государства, но в то время объяснялся как достижение нового строя. Несомненно одно — возглавив этот поход, Шмидт удачно вписался в ситуацию, сложившуюся в стране, и объективно стимулировал своей деятельностью дальнейшее освоение Арктики.

Ледовые прогнозы Визе интересовали не только руководство экспедиции или судоводителей, но, как оказалось, еще и подруг моряков: «Пройдем ли мы в одно лето в Тихий океан или зазимуем?.. Большинство жен задавали мне этот вопрос по нескольку раз в день. Впрочем, может быть, мой ответ не удовлетворял их и им было бы приятнее услышать предсказание о зимовке?.. Не думаю — все они были такие славные…» (Визе, 1946, с. 58–59). Известно, что во все времена первопроходцы относились к своим надеждам и тревогам с долей юмора, но, очевидно, не все… особенно хозяйственники. «Малашенко (завхоз. — *В. К.)* не спит четвертую ночь, в Архангельске он уже успел обрасти колючей бородой, глаза его блестят лихорадочно… Он ходит в каком-то трансе, говорит мало и на указания начальника отвечает только коротким «есть» — и делает это «есть». Нервный Копусов бродит тенью, и глядеть на него жутко — доживет ли до выхода в море? Если Малашенко удается иногда вздремнуть минут на пять — десять, хотя бы прислонившись в трюме к ящику, до ближайшего окрика «полундра», то для Копусова никакой отдых уже невозможен. Руки его трясутся, походка стала нетвердой». (Визе, 1946, с. 54–55). Как всегда, перед выходом в море происходит масса недоразумений и накладок, причем не по вине участников плавания. Например, одесские железнодорожники вместо Архангельска направили заказанные овощи в Астрахань, где их и так хватало, — и т. д. и т. п., вплоть до момента, когда Шмидт, потеряв терпение, заявил: «Черт с ним, с этим грузом, обойдемся и без него». К сожалению,

среди «груза» оказался самолет ледовой разведки, без которого удалось бы избежать многих неблагоприятных ситуаций…

С выходом в море 28 июля чувство юмора вновь вернулось к участникам плавания. Капитан с удовольствием поведал соплавателям, как однажды Северная контора Совторгфлота в борьбе за отмену так называемой «полярки» (дополнительной оплаты за рейсы в Арктику) поставила вопрос перед соответствующими инстанциями о переносе полярного круга ближе к полюсу! Визе с удовлетворением отметил, что это «новшество» не коснулось навигационных карт в штурманской рубке.

Новая Земля — исходный рубеж любого полярного плавания на восток, которое может проходить несколькими путями. Наиболее освоенными считались к тому времени южные — проливами Югорский Шар или Карские Ворота. Правда, еще Русанов предупреждал о ледовых опасностях восточнее этих проливов, о том же было известно по многим предшествующим экспедициям и плаваниям. Плавание Маточкиным Шаром, одним из самых замечательных мест по красоте в нашей Арктике, означало для многих возвращение к былым дням. Сам Владимир Юльевич принимал активное участие в создании арктической обсерватории на берегах пролива в начале 1920-х годов, а другие участники плавания (радист Кренкель, геофизик И. А. Русинова) там зимовали. Однако никакие уговоры полярников задержаться у обсерватории не повлияли на Шмидта, буквально гнавшего судно на восток. Тем не менее задержка все же состоялась при встрече с ледоколом «Ленин» в Белушьей губе. Он обеспечил проводку судов Карских экспедиций на Обь и Енисей. О результатах встречи известно по крайней мере из двух источников.

По Визе, «…чтобы выяснить положение, Отто Юльевич, Владимир Иванович и я отправились на «Ленин», где мы были радушно встречены капитаном Эгге (он командовал ледоколом «Красин» при спасении итальянцев в 1928 году. — *В. К.),* начальником морской службы Комсеверпути М. И. Шевелевым и начальником морской проводки Карской операции В. Г. Шибинским. Мы узнали от них, что за несколько дней до нашего прибытия «Ленин» сделал ледовую разведку на восток от Маточкина Шара, причем обнаружил между Новой Землей и островом Белый ледяной массив шириной в 150 миль. По словам командования на «Ленине», лед на протяжении первых ста миль был разреженный и уже сильно изъеденный, но дальше на восток находились сплоченные девятибалльные льды. Ввиду такой ледовой обстановки командование Карской экспедицией считало

более благоразумным выждать улучшения в состоянии льдов, которое должно было наступить в близком будущем, так как лед носил уже резкие признаки разрушения. К сообщению о «тяжелом» состоянии льдов в Карском море мы отнеслись спокойно, так как хорошо знали, что у руководителей Карской операции существует профессиональная привычка переоценивать состояние льдов в неблагоприятную сторону. В том, что 1932 год, вопреки утверждению ледоразведчиков с «Ленина», не является тяжелым в Карском море, я был твердо убежден и в данном случае верил больше своим прогнозам» (Там же, с. 45).

Б. Л. Дзердзеевский (с этим именем читатель встретится на страницах настоящей книги не однажды) также оставил свое описание встречи, отражавшее другой взгляд на поход «Сибирякова»: «В 1932 году я был синоптиком Карской экспедиции, штаб которой помещался на ледоколе «Ленин». После проводки сквозь льды Карского моря транспортных судов «Ленин» стоял в одном из проливов Новой Земли, когда туда подошел «Сибиряков», шедший в поход по Северному морскому пути. О. Ю. Шмидт вместе с В. Ю. Визе, В. И. Ворониным и корреспондентами приехал на ледокол, чтобы получить сведения о состоянии льда, погоды и другие обычные и необходимые в таких случаях материалы. Я был занят и не знал о приезде сибиряковцев. Но, проходя по коридору, неожиданно услышал голос, который мгновенно узнал. Войдя в кают-компанию, я убедился, что это действительно говорил Отто Юльевич. С внутренней страстностью и столь же присущей ему внутренней выдержкой и спокойствием он рассказывал начальнику нашей экспедиции детали плана начатого похода «Сибирякова».

На ледоколе «Ленин» в то время находились капитаны, не раз проводившие суда сквозь арктические льды к устьям сибирских рек, и, понятно, после отъезда гостей поход «Сибирякова» оживленно обсуждался. Нельзя сказать, чтобы он встретил полное одобрение. Вероятнее предположить, что если бы судьба рейса решалась тогда на «Ленине», то он вряд ли был осуществлен. К счастью, это было не так, и «Сибиряков» успешно закончил свой поход» (1959, с. 217).

Главная разница в восприятии участников описанных событий состояла в том, что моряки с «Ленина» опирались на собственный опыт, но прошлый, а морякам «Сибирякова» предстояло получать новый с расчетом на его использование в будущем, и все преимущества (как и риск), как показали события ближайших двух месяцев, оказались именно у экипажа «Сибирякова». Однако точку зрения моряков «Ленина» понять несложно, тем более что Дзердзеевский не упоминает об одной

важной детали: в распоряжении Шмидта не было самолета — ледового разведчика, который был на ледоколе «Ленин». Однако в работе первопроходцев наряду с повышенным риском всегда присутствует еще один фактор, известный в Арктике (и не только!), — «его величество случай».

Спустя неделю тяжелая летающая лодка с «Ленина», пролетая над Маточкиным Шаром, была сброшена в его воды свирепыми здешними ветрами, причем погибла половина экипажа, включая командира Л. М. Порцеля. Кому-то случай сопутствует, а другим нет… Правда, возможно другое толкование этого таинственного фактора: кто-то умеет им пользоваться, а другим — не дано, а как кому — выясняется обычно в разгаре событий… В нашем случае «Сибиряков» выполнил свою программу и без ледового разведчика, но с ним бы он сделал то же самое еще лучше, а главное, не столь рискованно…

Карское море, подтвердив еще раз качество прогнозов Визе, порадовало сибиряковцев отсутствием льда. Правда, последнее обстоятельство раздосадовало киногруппу во главе с В. А. Шнейдеровым, которым нашлась работа позднее. О льдах по радио предупреждали суда Карской экспедиции, находившиеся в пути.

Тем временем встречное плавание Особой Северо-Восточной экспедиции во главе с Евгеновым проходило своим путем. В последних числах июня Владивосток (практически одновременно с выходом «Сибирякова» из Архангельска) покинула целая флотилия разнотипных судов: пять крупнотоннажных пароходов с металлическими баржами и катерами, включая моторнопарусную шхуну. Возглавлял ее в качестве флагмана ледорез «Литке» (капитан Н. М. Николаев, отличавшийся как опытом, так и сильным характером), на котором находилось руководство экспедиции (Дальстрой представлял чекист Ю. С. Шифрин), а также (по примеру Карских экспедиций) научный штаб. В него вошли А. Г. Геворкянц, К. А. Радвилович и Н.Н. Гакен, все с большим полярным опытом. На палубе парохода «Сучан» (капитан Хренов) находился поплавковый самолет Р-5 (пилот А. Ф. Бердник) в качестве ледового разведчика, а в трюмах — двести заключенных с охраной, по терминологии тех лет «работники Дальстроя». По подсчетам магаданских историков, всего на судах экспедиции помимо экипажей находилось 867 человек разного общественного положения. В большинстве своем это были проштрафившиеся перед советской властью лишенцы, расконвоированные зэки, ссыльные и прочие представители асоциального элемента, направлявшиеся поднимать Колыму, а также 130 женщин и 80 детей, не считая двух родившихся в

море… Многие из этих будущих полярников настолько не отвечали условиям Арктики, что Евгенов, встретив в море пароход «Лозовский», предпочел вернуть на материк часть своего контингента. Заселение Чукотки ГУЛАГом в пропагандистской частушке тех лет выглядело бодренько и приличненько:

Ах, зачем и почему
По какому случаю,
На Чукотку еду я,
Сама себя я мучаю.
Меня, милую красотку,
Потянуло на Чукотку,
Не поеду я в Париж,
Милый, не уговоришь!

Спустя много лет, в противовес несбывшимся надеждам «работников Дальстроя», бард (сам полярный геолог по основной специальности, знающий Чукотку не понаслышке) описал реалии, ожидавшие их за полярным кругом:

Опять пурга, опять зима,
Придет, метелями звеня.
Уйти в бега, сойти с ума
Теперь уж поздно для меня.
Здесь невеселые дела,
Здесь ветры дышат горячо.
А память давняя легла
Зеленой тушью на плечо.

В качестве комментария лишь отметим существенную разницу в восприятии Арктики добровольными полярниками и «работниками Дальстроя», выступавшими как расходный материал системы.

В середине августа караван Особой Северо-Восточной экспедиции миновал Берингов пролив и вскоре уперся в непроходимые льды. После первой ледовой разведки на востоке Арктики, суда только в первых числах сентября оказались на подходах к цели, где и произошла знаменательная встреча, о которой пойдет речь ниже. Так на освоение Северного морского пути, наряду с активной работой Шмидта в союзе с ведущими специалистами и учеными-полярниками наложилось вторжение ГУЛАГ а с присущими ему методами освоения. В литературе тех лет и в отчетах корреспондентов каких-либо указаний на

присутствие каторжников на судах Северо-Восточной экспедиции нет. Порой советская власть стеснялась собственных деяний, а потому стремилась и невинность соблюсти, и моральный капитал приобрести в глазах не только своих верных подданных, но и мировой общественности — накануне грядущей мировой революции.

Возвращаясь к плаванию «Сибирякова», отметим, что в августе благоприятная ледовая обстановка в Карском море позволяла без особых приключений быстро двигаться к полярной станции Диксон на одноименном острове при входе в Енисейский залив. Там предполагалось пополнить запасы топлива с одного из угольщиков, пробиравшихся на восток под проводкой «Ленина». Больше всего «Сибирякову» мешали пока карты, на которых не посещенные ранее акватории были отмечены обширными белыми пятнами в сопровождении надписи «Не исследовано», мучившими штурманов при малейшем отклонении от рекомендованных курсов. Никакие усилия ученых не могли исправить положения: судоводителям в работе по принципу «здесь и сейчас» недостаток сведений о глубинах приходилось возмещать с помощью капризного эхолота, использовавшегося в Арктике на наших судах впервые, причем заранее было известно, что во льдах пользоваться им невозможно. Даже на этом сравнительно известном отрезке будущего Северного Морского пути ученым из экспедиционного состава хватало работы.

Каждые два часа Русинова поднималась на верхний мостик, где была установлена походная метеостанция. Она снимала показания приборов и затем доводила эти сведения как до моряков, так и до руководства, в первую очередь до Визе, который всеми доступными ему способами стремился откорректировать собственный ледовый прогноз. Гидрохимик Б. П. Брунс, работая в паре с гидрологом А. Ф. Лактионовым, регулярно брал пробы воды на так называемых «гидрологических станциях», чтобы позднее в лаборатории определить элементы химизма, а также содержание солей, предварительно замерив температуру воды на разных горизонтах. Полученные данные тут же наносились на карту, дабы выявить определенные природные взаимосвязи на будущее, нередко опережая события.

Наибольший интерес гидробиологов П. П. Ширшова и Л. О. Ретовского вызывала морская фауна, начиная со скоплений планктона, этой кормовой базы ихтиофауны. При этом Ширшов, начавший свою деятельность в Арктике всего год назад, по своему опыту значительно уступал коллеге Л. О. Ретовскому, начавшему свою деятельность на Белом море в 1923 году еще в экспедиции профессора К.М. Дерюгина. Помимо сеток для сбора планктона

они пользовались тралами Сигсби и дночерпателем Петерсена. Ими извлекалась донная фауна бентоса с морского дна, включая различных моллюсков, морских звезд, актиний, ракообразных и т. д. Обильный материал для исследований давали также сборы со льда в виде диатомей и пятен так называемого «красного снега» — скоплений микроскопических водорослей.

Не меньше интересовало морское дно В. И. Влодавца, составившего себе имя среди коллег-геологов на суше изучением древних пород Кольского полуострова в 20-е годы, где он определял запасы апатитов и других полезных ископаемых и, в частности, существенно поправил предварительные оценки самого академика Ферсмана. Влодавец не только отбирал свою часть улова из трала и дночерпателя — в виде гальки, глины и обломков пород, — но при каждой возможности «майнал» за борт грунтовые трубки Экмана для отбора проб рыхлого грунта с морского дна.

Единственным «безработным» (нередко использовавшимся на подхвате) в первые дни плавания по Карскому морю оставался охотовед Л. О. Белопольский. Основная его работа в эти дни (до первой встречи с белым медведем) заключалась в чистке и подготовке огнестрельного оружия. В Карском море был убит первый белый медведь. Его расстреляли у борта судна многочисленные стрелки, не пожалевшие на беззащитного зверя сорока боевых патронов, добившись (как показало исследование добытой шкуры) только трех попаданий. Тушу затем передали в распоряжение Белопольского, которому предстояло изучать содержимое кишечника и желудка, искать в мышцах паразитов и проводить свою непривлекательную, с точки зрения многих, работу. Только затем мясо «царя Арктики» поступало на камбуз, а затем в кают-компанию и столовую команды. Сам Шмидт считал необходимым употребление «свежатины» в качестве противоцинготного средства. Еще совсем недавно во время рейсов к Земле Франца-Иосифа, когда новички в отношении употребления медвежьего мяса составили свою оппозицию, по свидетельству Громова, Шмидт обязал партийцев первыми «дегустировать» эти экзотические блюда, действуя личным примером. Описывая плавание «Сибирякова», Шмидт не забыл отметить: «Конечно, экспедиция была снабжена всем необходимым, в том числе достаточными запасами продовольствия, но для здоровья моряков особенно важно иметь всегда запас свежих продуктов, так как даже лучшие консервы не предохраняют от страшной болезни — цинги. Мясо белого медведя очень нежное и вкусное, напоминает телятину» (1960, с. 93). Что касается последнего утверждения, разумеется, о вкусах

не спорят, но в данном вопросе взгляды автора книги (в свое время вдосталь отведавшего медвежатины в связи с особенностями арктического снабжения) и героя книги существенно расходятся.

Если большая часть научного персонала, включая перечисленных специалистов, пока находилась на уровне сбора и накопления необходимой информации, то Визе уже приходилось использовать ее для подтверждения того самого прогноза, над составлением которого он ломал голову еще в Ленинграде в ВАИ. Это ставило его в особое положение. Практически любой участник похода претендовал на то, чтобы оценить результаты его деятельности простым взглядом, не покидая палубы, нередко не стесняясь в критике. При этом ученому приходилось работать на опережение. Например, на подходах к Диксону он уже пытался подготовить рекомендации о путях, ведущих из Карского моря в море Лаптевых. Ему пришлось пользоваться скудной информацией, поступавшей с острова Домашний — от экспедиции, высаженной там с «Седова» два года назад. Судя по этим сообщениям, Северная Земля оказалась прорезанной по крайней мере двумя проливами, не считая пролива Вилькицкого, отделявшего ее от материка. Внимание ученого также привлекли сообщения первопроходцев о больших пространствах открытой воды у северных пределов архипелага. Очевидно, воспользоваться этой информацией можно было лишь после встречи с первыми обитателями архипелага, до которых еще требовалось добраться.

О приближении к острову Диксон возвестило появление на горизонте тонкого силуэта 110-метровой радиомачты одной из старейших (с 1915 года) полярных станций. Здесь «Сибирякова» догнал ледокольный пароход «Русанов»(капитан Ерохин) с экспедицией Самойловича. Он направлялся к мысу Челюскина для постройки там полярной станции, и с ним плыл пароход-угольщик, пополнивший бункера судна Воронина, порядком опустевшие.

Корреспондент «Известий» Борис Громов оставил следующее описание «полярки» Диксона: «На крутом обрывистом берегу — целым селением раскинулась радиостанция. В центре гигантская мачта с паутиной креплений и проволок, а несколько поодаль сама радиостанция с вывеской у входа: «СССР. НКВМ. Радиостанция УБЕКОСИБИРИ. — Диксон».

Заходим внутрь и попадаем в разгар работы. Идет обивка стен железом и передача радиостанции новой смене.

— Начальник станции Матюшкин, — представляется худой с утомленным лицом человек. — А вот начальник новой смены Крупин, — рекомендует он полного, в рабочей робе зимовщика,

старого полярника, в шестой раз едущего на Север.

— Зимовка прошла благополучно. Все здоровы и бодры, но медведя и песца что-то было маловато…

Около станции в небольших конурах, на привязи сидят ездовые собаки… Около нелепого деревянного строения, которое должно изображать маяк, с фонарем и колоколом, выстроено специальное зимнее помещение для собак. Здесь для каждого пса отдельный загон, затем общий коридор и выход в уборную.

В центре холма большой и вместительный дом, желтой облезлой краски с просторными и высокими комнатами… Здесь жилище персонала станции, жен и детей. В общей кают-компании кто-то пытается на вдребезги разбитом пианино выдавить звуки бравурного марша. В синих рабочих блузах, засучив рукава, с жадностью уплетают жирные щи два механика, только что окончившие работу. Рядом играют в шахматы, а в углу ребята разыскивают нужную книгу в библиотечном шкафу. Эта станция поражает своими размерами…

…У каждого своя собственная отдельная комната с необходимой обстановкой. Это дает возможность во время зимовки регулярно вести научные работы, заниматься самообразованием или, устав от галдежа, от одних и тех же лиц, просто посидеть одному, побыть со своими задушевными мыслями.

На крутом берегу расположился небольшой заводик, вырабатывающий колбасу из белушьего мяса. По заявлению экспертов, несмотря на то, что колбаса мрачно-черного цвета и несколько отдает рыбой, она пользуется большой популярностью у жителей северных окраин Союза» (1934, с. 108–110). Очевидно, ссылка на присутствие «заводика» должна была свидетельствовать об освоении пищевых ресурсов Арктики в голодные годы, сопутствующие коллективизации.

Не случайно этой проблеме корреспондент «Известий» Громов уделил особое место, начиная с высадки на берег: «У подножия крутого холма с кучами нерастаявшего прошлогоднего снега… прилепились крошечные, наспех сооруженные домишки и бараки. Кругом в беспорядке целыми кучами навалены кости, черепа и огромные ребра белух. Здесь же и добыча — огромные жирные белопятнистые шкуры, развешанные для просушки на стенах…

От первого дома через перешеек по бочкам перекинуты доски. Они ведут к островку, где еще два жилья — дом, огромная парусиновая палатка и сложенная из дерна кладовая-землянка. Тонкие жестяные трубы приветливо попыхивают дымком… Открываем тяжелую дверь и заходим в барак. Посредине топится

большая железная печь. Кругом нары с отдыхающими промышленниками-зверобоями… На веревках только что стиранное мокрое белье. Жаркий, душный, спертый воздух…

Нас разглядывают, словно зверей, желая узнать цель приезда, а спросить, видно, неловко… Мы рассказываем о цели нашей экспедиции, попутно заявляя, что конкурировать с ними в охоте на белух не будем. Этого заявления, видимо, и ожидали зверобои. Вздох облегчения пронесся по бараку. Значит, приехали друзья, не соперники, намеревающиеся завладеть промысловым районом.

— Ну как, много набили?

— Да уж есть. Расходы на поездку оправдали, девять шкур вон сохнет на воле. А там — что бог даст…» (1934, с. 106–107). Первые шаги освоения Арктики, причем в традиционном ресурсном направлении.

Свидетельством другого подхода, морского транспортного, стала старая засаленная тетрадь с полярной станции, хранившаяся там со дня основания и уже к тому времени ставшая документом истории, потому что на ее страницах оставили свои автографы именитые предшественники сибиряковцев. Тетрадь начал вести основатель станции Павел Григорьевич Кушаков. Он построил станцию по заданию Главного гидрографического управления летом 1915 года, чтобы обеспечить выход в Архангельск судов Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана «Таймыр» и «Вайгач», по пути из Владивостока зазимовавших у берегов Таймыра (1914–1915). Визе очень хорошо знал Павла Григорьевича. Кушаков в экспедиции Г. Я. Седова был его заместителем, и, таким образом, все трое провели вместе на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа две зимовки — вполне достаточно, чтобы определить отношение друг к другу. У Кушакова и Визе они не сложились, о чем, не стесняясь, оба и поведали друг другу в воспоминаниях. Это достойно сожаления, поскольку оба оставили яркий след в Арктике.

Конечно, уже в предшествующих экспедициях Визе, как знаток истории Арктики, вводил Шмидта в курс деятельности его предшественников. Просто сейчас эта связь оказалась на редкость наглядной: в тетради обнаружился автограф флигель-адъютанта двора его императорского величества капитана 2-го ранга Бориса Андреевича Вилькицкого, начальника экспедиции на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач». В навигацию 1914 года эти корабли не смогли добраться до Архангельска. В том же году на поиски Русанова отправился на барке «Эклипс» сподвижник Нансена Отто Свердруп. Норвежский моряк также не выполнил своей задачи, но со своей радиостанцией (впервые в Карском море) как ретранслятор обеспечил связь зимующих

русских кораблей с Большой землей. Радиостанция на Диксоне понадобилась для успешного освобождения «Вайгача» и «Таймыра» летом 1915 года, что и удалось. Потом ее, по настоянию Академии наук, сохранили на будущее и, как оказалось, весьма кстати. Что касается людей, связанных с ней, то определяющим для советской власти в отношении к своим предшественникам была их политическая позиция (это правило, кстати, строго соблюдал и Шмидт). Кушаков и Вилькицкий сделали свой выбор, отправившись в эмиграцию, и теперь с родиной их связывали лишь воспоминания да автографы на далеком арктическом острове… Правда, Вилькицкий дважды возвращался к родным берегам как начальник Карских экспедиций, но на берег не сходил — Родина для него оставалась Родиной, а к ее новым хозяевам он симпатий не питал: такие вот были времена! Шмидт к предшественникам добавил свою запись, отражающую новые реалии советской поры: «Сердечный привет энергичному персоналу Диксона — форпосту социалистического строительства. Экспедиция Северо-Восточного прохода на ледоколе «Сибиряков». 3 августа 1932 года. Шмидт и другие».

Из других знаменитых посетителей Диксона той далекой поры Шмидт и Визе, разумеется, видели текст Руала Амундсена, одолевшего Северный морской путь с двумя зимовками — ценность его опыта была несомненной… как и учет допущенных просчетов. Определенно арктическая история в описанной ситуации выступала в качестве некоего руководства на будущее. Не случайно Визе в своей книге уделил внимание еще одному историческому памятнику тех лет — одинокому деревянному кресту над могилой Петера Тессема — норвежского моряка из экипажа Амундсена. Он погиб после 800-километрового перехода всего в четырех километрах от полярной станции Диксон, куда шел с зимующего судна — пример, по-своему показательный, и Визе старался довести его до сведения нового поколения полярников, теперь уже советской поры.

Из других событий: по радио пилот Иванов сообщил из Архангельска, что 4 августа намерен долететь до бухты Варнека на Вайгач̂, откуда планирует вылет на Диксон. В бухту Диксона 6 августа пришел «Русанов» с экспедицией Самойловича, в задачу которой входила смена зимовщиков острова Домашний и строительство полярной станции на мысе Челюскина. В ожидании снабженца-угольщика было решено обоими судами выполнить гидрологический разрез к острову Свердрупа. Окружающее остров мелководье требовало осторожности при высадке, тем более, как показали астрономические наблюдения, выполненные Гаккелем, ошибка в положении его берегов на старых картах достигала 10

миль. При возвращение повторили гидрологический разрез, но уже другими галсами. Результаты гидрологических исследований показали наличие сравнительно теплых (до +7,5 °С) и малосоленых вод (до 15 ‰) в верхнем слое мощностью до 15 метров и холодных вод с температурой ниже 0, но с высокой соленостью (до 33 ‰) у дна. Очевидно, влияние огромного речного стока сибирских рек простиралось далеко в Карское море.

10 августа на Диксон прибыл, наконец, долгожданный угольщик под норвежским флагом. Топливо с его бортов одновременно грузили на «Сибиряков» и «Русанов». Уже к исходу следующих суток оба судна вышли к Домашнему, причем с ухудшением погоды. Этот переход ознаменовался открытием новых островов. Уже на следующий день практически одновременно с обеих судов увидали очертания неизвестной суши, названной в память о недавно умершем известном гидрографе К. Е. Сидорове. При этом остров на «Сибирякове» видели по левому борту, тогда как на «Русанове», находившемся в 20 милях западнее, — по правому. Так произошло открытие одного из островов в архипелаге, позднее получившего имя Арктического института.

Изученность этой части Карского моря в начале 30-х годов прошлого века оставалась слабой, и не случайно Визе при описании этих событий, присовокупил следующее замечание: «Если нам посчастливилось открыть новые острова, то не повезло с отысканием уже известных островов. «Сибиряков» держал курс на остров Исаченко, открытый в 1930 году экспедицией на «Седове», а «Русанов» шел прямо на остров Уединения. Однако оба ледокола преспокойно прошли через те места, где должны были находиться эти острова, не обнаружив ни малейших признаков суши. Выяснилось, что острова были положены на карту недостаточно точно (совсем как остров Свердрупа! — *В. К.)* и, кроме того, наши корабли снесло течением несколько в сторону от намеченного курса» (1946, с. 89–90). Обычные жалобы первопроходцев, которым выпадает честь быть еще и первооткрывателями.

Не случайно Визе в своей книге особо отметил: «Хотя прогноз Гидрологического института и указывал на благоприятное состояние льдов в северо-восточной части Карского моря, однако полное отсутствие льдов на всем пути к Северной Земле все-таки нас поразило. Капитан был этим, конечно, доволен, но отсутствие льдов совсем не пришлось по вкусу нашим киноработникам. Они начали жаловаться, что их жестоким образом обманули… Там, где «Седов» в 1930 году с трудом прокладывал путь среди льдов,

«Сибиряков» шел теперь по чистой воде, точно он находился где-нибудь в Белом море, а не в ледовитом Карском» (1946, с. 90). Определенно в необычном плавании складывалась необычная ситуация, требовавшая от руководства необычных решений, для чего и нужна была встреча с островитянами Домашнего, не предусмотренная первоначальным планом. А первопроходцам архипелага было чем отчитаться перед шефом! Восхищение Шмидта вызвала точность штурманской прокладки, продемонстрированная судоводителями «Сибирякова» при подходе к Домашнему (они не имели контроля астрономическими наблюдениями из-за тумана и облачности). По Громову, «…раздвинулся тяжелый занавес тумана, разбежались сырые клочья мглы. Вдали показалась длинная, бурая, изрезанная заливами, раскинулась земля. В плотной туманной мгле берега ее кажутся покрытыми гигантскими куполообразными глетчерами, широкими белоснежными руслами ледников. На вершине мыса, упираясь в облака, под охраной сурового стража — синего айсберга — высилась длинная стрела антенны, а рядом, прилепившись к холму, — маленький домик научной станции.

— Что делает капитан, — удивляется Шмидт, — без карт, не имея возможности ориентироваться по солнцу, он с поразительной точностью подвел судно к самой зимовке.

С берега отделилась и, взлетая на гребнях волн, понеслась навстречу «Сибирякову» крошечная моторка под красным флагом с четырьмя людьми. Нам машут руками, возможно, кричат. С нашего борта летит громкое ответное «ура». «Сибиряков» празднично расцветился флажками. Протяжные хрипы гудка кричали о радости встречи. Вот они, зимовщики, радостно улыбающиеся, поздоровевшие, обветренные суровыми ветрами» (1934, с. 130–131).

Разумеется, встреча с отважной четверкой с Г. В. Ушаковым во главе была переполнена эмоциями. Но гораздо важнее оказался их скомканный отчет о сделанном. Положить на карту неизвестный прежде архипелаг площадью более 37 тысяч квадратных километров, почти наполовину покрытый ледниками, в нескольких протяженных маршрутах общей длиной в 3000 километров (из них 2200 километров со съемкой) общей продолжительностью пять месяцев, было очень непросто. Это — не считая семнадцати отнаблюденных астрономических пунктов, многочисленных метеорологических и магнитных наблюдений, и само собой, топографического и геологического описания архипелага. Северная Земля во многом походила на ближайший к ней выступ Азиатского материка — Таймырский полуостров, хорошо знакомый Урванцеву по предшествующим экспедициям.

Хотя достигнутый результат был заслугой всего коллектива, сам Ушаков в беседе с Громовым выделил единственного ученого в их коллективе: «Особо надо отметить Урванцева — незаменимого человека в экспедиции. Я такого преданного и верного товарища еще никогда не встречал. Благодаря Урванцеву наша двухлетняя зимовка дала богатейшие научные результаты. Его прекрасное знакомство с Таймырским полуостровом дало возможность ставить безошибочные диагнозы в то время, как новичок здесь учился бы» (1934, с. 148). Несомненно, Шмидт был доволен достижениями своих подчиненных по институту, но не менее важным для него были выводы на будущее о роли коллектива и личности при исследованиях в Арктике.

Корреспондент также описал ряд особенностей «зимовья на Домашнем», не вошедших в официальный отчет или оставшихся за пределами других публикаций. «…Тот же домик, который мы, торопясь удрать от близкой зимы, выстроили два года назад, но уже не блещущий первой свежестью. На крутом каменистом наносе гордо торчит вверх деревянная радиомачта, которую с таким трудом врывали в вечную мерзлоту. Ближе к морю — новая неизвестная нам постройка — сооруженная из досок, обитых толем, — магнитная будка, где вел свои наблюдения, а иногда ночевал Н.Н. Урванцев…

…У дома развешаны пятнистые шкуры белух, морских зайцев, а под брезентом аккуратно сложено в пачки все богатство — 105 шкур белого медведя. Тут же рядом на канате сохнут 4 свежие шкуры только вчера убитых животных…

…В холодных сенях радиостанции бесцеремонно устроились пушистые щенки ездовых собак. Здесь — запасы консервов, инструменты, лыжи и снова скатанные мехом внутрь шкуры белого медведя. (Экспедиция, находившаяся на хозрасчете, расплачивалась по своим финансовым обязательствам большей частью этими шкурами. — *В. К.)* Тяжелая, хорошо утепленная дверь ведет в крошечную кухню, блещущую чисто вымытой, расставленной на полках посудой, ярко-медным надраенным примусом и умывальником. На столе — свежеиспеченный чьей-то опытной рукой белый хлеб.

— Готовим все по очереди, — показывая помещение, говорит Г. А. Ушаков, — причем в приготовлении пищи существовало необъявленное соревнование. Каждый стремился поразить каким-нибудь особенным блюдом. Обычный наш утренний завтрак — это яичница, кофе или чай. На обед же каждый готовил по своей специальности. Журавлев делал котлеты или пироги, Урванцев — отбивные котлеты из медвежатины или битки. Ходов навострился на кашах, а я — на бефстроганове.

Налево — каморка радиостанции — полновластное владение Васи Ходова, с коротковолновым передатчиком, с по-стоянным возбуждением, стабилизацией, бензиновый мотор в 2,5 л. с. типа «Дуглас» и динамо в полтора киловатта. На стене — записная книжка метеорологических наблюдений, которые Ходов регулярно проводил каждый день.

Узенький коридор ведет в довольно просторную комнату, но явно малую для четырех человек (площадь — всего 36 квадратных метров. — *В. К.)* — спальню, столовую, рабочий кабинет, гостиную и т. д. Словом, здесь в четырех деревянных стенах была сосредоточена вся жизнь и работа северного форпоста науки. Вдоль стен — одна над другой для экономии места по две койки. Смятые постели свидетельствуют о том, что люди только что встали, разбуженные приходом «Сибирякова». У тусклого окошка — письменный стол, на нем наковальня для мелких поделок, выше — полки с книгами, тетрадями, фотоаппаратурой и химикалиями. В центре комнаты — обеденный стол, с давно застывшей жареной медвежатиной и остатками коньяка.

— Во время зимовки пили мы мало, — рассказывает Ушаков, — разве что Журавлев, у которого была к вину определенная потребность. Он и выпил все наши запасы. Ходов — отчаянный трезвенник, я — чтобы поддержать компанию пил только виноградное вино, да и Урванцев — тоже. Но, по правде сказать, бывали моменты, когда было необходимо напиться, это — когда чувствовалась какая-то нервозность, когда люди начинали киснуть и придираться друг к другу. Тогда я сам ставил вино. Обычно вначале ребята грубили, но вскоре же переходили на взаимные любезности, и все оканчивалось хорошо. Урванцев начинал бесконечно философствовать, а Журавлев — петь. Словом, нарушенное равновесие быстро восстанавливалось, и можно было приступать к работе. Над столом среди портретов Ленина, Калинина, Ворошилова и С. С. Каменева — охотничьи ружья, полевые бинокли, карты Северной Земли, будильник, зеркало и огнетушитель на случай пожара, а направо — маленький столик для научных работ, кирпичная печь и полка для сушки одежды.

Вот и вся незамысловатая простая рабочая обстановка жилища четверых смельчаков, в которой они провели два долгих тяжелых года — без лишних, ненужных и громоздких вещей. Здесь, в этой комнате, зарождались гениальные планы освоения грандиозного отрезка материка, здесь шумно и горячо обсуждались планы поездок, здесь в рассказах переживали давно пережитые трудности, лишения и опасности.

— Георгий Алексеевич, — обращается писатель Семенов к Ушакову, — а поехали бы вы еще раз в Арктику?

— На год хватит обработки добытых материалов, а там, — улыбается он, — вот откроете Землю Санникова — тогда можно будет поехать. Разве от Арктики оторвешься?» (1934, с. 135–138).

Тем не менее далеко не все было просто в двухлетней зимовочной экспедиции четверых полярников, что подтверждает приказ Ушакова: «Проводя вторую зимовку, мы вступаем в тяжелый момент. Надо выполнить задание правительства во что бы то ни стало. Между тем я замечаю упадок настроения, невыдержанность, грубости и т. д., что совершенно недопустимо на нашей зимовке. Основными причинами этих явлений считаю не только пребывание вдали от материка, но и нежелание держать себя в руках. Поэтому считаю необходимым предложить каждому дежурному следить за санитарным обслуживанием, вовремя приготовлять пищу, тушить свет в 23 часа и с этого времени до 8 часов его не зажигать. Запрещаю ложиться в постели в течении дня и курение в помещении. Устанавливаю обязательный 8-часовой рабочий день. Даю индивидуальные каждому задания. Нарушившим этот приказ — выговор с предупреждением, во второй раз — выговор с доведением до сведения Арктического института и в третий раз — освобождаю от работы». Для Шмидта, с его несомненным административным талантом и необходимостью опыта на будущее, это был хороший пример руководства ограниченным коллективом в чрезвычайных условиях длительной зимовки. Глава зимовщиков выдвигал совсем не те требования к людям, которые были знакомы Шмидту по судовой дисциплине, за которую в основном отвечал капитан.

Определенно работой североземельцев можно было гордиться. Не менее важно было использовать полученные результаты в дальнейшем плавании «Сибирякова» по принципу «здесь и сейчас», даже если отсутствовали сведения о глубинах. Если верить свидетельству Громова, «…О. Ю. Шмидт неожиданно выдвинул другой, интереснейший, но чрезвычайно рискованный проект. Он рассуждал так: поскольку нам везет в этом году, поскольку на всем пути мы еще не встретили особо тяжелых льдов, не стоит ли нам воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами и попытаться обойти вокруг Северной Земли, то есть побывать там, где не было ни одно судно в мире, видеть то, что не удавалось увидать лучшим исследователям Арктики. Вполне понятно, выбор этого маршрута целиком оправдывался в научном отношении.

Некоторые, правда очень немногие, склонны были видеть в этом необычайном предложении своеобразный авантюризм. Но

надо хорошо знать Отто Юльевича, чтобы понять его неугомонную, неспокойную, вечно в исканиях нового, неизвестного науке натуру… Сколько раз я бывал свидетелем, как Шмидт добавлял, расширял основную программу новыми исследовательскими рейсами. Он пользовался буквально малейшей возможностью, чтобы сделать новый вклад в дело изучения наших северных окраин.

Сильно возражал капитан, мотивируя тем, что у нас впереди долгий и тяжелый путь, а времени мало, что у него есть основное задание партии и правительства пройти Северо-Восточный проход и что никаких побочных заданий он знать не хочет. Но в душе, я уверен, он был рад и горд быть первым капитаном, обогнувшим с севера Северную Землю» (1934, с. 149–150).

Разумеется, такое решение не могло состояться без учета мнения Визе, который изложил его в следующем виде: «На мой взгляд, было бы прямо непростительно не воспользоваться благоприятной обстановкой этого года и не сделать попытки обогнуть Северную Землю. Я высказал свои соображения Отто Юльевичу, и он вполне согласился со мной, считая, однако, необходимым согласовать вопрос о выборе пути с капитаном. Тут-то я уж знал, как надо действовать. «Море мягко, бойся берега» — эта поговорка поморов должна была пригодиться.

Я разложил перед Ворониным урванцевскую карту Северной Земли. «Вот видите, Владимир Иванович, — начал я, — для нас, научных работников, было бы очень интересно пройти проливом Шокальского. Правда, этим проливом никто никогда не плавал, глубины его вовсе не известны, да и островков всяких на карте показано немало, а поэтому, возможно, что в проливе имеются и подводные рифы. Как вы думаете насчет этого пролива?» Капитан внимательно рассматривал карту и хранил молчание. Лицо его нахмурилось. «Пролив Красной Армии тоже любопытно обследовать, — продолжал я, но он, вероятно, представляет еще больше опасности для мореплавателя, чем пролив Шокальского. Есть еще третий путь — обход Северной Земли с севера. Опасаться на этом пути подводных банок едва ли приходится, но зато нас ждет там другой враг — льды. Если здесь, у острова Домашнего, море чисто, то ведь это не значит, что льда нет и на севере». — «Дело все в том, что на льды мы и шли, — отвечал Владимир Иванович, продолжая изучать карту, — льды нам не страшны, и «Сибиряков» с ними справится. Вы сами видите, какой год выдался удачный. А в проливы я бы не советовал соваться. Это дело специального гидрографического судна, наша же главная задача — поскорей пройти в Тихий океан. Проливы нам все дело могут испортить» (1946, с. 96).

Таким образом, решение в одной из самых рискованных ситуаций, характерных для экспериментального плавания, было коллективным, когда каждый нес свою долю ответственности на основе научного предвидения, которое нельзя было считать прогнозом. При этом каждый исходил из собственных представлений о значении предстоящего похода: Шмидт явно стремился на «белые пятна», считая, что они могут дать наиболее интересные научные результаты (хотя и с долей присущего ему в ту пору рекордсменства как следствия прошлого увлечения альпинизмом); Визе как ученый — в поисках новой информации; а Воронин (при всей ответственности, ложившейся на него) осваивал новые для себя полярные акватории. В полном смысле это было общее коллективное решение, которое в большинстве случаев оказывается успешным. Таким оно вышло и на этот раз.

Судно отсчитывало милю за милей в плавании на север, а к удивлению мореходов лед пока не появлялся, словно до поры до времени затаившись в засаде. В этом плавании Гаккель заново определил размеры острова Шмидта, площадь которого, по его наблюдениям, составила 75 (по современным данным — 440) квадратных километров. На мостике пошли разговоры об отсутствии льда, на что Воронин отреагировал по-своему: — «Погодите, скоро появятся, успеете налюбоваться…» Действительно, вскоре по курсу обозначилось ледяное небо — отсветы дальних ледяных полей на нижней кромке облаков. Визе, мечтавший выйти на большие глубины и получить характеристики вод Центрального Арктического бассейна для сравнения с наблюдениями Ф. Нансена на «Фраме» понял, что его надеждам не суждено было сбыться. Судя по максимальным измеренным глубинам в 313 метров на 81°28′ с. ш., судно оставалось в пределах материкового склона. Дальнейший путь к северу становился чересчур рискованным и в 12 милях от наиболее северного пункта архипелага последовала смена курса на юго-восток. Позднее, в сопоставлении с новыми данными о глубинах, стало ясно, что усилиями судоводителей и ученых «Сибиряков» оказался в обширном разводье, приуроченном, наподобие Великой Сибирской полыньи, к кромке материковой платформы Евразийского континента. Загадочная Арктика еще раз озадачила исследователей, вплотную подводя к очередной проблеме. Гаккелю спустя два десятилетия предстояло увязывать закономерности ледовой обстановки с характером подводного рельефа. Но в первой мере он ощутил эти связи именно в походе на «Сибирякове» под водительством Шмидта.

Поскольку в навигацию 1932 года история соединила штурм будущей сквозной ледовой трассы из портов Российского Севера

и Дальнего Востока в некую совместную операцию двумя разными экспедициями, очевидно, необходимо вернуться к Особой Северо-Восточной экспедиции. Это тем более важно, чтобы читатель мог почувствовать разницу в методах освоения Арктики по Шмидту и ГУЛАГом. Пока лишь отметим, что после жестоких ледовых баталий 15 августа у мыса Сердце-Камень в Чукотском море (до цели плавания оставалось еще не менее 1300 километров) Евгенов вынужден был созвать совещание капитанов судов на тему — что делать дальше? В литературе нет указаний, существовала ли попытка ледового прогноза на лето 1932 года для Чукотского моря. Похоже, моряки столкнулись с непредвиденной ситуацией, что, с точки зрения их заказчика, могло быть истолковано как преднамеренный саботаж со всеми вытекающими последствиями. К этому был особенно чувствителен сам Евгенов со своим офицерским прошлым. На совещании страсти накалились настолько, что ряд капитанов «… Сиднев и Хренов решительно утверждали, что задание невыполнимо. Сиднев вообще предлагал немедленно прекратить попытки продвижения и возвратиться обратно. Он сказал капитанам: «Если руководство экспедиции не послушается, то нам остается взять шапки и уйти с совещания» (Бочек, 1969, с. 215). Сиднев был одним из наиболее опытных капитанов, причем с зимовочным опытом, но его позиция, как и Хренова, объяснялась другим. Именно на их судах в трюмах и твиндеках находилась основная масса «работников Дальстроя», которым в случае пробоины ото льда угрожала неминуемая гибель, а сами моряки, привыкшие традиционно отвечать за грузы и пассажиров, еще не освоились с методами работы Дальстроя и ГУЛАГа… Тем не менее решено было продолжать плавание на запад, но только 22 августа суда подошли к мысу Ванкарем, а спустя неделю оказались у мыса Северный, отстоящего от цели на 700 километров. Положение становилось отчаянным, и если бы не удачная воздушная разведка летчика Бердника, предпринятая 30 августа, весь поход мог бы сорваться…

Между тем на западе в ясную ночь с 16 на 17 августа «Сибиряков» оказался (судя по карте Урванцева) у восточного устья пролива Красной Армии, откуда был виден не только достаточно высокий массив горы Ворошилова, но и низкие острова Диабазовые в восточном устье пролива. Именно здесь-то и поджидало первое серьезное испытание в виде старого сплошного ледяного поля шириной до пяти миль, вплотную прижатого к берегу, видимо, «заякоренными» айсбергами, сидевшими на грунте, — судя по глубинам, редко превышавшим 40 метров. Южнее просматривались отчетливые признаки

«водяного неба». С востока это поле блокировалось скоплениями тяжелых паковых льдов, заведомо сложных для «Сибирякова». Поэтому Воронин принял решение «рубиться» к открытой воде напрямую, тем более что попытки взрывных работ результата не дали. На форсирование этого поля ушло 40 часов, в течение которых капитан не позволил себе ни на минуту сомкнуть глаза. Днем 18 августа судно вышло на открытую воду у фьорда Матусевича, но, как отметил Визе, «…чистая вода баловала нас недолго, и против северного входа в пролив Шокальского «Сибиряков» снова вошел в лед» (1934, с. 93). Толщина льда местами достигала здесь трех метров — это был один из отрогов льда Центрального Арктического бассейна, временами спускающихся вдоль Северной Земли на юг.

Дальше путь «Сибирякова» проходил вдоль восточных берегов архипелага, где лед удивил бывалого моряка — Воронин так аттестовал своего противника: «Лед какой здоровый — некуда носа затащить». Чем дальше к югу, тем меньше открытой воды, вот уже исчезли последние разводья… «Сибиряков» оказался в отрогах многолетнего пакового льда из Центрального Арктического бассейна, форсирование которого заняло почти неделю, причем пришлось временами взрывать лед или окалывать его у бортов пешнями. Визе описал работу экипажа такими словами: «Полный вперед!» — ледокол наскакивает на поле, лед с шумом ломается, и судно проталкивается вперед примерно на одну треть корпуса. «Малый назад!» — ледокол осторожно отходил, опасаясь за целость руля, и затем с разбегу наносил новый удар. Пока толщина льда не превышала одного метра, мы, хотя и медленно, продвигались вперед довольно успешно. Однако по мере того, как мы забирались в глубь поля, толщина льда стала увеличиваться, и ледокол все чаще и чаще застревал. В судовом журнале расстояние, пройденное за вахту, отмечалось уже не в милях, а в кабельтовых» (1946, с. 102).

В подобной ситуации вся ответственность за исход плавания ложилась на капитана, что отражалось на его поведении. «Веселый, жизнерадостный, добродушный, большой любитель природы (Архангельский музей полон экспонатами, привезенными капитаном с дальних островов), Воронин в минуты опасности совершенно преображался. Куда исчезали его чарующая улыбка и бесконечная вереница рассказов о морских приключениях и о жизни беломорских поморов?

В дни, когда «Сибиряков» попадал в объятия гигантских ледяных полей, капитана можно было видеть круглые сутки бессменно дежурящим бессменно дежурящим на верхнем мостике или в бочке на вершине мачты, сверлящим в бинокль туманную

даль. Спустившись вниз в кают-компанию, он наскоро хватал что-то давно остывшее и ураганом взлетал опять наверх, и так до тех пор, пока надрывающиеся в нетерпеливом ритме машины не вынесут ледокол на чистую воду. А сон? Спать капитану некогда. Спит он чутким нервным сном человека, у которого ни на секунду не выходит из головы навязчивая упорная мысль о грядущих опасностях», — описал эти дни корреспондент «Известий» Громов (1934, с. 87). Некоторое разнообразие в эту жизнь, главным содержанием которой стал лед во всех видах, — в радиообмене, в разговорах в кают-компании, в содержании личных дневников и на страницах вахтенного журнала, — внесло сообщение Самойловича. Он извещал, что экипаж «Русанова» закончил постройку дома на мысе Оловянный в проливе Шокальского. Принимавший это сообщение радист Кренкель не подозревал, что всего через пять лет ему придется пережить в этом месте труднейшую зимовку всей своей полярной жизни, богатой приключениями. Немного позже пилот Иванов сообщил об аварии своего самолета на полуострове Канин — надежды на воздушную разведку окончательно рухнули. Тем временем «Русанов» достиг мыса Челюскина (22 августа), чтобы приступить к постройке полярной станции по программе 2-го МПГ.

Положение «Сибирякова» несколько улучшилось, когда судно оказалось в пределах видимости острова Малый Таймыр у восточного входа в пролив Вилькицкого. Правда, окружающая ледовая обстановка напомнила Визе запись в журнале Василия Прончищева, наблюдавшего в этих же местах «самые глухие льды, которым и конца видать не могли». Казалось, за два столетия здесь ничего не изменилось, тем не менее прогноз ледовой обстановки предупреждал: летом 1932 года «…в западной и в особенности северо-западной части моря Лаптевых вероятны скопления льда, местами тяжелого».

По первоначальному плану предполагалось также с севера обойти и Новосибирские острова в напрасной попытке попутно разрешить и проблему «Земли Санникова», на протяжении более века дразнившей воображение полярных исследователей. О ней совсем недавно при встрече с сибиряковцами вспоминал Ушаков. Несмотря на повышенный расход угля в тяжелых льдах, скрепя сердце Шмидт дал согласие на проведение гидрологических станций через каждые сорок миль. Из-за льда на первые 360 миль в море Лаптевых понадобилось девять суток.

Участникам похода эти места запомнились еще странным молчанием эфира, который умолк наглухо и надолго, по крайней мере, для ближайших станций. Зато 25 августа радисты перехватили переговоры Евгенова с судами Особой Северо-

Восточной экспедиции, находившимися у Колючинской губы (примерно в 400 километрах от устья Колымы). Из них стало известно о тяжелейшей ледовой обстановке в Чукотском море и приказе ледорезу «Литке» воздержаться от похода к Лене, где он должен был принять под ледовую проводку речные пароходы на Колыму. Чудеса в эфире продолжались и дальше — радисты «Сибирякова» переговаривались с рыболовецкими тральщиками, а ближайшая станция на Большом Ляховском в Ново-Сибирском архипелаге, откуда сибиряковцы надеялись получить информацию о ледовой обстановке, словно пропала.

Пока молчала и радиостанция строящейся «полярки» в бухте Тикси в дельте Лены. Зато сама река с каждым днем все больше напоминала о себе то стволами плавучего леса (плавника), то нарастанием бурого торфяного настоя в морской воде и, соответственно, падением солености во взятых пробах на гидрологических станциях. Только вечером 26 августа услышали морзянку радиста из Тикси с воплями «Всем, всем, слушайте меня…». В течение двух недель он безуспешно пытался связаться с соседним Булуном в низовьях реки. На радостях радист Тикси выразил готовность работать каждый час, что Кренкель объяснил по-своему: «Застоялся, малый, пальцы, похоже, зудят…»

Тикси сообщила, что караван речных судов (которым предстояло добираться до Колымы) привез для «Сибирякова» 250 тонн угля с местных шахт из Сангар-Хая (помимо заготовленного местного плавника на топливо) — топлива теперь хватало до Тихого океана, но заход за ним становился необходимостью. Правда, Визе показалось, что глубины в бухте Тикси — не для «Сибирякова», но его доводы Воронин парировал неотразимым аргументом: «Уголь есть — так и глубины будут достаточные». Хотя и ученый, и моряк впервые оказались в этой части Арктики, победила логика старого морехода, поначалу удивившая руководство экспедиции.

В ночь на 27 августа «Сибиряков» входил в бухту Тикси. Визе отметил, что «…небо было ясное, но нам, пришедшим из высоких широт Арктики, оно казалось темным. Невысоко над горизонтом ярко светилась Венера — первая звезда, которую мы видели по выходе из Архангельска. С берега дул легкий, удивительно теплый ветер, доносивший до нас запах тундры. В полночь термометр, подвешенный на крыше штурманской рубки, показывал + 9,4°» (1946, с. 110). Определенно в этих строках уже сказалась усталость за месяц похода, развивавшегося пока в пределах намеченного плана.

Баржа с углем и грузчиками уже дожидалась сибиряковцев, причем ее прибуксировала знаменитая «Лена» — первый пароход,

пришедший сюда с запада еще в 1878 году, сопровождая знаменитую «Вегу» А. Э. Норденшельда. Несмотря на почтенный возраст, пароходик находился в приличном состоянии, обслуживая перевозки по Лене на протяжении полувека. Это была памятная встреча первопроходцев, свидетельство эстафеты поколений полярных исследований.

Определенно для Шмидта поход «Сибирякова» был не просто проведением интереснейшего (и, несомненно, опасного) научно-производственного эксперимента, одного из многих в той первой сталинской пятилетке и не последнего для самого Шмидта. Одновременно он набирался опыта руководящей деятельности в новой для него части Арктики, но не только. Как показало ближайшее будущее, это была еще и рекогносцировка будущего обширного и сурового (точнее — экстремального) поля деятельности. Об этом свидетельствуют события в бухте Тикси.

Пока грузчики наполняли топливом с баржи угольные ямы на «Сибирякове», Шмидт привел своих людей на постройку будущей полярной станции, благо среди будущих зимовщиков оказался участник экспедиции 1930 года на «Седове» топограф Войцеховский. «Дружно принявшись, коллектив сибиряковцев проработал весь день, — описал этот научный аврал Громов. — Шмидт, Визе наравне с другими таскали кирпичи, дрова, возили землю, прибивали обшивку стен и настилали полы. Вечером, в совершенно еще пустой комнате радиостанции был устроен торжественный ужин. Причин для празднования было много: открывался новый научный форпост на далеком берегу Ледовитого океана, исполнился месяц, как «Сибиряков» оторвался от пристани в Архангельске… На столе было все, чем богаты зимовщики, — консервы, коньяк и великолепная жирная рыба муксун.

— Сами ловим, ее здесь много, — говорит Войцеховский, — хотим даже сделать запас на зимовку.

…Начались бесконечные тосты: Фрейберга (начальника станции. — *В. К.)* за благополучное окончание нашей экспедиции; Шмидта — за первое поселение в бухте Тикси и первых зимовщиц-женщин; Визе — за капитана («Лены». — *В. К.)* Богатырева и других якутов, подготовивших почву и благодаря которым наша работа будет плодотворной…

…Стоят дивные темные ночи, от которых мы уже успели отвыкнуть. Как-то чудно видеть темную палубу и расцвеченный разноцветными фонариками корабль. Появились первые отблески северного сияния, еще раннего, слабого. Через все черное небо перекинулась молочно-бледная дуга, за ней другая, третья, теряясь в темноте» (1934, с. 169–170).

Скорее всего, Шмидту были известны планы и назначение судов Особой Северо-Восточной экспедиции под начальством Евгенова. Более того, видимо, он имел какие-то особые указания по этому поводу и для себя. Ими он не стал делиться, до поры до времени даже со своими ближайшими сотрудниками. Это подтверждается по крайней мере двумя фактами, о которых пойдет речь ниже.

Во-первых, настойчивым (по мнению некоторых соплавателей — неожиданным) стремлением провести речные пароходы с Лены на Колыму. «У Шмидта был большой разговор с капитаном, — отметил в своей книге Громов. — Честный, преданный своему делу Воронин никак не мог понять необходимости взять на себя это побочное задание.

— Как хотите, Отто Юльевич, а «велосипеды» я не поведу, — говорил он, намекая на колесные пароходики. И все же согласился сам, добровольно, убедившись в весьма веских доводах. Уж очень Шмидт умел уговаривать» (1934, с. 169–170).

Во-вторых, отказом перевезти на этих «велосипедах» с их сомнительными мореходными качествами своих же грузчиков, которые в поисках «фарта» в качестве ненужных свободных конкурентов могли доставить немало хлопот «работникам Дальстроя». Громов оставил смачное описание этой колоритной публики («В большинстве своем — авантюристы, искатели счастья и приключений, прослышав об открытии на Колыме россыпей золота, бросили семьи, заработок, заразившись «золотой лихорадкой» (1934, с. 168)). Он же немного ниже приводит достаточно убедительную причину отказа вести их на Колыму: «Иначе поступить было нельзя. Свободных мест на «Сибирякове» не имелось, а вести этот груз на совершенно неприспособленных для морских переходов речных пароходиках было рискованно. Всегда в любую минуту могло случиться несчастье, и тогда — лови на вздыбленных волнах моря Лаптевых сотни людей» (Там же, с. 171).

Трехсуточная стоянка в Тикси была использована для подготовки двух из трех колесных «речников» для перехода на Колыму. Тем временем моряки и ученые с «Сибирякова» нашли время для посещения останков «Зари» — экспедиционного судна Э. В. Толля, погибшего в ноябре 1902 года при попытке вернуться на материк с острова Беннетта. «Оставленная и разбитая «Заря» производила тяжелое впечатление. Она жила, пока жив был ее руководитель, горевший желанием познать тайны Арктики. Когда он пал в борьбе с полярной стихией, корабль был брошен в первой попавшейся бухте и вместе с ним забыты все мысли, которыми энтузиаст исследования Арктики сумел на время

всколыхнуть старую Академию наук… Трагическое начало и трагический конец» (Визе, 1946, с. 118).

30 августа «Сибиряков» с «велосипедами» лег курсом на полярную станцию на острове Большой Ляховский, которая также не выходила в эфир. Там Визе рассчитывал получить сведения о развитии погоды в предшествующие месяцы и о ледовой обстановке. Пока же в пределах видимого пространства не было ни одного куска плавающего льда. В это же самое время суда Особой Северо-Восточной экспедиции буквально изнемогали в борьбе со льдами у мыса Шелагского, только-только обнаружив с помощью воздушной ледовой разведки участки чистой воды по направлению к цели похода. О суровой ледовой обстановке в Чукотском море сообщал и пароход «Совет», безуспешно пытавшийся прорываться сквозь льды к острову Врангеля. В целом складывалась непростая и противоречивая ситуация.

Непродолжительное посещение полярной станции на мысе Шалаурова (остров Большой Ляховский) в последний день лета оставило у всех гнетущее впечатление. Шмидт, в меру избалованный достигнутым и уверенный в своих людях, получил пример противоположного характера, на котором не стал останавливаться в своих статьях, но, несомненно, запомнил. Для начала сибиряковцев удивил внешний вид станции. «Деревянный крытый дом на восемь комнат… Рядом — полуразрушенные сараи, с выбитыми дверьми и окнами. Вся земля покрыта прогнившим тряпьем, мусором, остатками валяной обуви, ржавыми консервными банками, разбитыми ящиками и т. д.…. В доме — грязь, копоть, давно нестиранное белье на постелях, на кухне — немытая посуда, заплеванный пол и т. д. Да и люди — неряшливые, опустившиеся, в черных от грязи нижних рубашках, небритые, с длинными космами волос» (Громов, с. 174). К сожалению, под стать внешности оказалась и работа станции.

Визе быстро обнаружил, что «…одна из основных задач станции — обслуживание плавающих судов — не выполнялась вовсе. На наш вопрос, почему станция не отвечала на вызовы «Сибирякова», радист недоуменно спросил: «А разве надо было слушать?»… Такое… я встретил на полярной станции впервые. Во всяком случае, эта фигура вполне подходила к стилю жизни Ляховской станции…

Меня очень интересовали производившиеся на станции наблюдения над состоянием льда в проливе Лаптева, но на мою просьбу показать мне ледовый журнал начальник станции ответил отказом, заявив, что он не вправе это делать. Только после решительного указания Отто Юльевича журнал был дан мне на просмотр. Я узнал из него, что лето 1932 года было здесь

вполне благоприятным в ледовом отношении… Сравнительно раннее очищение от льдов моря около Новосибирских островов вполне соответствовало прогнозу, данному мною еще в середине июня» (1934, с. 114).

Увы, оба участника экспедиции на «Сибирякове» описали типичную картину духовной и профессиональной деградации людей, с одной стороны обеспеченных всем необходимым, а с другой — неспособных — в силу личных качеств — пользоваться предоставленными возможностями в части охоты, самообразования, наконец, собственного жизненного самоутверждения вне жесткого административного контроля. Судя по поведению начальника станции, они и дальше желали оставаться в подобном состоянии, активно сопротивляясь внешнему воздействию.

4 сентября долгожданная встреча двух экспедиций наконец состоялась — близ устья Колымы. В описании корреспондента «Известий» Макса Зингера она происходила следующим образом:

«Сучан» первым из всей армады бросил якорь близ устья Колымы. Ночь была темная. Пароходы по одному подходили к месту назначения и гремели якорными цепями. Словно звездочки на горизонте, справа по носу «Литке» двигались навстречу ходовые огни «Сибирякова»… Впервые в истории полярного плавания у Медвежьего мыса сошлись корабли из двух противоположных концов Советского Союза. В один и тот же день и час они подходили к устью Колымы. «Сибиряков» приближался с двумя Ленскими речными пароходами к бухте Амбарчик, возле которой становилась на якорь и вся Северо-Восточная полярная экспедиция… Утреннее солнце озарило на синем, зыбившемся от ветра море суда экспедиции и стоявшего несколько поодаль «Сибирякова». На «Литке» взвились приветственные флажные сигналы. Командир ледореза Николаев троекратно салютовал гудками гостю с запада в восточных водах. «Сибиряков» поднял ответный сигнал «благодарю». Салюты подхватили все колымские пароходы. И долго катились по гористым берегам зычные гудки» (1948, с. 93–94).

В изложении Визе эта историческая встреча дополняется важными деталями, имеющими непосредственное отношение к завершению похода «Сибирякова»:

«Обогнув Медвежьи острова с севера, «Сибиряков» поздно вечером подходил к мысу Медвежьему, расположенному недалеко от устья Колымы, где нас должны были покинуть речные суда. В это время на востоке показался целый ряд огней — то приближались суда Северо-Восточной экспедиции, которым под проводкой «Литке», наконец, удалось прорваться к Колыме.

«Сибиряков» и «Литке», пришедшие с разных концов советской страны, отдали якорь у мыса Медвежьего почти одновременно. Вскоре к нам на борт пришел начальник Северо-Восточной экспедиции Н. И. Евгенов.

— Вас, конечно, интересует состояние льдов, — начал Н. И. Евгенов, когда после первых приветствий сел за стол в кают-компании. — Порадовать не могу — плохо. Год здесь выдался на редкость тяжелым. Один колонист, живущий недалеко от мыса Сердце-Камень уже почти 30 лет, утверждает, что столь неблагоприятного состояния льдов, как в этом году, ему не приходилось наблюдать. Конечно, «Сибиряков» активнее и крепче наших лесовозов, и вам, пожалуй, удастся пройти…» (1934, с. 116). Визе сделал также свои выводы на будущее: «Навигация 1932 года являет пример, когда доступ к устью Колымы со стороны Архангельска не представляет существенных затруднений, между тем как путь со стороны Владивостока был исключительно тяжелым. Этот пример со всей очевидностью подчеркивает важность долгосрочных прогнозов состояния льда, ибо если бы ледовая обстановка по всему протяжению Северного морского пути была известна заранее, то все грузы в 1932 году на Колыму были бы отправлены не из Владивостока, а из Архангельска или Мурманска. Этим были бы сбережены громадные средства, так как все суда Северо-Восточной экспедиции, вследствие тяжелого состояния льда поздно прибывшие на Колыму, были вынуждены зазимовать и, кроме того, в борьбе со льдами получили серьезные повреждения.

Н. И. Евгенов советовал нашему капитану держаться по возможности ближе к берегу, ибо мощный полярный лед к самому берегу не подходит, за исключением выдающихся приглубых[3] мысов, которые и являются самыми опасными в ледовом отношении местами» (1934, с. 118). Таким советом новичкам в восточных морях Советской Арктики нельзя было пренебрегать, хотя и с учетом многих других обстоятельств. Тем не менее они проявили определенную самонадеянность, рассчитывая, что моряки Северо-Восточной экспедиции (точно так же, как их коллеги с судов Карской экспедиции во время встречи на Маточкином Шаре) преувеличивают опасность здешних льдов. К сожалению, самые мрачные ожидания на этот раз подтвердились.

Люди на «Сибирякове», видимо, получили еще какую-то информацию о «работниках Дальстроя» на судах Особой Северо-Восточной экспедиции. Например, корреспондент Макс Зингер поведал коллеге Громову такую информацию: «…Тысяча человек — мужчин, женщин, детей. Во время похода несколько матерей

родило ребят, здесь женились, разводились, а один плотник даже умер от перепоя и был брошен в брезентовом мешке с колосниками на ногах в море» (1934, с. 183). По более поздним сведениям, умирали не только от перепоя…

Когда 4 сентября «Сибиряков» расстался с судами Северо-Восточной экспедиции, чтобы продолжить плавание к востоку, уже у острова Айон они повстречались со сплоченными льдами — теми самыми, о которых им рассказывал Евгенов. Определенно впереди сибиряковцев ожидали суровые испытания — это было ясно всем участникам плавания — от Шмидта до буфетчика. Между тем приближение зимы давало о себе знать все отчетливей. Ртуть в термометре ночами опускалась до — 6 °С, разводья между льдинами в море покрывались ледяной коркой до 7 сантиметров толщиной. До Берингова пролива оставалось примерно 600 миль, всего трое суток хода по чистой воде. Однако понадобился почти месяц напряженной работы, когда никто не мог поручиться за исход всего предприятия.

«В ночь с 5 на 6 сентября мы находились против мыса Шелагского, где сплоченность льда достигала 8 баллов. Лед здесь был необычайно свирепый, очень торосистый и безусловно многолетнего происхождения. Он сидел в воде на 4–5 метров и многие льдины имели чудовищные подводные тараны. Многолетний лед, вследствие ничтожного содержания в нем солей, гораздо крепче годовалого льда, а поэтому опасность повредить лопасти в многолетних льдах особенно велика», — писал позднее Визе (1946, с. 128). Его опасения понятны, поскольку возможности его прогноза в этих местах себя исчерпали, и любая попутная информация могла иметь решающее значение. В частности, С. В. Обручев после полета с мыса Северного на остров Врангеля сообщал о пространствах чистой воды в 30 милях от мыса Северный, уходящей к востоку, — по этим данным, берега Чукотки блокировались тяжелыми льдами. Ко всему наступило время темных ночей.

Впервые за время похода капитан принял решение остановиться и ждать рассвета вместо того, чтобы в темноте пытаться форсировать лед. 8 сентября «Сибиряков» был у мыса Северный, который оказался непреодолимой преградой для многих судов (преимущественно парусных), включая зимовавшие здесь пароходы «Колыма» в 1914-м и «Ставрополь» в 1928 годах, добиравшихся в эти места со стороны Берингова пролива. Тяжелый лед прижал здесь «Сибирякова» к скалистому берегу на расстояние в один кабельтов. Моряки познакомились с обитателями местной фактории и персоналом строящейся полярной станции. Чукчи подтвердили, что ледовые условия за

последние три года ухудшались. Тем не менее на севере отчетливо прослеживались признаки водяного неба, когда поверхность открытой воды создавала темный фон на нижней кромке облаков. Старший штурман Ю. К. Хлебников обратился к Визе: «Эх, махнуть бы туда, скорей бы расстались со льдами», но последнее слово оставалось за капитаном, а тот предпочитал рекомендации, подсказанные ему моряками с «Литке». Как в это время не хватало крылатого ледового разведчика!..

Ту же мысль проводит в своих мемуарах Кренкель: «Следуя совету Евгенова, Владимир Иванович Воронин подошел к берегу так близко, что один раз судно царапнуло дно… Справедливости ради отмечу, что не все моряки считали, что надо так плотно прижиматься к берегу. Наш первый штурман, а впоследствии известный полярный капитан Юрий Константинович Хлебников, показывая на темное водяное небо на севере, убеждал направиться туда. Но Воронин не захотел рисковать. Там могли оказаться очень тяжелые льды. Конечно, в эти минуты самолет выполнил бы роль меча, которым разрубил гордиев узел Александр Македонский. Все проблемы были бы решены мгновенно, а сомнения отброшены прочь. Увы, вместо того, чтобы Стать зоркими глазами экспедиции, наш самолет покоился на дне морском» (1973, с. 226).

Между тем, формально выполнив задание и кое-как добравшись до бухты Амбарчик в дельте Колымы, суда Особой Северо-Восточной экспедиции оказались в очень тяжелых условиях для разгрузки трюмов. Тем не менее, «…учитывая позднее навигационное время, решили выгружать в любых условиях сначала людей с полным снабжением, жильем и продовольствием на тот случай, если бы пришлось прервать экспедицию из-за появления льда или заморозков… Экипажи судов (разумеется, и «работники Дальстроя». — *В. К.)* работали побригадно круглые сутки. Не хватало плавсредств… Из двадцати дней стоянки судов только два дня погода была тихой. В остальное время дули северные ветры, нагоняя большую зыбь. Часто из-за нее у берега разбивались баржи и временные причалы, выбрасывались на берег катера и кунгасы; большая волна у борта судна не всегда позволяла вести выгрузку, повреждала плавсредства. Экипажи судов и рабочие Дальстроя на берегу проделали героическую работу, было выгружено свыше пяти тысяч из одиннадцати тысяч тонн… 24 сентября из реки пошла густая шуга. Работы прекратились, катера не выгребали к берегу. Решено было отойти на зимовку в Чаунскую губу… Евгенов тяжело переживал наши трудности: почти совершенно не спал, до предела расстроил нервную систему. Он считал, что мы

потерпели серьезную неудачу… Он был в прошлом морским офицером и опасался, что его могут обвинить чуть ли не во вредительстве» (Бочек, 1969, с. 218–219). Так или иначе, в полной мере советская власть продемонстрировала, даже с учетом всех объективных обстоятельств, стремление достичь цели любой ценой, и ее подданные оказывались в роли расходного материала.

Пока участники Северо-Восточной экспедиции — с точки зрения Дальстроя (ГУЛАГа), как чистые, так и нечистые, — мучились в затянувшемся аврале на берегах бухты Амбарчик, а затем в постановке судов на зимовку (которая началась в последних числах сентября), «Сибиряков» миновал факторию Ванкарем (10 сентября). Там его приветствовали поднятием флага. Подобное киногруппа пропустить не могла и развила лихорадочную деятельность, спеша реализовать запасы пленки. Для многих сибиряковцев это место оказалось памятным по событиям, связанным с походом на другом судне (см. следующую главу), но, разумеется, в те дни и часы для большинства из них одинокие постройки на берегу были только одним из ориентиров, свидетельствовавшим о приближении к цели.

Вечером события приобрели драматический характер, о чем сообщают записи в судовом журнале:

«В 22 часа осмотр гребного винта старшим помощником закончен. Результаты осмотра: одна лопасть отсутствует, а три остальные обломаны, более чем наполовину каждая» (Визе, 1946, с. 133). Это означало, что по чистой воде судно могло «ковылять» со скоростью до двух узлов, но как раз именно чистой воды и не было… Буквально поблизости осенью 1878 года, всего в 120 милях от цели, зазимовала «Вега». По поводу этого совпадения радист Э. Т. Кренкель, не терявший способности острить в самых критических ситуациях, выдал свой комментарий: «Это нас не пускает дух Норденшельда»… Казалось, наступили дни самого тяжкого испытания.

На «Сибирякове» имелись запасные лопасти, которые было бы несложно установить в сухом доке, но ближайший сухой док находился за несколько тысяч километров. Более того, в экипаже не было штатного водолаза, и, таким образом, какие-либо подводные работы исключались. На совещании руководства экспедиции Шмидт произвел необходимые расчеты, показавшие, что винт может оказаться у поверхности воды, если груз из трюмов в количестве 400 тонн удастся переместить на бак — это был последний шанс… «…И аврал начался, — пишет в своей книге Визе. — Вернее, не аврал, а авралище. Все участники экспедиции, разделенные на две бригады, превратились в грузчиков. Каждая бригада работала по шесть часов, и перегрузка

шла без перерыва день и ночь. Работали неистово, до полного изнеможения. У многих ноги сгибались под непривычной тяжестью, руки дрожали, сердце начинало бешено колотиться, забирала одышка, но никто не сдавал. Каждый понимал, что дело касается чести экспедиции. Если не удастся закончить работу в кратчайший срок, пока льды не станут смерзаться или шторм не наделает беды, тогда «Сибиряков» не пройдет в одну навигацию в Тихий океан и зазимует там же, где зимовала «Вега»… К концу вторых суток аврала все 400 тонн были перегружены на нос. Сибиряковцы намного превысили трудовые нормы грузчиков-специалистов. Корма ледокола высоко задралась кверху, а передняя палуба оказалась почти вровень с поверхностью льда. Гребной вал все же не вышел из воды, не хватало еще одного фута. Средств поднять корму еще выше у нас не было, и нашим механикам пришлось работать, держа руки в ледяной воде, имевшей температуру — 1 градус. Тем не менее дело подвигалось, и 13-го вечером, то есть через три дня после начала аврала, первая новая лопасть была уже водворена на место» (1946, с. 136).

При всем несомненном успехе специалисты отчетливо понимали, что в таком положении судно долго находиться не может, поскольку первая серьезная подвижка или шторм могли его опрокинуть. Визе то и дело отвлекался от аврала, чтобы по результатам наблюдений погоды всего в двух точках — на самом «Сибирякове» и «Совете» вблизи острова Врангеля — попытаться определить вероятность опасных изменений погоды, буквально, по его словам, «вымучивая прогноз». Итог своей деятельности он оценил так: «Хотя мое выступление в роли синоптика и не было… безуспешным, я все же никому не пожелаю попасть в подобное положение» (Там же). А тут еще капитан «Совета» К. А. Дублицкий обратился к Шмидту с просьбой выполнить рейс к острову Врангеля — более неподходящего момента было трудно представить! А на «Сибирякове» в это время перемещали с одного борта на другой несколько сот окороков — и вахтенный штурман отметил, как креномер уже отреагировал на это рядовое в обычной обстановке событие…

16 сентября движение к Берингову проливу возобновилось, и во всех помещениях судна люди прислушивались к работе машины, отсчитывая про себя каждую пройденную милю, радуясь использованному последнему шансу. 17 сентября полетела одна из лопастей. На следующий день произошло непоправимое окончательно, казалось бы, поставившее крест на всем предприятии.

В первой половине дня 18 сентября в густом месиве из

торошенных льдов, лишенном разводий, приходится то и дело менять режим работы машин, часто переходя с «полного» на «стоп». «Что делать? Переждать, пока лед не разведет? Но у этого проклятого берега, возле которого мы бьемся четырнадцатые сутки, лед, кажется, вовсе не разрежается. Термометр показывает три градуса ниже нуля, зима начинает вступать в свои права, и льды сковываются на глазах… Мы идем вперед до нового резкого удара о лед. Кажется, будто полярная стихия мобилизовала против нас все свои силы, чтобы только не пропустить нас в океан… 3500 миль позади, до Берингова пролива 100… «Полный!» — снова коротко и властно приказывает Владимир Иванович. Раздается ужасный треск — такого мы еще не слыхали, потом наступает жуткая тишина. Это не лопасть, это…

Я смотрю на Владимира Ивановича и по его фигуре, ставшей сразу какой-то странно неподвижной, понимаю, что моя догадка верна: это обломился конец гребного вала, и мы потеряли винт, который лежит на дне морском… Мы ничего не можем сделать, и никакой аврал нам не поможет» (Визе, 1946, с. 138–140). Это был удар для всех, находившихся на борту, причем на пороге желанной цели. Глядя из нашего времени, несложно представить, что может ожидать плавсредство, лишенное самостоятельного движения на исходе навигации в водах Чукотского моря. Для последующего развития событий важно, что люди не согласились с положением, на которое их обрекла Арктика. Это в высшей степени важно для понимания характера полярника всех времен.

Было, однако, еще одно обстоятельство, о котором на борту судна мог догадываться только Владимир Юльевич Визе. Действительно, возможности его прогноза на ледовую обстановку по маршруту плавания были уже исчерпаны. В то время не существовало понятия «природная система». Но, несомненно, Визе, не однажды досконально штудировавший отчет Нансена о дрейфе «Фрама», отчетливо представлял специфику природного процесса в истоках трансарктического дрейфа, установленного великим норвежцем. Разумеется, он знал о работе другого видного полярного исследователя, изданной Академией наук еще в 1909 году и утверждавшей о существовании второй системы дрейфа в американском секторе Арктики. Скромный флотский лейтенант по фамилии Колчак добавил к открытию великого норвежца свое собственное, в виде системы кругового дрейфа по часовой стрелке у берегов Аляски и Канадского Арктического архипелага. Для подтверждения этого открытия русского моряка (во время Гражданской войны ставшего предводителем Белого движения) понадобилось почти сорок лет. Апеллировать к его научному авторитету в описываемое время было равносильно

самоубийству. Тем не менее то, что происходило в сентябре 1932 года в акватории Чукотского моря с «Сибиряковым», определялось взаимодействием этих систем дрейфа, еще не изученным в ту пору. И выскочить из этой почти неизвестной и смертельной, в сущности, ловушки собственными силами казалось невозможным — почти…

Оценивая обстановку на судне, Кренкель высказался так: «Мы оказались в совершенно безвыходном положении. Ни о каком ремонте не могло быть и речи. Никаких вариантов на будущее не возникало. С юмором висельников мы называли наш ледокол домом отдыха с паровым отоплением или самым совершенным буйком для изучения полярных течений» (1973, с. 231). По такому случаю в кают-компании под звуки расстроенного пианино распевались куплеты на мотивы популярных оперетт:

Плыви мой челн,
По воле волн,
Куда несут
Тебя ветра…
Плыви туда,
Моя баржа,
Где нету льда —
Ты без винта…

Или:

Помнишь ли ты,
Как счастье нам улыбалось,
Думы одни
Все в Уэлене они.
Видел ли ты
Мыс Дежнева в тумане…

и т. д.

«Тлетворное влияние Запада» не оставалось без достойного ответа традиционалистов на мотив из «Садко»:

Солнце красное,
Солнце ясное,
Растопи ты льды окаянные,
Окаянные, восьмибалльные.
Мы не сами идем,
Нас теченьем несет

К Сердце-Каменю
Иль к Архангельску.
Ты застав его течь,
К мысу Дежнева…

Со своим репертуаром на мотив «Конная Буденного» выступала комсомолия:

Никто пути пройденного
У нас не отберет,
А баржа ледокольная
Вперед-назад плывет…

Несмотря на эклектику в части вокальных стилей, всех исполнителей отличала устремленность к Берингову проливу. Как конкретно оценивал создавшуюся ситуацию начальник экспедиции на тот момент, история не сохранила, но, со всей очевидностью, он не пытался ввести народное творчество в струю некоего административного единомыслия. По мнению Громова, принимавшего участие в этом своеобразном веселье, Шмидт даже стимулировал его своими советами.

На фоне прекратившей борьбу со льдом Особой Северо-Восточной экспедиции, отчаянная борьба экипажа «Сибирякова» порой напоминала последние судороги, и тем не менее люди на его борту не сдавались. Пока из кают-компании доносились весьма мрачные или, наоборот, чересчур лихие припевы, Визе ломал голову в попытках оценить возможности вероятного дрейфа, ловя на себе порой испытующие взгляды капитана и начальника экспедиции.

Действительно, от мыса Сердце-Камень к Берингову проливу были признаки не слишком интенсивного прибрежного течения общим направлением на юго-восток. Это течение — если оно только существовало, на что надеялся ученый, — могло вынести беспомощное судно на чистую воду при отсутствии противных по морской терминологии, то есть встречных с точки зрения горожанина, далекого от морских проблем, восточных ветров. Наблюдения с борта показали, что при скорости этого то ли желаемого, то ли реального течения 0,5 узла можно было оказаться в Беринговом проливе спустя неделю! А пока, 19 сентября, геолог В. И. Влодавец пытался визуально «изучать» состав пород в обрывах мыса Сердце-Камень (ради которых он отправился в плавание) с расстояния всего около кабельтова (менее 200 метров), вспоминая русскую поговорку — близок

локоток, да не укусишь… Громов с палубы отметил не только медленное смещение судна относительно берега, но и его неспособность управляться, когда льды распоряжаются его корпусом по своему усмотрению, разворачивая его то носом, то кормой по направлению движения, тем не менее в желанном направлении. Требовалась хоть какая-нибудь, но помощь со стороны. Однако «Совет», так и не добравшийся до острова Врангеля и потерявший задний ход, реально не мог ее оказать. «Литке», также получивший повреждения, был напрочь связан собственными судами, которым угрожала зимовка. Надежды вызвать помощь из Владивостока также не было — она не успевала прийти до начала ледостава. Используя «Совет» в качестве ретранслятора, удалось связаться с рыболовецким тральщиком «Уссуриец» в Беринговом море. Его капитан С. И. Кострубов выразил готовность оказать помощь и с этой целью 20 сентября обещал прийти в бухту Провидения, чем вызвал скептические замечания Воронина:

«Неужели вы думаете, что тральщик, не приспособленный для плавания во льдах, а тем более тяжелых, сможет пробраться к «Сибирякову»? Нет, уж извините, но к чистой воде нам придется добираться самим…»

В это время окрестные ландшафты с палубы «Сибирякова», по описанию Громова, были способны убить надежды самого отъявленного оптимиста: «Жуткая обстановка. Кругом нас — бесконечные торосистые поля, без намека на какую-либо полынью или разводье. Мы попали в заколдованный круг, из которого потеряли надежду выбраться. Время от времени нас подтаскивает к выходу на чистую воду, но по ночам неизменно возвращает обратно, изо дня в день возвращая все дальше на запад. Словом, шаг вперед, два назад. Вот в такой-то безнадежной обстановке заканчивал свой исторический поход «Сибиряков» (1934, с. 228). Неудивительно, что среди участников все чаще и чаще начинал обсуждаться вопрос о зимовке, не сулившей ничего хорошего, поскольку шансы оказаться в Центральном Арктическом бассейне на судне, потерявшем возможность двигаться и управляться, никого не радовали.

Медленный дрейф в нужном направлении продолжался, увы, только трое суток до траверса мыса Икигур. Затем задули восточные ветры, вновь, уже 25 сентября, притащившие беспомощное судно к мысу Сердце-Камень, после чего любители предсказаний на палубах и в кубриках словно прикусили язык, а геолог Влодавец перестал любоваться пейзажами осточертевшего мыса. Однако «восточный ветер имел и хорошую сторону. Он дул с больших пространств открытой воды к северу от Берингова

пролива и нагнал теплого воздуха, под влиянием которого молодой лед стал быстро раскисать. Начавшийся дождь также способствовал таянию льда. Барометр упал очень низко, и я надеялся, что, как только он начнет подниматься, мы снова получим попутный норд-вестовый ветер. От силы и упорства этого ветра должен был зависеть вопрос, зазимует «Сибиряков» или нет… Барометр стал подниматься, и, как я и ожидал, вскоре после этого подул ветер с северо-запада. На следующий день (27 сентября) ветер достиг силы 4 балла, и вокруг ледокола стали образовываться большие разводья. За все время дрейфа таких больших пространств открытой воды мы еще не видели. «Черт побери, хоть паруса ставь!» — подумал я и пошел поделиться своей мыслью со старшим штурманом». (1946, с. 147–146). Кренкель также подтверждает, что «…первым человеком, которому пришла мысль в голову поставить парус, оказался Владимир Юльевич Визе. Он высказал эту идею старшему помощнику. Через несколько часов все шесть угольных брезентов и столько же шлюпочных парусов были подняты на мачтах «Сибирякова». Под черными парусами со скоростью девяти миль мы снова двинулись на восток» (1973, с. 232).

Представить подобное для ледокольного судна довольно трудно, но Воронин на предложение ученых и своего старпома отреагировал положительно, хотя и в… несветской форме: «На пальце бородавка — и то прибавка»… При виде парусов, остряки из твиндека и кают-компании тут же переименовали «баржу ледокольного типа» в «летучего голландца». Самое главное — неуправляемое судно с парусами из черных от угля трюмных брезентов и белых шлюпочных «ветрил» получило, к удивлению людей, движение. Тем временем скромный траулер, используя каждое разводье, не прекращал попыток приблизиться к аварийному судну, хотя смелость капитана Кострубова была вознаграждена не сразу. 26 сентября суда находились друг от друга примерно в 50 милях.

Спустя двое суток это расстояние сократилось до 13 миль, и вахтенные на обеих судах обшаривали окулярами биноклей пространство торошенных льдов в надежде разглядеть силуэты друг друга. Вечером при очередной радиосвязи Кострубов сообщил: «Лед у нас восьмибалльный, нам неподходящий, но, надеюсь, Отто Юльевич, скоро пожать вам руку…» С наступлением ночи на мачте «Сибирякова» зажгли факелы и в ночном мраке где-то в желанном направлении небо озарили вспышки ракет под крики «ура»! изнемогавших в своем ожидании сибиряковцев…

Утро 29 сентября принесло разочарование, ибо поднявшийся

ветер с северо-запада, отогнав льды к Берингову проливу, увеличил пространство между судами до 30 миль, но он же позволил «Сибирякову», поставив все паруса днем, продвигаться в желаемом направлении. Вечером между судами состоялся примечательный радиообмен со слышимостью, поразившей присутствующих.

Кострубов: «Добрый вечер, Отто Юльевич. Прежде всего я поздравляю с таким быстрым продвижением вперед к намеченной цели. «Уссуриец» попал в тяжелые льды в 6 милях от мыса Дежнева. Но сейчас лед становится реже, и мы рассчитываем снова пойти вам навстречу…»

Шмидт: «Привет, Степан Иванович, от экспедиционного состава «Сибирякова». Мы идем в сильно разреженном льду под парусами, уверенно продвигаясь вперед. Подробности расскажет Владимир Иванович».

Воронин: «Идем, плывем, словом двигаемся. Поднавесили все «портянки», стараемся добраться до вас. Ваше местонахождение нам понятно. Пока, до свидания…»

Сутки спустя «Сибиряков» был в 13 милях от мыса Дежнева — пробка льда «заткнула» Берингов пролив, замедлив дрейф. Только в 16 часов 1 октября «Сибиряков» вышел на чистую воду у островов Диомида и был взят на буксир «Уссурийцем», потащившим его на ремонт в далекую Японию.

Удача на всех широтах, вопреки всем разумным доводам и объективным оценкам, благоволит неподдающимся и несдающимся. Задуманный на Большой земле в тиши кабинетов эксперимент удался и показал, чего можно ожидать от льдов, кораблей и людей в подобном плавании.

Успешное завершение похода «Сибирякова» для всей Советской Арктики имело далекоидущие последствия. Было организовано Главное управление Северного морского пути во главе со Шмидтом, главной задачей которого, по постановлению Совнаркома от 17 декабря 1932-го, было «…проложить окончательно морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути» (Визе, 1948, с. 293). Соответственно, в подчинение новой организации государственного масштаба переходили суда, включая ледокольные, полярные станции, Институт по изучению Севера (срочно преобразованный во Всесоюзный Арктический институт), гидрографическая служба, авиация и многое другое — такого в истории нашей страны не было. Приведенный перечень показывает, что Шмидт ничего нового не придумал, кроме того, что собрал в единый кулак уже существующее и широко

используемое в Арктике. Этим он отличался от своих предшественников в наших полярных морях, включая Самойловича.

Атмосферу создания этой организации в столичных условиях описал один из ее многолетних руководителей Шевелев: «После окончания экспедиции в правительство был приглашен О. Ю. Шмидт для сообщения о походе. Ему и В. В. Куйбышеву было поручено подготовить доклад с предложениями о возможностях плавания по Северному морскому пути и о том, что необходимо сделать, чтобы суда могли плавать регулярно. Была собрана группа людей, уже работавших в Арктике, в частности в Комсеверпути, где я тогда работал. Пригласили и меня.

Мы готовили этот доклад почти до самого заседания, вносили поправки прямо в кабинете Куйбышева… Нас было много, стоял сизый дым, хоть топор вешай. Рядом в комнате стучали машинистки. Куйбышев и Шмидт часто заходили и торопили нас. В конце концов взяли папку и… пешком пошли в Кремль. А мы остались ждать, чем все это кончится, и опять курили.

Часа через два они возвратились. Куйбышев всю папку шлепнул на стол и сказал: «Никуда не годится! Все надо переделывать!». Но мы увидали лукавое выражение его глаз, не такое, когда приходят с неудачей… Услышали мы примерно следующее. По нашему проекту… надавали десятки распоряжений. Разные объекты должны были строить различные организации, в чьем ведении находились те или иные функции. Скажем, Наркомпочтель должен был отвечать за строительство радиостанций, Внешторг должен был закупать ледокольные пароходы и т. д.

Когда все это доложили на Политбюро, Сталин, который, покуривая трубку, ходил вдоль стола, спросил: «Вы думаете, все это можно осуществить?» Ответили: «Если будет решение». Сталин: «Покажите, где это ваше Тикси?». Шмидт подошел к карте и показал. Сталин хмыкнул: «Ну да! Мы этот Наркомвод каждую неделю ругаем за то, что он нефть из Баку по Волге не может как следует перевезти, а вы хотите, чтобы он думал 0 вашем Тикси, порт там строил? Он же думает, что завтра получит выговор за перевозку нефти, а за ваши дела, за Тикси, выговор ему грозит года через два-три. Не сделает он ничего в Тикси!».

Примерно такой же разговор был и по Наркомпочтелю, который газеты вовремя доставить не может. Куда ему радио-центр строить на Диксоне! Шмидт показал на карте Диксон. «Нет, не будет он Диксоном заниматься, кому-нибудь поручит. Так дело не пойдет. Арктика — вещь сложная. Надо создавать

организацию, которая отвечала бы за все. И знала бы — отвечает за Арктику и больше ни за что. А мы с нее спросим — и строго! Тогда дело у вас пойдет. Давайте сделаем по-другому. Бумаги переделайте, а мы напишем постановление: создать при СНК Главное управление Северного морского пути, поручить ему проложить этот путь и содержать в исправном состоянии. Пока хватит».

Так состоялось рождение Северного морского пути. Мы начали работать. Приказ № 1, который отдал Шмидт, датирован 1 января 1933 года, так как с этого дня началось финансирование, открылись счета…» (1999, с. 15–16).

Шевелев особо отмечает: «О Сталине у меня сложилось двойственное представление… В тех немногих случаях, когда мне приходилось бывать на заседаниях, которыми руководил Сталин, или встречаться несколько раз по вызову к нему, я всегда сталкивался с тем, что он очень быстро вникал в суть обстановки и выдавал большей частью очень четкие, простые и толковые решения… С именем Сталина в то время не связывалась судьба прибывших на Север спецпереселенцев… Создавалось впечатление, что они невиновны и схвачены несправедливо. Казалось, что это произвол на местах… Весной 1930 года была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», а затем вышло постановление ЦК партии относительно искривления партлинии в колхозном движении. И это подтвердило мои предположения, что многие перегибы идут от местных властей» (с. 66–67). Одновременно он подтвердил черту Великого Диктатора, отмеченную другими мемуаристами, — склонность к провокации под видом доверительности, нередко ставившая в тупик и способная ошеломить неподготовленного человека или даже многих присутствующих.

Что касается ГУ СМП, то с подачи Сталина «…вся территория за полярным кругом поручалась главку со всеми отраслями народного хозяйства, начиная с транспорта, строительства промышленных предприятий и кончая торговлей, заготовками пушнины, созданием культурных баз, школ, больниц. Сталин сравнил эту организацию с когда-то существовавшей Ост-Индской компанией… Заметил, что у компании были свои войска для подавления восстаний, а у нас все должно решаться мирным путем. Поэтому «пушек Шмидту не давать! «», — пошутил вождь мирового пролетариата (с. 68).

В Арктике наступило время Шмидта.

Вместе с новой должностью начальника Главного управления Северного морского пути Шмидт принял на себя обязанности гаранта выполнения планов партии в Арктике. В этом положении

он легко мог оказаться заложником системы или уподобиться герою «Фауста», заложившего душу. В условиях тех лет первое не противоречило второму.

Глава 7
Челюскинская эпопея

Уздовади епископы в алтарном мраке

Новый завет для храбрых бродяг…

…Отвечает ветеран:
То был большой переполох,
Была нечистая игра.

Н. Тихонов

В самый разгар аврала по созданию ГУ СМП (поиски здания, обвал переписки с заинтересованными организациями, комплектование штатов, обоснование будущего финансирования и т. д.) из Русской Гавани на Новой Земле на имя «всесоюзного старосты» Калинина поступила радиограмма следующего содержания (январь 1933-го): «На Новой Земле оставлены на вынужденную зимовку 86 человек. Из них в становище Русской Гавани, Архангельской губе 36 без оружия и одежды. Продовольствия Русской Гавани осталось муки семь мешков, консервов 150 банок, масла 60 килограмм. Свежего мяса нет… связи с Архангельской губой нет… Во избежание развития цинги немного урезал паек станции и выделил продовольствие становищу. Немедленная помощь необходима, особенно в Архангельской губе…» Едва ли Ермолаев был в курсе происходившего в Москве, почему и обратился в высшие правительственные инстанции. Спасательный зимний рейс (впервые в истории Арктики) поручили только что созданному главку. Для этого выделили ледокол «Красин» с двумя самолетами. Командовал этой необычной операцией (имевшей на фоне страшного голода в стране важнейшее пропагандистское значение) Шевелев, успешно справившийся с порученным ему делом. Однако последующие события затмили достижения этого необычного зимнего плавания, о котором вспомнили почти полвека спустя, когда в Карском море началась круглогодичная навигация для обеспечения работы Норильского комбината.

Так или иначе, в разгар формирования новой организации Шмидту пришлось заниматься еще и спасательными операциями

на Новой Земле. Встретились Шмидт и Ермолаев спустя полтора года, и их оценки событий на Новой Земле в голодную зиму 1932–1933 годов существенно разошлись. Можно утверждать вполне определенно: первое — к этой голодовке Шмидт отношения не имел, поскольку она возникла за пределами его организации, второе — шум, поднятый молодым и чересчур активным геологом, был ему абсолютно не ко времени; третье — Шмидт не препятствовал награждению Ермолаева орденом Трудового Красного Знамени. Однако с тех пор между ними, как говорится, пробежала черная кошка…

Тем временем в Москве на улице Разина (бывшей Варварке) в Главном управлении Северного морского пути решали другие проблемы. Повторять или не повторять плавание «Сибирякова после создания новой организация — вопрос не стоял, тем более что на Дальнем Востоке Главсевморпуть своих судов не имел. Отправлять же пополнение традиционным путем, как во времена Добровольного флота — через Суэцкий канал, — означало поставить под сомнение дееспособность только что созданного главка. С большим трудом Шмидту удалось «выцарапать» только что построенный на датских верфях сухогруз «Лена». Корабль был срочно переименован, с учетом будущего арктического предназначения, в «Челюскин» — в память об одном из наиболее успешных участников Великой Северной (2-й Камчатской) экспедиции.

Целью плавания в навигацию 1933 года «…было сменить зимовщиков острова Врангеля и расширить станцию… Надо было укрепить и продолжить опыт плавания «Сибирякова», изучив ряд недостаточно известных участков моря. Надо было, наконец, проверить, в каких пределах возможно плавание на Севере грузовых пароходов — не ледоколов и каким-то образом организовать совместную работу этих пароходов и ледоколов на всем пути» (1934, т. 1, с. 20), то есть рейс также изначально планировался как экспериментальный, в котором риск был заложен изначально. Действительно, главным событием этого похода явилась гибель самого судна и спасение участников экспедиции, на чем мы и сосредоточим свое внимание, ограничившись лишь самыми необходимыми предварительными сведениями.

Из общего количества участников плавания (112 человек), 38 уже имели арктический опыт (в том числе 19 моряков и других специалистов, принимавших участие в походе «Сибирякова»), почти столько же были членами ВКП (б) и ВЛКСМ, высшее образование имели 15 человек. ГУ СМП с самого начала было весьма наукоемкой организацией в значительной мере благодаря

стараниям Шмидта. Научный персонал состоял из физика И. Г. Факидова, изучавшего поведение корпуса судна, двух геодезистов-гидрографов — П. К. Хмызникова и Я. Я. Гаккеля, аэролога Н.Н. Шпаковского, зоологов В.С. Стаханова, А. П. Сушкиной и Л. О. Белопольского, гидробиолога П. П. Ширшова и гидрохимика П. Г. Лобзы. 30 человек шли пассажирами на остров Врангеля (включая 18 зимовщиков и 12 строителей). В Карском море на «Челюскин» с ледокола «Красин» перешел инженер-кораблестроитель П. Г. Расс, работавший вместе с Факидовым. Оформление челюскинцев проводилось настолько поспешно, что среди строителей, направлявшихся на остров Врангеля, оказался разыскиваемый «органами» за сопротивление колхозному строительству печник Д. И. Березин (Ларьков, 2007). Правда, дотошный исследователь может заподозрить в этом факте внедрение ОГПУ своего агента в среду полярников, но чего не знаем, того не знаем…

Наиболее опытным полярником на борту «Челюскина» был радист Э. Т. Кренкель с его опытом трех зимовок на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа, а также участием в воздушной экспедиции на дирижабле «Граф Цеппелин», не считая похода на «Сибирякове». Возраст участников плавания был в пределах от двадцати лет до пятидесяти с небольшим. Поскольку некоторые зимовщики на остров Врангеля ехали семьями (Буйко, Комовы, Рыцк, Васильевы), вместе с ними оказалась годовалая Аллочка Буйко, а у Васильевых уже в плавании родилась в Карском море дочь Карина. Всего в плавании «Челюскина» и последующих событиях принимали участие десять женщин, из которых четверо были пассажирами на остров Врангеля, две относились к научному персоналу судна, а четверо входили в его экипаж. Урок «Сибирякова» был учтен — на палубе «Челюскина» был «принайтован» воздушный ледовый разведчик Ш-2 (пилот М. С. Бабушкин).

Заместителями Шмидта были Бобров А. Н. (по политчасти), Баевский И. Л. (по общим вопросам) и Копусов И. А. (по хозяйству). Плавание «Челюскина» должны были освещать поэт И. Сельвинский, корреспондент Л. Муханов (он же секретарь Шмидта), кинооператоры М. Трояновский и А. М. Шафран, писатель С. А. Семенов, художник Ф. П. Решетников, фотограф П. К. Новицкий, спецкор «Известий» Б. В. Громов. Как и в других экспедициях Шмидта, с ним шли добровольцы, не считая студентов-коммунистов из машинной команды, оказавших на судне по партийной мобилизации. Персонал на борту «Челюскина» вполне отражал состав советского общества тех лет. Особенностью рейса «Челюскина» было то, что «…в плане 1933

года эта экспедиция не числилась, все снаряжение и продовольствие приходилось получать внеплановым порядком» (Копусов, т. 1, с. 54).

При оценке последующих событий читатель должен учитывать, что у Шмидта просто не было альтернативы ни в выборе судна, ни в выборе времени для повторного похода по трассе Северного морского пути, ни даже свободы в наборе необходимого персонала. Советское общество того времени, жившее девизом «Догнать и перегнать!», не поняло бы руководства ГУ СМП в случае задержек в освоении Арктики.

Из Мурманска (где окончательно были закончены комплектование экипажа и прием пассажиров, а также погрузка свежих овощей и других продуктов на весь рейс, включая четырех свиней и 26 коров) судно вышло в рейс 10 августа — почти на две недели позднее «Сибирякова». В проливе Лонга, который вел в Чукотское море, где развернулись главные события, судно оказалось 16 сентября, на неделю сократив разрыв во времени с «Сибиряковым». Во время плавания проводился обычный комплекс метеорологических и гидрологических наблюдений, а факидов и Расс изучали поведение судна во льдах. Свободных от вахты пассажиров обучали грамоте или проводили другие образовательные мероприятия. Еще одним событием в Карском море стало рождение девочки Карины в семье пассажиров Васильевых, направлявшихся на остров Врангеля. В целом, несмотря на отдельные издержки, плавание судна проходило благополучно.

13 сентября с «Челюскина» увидали дальневосточные суда, направлявшиеся к Колыме. Казалось, достижение цели плавания совсем близко. Несмотря на сплоченные льды у мыса Биллингса, за сутки было пройдено не менее семидесяти километров, частично с дрейфующим льдом — такими темпами можно было достичь Берингова пролива на рубеже сентябрь — октябрь, как и год назад на «Сибирякове». Однако задание доставить смену зимовщиков и строителей на остров Врангеля лишало челюскинцев такой возможности.

В последней декаде сентября льды едва не загнали судно в капкан Колючинской губы, но повезло… Записки участников плавания в эти дни фиксируют череду мелких, но неприятных событий: «18 сентября шли своим ходом. Приближаясь к мысу Ванкарем потерпели небольшую аварию. По левому борту сломан третий шпангоут. Это весьма неприятно. Нам предстоит преодолеть очень тяжелые ледовые препятствия на пути к Берингову проливу, а корпус корабля становится слабее» (Баевский, т. 1, с. 148–149). Корабль дрейфовал к Берингову

проливу со скоростью до узла. 17–18 сентября у мыса Ванкарем было отмечено начало ледостава с ухудшением ледовых условий, так что за 19 сентября продвижение вперед оказалось в пределах кабельтова, причем результаты ледовой разведки были неутешительными.

Вскоре судно зажало неподвижным льдом у самого побережья. 23 сентября гидробиолог Ширшов в сопровождении кинооператора Трояновского решил провести пешую разведку: «Добрались до кромки и застыли от удивления.

— Марк! Ты видел что-нибудь подобное?..

Мимо нас шел сплошной стеной лед, вздыбившись вверх и застыв в виде огромных глыб, острых ребер, ледяных башен и скал. В торжественном молчании, нарушаемом только шорохом льда, каким-то невиданным войском проходили торосы. Жутко становилось перед этим грозным шествием, таким нереальным, с трудом понимаемым…» (1936, с. 52). Взрывчатка в подобной ситуации оказалась бесполезной.

29 сентября начали околку судна вручную с помощью ломов и багров, временами прибегая снова к помощи аммонала. В ближайшие дни судно посетили чукчи на двух собачьих упряжках с острова Колючин. С их помощью Шмидт 3 октября отправил на Большую землю восемь больных и тех, кого «обязался перед их учреждениями вернуть… в случае задержки «Челюскина»… (т. 1, с. 37).

16 октября «Челюскин» был у мыса Икигур, от которого до Берингова пролива оставалось всего 40 миль. Однако полярное счастье переменчиво — потому что вскоре льды потащили «Челюскин» в глубь Чукотского моря на северо-восток. Этот дрейф проходил в условиях антициклональной погоды, когда было видно побережье от мыса Принца Уэльского на Аляске и до долгожданный мыс Дежнева на Чукотке. Хуже было другое: «Нас тревожит температура воздуха: в последние дни она доходит до 16° холода. Это значит, что льдина все больше и больше сплачивается, смерзаются отдельные ее куски. Нам все труднее и труднее будет вырваться из ее объятий, даже если и будут сильные штормовые ветры, которые в иной обстановке могли бы эту льдину разломать. 19 октября приближаемся к мысу Инцова. Нас отделяет 35–40 километров от Берингова пролива. Только 40 километров! Но в этот день начинается сильный обратный дрейф, дрейф на северо-запад, и мы снова идем мимо мыса Сердце-Камень… Семь дней нас тянет на северо-запад. Некоторые уже с горечью говорят, что мы снова подходим к острову Колючин, от которого с такой радостью ушли двадцать дней назад. К вечеру 25 октября дрейф меняется. Очевидно, снова делаем петлю.

Очевидно, нас снова поворачивает к Берингову проливу. Снова мы должны пройти мимо мыса Сердце-Камень? Кто-то уже подсчитал, что мимо мыса Сердце-Камень нас уже тащит в девятый раз!» (Баевский, 1934, с. 158). Так проходили дни за днями, испытывая человеческое терпение, к которому обстановка время от времени добавляла нечто новенькое, например самовозгорание угля в трюме № 2. Для ликвидации пламени потребовалось двое суток.

Прихотливый ледовый режим Чукотского моря, испытывая на износ человеческое терпение и надежды, продолжая преподносить измученным людям сюрприз за сюрпризом. Набитая льдом акватория подчинялась взаимодействию двух различных систем потоков льда, характерных для Северного Ледовитого океана, — истоков дрейфа в направлении Атлантики, известного со времен Нансена, и независимой от него самостоятельной системы кругового дрейфа по часовой стрелке вдоль берегов Аляски и Канадского арктического архипелага, впервые предсказанного Колчаком. В полной мере эффект этого взаимодействия не изучен до настоящего времени и уже поэтому здесь и в наше время моряк может столкнуться с самой неожиданной ситуацией. Но во времена «Челюскина» эта особенность здешних вод была неизвестна и людям, населявшим беспомощное судно, оставалось только ждать и надеяться, пока судно не оказалось в Беринговом проливе.

По Баевскому, «1 ноября проходим меридиан мыса Дежнева. Вот он — Берингов пролив — прямо к югу от нас. Хотим форсировать это небольшое расстояние… Снова и снова ведем подрывные работы. Попутный дрейф все продолжается. 3 ноября находимся в Беринговом проливе. Четвертого нашу льдину впирает между мысом Дежнева и островом Диомида. В проливе льдина, к большому удивлению, не ломается и не уменьшается в размерах. К вечеру попутный дрейф, достигавший полутора километров в час, начинает слабеть. Потом дрейф приостанавливается. Дрейфа нет. Стоим неподвижно. К ночи, несмотря на то, что продолжает дуть попутный ветер, начинается обратный ее дрейф. Мощные массы воды, до этого нагнетавшиеся в Тихий океан, хлынули обратно, и нашу льдину вместе с «Челюскиным», как пробку, выбрасывает из Берингова пролива обратно в Ледовитый океан» (1934, с. 159).

Борение природных факторов (нередко «натуре вопреки, наперекор стихиям»…) сопровождалось столкновением ведомственных интересов. Дневник Воронина зафиксировал, что «…4 ноября получили радиограмму от командования Северо-Восточной полярной экспедицией на ледоколе «Литке»,

предлагавшего нам помощь… Зная крепость окружающих нас льдов, тогдашнее состояние «Литке» (он ежечасно принимал внутрь корпуса до двухсот тонн воды, с откачкой которой едва справлялись его водоотливные средства) и вообще его ограниченную способность к форсированию тяжелых льдов… я отказался от его помощи» (Бочек, 1969, с. 229–230). Бочек также приводит ответ Шмидта на повторное предложение помощи с «Литке»: «Помощь «Литке» при известных обстоятельствах может оказаться необходимой, мы тогда обратимся с просьбой и примем ее с благодарностью. Сейчас положение еще неопределенное. Со вчерашнего вечера «Челюскин» быстро дрейфует на север, что дает нам надежду на разлом поля»… Получив дважды отказ, мы считали, что командование «Челюскина» уверено в благополучном исходе, поэтому начали устранять течи в корпусе с помощью цементных ящиков и ремонтировать рулевое управление» (1969, с. 232). В истории существует немало примеров, когда профессиональное решение подменялось ведомственным (в описанном случае Главсевморпути и Дальстроя), в котором не могло быть ни правых, ни виноватых.

В результате для «Челюскина» время было безнадежно упущено. Когда 12 ноября «Литке», кое-как подлечив собственные раны, вышел из бухты Провидения на помощь «Челюскину», тональность его сообщений в эфире менялась к худшему день ото дня. Если 14 ноября с «Литке» сообщалось о чрезвычайном риске плавания, то на следующий день отмечалось, что «дальнейшее продвижение «Литке» командование считает недопустимым». 16 ноября машины «Литке» получили команду «стоп!», когда расстояние между судами составляло всего 20 миль. За последующие сутки 17 ноября одна авария сменяла другую.

В тот день Куйбышев известил руководство Северо-Восточной экспедиции, что «Литке» в своих спасательных операциях передавался «в полное распоряжение О. Ю. Шмидта». Ответ Бочека («Приветствую распоряжение заместителя председателя Совнаркома Куйбышева, для себя считаю честью быть в вашем распоряжении») по смыслу напоминал молебен «во здравие». Зато его концовка явно носила заупокойный характер: «Прошу вашего срочного распоряжения на немедленный выход изо льдов». На «Челюскине» никого такое противоречие не удивило, тем более что в эти дни Бочек и капитан Николаев обсуждали возможность посадить свое судно на мель, чтобы избежать хотя бы гибели экипажа.

Создавшееся положение требовало от Шмидта чрезвычайных решений, для чего он созвал на «Челюскине» совещание, описанное его секретарем Семеновым. Шмидт без какого-либо

вступления «…своим обычным спокойным голосом прочел текст обоих телеграмм — сначала Куйбышева, потом Бочека. Все молчали…

— Ну, у нас не военный совет в старину, где всегда начинал младший, — шутливо заговорил Отто Юльевич и, обратившись к Воронину, предложил: — Что нам скажет Владимир Иванович?

Воронин пожал плечами:

— Что сказать? «Литке» не сообщает даже, сколько у него осталось угля…

Воронин не хотел высказываться первым. Молчали и остальные.

Не выдержал, как всегда, Вася Копусов. Со свойственной ему горячностью он вдруг резко бросил:

— Отпустить!

— Отпустить! — тотчас подтвердил Баевский, заместитель Отто Юльевича.

— Отпустить! — немного подумав, сказал летчик Бабушкин.

Снова все молчат.

Слово берет Отто Юльевич. Он говорит, что настроение на «Литке» неважное, — текст телеграммы Бочека вполне выдает это, — и челюскинцы должны принять при данных условиях наилучшие и разумнейшие решения.

Выступает Воронин.

— Вредно в такой момент митинги да судовые советы создавать. Это ширма, которой хотят себя загородить, — хмуро говорит Воронин.

Отто Юльевич вмешивается:

— Ну, правда, это немножечко старомодно, и сейчас руководителей не жалуют за такие приемы руководства. Но мы не можем их винить…

Отто Юльевич говорит мягко, но в его мягком разъяснении звучит твердая политическая линия руководителя экспедиции.

Снова наступило молчание.

— Отпустить! — с облегчением высказался штурман Марков.

— Отпустить! — подтверждает штурман Гудин.

— Отпустить! — подтверждаю я. — Я думаю, товарищи, что при таком состоянии экипажа «Литке» не сможет нас выколоть из льдины…

Я высказываюсь последним. Шмидт некоторое время молчит, поднимает глаза и по очереди оглядывает лица присутствующих.

— Товарищи, по-видимому, единодушное мнение всех присутствующих — отпустить «Литке». Отпустим его, товарищи!» (Семенов, 1934, т. 1, с. 173–174).

По Ширшову, «…зима торопилась вступать в свои права. С

каждым днем все ниже поднималось солнце. Багровым шаром оно катилось над зубчатой чертой горизонта и через час-другой уходило за гребни торосов… Морозы крепчали. Зимовка постепенно вошла в быт людей. Прежде всего нужно было беречь топливо, беречь уголь. В каютах давно закрыли воду и забили войлоком лишние двери на палубу. Вопрос об экономии топлива особенно остро встал в начале декабря, после последней попытки вырваться из льдов. В трюмах «Челюскина» осталось всего 400 тонн угля. С этим количеством нужно было перезимовать и весной выйти на чистую воду» (1936, с. 98).

Теперь приходилось брать на учет каждый килограмм топлива. Умельцы из машинной команды быстро приспособили форсунки для работы на любом жидком топливе, включая жир морского зверя, и вскоре расход угля снизился вдвое. Его выдавали килограммами, чтобы поддерживать температуру в жилых помещениях в пределах десяти градусов. Неизбежным становилось уплотнение кают. Другими вынужденными зимовочными мероприятиями стали сооружение печи на палубе для растапливания льда для повседневных нужд и, соответственно, заготовка льда вблизи судна, что выполнялось дежурными из рабочих бригад, и т. д.

Тем не менее у многих людей обозначился избыток свободного времени, которое руководство использовало по-своему. Молодой матрос А. Миронов позднее вспоминал, например, как «…лекции Баевского, очень интересные и занимательные, привлекали на занятия кружка… пожилых плотников, матросов, кочегаров и даже нашего почтенного Адама Доминиковича Шушу (наиболее старого по возрасту в экипаже с тридцатипятилетним морским стажем. — *В. К.)*. Старик принимал горячее участие в спорах о съездах партии, в обсуждении разногласий между большевиками, меньшевиками и эсерами… В Мурманске на «Челюскин» пришли восемь плотников и три печника. Многие из них едва-едва по складам могли прочесть небольшие заметки в газетах и знали только два правила арифметики. Шестимесячная учеба на «Челюскине» дала плотникам много: они прошли курс арифметики, ознакомились с элементарной алгеброй и геометрией. Они узнали правила грамматики, ознакомились с историей, географией. Вечерами при свете керосиновых ламп, в салоне комсостава собирались члены экспедиции, штурманы, матросы и кочегары. Отто Юльевич рассказывал жадным слушателям о теории Фрейда, о работах языковеда академика Марра, о Памире. Запас знаний и глубина их казались неисчерпаемыми в этом человеке. Он мог ответить на любой вопрос, и напрасными были попытки поставить его в

тупик. Мы всегда получали теплую, очень дружественную улыбку и точный исчерпывающий ответ. Бывали и такие вечера, когда дрожали стекла иллюминаторов в салоне от громкой музыки, от хоровых песен, от звучного перебора струн мандолин, балалаек и гитар» (т. 1, 1934, с. 196).

Лекции и музыкальные упражнения не помешали вовремя уложить запасы продовольствия и теплой одежды на палубе так, чтобы при возникновении опасности быстро сбросить их на лед, не считая таких же складов на льду, помимо стройматериалов. Поскольку на судне продовольствие можно было не экономить, большинство челюскинцев прибавило в весе. Не исключено, что эти «личные запасы» многим помогли пережить наиболее сложные дни после катастрофы. Пока общая обстановка на взгляд профессионала-полярника со своими представлениями о комфорте, оставалось в пределах нормы, что подтверждают мемуары Ширшова: «Любопытная у нас зимовка! Живем в теплых каютах, спим в уютных койках, работаем, читаем, болтаем о чем придется, и понемножку ждем, когда опять завизжит и заскрипит кругом и со страшной силой навалится на борта корабля. В пургу, в мороз, в полярную ночь придется уходить на лед. До берега сто пятьдесят километров… Сто пятьдесят километров по торосам!.. Женщины… Дети… Больные… Когда вспомнишь, что у нас столько людей, не способных пройти даже двух миль, — как-то не по себе становится, особенно когда лед начинает визжать у борта» (1936, с. 105). Теперь жизнь участников вынужденного дрейфа напоминала ту, которую ведут обитатели окрестностей дымящегося вулкана, просыпающиеся ежедневно с одним и тем же вопросом — когда же?..

Новый 1934 год не принес ничего нового. «День короток, солнце, невысоко поднимаясь над горизонтом, заставляет судно и торосы отбрасывать длинные пологие тени. В эти часы с зимним, еще не греющим солнцем верхняя палуба судна оживает. С веселым бодрым гулом работают очередные бригады по заготовке льда для вытаивания воды. Выходят прогуляться матери с детьми, больные, те, кто не занят в этот день работой в бригаде. Одна из наиболее обычных тем для разговоров — когда «Челюскин» освободиться ото льдов… Солнце недолго находится над горизонтом. Описав по небу пологую дугу, оно скрывается, оставив на некоторое время нежно-розовую зарю. Быстро надвигаются сумерки, зажигаются звезды, наступает ночь. Палуба опустела. На ней маячит вахтенный матрос, да в конце каждого часа из штурманской рубки вместе с облаком пара выплывает закутанная в тулуп фигура вахтенного штурмана, идущего определить дрейф.

Вечером несколько часов в окнах кают-компании и кают виден скупой свет… Кают-компания полна народу. Столы заняты козлятниками, покеристами и прочими игроками. У пианино группируются музыканты челюскинского джаз-оркестра. Струнные инструменты, свистульки, шумовые приспособления исполняют популярные на судне мелодии… Под музыку фокстрота пары в неуклюжих валенках начинают плавно двигаться по кают-компании. Но вот динамо выключается, и взамен электрического света зажигаются тусклые судовые керосиновые лампы. Составляется хор. Раздаются то бурные революционные напевы, то протяжные старинные народные песни… На мостике и ботдеке уже стоят группами челюскинцы и смотрят на игру красок на небосводе… Налюбовавшись игрой сполохов, все постепенно спускаются вниз. На кормовой палубе проходит к сходне группа людей, закутанных в тулупы, шубы и полушубки. В идущей впереди высокой фигуре в длинном, до пят, тулупе легко узнать капитана Воронина. Группа спускается к траппу, медленно обходит судно и всматривается внимательно в лед, разыскивая новые трещины около судна. Издали продолжает доноситься шум торошения» (Хмызников, 1936, с. 107–108).

Еще сутками ближе к роковой дате, приближение которой фиксировалось системой приборов, регистрирующих изменения ледяного поля, в которое вмерзло беспомощное судно. В первых числах февраля инженер Факидов, закончив установку палатки с приборами, поинтересовался у своего коллеги Расса:

— Может быть, я зря устраиваюсь в палатке? Не разломает ли ее? Нет ли вдали подвижек льда?

Тот утешил:

— Ставьте, быть может, в этой палатке еще придется жить…

Действительно, уже на следующий день Факидов обнаружил активизацию льда, пока без непосредственной угрозы судну. Зато уже 6 февраля разводья у кормы «Челюскина» стали расходиться — это было важное указание на приближение угрозы: «Как бы не унесло мою палатку! — отметил в дневнике инженер. — Кругом лед трещит. Если ветер усилится — «Челюскин» будет сжат… 12 февраля. Весь день работал в палатке. Лед сегодня ведет себя беспокойно. Дрейф дошел до семи метров в минуту. Не знаю, что ожидает нас в эту ночь. Жизнь как на вулкане или открытых позициях…» (1934, т.1, с. 285). В своих ожиданиях он не ошибся.

День 13 февраля 1934 года в зимнем Чукотском море каждый из участников событий запомнил по-своему. У Воронина (как наиболее опытного ледового моряка) картина происходящего не оставила иллюзий. «Конец! — сказал я себе. — Теперь все силы на выгрузку», отдав соответствующее приказание (том 1, с. 282). В

дело вступал комплекс мероприятий, уже отработанных заранее вместе со Шмидтом и его заместителями.

При смене вахт в полдень штурман Марков выслушал доклад своего предшественника Виноградова: «Состояние льда спокойное. Дрейф ост-зюйд-ост 0,3 мили в час. Глубина 50 метров. Ветер 6 баллов. Температура 36 градусов. Пурга». Дальше по Маркову, «…в час дня, при очередном измерении дрейфа, ощущалось несколько слабых толчков по корпусу. Глубина была старая. Дрейф (прежнего направления) уменьшился до 0,1 мили в час. Толчкам по корпусу сопутствовало плавное колебание уровня воды в море. Это подсказывало нам, что где-то напирает лед… Через 20 минут ветер донес глухой шум торосившегося льда. Дрейф прекратился. Поднявшись в штурманскую рубку, я сделал запись (как потом оказалось последнюю) в черновом журнале: «В тринадцать двадцать дрейфа нет». Резкий двойной толчок встряхнул судно. Керосиновая лампа на подвесе мягко качнулась. Путаясь в тулупе, я быстро спустился на спардечную палубу к лоту. Дрейфа не было. Вода в майне словно пыталась выйти на поверхность льда: она опускалась и поднималась. На палубе стало оживленно. Напряженно, с затаенным страхом, закрыв лица от леденящего ветра, люди смотрели на высокий, надвигающийся с севера торос (точнее, вал торошения. — *В. К.)*. Торос ревел, как сотня обезумевших быков. Вздыбленный, недавно, казалось, несокрушимый лед крошился и большими валунами скатывался с вершины тороса. Певуче трескался лед у судна. Несколько любителей острых ощущений, согнувшись, преодолевая сильные порывы ветра, бежали по льду к торосам. Поземка порой закрывала бегущих. Ледяной вал на глазах рос и быстро приближался к судну… Что-то заскрежетало в подводной части корпуса. Владимир Иванович Воронин, наблюдавший за льдом, отдал распоряжение:

— Передать старшему помощнику, чтобы немедленно приступали к выгрузке продовольствия и снабжения на лед.

В машину:

— Поднять пар и быть в готовности на случай откачки воды из трюмов…

…Внезапно «Челюскин» вздрогнул и быстро пошел назад, сопровождаемый скрипом и шорохом льда. Наблюдая движения судна, я ощущал за него боль. Я знал: что-то большое, страшное, хотя еще не осознанное полностью, должно сейчас произойти. Грохот гигантского тороса нарастал. Ледяная гряда, меняя профиль, обняла нас полукольцом. Она безжалостно смыкала эти объятия. Также внезапно «Челюскин» остановился. Град металлических ударов пробежал по корпусу. Где-то ломался

металл. Вахтенный, подбежав ко мне, быстро взволнованно проговорил:

— Михаил Гаврилович, левый борт продавило!» (Там же, с. 296–298).

Покидая по приказу судно, штурман по профессиональной привычке отмечал поведение людей в эти страшные минуты: «Сходня свернулась. Потеряв равновесие, я сел на лед. Быстро вскочив, увидел лежащего близко у борта капитана и навалившееся на него бревно. А Могилевич, только что стоявший спокойно с трубкой в зубах, видимо, поскользнувшись, прыгнул не на лед, а на палубу. Со льда, тревожно надрываясь, кричали:

— Борис, Борис, прыгай скорее!

Могилевич рванулся к корме. Бочка сшибла его с ног. Больше Могилевича не видели. Он остался на судне…

… До каждого дошла предупредительная команда:

— Прочь от судна!..

Это произошло в Чукотском море в счислимой северной широте 68 градусов 16 минут и западной долготе 172 градуса 51 минута, 13 февраля в 3 часа 50 минут дня» (Там же, с. 300–301).

Как обычно при морских катастрофах, наибольшие психологические нагрузки приходятся на долю машинной команды, нередко в обстановке, напоминающей преисподнюю. С нарастанием угрозы стармехом Матусевичем «…было отдано распоряжение всем механикам и ранее прикрепленным к ним машинистам занять свои места по аварийному плану… Одновременно были отданы приказания поднять давление пара в котле, приготовить и пустить в ход пародинамо и спасательные помпы. Все должно быть приготовлено, все меры должны быть приняты для борьбы со стихией!.. Внизу, на днище судна, в машине и кочегарке, у механизмов, работают прикрепленные механики и машинисты. Они помогут если не спасти судно от гибели, то хотя бы оттянуть время, чтобы работающие на выгрузке продовольствия, одежды, снаряжения и научных материалов успели снести все на лед. Остальная машинная команда отправлена на палубу для участия в общей работе… Оглушающий треск разрушающегося левого борта заполнил помещение. Заклепки, срезанные с листов обшивки корпуса, со свистом пролетали над головами, падали на металлические площадки. Шум их падения напоминал речитатив пулемета. Натиском льда, продавившего борт, был сдвинут рабочий паровой котел и сорвана дымовая труба. Вырвавшийся на волю из стальных и медных труб пар с шипением и свистом заполнял помещение. Механизмы, стоявшие по левому борту… частью упали, частью сдвинулись с места. Электрические провода

сорваны; они дали короткое замыкание, и предохранители перегорели… Вследствие перекоса фундамента пародинамомашина остановилась. Свет везде погас. Пар с шумом выходил из котла. Быстро понижалось его давление. Выгрести жар из топок котла нельзя было, так как вода в кочегарке поднялась на полметра выше площадок… Надо было покидать помещение и отступать по трапам, ведущим наверх… На льдине быстро обошел машинную команду. Налицо все: механики, машинисты и кочегары. Погибших нет. Доложил О. Ю. Шмидту» (Там же, с. 303–305).

У научного персонала были заранее определены свои задачи, в первую очередь спасение научных материалов. Направляясь к штурманской рубке, гидрограф П. К. Хмызников от промчавшегося бегом корреспондента Бориса Громова услышал, что лед «рвет борта».

«Возвращаюсь в каюту, чтобы собрать научные документы и карты наших работ и наблюдений. Быстро беру записные книжки и журналы. В голове только одна мысль: только бы не забыть чего-либо важного!.. Просматриваю все ящики и шкафы — свои и геодезиста Гаккеля. Пачки журналов наблюдений и записных книжек складываю в маленький чемодан. Туда же бросаю несколько книг с таблицами для текущих астрономических обсерваций. Теперь карты. Развертываю рулоны. Вот планшеты наблюдений над дрейфом. Карты нашего пути от Ленинграда. Кажется — все!..

…В рубке и на мостике также идут сборы инструментов и штурманского имущества. Их завязывают в разноцветные сигнальные флаги. Я завязал наши карты в запасной кормовой флаг.

— Как с судном? — спрашиваю штурмана Бориса Виноградова.

— Безнадежно. Разорван левый борт.

Вынесенные инструменты и научные материалы я спускаю вниз и передаю на лед Гаккелю. Включаюсь в общую работу. Из рубки по ботдеку таскаем ящики с радиоимуществом и спускаем по трапу вниз. На палубе их принимают и передают на лед…

…Редкими толчками «Челюскин» садится носом. При каждом его оседании хрустят и перемещаются льдины. В трюмах журчит вода. Вот она показалась в твиндеке второго трюма, откуда Федя Решетников и еще трое ребят подают фанеру. Приходится прекратить выгрузку. Ребята вылезают наверх, и мы отправляемся на корму… Двери всех кают открыты. Комова и Шпаковский по распоряжению Боброва выбрасывают из кают на лед через открытые окна матрацы и одеяла. В каютах беспорядок, открыты

ящики и шкафы, разбросано платье. Вдруг, к своему удивлению, в одной из кают вижу Дору Васильеву с маленькой Кариной. Я кричу:

— Почему вы здесь?

— А что, разве пора высаживаться?

— Конечно, вам уже давно нужно быть на льду, в палатке!

На корме аврал. Вспомнили о наших трех свиньях. Их пытаются пинками выгнать на трап и дальше на лед. Животные упираются, визжат, убегают в сторону. Раздаются возгласы:

— Нет времени возиться, надо зарезать!..

… Свиньи заколоты, их туши отправляются на лед…

…Судно сильно дернулось носом вниз. На палубу спардека из открытой двери пассажирского помещения хлынула вода. Кто-то, как будто Саша Лесков, с тремя медными чайниками в руках выскочил из этой двери на палубу и перевалился через борт на лед. Корма идет вверх. Раздалась команда:

— Всем оставить судно!..

… Быстро вздымается над водой корма, по ее палубе катятся бочки, оставшийся груз… Оголяется руль, винт. Грохот, треск, гул ломающегося дерева и металла… Корма обволакивается дымом. Два столба буровато-белого цвета… Кто-то кричит:

— Дальше от судна! Сейчас будет водоворот!

Людская толпа, хлынувшая было вперед, подалась назад. Белая ледяная шапка выплывающих льдин. Они кружатся, перевертываются. Волна спадает… Груда льда. Опрокинутые шлюпки. Хаос обломков. «Челюскина» нет…» (Там же, с. 291–295).

На фоне общей катастрофы заботы о личном имуществе уходили на второй план, например, у судового плотника Д. И. Кудрявцева: «Я хотел было (по старой морской традиции. — *В. К.)* пойти одеться в чистое белье, но потом решил, что не стоит этого делать. Надо помогать выгрузке. Так я из своих вещей и ничего не взял… В трюме мы работали не покладая рук… Внизу, в трюме, я слышал большой шум. Это заливало водой соседнее помещение.

— Заливает, — говорю я Голубеву.

— Нет, — отвечает Голубев, — это ее откачивают.

Но потом мы увидали, что вода уже под нашими ногами. Я решил все-таки сходить за своими теплыми вещами в твиндек. Там вода уже поднялась до уровня стола. Электричество еще горело, так как работала аварийка. Посмотрел я, покачал головой и вернулся обратно, чтобы успеть выскочить на лед… Когда судно погибало, не было никакой паники, криков, ругани. Помню, когда я жил еще в деревне и там случился пожар, то было больше паники и рева, чем в такой большой опасности, в которую мы попали» (Там же, с. 319–320). В сходном положении оказался

буфетчик В.С. Лепихин: «Когда схлынула горячка и продукты были оттащены от гибнущего судна, я решил идти в твиндек, чтобы взять свой чемодан. В твиндеке было темно. Точно акробат, пробираясь по столу, скамейкам, койкам, чиркая спички, я добрался до своего места и вынес чемодан… Раскрыты покинутые каюты. Растопырены двери камбуза. В кухне валяется забытая посуда. Посуда, подумал я, посуда! Ведь на льду посуды не будет, из чего есть станем? Что ребята скажут? Ведь я буфетчик команды и должен обеспечить их посудой! Я отбросил чемодан и побежал в буфет… Начал хватать с полок миски, тарелки, чашки, ложки, вилки. Всю посуду складывал в ведро и кастрюли. Эх, всего не забрать, черт!.. Несколько раз выбирался на лед, пока все вынес. А пока я в последний раз бросился к буфету, ноги зашлепали по воде…» (Там же, с. 317–318).

Особая работа при гибели судна досталась кинооператору Аркадию Шафрану. Поначалу начавшееся торошение привлекло его внимание лишь как некое экзотическое явление, последствия которого в тот момент он едва ли мог предвидеть. Лишь приказ капитана: «Зовите всех выгружать продовольствие!» — вернул его к текущей прозе. «Скатываюсь по трапу на лед и начинаю оттаскивать продовольствие. Неожиданно замечаю, что нос судна стал погружаться. В голове мелькнула мысль об аппаратуре, о съемках. Бегу обратно на судно по нижней палубе. Каюта с открытой дверью, в каюте — лед!..

…Перетаскиваю аппарат на лед. Работать очень трудно. Ветер сильно бьет, засыпает объектив снегом. Линзы объектива с приближением глаза потеют и покрываются тонкой корочкой льда. Навести на фокус почти невозможно… «Челюскин» погружается все больше и больше. Кончилась пленка. Делаю попытку перезарядить. Сам удивляюсь, что на таком морозе и ветре удается это сделать. Пришлось бросить рукавицы и голыми руками держать металл. Продолжаю снимать, а в перерывах между планами подтаскиваю ящики. Руки и лицо окоченели. Нет больше сил дальше снимать… Слышу крики:

— Аркадий! Скорей! Судно погружается.

Опять к аппарату. Снимаю последний момент. Корма приподнимается, показывает руль и винт, из трюмов вырывается столб черной угольной пыли. Через несколько секунд судна уже нет» (Там же, с. 238–239).

Семенов дополнил картину гибели «Челюскина» другими деталями: «Возникло короткое хаотическое кипение воды, пены обломков корабля, бревен, досок, льдов. И когда кипение прекратилось, на месте «Челюскина» — майна, окруженная грязными, черными льдами. Едва «Челюскин» скрылся под водой,

большинство из нас, движимое чем-то общим, бегом бросилось к майне. Я побежал в числе других. Помню, с каким чувством я уставился на зловещую майну. Это было чувство недоверия. Где «Челюскин»? Он должен быть. Почему его нет?..

…Надо было начинать новую жизнь. Я оглянулся. Сотни и тысячи вещей в беспорядке разбросаны на снегу и льду. Пурга засыпает их… Пока я созерцал и «признавал», товарищи начали работать. Я присоединяюсь к ним. Через несколько минут работу приходится прекратить.

— Товарищи! Сюда! Людей сосчитать! — кричал Бобров…

Работа длилась до позднего вечера. Никто в этот вечер не намечал плана работ, никто не управлял самой работой, не регулировал ее, не отдавал никаких распоряжений… Все делалось как будто само собой, причем люди разбились по участкам работ удивительно равномерно и целесообразно… Мы так назяблись за день, что и выданные теплые вещи не могли нас согреть. Я мучился всю ночь, проведя ее в полудремоте. Это была самая длинная, холодная, голодная и вместе с тем одна из самых замечательных ночей в моей жизни» (1934, т. 2, с. 118–123).

Родители О. Ю. Шмидта: Юлий Фридрихович и Анна Федоровна с детьми: Эльза, Хуго, Отто. Одесса, 1902 г.

О. Ю. Шмидт — студент Киевского университета. 1912 г.

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

СОВЕТ
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Москва, Кремль.

20/IV 1921 г.
№ а 4079

УДОСТОВРЕНИЕ.

Пред"явитель сего О.Ю. ШМИДТ постановлением Совета Народных Комиссаров от 19-го Апреля 1921 года утвержден членом Коллегии Наркомфина.

Председатель Совета
Народных Комиссаров

Секретарь Совета
Народных Комиссаров

Подписанное В. И. Лениным назначение членом коллегии Наркомфина. 1921 г.

О. Ю. Шмидт проводит заседание правления Госиздата. 1922–1923 гг.

О. Ю. Шмидт на ЗФИ. Подъем флага. Экспедиция на «Седове». 1929 г.

Экспедиция на «Седове». В первом ряду слева направо: О. Ю. Шмидт, Б. А. Исаченко, В. И. Воронин. Стоят: Р. Л. Самойлович, К. П. Войцеховский, В. Ю. Визе. 1929 г.

О. Ю. Шмидт с жителями Новой Земли. Экспедиция на «Седове». 1930 г.

О. Ю. Шмидт на «Сибирякове». 1932 г.

Рисунок Ф. П. Решетникова для стенгазеты «Не сдадимся» в «Лагере Шмидта» на льдине. 1934 г.

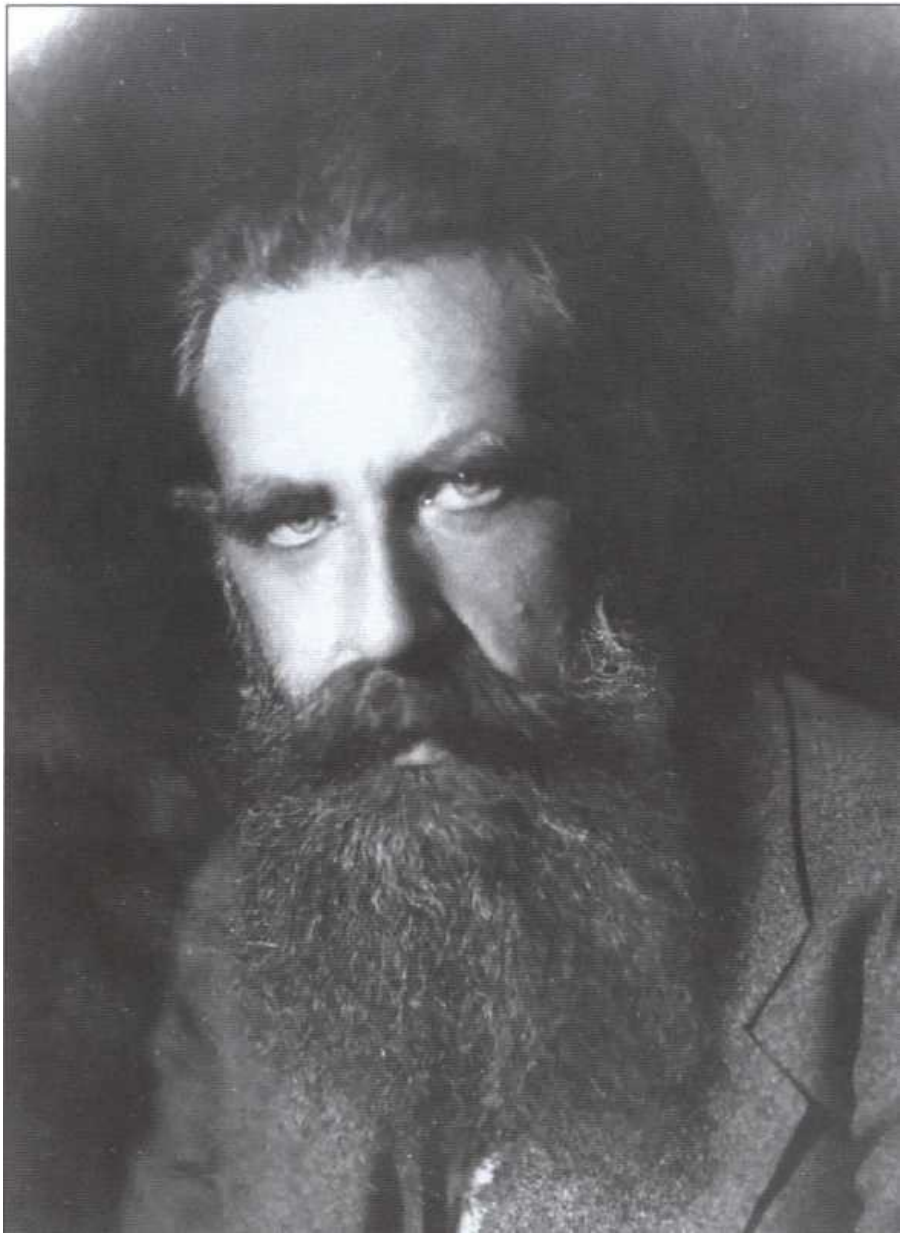
Скульптор Н.А. Конгисер и О. Ю. Шмидт. Работа над бюстом. 1934 г.

Встреча семей челюскинцев с артистами и работниками газеты «Комсомольская правда». 1934 г.

О. Ю. Шмидт с участниками спектакля «Не сдадимся» в Государственном московском Камерном театре. А. Коонен (в шубке), А. Таиров (справа от О. Ю. Шмидта). 1934–1935 гг.

Геофизическая группа при институте географии АН СССР. Слева направо: академик П. П. Лазарев, О. Ю. Шмидт, С. С. Ковнер, Н. П. Горбунов, академик Шулейкин, стоит академик А.А. Григорьев. 1935 г.

Обсуждение плана экспедиции на Сев. Полюс. Слева направо: М. Т. Слепнев, О. Ю. Шмидт, Н. П. Каманин. 1935 г.



О. Ю. Шмидт. 1937 г.

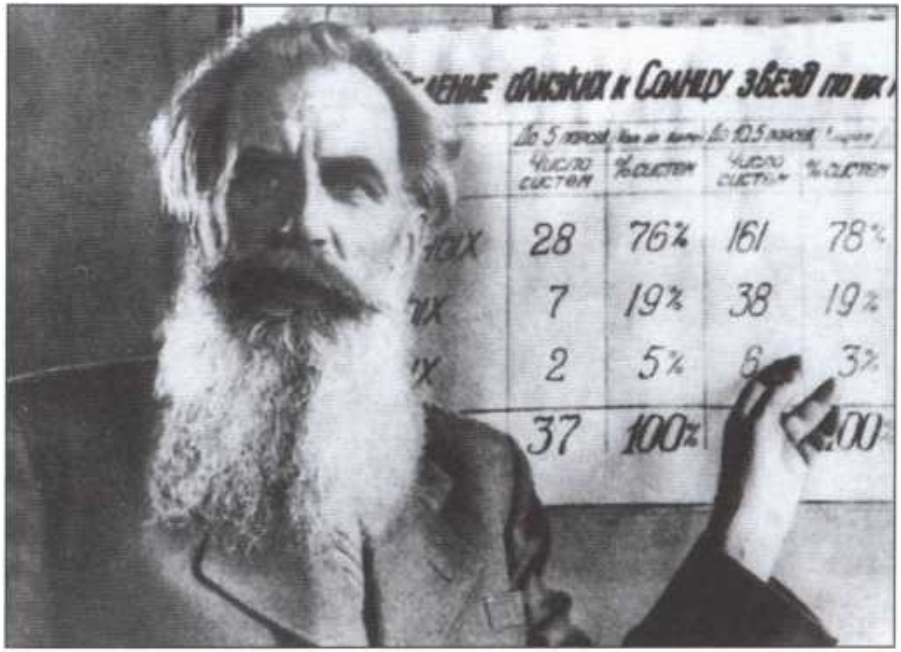
О. Ю. Шмидт на о. Рудольфа перед вылетом на Полюс. 1937 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1937 года о присвоении О. Ю. Шмидту звания Героя Советского Союза

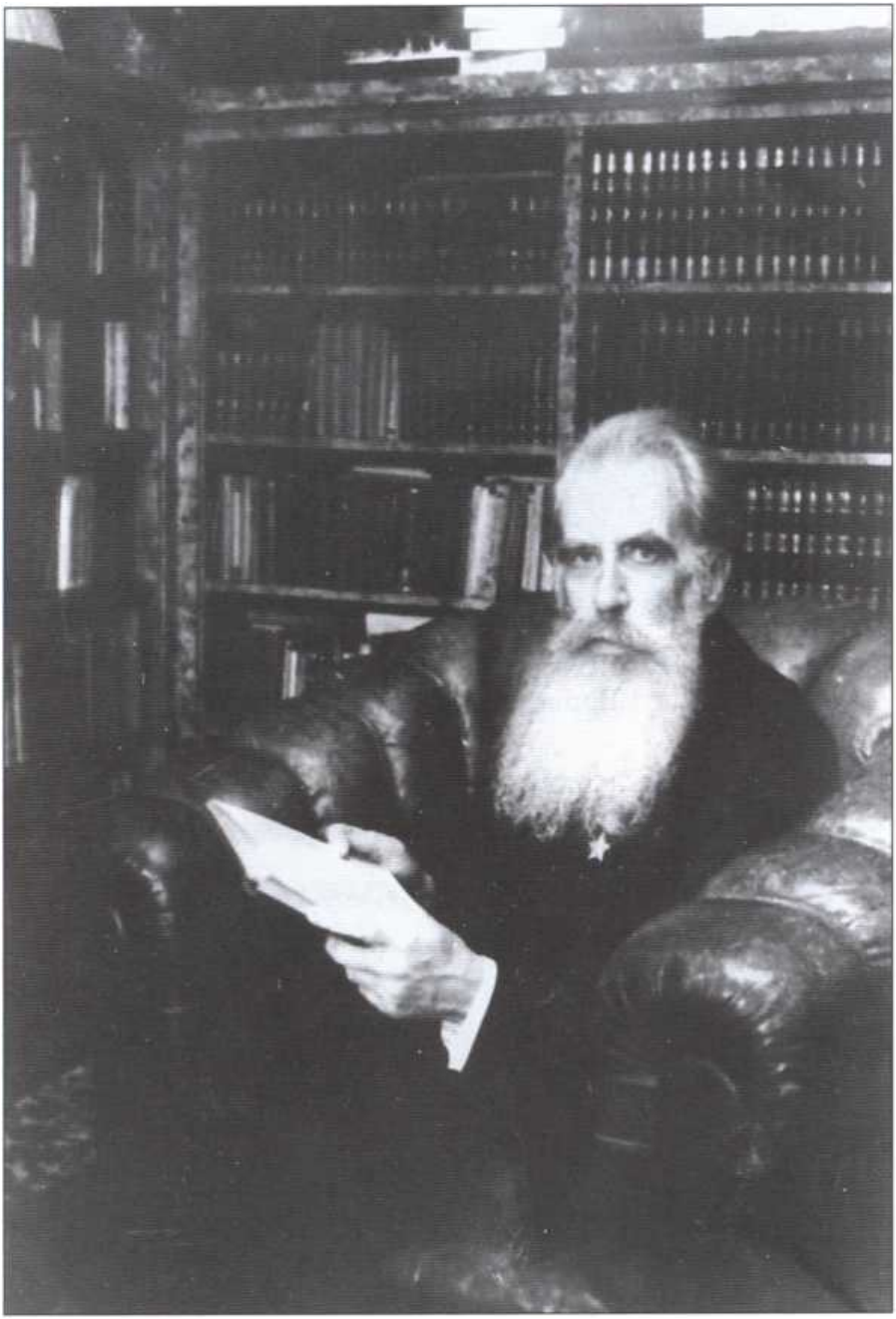
Экспедиция на «Литке». Группа местных жителей с О. Ю. Шмидтом во время проводки судов. 1936 г.

О. Ю. Шмидт и папанинцы. Возвращение в Кронштадт. 1938 г.

Почетный академик Н.А. Морозов и О. Ю. Шмидт в Борке среди детей. 1944 г.



О. Ю. Шмидт делает доклад «О распределении двойных звезд» на ученом совете ГАИШ. 1948 г.



О. Ю. Шмидт дома, на улице Грановского. 1950-е гг.

О. Ю. Шмидт на фотографии в журнале «Огонек» № 40 от 2 октября 1966 г.

На мысе Шмидта

А. О. Шмидт, В. О. Шмидт и С. В. Козловская у памятника на могиле О. Ю. Шмидта на Новодевичьем кладбище

Отметим только внешнюю сторону аврала, когда, по мнению Семенова, «…никто не управлял самой работой, не регулировал ее, не отдавал никаких распоряжений…» — и тем не менее исходно разношерстный состав участников плавания оказался подготовленным к самому непредвиденному развитию событий, хотя люди испытали запредельные физические и моральные нагрузки. Копусов позднее вспоминал, когда после изматывающего аврала во мраке наступившей ночи «… мучительно хотелось повалиться куда-нибудь, уснуть, забыть все. Но еще продолжалась работа, раздавали теплые меховые вещи, малицы. Я не знал, где мне придется жить. Заглянул в низенькую, наскоро поставленную палатку. Там в одиночестве сидел Факидов… Я вполз в палатку, залез в спальный мешок и моментально уснул» (т. 1, с. 325).

Сходные воспоминания сохранила гидрохимик Параскева Лобза: «Около восьми часов работали челюскинцы на 32-градусном морозе. Все мечтали о том, чтобы укрыться от ветра, отдохнуть.

— Место в палатке есть?

— Есть, залезай.

Так подбираются группы. Я заглядываю в одну из палаток, там человек десять — втиснуться невозможно. Иду к другой палатке:

— Сколько здесь человек?

— Пока я один, — слышится из темноты.

Узнаю по голосу одного из научных сотрудников. Подходят еще трое. Образуется группа из пяти человек: Баевский и Копусов — заместители Шмидта, инженер-физик Факидов, или по-челюскински Фарадей… моторист Иванов, он же дядя Саша… пятая я. Надо устраиваться на ночлег. Получили по спальному мешку из собачьих шкур, зажгли фонарь «летучая мышь». Залезли в мешки, повалились на бугристый ледяной пол, местами покрытый фанерой и через мгновение заснули» (1934, т. 2, с. 15–16). Большинство женщин устроились на ночь в инструментальной палатке Факидова, где для них поставили железную печку, единственную в ту первую ночь. Не все смогли забыться после напряженного аврала в спальных мешках и малицах, пережив моральное и физическое потрясение от катастрофы, жертвами которой отказывались себя признать.

У радиста Кренкеля в первые часы на льду не было времени

ни на переживания, ни даже на поиски жилья: от него зависела связь с внешним миром, жизнь и судьба ста трех его товарищей по несчастью. «Натянутые веревки, которые держали помощники Кренкеля, чтобы сохранить устойчивое положение антенны, вырывались из рук и хлестали, — описал страдания радистов художник Решетников. — Челюскинцы расположились на ледяном «паркете», подобрав под себя полы палатки. Прикрыв друг друга, мы начали постепенно согреваться.

— Подвиньтесь, братцы, от задней стенки. Радиоаппаратуру надо установить, — послышался голос Кренкеля. Он говорил невнятно, потому что у него замерзли губы. Бригада Кренкеля не успела установить палатку для радио, поэтому нам пришлось уплотниться и дать ему место. Постепенно все сплелись так, что трудно было узнать, где чьи руки и ноги» (Там же, с. 12).

Со своей тонкой аппаратурой «снайперу эфира» пришлось работать без рукавиц. «Плоскогубцы, нож, провода обжигают руки. Изредка грею одеревеневшие пальцы в рукавах, но, к сожалению, тепла там мало. Начинает не то подсыхать, не то подмерзать мокрое от пота белье, затекают колени. Нельзя даже протянуть ноги, так как палатка набита людьми. Приемник, наконец, включен. Снимаю шапку, надеваю наушники — жжет морозом уши. Но наушники быстро нагреваются… Ирония судьбы: 104 человека находятся на льдине в мороз, в пургу, ночью, никто во всем мире еще не знает об их судьбе, а первое, что слышит лагерь Шмидта, — это веселый американский фокстрот! Продолжаю вертеть ручку приемника. Слышу, как Уэлен спрашивает у мыса Северного:

— Не обнаружил ли ты сигналов «Челюскина»?..

Я включаю передатчик, зову обоих… Ответа нет. Опять слушаю… Иду к Шмидту» (Там же, с. 4–5).

Сквозь тьму ночи и завесу метели на истоптанном снегу с разбросанными тут и там бочками и ящиками проступали очертания вкривь и вкось поставленных наспех палаток со скатами, провисшими от накопившимися снега. По воспоминаниям одного из участников событий в поставленных наспех палатках «…лежали довольно спокойно и изредка даже шутили и смеялись. Но смех был, конечно, нервный. О чем говорили в ту первую ночь? Говорили о тесноте палаток. Говорили о гибели «Челюскина». Говорили, что «полундра» мировая, что картина гибели корабля жуткая. Каждый вспоминал, где он находился в тот момент, когда раздался треск. Рассуждали о том, как мы отсюда выберемся. Предположения были самые туманные, много об этом не говорили. Все сильно устали» (Там же, с. 14). Тем не менее отдельные свидетельства весьма

показательны с точки зрения настроения людей. Так, гидрограф Хмызников в своих воспоминаниях отмечает, что Кренкель интересовался у товарищей по палатке, кто именно собирается в будущую навигацию принять участие в плавании по Северному морскому пути, а Ширшов предлагал начать запись желающим поработать на дрейфующей станции и т. д.

Первое утро на льдине 14 февраля каждый воспринимал по-своему. На плотника Воронина (недавнего крестьянина из костромской глубинки) произвело впечатление, как «…наших ребят, лежавших у края палатки, занесло снегом. Пришлось им из-под него выбираться. Есть нечего, кроме галет и мороженых консервов. Горячего, конечно, не было. Нашли чайник, стали искать пресную воду. В чайник наложили льду, растопили его, вскипятили чай, не хватило посуды — пришлось использовать консервные банки. Как только попили чаю, наше руководство объявило, что надо построить барак» (Там же, с. 40).

«Наше руководство» — это инженер Ремов, который не мог себе позволить отвлекаться на мелочи, вроде снега в палатке или утреннего завтрака. «Пришел на место гибели «Челюскина» и ориентировочно подсчитал наличие стройматериалов… После короткого доклада начальнику экспедиции был утвержден план строительства. В первую очередь было решено построить барак на 50 человек и камбуз. Участок для постройки был выбран по совету капитана в ста метрах от места аварии, чтобы сократить расстояние по доставке стройматериалов» (Там же, с. 32).

В воспоминаниях женщин больше бытовых деталей. Параскеву Аобзу мужчины — обитатели ее палатки избрали старостой палатки и одновременно постоянным дневальным. На восемь человек она разыскала на льду и в снегу пять кружек, три вилки, две ложки, ведро, примус и пять примусных иголок. Уже сутки спустя после катастрофы было готово горячее: «В два часа с ведром иду за супом. С подветренной стороны камбуза-костра стоит уже очередь человек в восемь в ожидании раздачи обеда — кто с кастрюлей, кто с ведром, чайником или тазом. Начинается раздача. Без очереди подходят товарищи из палатки, где не хватает общей посуды. Они едят тут же, у костра, помешивая суп вилкой или щепкой, чтобы еще раз наполнить свои кружки.

После обеда получаем на складе малицы. Нашли среди ропаков свои вещевые мешки, добываем пять подушек, матрац. Беремся за усовершенствование палаток. В нескольких местах порванный брезент заткнули простынями, скалываем ледяные бугры пола, покрываем его сплошь фанерой, на которую стелем войлок. Палатка приведена в порядок. Нагреваем ведро снеговой воды и под открытым небом при свете луны устраиваем первое

умывание» (Там же, с. 17–18).

Семенов оказался свидетелем преобразования своей палатки в «узел связи»: «Вошел Кренкель, объявил новость: выматывайтесь, мол, палатка отдана под радиостанцию… Палатку стали очищать и на «улицу» полетели войлок, фанера, спальные мешки… У костра на треноге из палаточных кольев подвешен котел. Дядя Саша помешивал в котле закоптелым черпаком. Вокруг на корточках люди в малицах отогревают в огне замерзшие мясные консервы. Я вошел в круг, взял из раскрытого ящика банку консервов… Через 20 минут я ел горячие, сочные, жирные консервы… А потом почувствовал, что я совершенно здоров… На льдине я научился с большим вниманием относиться к таким простым вещам, как пища, сон, отдых, работа» (Там же, с. 124).

Главным достижением первых суток пребывания на льду стало установление радиосвязи с материком. Шмидт предложил начальнику полярной станции Уэлен Хворостанскому «… мобилизовать возможно больше нарт… Лучше выступить позже, но с 60 нартами, чтобы закончить дело разом. Наши люди пойдут, конечно, пешком… Также будут на нартах женщины, больные. Вы правы, предложив мысу Северному также включиться в операцию помощи. Мы живем хорошо и будем терпеливо ждать, но ледяная стихия остается стихией»…

Лишь после установления связи с Большой землей Шмидт посчитал возможным провести короткую встречу со своим коллективом, рассказав людям об их ближайших перспективах и собственных намерениях. Люди на льду обеспечены продовольствием, по крайней мере на два месяца, как и теплой одеждой. Связь работает достаточно надежно, страна и руководство в курсе событий в Чукотском море. Кроме собачьих упряжек в эвакуации лагеря будет участвовать авиация. Все, что требуется от самих челюскинцев, — это продержаться до подхода спасателей, не уподобившись участникам некоторых иностранных экспедиций, таких как у Нобиле.

Опыт Нобиле учитывала и Москва, где уже 14 февраля была организована специальная комиссия по оказанию помощи челюскинцам во главе с заместителем председателя Совнаркома В. В. Куйбышевым. Его заместителями стали Иоффе (от ГУ СМП, оставленный Шмидтом на время похода «Челюскина» в Москве на «хозяйстве»), моряк Янсон (от Наркомвода), С. С. Каменев, представлявший в Арктике интересы военных, и Уншлихт, стоявший в 1928 года во главе комитета, отвечавшего в Москве за организацию работ по спасению участников экспедиции У. Нобиле. Это все были весьма компетентные, опытные

администраторы и специалисты. Практически одновременно на Чукотке приступила к мобилизации местных возможностей «руководящая тройка» во главе с начальником полярной станции на мысе Северный Петровым.

Вторая половина февраля 1934 года определила судьбу челюскинцев благодаря двум обстоятельствам: во-первых, они сами продемонстрировали реальные возможности выдержать тяжелые испытания; во-вторых, мероприятия, предпринятые столичным руководством на основе информации из лагеря Шмидта и предшествующего опыта, оказались правильными.

Сами челюскинцы под руководством Шмидта также не теряли времени даром. «На майне у места гибели судна, в хаосе льдин, бревен и различных обломков копошатся бригады. Вот несколько человек возятся у обледенелого бревна, торчащего из льда. Его раскачивают, пробуют выдернуть, но бревно не идет. Бегут за ломом — ломов имеется только два, и потому они все время нарасхват. Бревно окалывают и затем с дружным «взяли!» дергают. Бревно немного подается вперед, но льдина под ногами тянущих тоже передвигается, и два человека проваливаются по колено в воду. Еще несколько усилий, и бревно освобождено… Ближе к майне — месту гибели судна — строился барак. Плотники уже уложили первые два венца его стен. Посередине между бараком и палатками, которые были поставлены у южной окраины поля, строился камбуз… К западу от будущего камбуза составлялись ящики продовольственного склада» (Хмызников, 1936, с. 127–128).

Ремов запечатлел дальнейшие изменения на льдине: «Камбуз начал работать 16 февраля в 12 часов. Это сильно сократило расход топлива — до одной трети кубометра в день — и облегчило труд поваров. На следующий день стены камбуза были утеплены снегом… Была поставлена перед строителями другая задача — построить к 22 февраля вышку на одном из ропаков со световым сигналом и площадкой для астрономических наблюдений» (1934, т. 2, с. 37). Воспоминания бригадира плотников Воронина дополняют информацию шефа: «Плохо было то, что гвоздей не хватало. Мы их всячески экономили и поэтому сделали только три пробоя на высокой стенке. Точила у нас не было, мы нашли лишь один напильник у радистов, им и пользовались. Барак построили в течении трех суток. Одновременно пришлось строить и камбуз (кухню)… Вышка стояла на шестиметровом торосе. На ней поставили бочки с горючим, чтобы… в ночное время сигнализировать о нашем местонахождении… Затем мы, строительная бригада, стала работать по благоустройству палаток, чтобы сделать жизнь

культурной» (Там же, т. 2, с. 40–41), установив палатки на прочный деревянный каркас.

В улучшение условий жизни в палатках большой вклад внесли механики разных специальностей, обеспечившие своими талантами отопление этих жилищ. «Мы устроили фанерный пол, чтобы не спать на снегу, обили стены одеялами, раздобыли примус. Но ни примус, ни керосинка нас не удовлетворяли. Мы раздобыли камелек, правда, он был без дверцы и поддувала, — описал деятельность по жизнеобеспечению участников дрейфа судовой механик Филиппов. — Топить камелек мы решили нефтью… Самое сложное — как соединить нефтепровод с камельком… Словом, на работу, которая в условиях завода требует 15–20 минут, у нас ушло около двух рабочих дней… Вскоре наша палатка приняла хороший вид, и мы прозвали ее дворцом» (Там же, с. 97–98). Примеров подобного творчества в воспоминаниях челюскинцев множество. Катастрофа не деморализовала их, а стимулировала на борьбу за выживание, в чем опять-таки немалая заслуга Шмидта, начиная с элементарного — питания.

Основу дрейфующей фабрики-кухни составило некое устройство из двух бочек, сооруженное руками умельцев. «Одна бочка представляла собой печь, другая котел, в котором варилась еда. Обед состоял из одного блюда — либо супа, либо каши, гречневой или рисовой. Иногда было картофельное пюре. Раза три за все время раздавалось свежее мясо, которое жарилось на палаточной печи. «Фабрика — кухня» не была приспособлена для этого. Запас свежего мяса был невелик: три свиньи, забитые за час до гибели корабля. Позднее запасы эти пополнились — удалось убить огромную медведицу с медвежонком» (Копусов, 1934, т. 2. с. 52). Помимо горячей пищи с камбуза, представители палаток получали со склада под шикарным названием «Кооператив Красный Ропак» суточные рационы на своих едоков: «Здесь выдаются на сутки галеты по половине пачки на человека (это около 200 граммов), сахар или конфеты и затем либо консервы (две банки на семь человек), либо сыр, мука и масло. Эти продукты предназначаются для утреннего или вечернего чая, а галеты для обеда и ужина. Обед состоит из супа, сваренного из 40 банок мясных консервов на сто человек, с сухими овощами и рисом. На ужин дается такой же суп, но из 20 банок консервов, или каша. Порция супа одинакова как за обедом, так и за ужином и равняется примерно полулитра на человека. Двести граммов галет на сутки маловато, так что на обед приходится по две-три небольшие галеты, а на утренний чай — только одна — две. Масла выдают много, так как сверх аварийного запаса его

всплыло несколько бочонков и ящиков. По утрам толща масла, намазанного на галету, обычно превышает толщину самой галеты. Женщинам с детьми, больным и слабосильным выдается сгущенное молоко, какао и шоколад. Изредка молоко выдается к чаю и по всем палаткам. В общем, пока мы не голодаем», — с удовлетворением констатировал в своих воспоминаниях гидрограф Хмызников (1936, с. 134).

В первые дни Шмидт принял жестокие меры по отношению к тем, кто пытался создать собственные запасы продуктов или одежды, жестко выдерживая эту практику и в будущем. Сам Шмидт передал завхозу ряд своих теплых вещей, выброшенных с «Челюскина» в походном мешке со своей маленькой палаткой. Были и нарушения, когда «в одной палатке… нашли пол-ящика сгущенного молока, а у одной из живущих там женщин десятка полтора плиток шоколада и несколько коробок засахаренных фруктов» (Хмызников, с. 138). Подобные дела Шмидт предложил обсуждать в «суде палаток», что партийцы отвергли. Тогда он поставил вопрос иначе: «А выгодно ли политически так ставить вопрос, как ставят здесь? Нужно ли выпячивать нескольких плохих людей в большом великолепном коллективе и выпячивать с протоколами, общими собраниями» и т. д.?.. Однако оппоненты Отто Юльевича уперлись: «Чем резче мы будем проводить процесс самоочищения нашего коллектива, тем лучше будет для самого коллектива и, значит, тем лучше для страны». Показательно, что в отношении одного из провинившихся было принято решение: «При первой возможности выслать самолетом на землю в числе первых». По идеологическим причинам подобные ситуации семьдесят лет назад трактовались как пример создания новых отношений в советском обществе. Однако из нашего времени поведение челюскинцев на льдине (включая действия Шмидта) выглядят, скорее, как продолжение отработанных веками морских традиций, когда экипаж целиком (или с минимальными потерями) побеждал сложившиеся обстоятельства или целиком погибал, если не мог их преодолеть. Разумеется, Шмидт, соблюдая правила игры для высшей номенклатуры, не упускал случая сослаться на решения партийной и других общественных организаций на льдине, воздавая хвалу советской власти, — конъюнктурные мелочи по сравнению с тем, что он сделал для спасения экипажа и экспедиции изначально, всей своей деятельностью.

В первые дни на льду питание и материальное обеспечение людей, как и условия жилья, по арктическим меркам оставалось в пределах удовлетворительного, чего нельзя было утверждать об уверенности челюскинцев в своем обозримом будущем.

Разразившееся бедствие со времен гибели экспедиции Франклина в середине XIX века по своим масштабам не имело прецедента в истории Арктики — ни у нас, ни за рубежом. Зимовки судов Особой Северо-Восточной экспедиции проходили в неподвижном припае вблизи побережья, откуда к ним легко могли добраться собачьи упряжки, а самолеты садились на гладкий прибрежный лед. У челюскинцев же с каждым днем их дрейфующий лагерь удалялся в открытое море, и полоса подвижного всторошенного льда шириной до сотни миль, недоступная для посадки самолетов и практически непреодолимая для собачьих упряжек, становилась все шире и шире. Как выходить из этого положения, никто не мог подсказать. Это понимал каждый из участников дрейфа, включая научных сотрудников, обеспечивавших Шмидта необходимой информацией.

Было, однако, ясно, что возможности местной авиации предельно ограничены. У трехмоторного Н-4 (командир Куканов), способного поднять восемь человек, был исчерпан моторесурс. Пароходом «Смоленск» в бухту Провидения для вывоза людей с зазимовавших судов Особой Северо-Восточной экспедиции были доставлены два двухмоторных АНТ-4. Первым в роли спасателя челюскинцев оказался Анатолий Васильевич Ляпидевский (1908–1983), выпускник Ленинградской военно-теоретической школы, отобранный для поступления в числе пяти из ста семидесяти претендентов. Так в 26 лет молодой пилот-безаварийщик оказался в нужный момент на нужном месте: свойство, которым наделены, вопреки распространенному мнению, не везучие, а целеустремленные.

Первые полеты А.В. Ляпидевского 21 декабря 1933 года, 18 января и 6 февраля 1934 года (еще до гибели «Челюскина») дали повод для опасений по поводу пригодности этих машин для условий Арктики, где они использовались впервые. После гибели «Челюскина» задачу Ляпидевского изменили, и свой первый вылет в поисках лагеря Шмидта он выполнил уже 21 февраля, не обнаружив лагеря, видимо, из-за его дрейфа.

Идея эвакуации челюскинцев на собачьих упряжках с материка, по мнению пограничника А. Небольсина, знатока местных условий, «…сразу показалась неразумной. Набрать 60 нарт означало оголить весь район. Кроме того, экспедиция должна была бы занять месяца два, успех ее сомнителен, а в это время здесь на месте без собак никакие другие меры помощи были бы невозможны. Мы должны были также помнить и о нуждах населения. Мобилизовать на два месяца всех собак — значило оставить чукчей без охоты, то есть обречь их на голод». (1934, т. 3, с. 39) и, как следствие, на бегство в недоступные

«белые пятна» полуострова, а то и за пролив на Аляску, если не на вооруженный отпор… Подобная мобилизация проводилась лишь частично.

Задержку со спасением челюскинцев на АНТ-4 Ляпидевского в Москве посчитали опасной и 21 февраля распорядились отправить своим ходом звено Р-5 во главе с дальневосточным военным летчиком Каманиным, включив в него как инструктора экипаж гражданского пилота Молокова, имевшего опыт зимних полетов в Сибири и на трассе Севморпути.

Между тем создание аэродрома у лагеря Шмидта не только требовало усилий многих людей, но и «…затруднялось отсутствием инструментов — большая часть ломов и пешней, выгруженных на лед, погибла с судном, опрокинувшим льдину, на которой они лежали. Уцелевшими двумя ломами, двумя пешнями и несколькими лопатами пришлось сбивать с поля ледяные ропаки и твердые, как лед, ледяные бугры. В течение нескольких дней удалось расчистить площадку в 600 метров длиной и 150 шириной. Площадка находилась в четырех-пяти километрах от лагеря. С краю площадки приютилась палатка наших аэродромщиков — Валавина, Погосова и Гуревича. Несколько дней спустя была расчищена дорога от аэродрома до лагеря, пробиты ворота в высоких грядах льда, расставлены вехи. Аэродром стал «пригородом» лагеря» (1934, т. 2, с. 214).

Помимо дел на аэродроме, у людей на льдине в ожидание помощи с Большой земли были свои проблемы, требовавшие решений по принципу здесь и сейчас. Методы руководства, нормальные для Большой земли, здесь оказывались бесполезными. Сплошь и рядом требовались нетривиальные решения на уровне импровизации. И в экспедиции, где присутствовало немало творческих и поисковых натур (порой на гране авантюрности), Шмидту было на кого опереться в большом и малом.

Необычным был, например, выпуск стенной газеты, которая, по Баевскому, «…оказалась каналом для психологической разрядки. Уж если выходит газета, значит, ничего страшного в нашем положении нет, — так думали многие. И то, что руководство экспедицией и партийная организация нашли возможность заняться газетой, лучше всяких успокоительных слов действовало на коллектив» (1934, т. 2, с. 163–164). Разумеется, политизированость газеты «Не сдадимся!» не оставляла сомнений, но одновременно она ориентировала челюскинцев не только на исключительность своего положения, но и на реальную возможность его преодоления. Это достигалось публикацией сведений вполне прикладного характера (наличных запасов,

темпов дрейфа, сведениями с Большой земли и т. д.), а также множеством карикатур на темы дня и невзирая на лица, в чем преуспел художник Решетников, трудившийся в нечеловеческих условиях. В одном из шаржей Отто Юльевич, например, был изображен выглядывающим из палатки, в то время как его борода примерзла ко льду. От того, что борода Шмидта, ценившего юмор и иронию, не однажды примерзала к спальному мешку или брезенту палатки, в глазах подчиненных его авторитет не страдал. Скорее наоборот — лишний раз они видели, что «шеф» делит тяготы жизни ледового лагеря вместе со всеми. Шмидт обладал особым качеством руководителя — одновременно быть во главе и вместе с тем оставаться наравне со всеми, что дано не каждому начальнику.

Особое место в жизни ледового лагеря занимали лекции, которые читались различными специалистами для челюскинцев, а также чтение художественной литературы и учеба. «Через день происходили занятия кружка диамата, которым руководил Шмидт… Желающих слушать Отто Юльевича нашлось много — значительно больше, чем вмещало помещение. В течение двух-двух с половиной часов шли занятия, велась оживленная беседа. Особый интерес проявляли к диалектическому материализму научные работники.

По окончании занятий расходились по палаткам, где устраивались вечера самодеятельности. В одной палатке играл патефон, в другой играли в «козла», в третьей устраивали литературный вечер, читали Пушкина. У нас в лагере сохранилось всего четыре книги — Пушкин, «Гайавата» Лонгфелло, «Пан» Гамсуна и третий том «Тихого Дона» Шолохова» (т. 2, с. 53–54), за которыми выстраивалась очередь.

Несмотря на занятость людей, в лагере Шмидта не прекращались разговоры в пользу пешего похода на материк, которые Шмидт счел необходимым пресечь на общем собрании 22 февраля, назвав их «опасным вздором». При поддержке Ширшова, Хмызникова и некоторых других он заявил: «Закончим говорить о «пешеходах» на материк. Вопрос, кажется, для всех ясен… Теперь скажу, что если кто-то все же вздумает пойти, то я буду такого рассматривать как дезертира» (Хмызников, 1936, с. 151). По крайней мере два источника свидетельствуют, что реакция Шмидта была еще более резкой и необычной для российского интеллигента и вместе с тем оправданной. По Кренкелю, Шмидт заявил: «Если кто-либо самовольно покинет лагерь, учтите, я лично буду стрелять!» — Мы прекрасно знали Отто Юльевича как человека, который не то чтобы стрелять, но и приказания свои отдавал как просьбы. И все же, наверное, эти слова были точны и

своевременны» (1973, с. 309). Согласно свидетельству Шевелева, «…вообще человек мягкий, интеллигентный, Шмидт проявил на этот раз непривычную для него твердость и вынужден был даже заявить этом случае, что, если кто-нибудь посмеет уходить самовольно, придется применить оружие» (1999, с. 76).

Однако далеко не все обитатели ледового лагеря рвались на Большую землю, особенно научные работники. Для них открывалось широкое, а главное, перспективное поле деятельности. Видимо, не случайно гидробиолог Сушкина особо отметила: «Надо сказать, что некоторые женщины были недовольны, что их вывозят первыми только потому, что они женщины. Но Отто Юльевич был непоколебим» (1934, т. 2, с. 244).

Присутствовали и другие проблемы, с которыми Шмидт не рисковал делиться с рядовыми участниками дрейфа, обсуждая их лишь в самом узком кругу. Об этом много лет спустя капитан Воронин поведал Ермолаеву, который описал происходившее так: «Шмидт с Ворониным закрылись у себя в палатке. Они не представляли, что за этим (гибелью судна. — *В. К.)* последует. Они буквально дрожали. Что их ждет? В лучшем случае — отставка, в худшем — «высшая мера». Воронин еще на что-то надеялся, а Шмидт прямо говорил — расстреляют… Да и чего ждать иного?.. Провал. Поражение. Катастрофа. Виновные должны быть наказаны. А кто виновные? В первую очередь — они, Шмидт и Воронин…» (Ермолаев, 2001, с. 210).

Все стало на свое место, когда 27 февраля в лагере Шмидта была получена радиограмма за подписями Сталина и членов Политбюро: «Шлем героям-челюскинцам горячий большевистский привет. С восхищением следим за вашей героической борьбой со стихией и принимаем все меры к оказанию вам помощи. Уверены в благополучном исходе вашей славной экспедиции и в том, что в историю борьбы за Арктику вы впишете новые славные страницы».

Это означало, что из чисто ведомственного мероприятия все связанное с походом и гибелью «Челюскина» приобретало политическое значение на государственном уровне. Определенно партия и лично товарищ Сталин (после XIV съезда ВКП(б) эти понятия практически совпадали) рассчитывали получить свой «навар» с событий в Чукотском море. При этом самим челюскинцам предстояло оплачивать участие в политической игре мирового уровня по самому высокому счету, притом в ситуации, когда их мнением не интересовались… Но в конце февраля 1934 года на льдине, с каждым днем удалявшейся на север Чукотского моря, многие из них могли вздохнуть с

облегчением.

Когда из лагеря Шмидта сообщили о готовности взлетно-посадочной полосы длиной 600 метров и шириной 50 метров для приема самолета, Ляпидевский перелетел в Уэлен, небольшое чукотское селение вблизи мыса Дежнева, где и обосновался в ожидании подходящей погоды. Ее отсутствие вместе с неполадками продержали его в готовности вплоть до 5 марта 1934 года. Штурман Л. Петров перед вылетом в 9 час. 15 мин. отметил низкую температуру: -36 °С в Уэлене и -38 °С у челюскинцев. По его команде от мыса Сердце-Камень был взят курс на лагерь Шмидта, и в 10 час. 30 мин. очертания берега растворились в морозной дымке. Штурман отметил «…внизу обычные крупные обломки ледяных полей, окаймленные грядами торосов и покрытые мелкими ропаками. Разводий и трещин нет; лед сплоченный, нажатый к берегу. В 10 час. 40 мин. на горизонте показались несколько столбов тумана. Там, значит, есть трещины и вода. Минут через пятнадцать замечаю на фоне тумана черное пятно, резко отличающееся по окраске от ледяных торосов. Мелькает мысль — не дым ли это?.. Указываю на пятно Ляпидевскому… Продолжаю вглядываться — пятно явно колеблется. Все ясно! Это сигнальный дым в лагере!.. Отлично, будем искать аэродром» (1934, т. 3, с. 102).

Открывшаяся картина не позволяла пилоту расслабиться: «Отчетливо увидали теперь стоянку Шмидта: вышку, палатки, барак. Потом увидали на льду трещину, которая отделяла лагерь от аэродрома, около трещины — народ, скопище народа, пытавшегося перебраться через трещину. Кричали что-то, бросали шапки вверх. Радость была невообразимая. Я сделал два круга над аэродромом. Впервые я видел такую маленькую площадку: она была 450 на 150 метров. Все подходы к ней были заставлены высокими ропаками метра в два-три… Пошел на посадку с колоссальным вниманием и напряжением. В пыжиковой маске плохо видно, чувствуется какая-то неповоротливость. Сел все-таки очень удачно. Если бы чуть промазал — влез бы на ропаки. Зарулил в самый конец аэродрома и вышел из самолета…» (1934, т. 3, с. 102).

Хмызникова это событие застало за мытьем посуды. За брезентом палатки послышались крики:

— Самолет! Самолет! Какой большой! А наши-то еще не дошли до аэродрома…

Действительно, дорогу улетавшим женщинам и их сопровождению преградило разводье. Пока самолет сделал круг в воздухе и заходил на посадку, мужчины успели доставить шлюпку-ледянку и приступить к переправе.

Гидробиолог А. Сушкина обкладывала стены барака снежными блоками, когда радостные вопли возвестили о приближении самолета. «В этот солнечный день особенно ярко выглядит вся дикая красота окружающего нас первобытного хаоса… Хочется впитать, унести с собой частичку этой непередаваемой красоты…

Настроение бодрое, слегка возбужденное. Идти легко. Впереди облепленные людьми, мохнатой гусеницей ползут нарты с разряженными аккумуляторами, которые надо обменять на новые, доставленные самолетом. Немного позади них — маленькие саночки, в которых сидит Аллочка Буйко. Она о чем-то оживленно болтает сама с собой, и из меха выглядывает ее розовая улыбающаяся мордочка. Каринку, как маленький меховой комочек, по очереди несут на руках… Самолет стоял и дрожал моторами. Горячая встреча с экипажем АНТ-4… Передали на самолет детишек, матери начали беспомощно карабкаться за ними. Подбежали несколько человек. Одни подталкивают снизу, другие тащат сверху и только велят не шевелиться. Я подвергаюсь общей участи… Когда я опомнилась, самолет уже летел; все дальше уходила белая равнина, и я долго не могла найти аэродрома… Сделав круг над аэродромом, мы понеслись на юг, к Большой земле» (1934, т. 2, с. 244–249).

Воспоминания другой пассажирки, метеоролога О. Комовой, существенно дополняют картину последних минут пребывания на льдине: «Нас, женщин, закутывали в малицы, подпоясывали, заматывали нам шарфами шеи, лица. А мы, неповоротливые меховые куклы, торопливо прощались, наспех засовывали в карманы телеграммы домой от тех, кто еще оставался на льду. На самолет нас втаскивали по очереди. Именно втаскивали, так как малицы страшно стесняли наши движения… «Погрузка» окончена… Через час мы увидали землю!» (Там же, с. 243).

На взлете у Ляпидевского было не меньше проблем, чем при посадке: «…Выгрузили аккумуляторы, тушу оленя, кирки, лопаты, ломы… Все радовались, целовались, одному мне было не до радости. Я пошел осматривать аэродром, думая о взлете. Сесть-то мы сели, а может быть, взлететь не придется. Состояние было возбужденное: цель к которой так долго стремился, была достигнута, вопрос заключался теперь в том, как взлететь… Женщины интересовали меня в данный момент только с точки зрения их веса. Гляжу: все женщины толстые, жутко толстые. Меха на них наворочены, малицы.

Я спрашиваю:

— Все у вас такие толстые?

— Какие же мы толстые, — говорят они, — мы самые

худенькие.

Шмидт начал со мной обсуждать, сколько человек мне взять. Я решил взять сразу всех женщин и детей. В общем, мы шли с небольшой перегрузкой… Полет прошел благополучно. В лагере я пробыл 1 час 50 минут. В лагерь летел 2 часа 15 минут, а оттуда 2 часа 20 минут» (1934, т. 3, с. 87–88).

Таким было начало успешной эвакуации челюскинцев. В самом же лагере на освободившиеся места в бараке, где в основном и проживали улетевшие женщины, быстро вселились новые обитатели. В Москву Кренкель «отстучал» следующее послание:

«…Самолет АНТ-4 под управлением летчика Ляпидевского при летчике-наблюдателе Петрове прилетел из Уэлена к нашему лагерю, спустился на подготовленный нами аэродром и благополучно доставил в Уэлен всех бывших на «Челюскине» женщин и обоих детей… Посадка и подъем были проведены удивительно четко и с пробегом всего на расстоянии в 200 метров. Успех полета т. Ляпидевского тем значительнее, что стоит почти 40-градусный мороз… Удачное начало спасательной операции еще более подняло дух челюскинцев, уверенных во внимании и заботе правительства и всей страны. Глубоко благодарны. Шмидт».

«Подъем духа» понадобился челюскинцам уже в ближайшие сутки: Вставайте! Во-первых, уже пора, а во-вторых, масса новостей», — будил на следующий день П. П. Ширшов. Челюскинцы быстро высунули головы из-под вороха меховых одежд, которыми прикрывались на ночь. Ночью поперек барака прошла трещина, сразу начавшая расходиться в стороны. Все, кто в чем лежал, выскочили наружу. В дверях даже произошла небольшая давка. Некоторые выскочили без сапог. Так как трещина расходилась все же медленно, то строители схватили пилы и перепилили стены.

«Теперь обе половинки барака разъехались на порядочное расстояние.

— Вот так так! Но как хорошо, что вчера женщины и дети улетели. Выбегать ночью на мороз с Кариной и Аллой из ломающегося барака — жуткая вещь.

— Но как же это могло получиться так внезапно, у них ведь ночью имеется дежурный? — задал кто-то вопрос.

— Тут дело получилось путаное, — продолжал рассказывать ПэПэ [Ширшов], — предыдущей ночью тоже шло торошение, и бывший дежурный Киселев всех разбудил. Ну, над ним все днем потешались, обвиняя в излишней осторожности, а то даже в трусости. Этой ночью дежурил Комов. Он то ли не учел

обстановки, то ли боялся насмешек, если тревога окажется напрасной. Ну и прохлопал момент…

…После завтрака все были вызваны на работу к бараку. Две половинки его разошлись вдоль трещины метров на двадцать. Разрезанные стены и открытая его внутренность с нарами и столом, на котором были разбросаны вещи, производили впечатление театральной обстановки. Вокруг валялись груды вытащенных вещей, ложки, чайники, поварешки и прочая хозяйственная утварь. Прежде всего, оттащили в сторону один из спасательных вельботов, нависший кормой над трещиной» (1936, с. 160–161).

Помимо жизнеобеспечения лагеря с его повседневной монотонностью, практически ежедневно (исключая непогоду) надо было поддерживать аэродром в рабочем состоянии.

Грубой физической работой в арктической экспедиции не удивишь ни будущего академика, ни матроса с погибшего судна, перед Арктикой все равны. Но порой Арктика, испытывая человеческое терпение, не только обрекает полярника на долгое ожидание, но и лишает его возможности активной деятельности, заставляя темнотой в разгар полярной ночи или буйством метелей отсиживаться в тесном жилье. Известно, что безделье почти всегда опасно для зимовщиков, порождая духовную апатию и равнодушие к происходящему, чего не было в лагере Шмидта — в значительной мере благодаря его руководителю.

В марте авиабаза спасателей была перенесена на мыс Ванкарем. Заведущий скромной факторией Г. Т. Кривдун, к своему удивлению, неожиданно оказался в центре событий. Теперь вместо привычных торговых операций с местными охотниками-чукчами ему предстояло обеспечить сохранность многочисленных металлических бочек с бензином и маслом, которые доставлялись на мобилизованных чукотских собачьих упряжках из бухты Провидения. А в дальнейшем ему придется принимать и отправлять самих челюскинцев, гарантировав хотя бы минимум жизнеобеспечения.

Пока Ляпидевский восстанавливал свою машину после аварии у острова Колючин, происходило наращивание воздушных сил на подходах к Чукотке. 13 марта с судов было выгружено пять самолетов Р-5 звена Каманина у Олюторского рыбного завода (район мыса Наварин). Оттуда им предстояло добираться до Чукотки. Между тем дела на Аляске разворачивались не лучшим образом. Наш посол в Соединенных Штатах позднее объяснял ситуацию так: «Пока Ушаков, Слепнев и Леваневский добрались до Аляски, мы получили предложение помочь нам в спасении челюскинцев от… Панамериканской компании, от Аляскинской

торговой палаты, помнившей услуги, оказанной нашими летчиками, и, наконец, от американского правительства… Я скажу больше: все, кто сталкивались с нашими летчиками и впоследствии со Шмидтом, помогали чем могли. Посылка авиаторов для непосредственного участия в спасении челюскинцев оказалась невозможной, так как раз в это время американский военно-воздушный флот переживал тяжелый кризис с последовательной гибелью десяти летчиков, направленных в числе других на перевозку гражданской почты… По прибытии в Фербенкс Слепнев и Леваневский занялись приемкой купленных аэропланов и подготовкой их полета на Чукотку» (1934, т. 3, с. 400–401). Отметим, что полярный опыт американских пилотов, особенно в посадках на лед, был минимальным — каких-либо преимуществ перед нашими пилотами они не имели. Неудивительно, что советскую сторону больше интересовали не американские пилоты, а самолеты, имевшие свои преимущества.

14 марта Слепнев и Леваневский с Ушаковым прибыли в Фербенкс на Аляске, откуда на двух американских «флистерах» готовились к перелету через Берингов пролив с представителем правительственной комиссии Ушаковым. 17 марта на усиление спасателей вылетел отряд Галышева (два «Юнкерса ПС-3» и один Р-5) из Хабаровска, чтобы добираться до Чукотки вдоль охотского побережья. 23 марта ледокол «Красин» с двумя разобранными дирижаблями в трюмах вышел из Кронштадта, направляясь на Чукотку через Панамский канал. Сосредоточение этих сил, используя современную терминологию, закончилось на базе подскока в Ванкареме в первых числах апреля.

Между тем в лагере Шмидта продолжалась борьба за выживание, которой, казалось, не будет конца и краю. Дать отдых аэродромным бригадам стало возможно только в последних числах марта. «…Впервые за две недели на аэродром не пошли. Занялись, кто чем. Одни, вооружившись шилом и нитками, чинили валенки, порядком износившиеся в ежедневной ходьбе. Другие возились с благоустройством палаток, требовавших постоянного ухода за собой… Но большинство просто ничего не делало. Сидели в палатках, болтали о чем придется, бродили по лагерю в одних свитерах, многие были без шапок» (Ширшов, 1936, с. 204–207).

30 марта из Нома в Ванкарем на новеньком американском «флистере» вылетел Леваневский, с которым летел Ушаков. Назначение Ушакова определялось его качествами как профессиональными (пять арктических зимовок), так и дипломатическими (политическое освоение новых для страны

арктических островов). Ему предстояло от имени комиссии Куйбышева (то есть партии и правительства) ввести в курс дела Шмидта, ориентировать его на последующее развитие событий, включая возвращение. Полет Леваневского завершился аварией машины в районе Колючинской губы, но с помощью чукчей потерпевшие аварию спустя сутки все же добрались до Ванкарема, откуда Ушаков связался с лагерем Шмидта: «В лагере у аппарата сидел Кренкель, один из моих друзей. Передав ему приветы, я попросил пригласить к аппарату Шмидта. Кренкель мне ответил:

— Я сейчас же передам вашу просьбу товарищу Шмидту, но не знаю, сможет ли он подойти к аппарату.

На мое естественное удивление Кренкель ответил:

— Шмидт читает лекцию по диамату…

…В первом же разговоре по радио я информировал т. Шмидта о мероприятиях, развернутых правительственной комиссией. В это время уже приближался к Панамскому каналу ледокол «Красин». Водопьянов, Доронин, Галышев достигли Анадыря и ожидали окончания свирепствующей метели, чтобы сделать последний перелет до Ванкарема. Каманин, Молоков и Пи-вештейн теми же метелями задержались еще ближе к Ванкарему, в районе залива Креста. Слепневу я дал распоряжение при первой летной погоде вылететь из Нома в Уэлен, а затем в Ванкарем. Из Петропавловске-на-Камчатке выходил пароход «Сталинград» с дирижаблями, аэросанями, вездеходами, походными лодками и понтонами, перегруженными на него с парохода «Совет» (1934, т. 3, с. 19–20).

На рубеже март-апрель авиаотряды Каманина и Галышева лишь приближались к исходной позиции для последнего броска в лагерь Шмидта. Полеты проходили в чрезвычайных условиях не только по арктическим меркам, прежде всего из-за отсутствия карт и необходимого метеообеспечения. Приходилось ориентироваться на чукчей, у которых была своя мера оценки метеоусловий: на охоту идти можно или, наоборот, нельзя… Это не говоря об отсутствии ремонтной базы, когда приходилось рассчитывать только на собственные силы… В результате из пяти машин Каманина до Анадыря 22 марта добрались только три. 1 апреля отряд Каманина предпринял попытку пересечь Чукотский полуостров напрямую к Ванкарему, но был вынужден вернуться из-за сильной облачности, посадив свои машины на побережье залива Креста. Лишь 3 апреля они добрались вдоль побережья до Уэлена, где обнаружили самолет Слепнева, прилетевший с Аляски. (Еще один самолет из отряда Каманина по пути был оставлен для ремонта.) Тем временем отряд Галышева из трех

самолетов достиг Каменского в Гижигинской губе и 4 апреля был в Анадыре, где пурга задержала его почти на неделю. Перед самым вылетом на север выявились неполадки в моторе самолета Галышева. В результате в Ванкарем Водопьянов и Доронин добирались самостоятельно — напрямую над горами Чукотского полуострова, чтобы не опоздать к завершению спасательных работ.

7 апреля в лагере один за другим сели три самолета: Слепнева (доставивший Ушакова), Каманина и Молокова. С этого дня обозначился успех эвакуации, хотя никто не мог назвать конкретной даты ее завершения. Шмидт утвердил ее список. «Положение, профессия или ученая степень не имели в этом списке никакого значения. Рядом стояли плотник, ученый, штурман или кочегар. Последними в списке были радист Кренкель, начальник аэродрома Погосов, капитан Воронин и начальник экспедиции Шмидт. Этот список выполнялся в точности. Исключением был тяжело заболевший Шмидт…» (1934, т. 3, с. 25–26).

Составленный список был вынесен на «всенародное» обсуждение, причем многие захотели улетать последними. По словам Баевского, «…человек 30 категорически заявили, что они улетят в последнем десятке… Создавалось некоторое затруднение, шутя я предложил:

— Объявите, Отто Юльевич, что последние 50 челюскинцев все вместе будут считаться последним десятком, тогда не будет споров.

Отто Юльевич улыбнулся:

— Пожалуй, придется пойти на такое мероприятие» (т. 2, с. 348–349).

Повторялась та же ситуация, отмеченная выше, которая возникла при эвакуации женщин…

Воспоминания Ушакова интересны тем, что он мог сравнить посадку самолета Слепнева и Р-5 из отряда Каманина: «В тот момент, когда я ожидал первого толчка, обычного при прикосновении самолета к аэродрому, машина взмыла вверх. То же самое повторилось при второй и третьей попытках идти на посадку… Опасаясь, что ветер выбросит машину с аэродрома, Слепнев повел самолет, срезая линию направлению ветра. Машина быстро проскочила расчищенный участок, вылетела в ропаки и, уже теряя скорость, начала совершать прыжки… Наконец, машина сделала большой прыжок верх и неподвижно замерла вблизи большого ропака, словно раненая птица, высоко подняв правое крыло, а левое положив на лед… Первой нашей мыслью был осмотр поврежденной машины. Несколько мешали в

этом наши пассажиры — собаки. Поэтому мы немедленно выбросили их из самолета. Это… ввело в заблуждение группу челюскинцев, которая наблюдала с сигнальной вышки лагеря за нашей посадкой… Не зная о нашей судьбе, они старались рассмотреть в бинокль появление живых существ из самолета, но когда эти живые существа появились, челюскинцы невольно стали протирать стекла бинокля: живые существа, вылезшие из самолета, убегали от него на четвереньках. Только потом, когда мы появились в лагере, недоразумение разъяснилось… В то время мы услышали шум моторов и скоро заметили идущие с юга две машины. Это были Каманин и Молоков… Посадка советских машин, обладавших сравнительно небольшой скоростью, сразу создала уверенность в том, что даже при таких неблагоприятных условиях посадки на этих машинах можно будет работать» (1934, т. 3, с. 24–25). Каманину аэродром напоминал ящик с высокими стенками из торосов, а посадка — цирковой кульбит, с которым он успешно справился.

В воспоминаниях челюскинцев 7 апреля «…был праздник ослепительный! И вот этот праздник дорого обошелся челюскинцам… Весь день 7 апреля Отто Юльевич провел на аэродроме. Мороз стоял небольшой минус 16 градусов, но с леденящим норд-остом, силою четыре-пять баллов. Отто Юльевич, одетый в легкую куртку и горные ботинки, сильно продрог. Вечером он еще присутствовал на докладе Ушакова в бараке. Затем слег. К утру температура у него прыгнула к 39°, и больше он уже не вставал» (1934, т. 2, с. 356).

Казалось, столь успешное освоение авиаторами льдов Арктики из Ванкарема сулит быстрое завершение челюскинской эпопеи, но последующие двое суток ознаменовались такими подвижками, что приходилось уже думать не о Большой земле, а о перспективах выживания на арктическом льду.

Авиаторы снова вступили в работу лишь 10 апреля, когда снова летали Молоков с Каманиным и отремонтировавший свою машину Слепнев. За двое суток усиленной работы 12 рейсами в Ванкарем было доставлено 57 человек — больше половины остававшихся в лагере, включая больных, специалистов, чьи знания не находили применения в лагере, и, наконец, почти всех «врангелевцев» — печников и плотников. Наибольший успех выпал на долю Молокова, который 10 апреля сделал три рейса, а на следующий день — все четыре, ухитряясь вывозить до шести человек за рейс, засовывая своих пассажиров в специальные парашютные емкости под плоскостями своей машины.

Впечатления пассажиров в таких «бочках» (чаще всего они фигурируют в воспоминаниях челюскинцев как парашютные

ящики или мешки и даже футляр) описал машинист Мартисов: «Как я себя чувствовал во время своего довольно необычайного путешествия? Чувствовал себя очень хорошо… Сложил руки по швам, двое товарищей взяли меня, подняли и втолкнули меня в футляр головой вперед. Отверстие закрыли, и машина пошла… При подъеме с аэродрома жутко трясло: било то затылком вверх, то носом вниз. Потрясло, потом чувствую, стало спокойно — значит, машина в воздухе. Я сам механик, поэтому меня интересовала работа мотора. Слышу — работает замечательно. Во время полета я только боялся — а вдруг крышка неплотно закрыта… Но все мои страхи оказались напрасными. Прилетел вполне благополучно. Вытащили меня за ноги — и все в порядке. А матрос Миронов говорил мне, что даже пел в ящике» (1934, т. 3, с. 223–224).

Осмелев, тот же метод применил Каманин, усваивая на ходу опыт своего инструктора. Эти новшества позволили, например, доставить в Ванкарем 11 апреля 34 человека — наибольшее количество за все время полетов в лагерь Шмидта. В тот день последним рейсом Молоковым был доставлен на материк больной Отто Юльевич, драматическая эвакуация которого требует отдельного описания. Ушаков, который в этой операции сыграл особую роль, впоследствии писал:

«Положение Отто Юльевича с каждым часом ухудшается. Он часто впадает в бредовое состояние. Температура выше 39°. Вечером я советуюсь с его помощниками и секретарем партийного коллектива. На мое категорическое требование вывезти Шмидта вне всякой очереди они отвечают сомнением. Один из них говорит:

— Придется подождать, пока Шмидт совершенно потеряет сознание. Тогда его можно будет погрузить в самолет и вывезти. До этого момента надеяться на то, что Шмидт согласится оставить лагерь нет никаких оснований.

Давно зная Шмидта, я не мог оспаривать слова товарища, но в то же время я не мог ждать момента, когда Шмидт потеряет сознание… Поэтому на следующий день… я с первой машиной возвращаюсь в Ванкарем и немедленно даю телеграмму т. Куйбышеву о состоянии здоровья Шмидта… Утром 11-го я получаю соответствующее распоряжение и даю поручение т. Молокову вывезти Шмидта из лагеря. Вечером Шмидт вместе с врачом Никитиным уже в Ванкареме» (т. 3, с. 30).

«Смена власти» на льдине, однако, по свидетельству Семенова, проходила весьма драматично: «В палатке произошел примерно такой разговор.

— Как вы, ничего? — сурово спросил Бобров. От волнения он

набрал воздуха в полную грудь и выпрямился во весь свой немалый рост над лежащим во весь свой немалый рост у его ног Шмидтом.

— Благодарю. Ничего.

— Знаете, самолеты работают хорошо. Вывозка идет успешно. Вчера вывезли 22, сегодня 32.

Шмидт слабо кивнул.

— Остаются на льдине 31.

Шмидт опять кивнул.

— Самолеты работают хорошо. Сегодня я отправил литерных.

— Что значит литерных? — поинтересовался Шмидт.

— Литерные — это больные. Сегодня отправил литерного Белопольского… Самолеты работают хорошо — отправил литерного вне очереди.

Шмидт опять слабо кивнул.

— На льдине остались одни здоровые и только один литерный. Это вы. Теперь очередь за вами, как за литерным.

— За мной? — Шмидт даже приподнял голову с мехов.

— Ну да, за вами, — неверным, но строгим голосом подтвердил Бобров.

Он во все глаза смотрел в зрачки Отто Юльевича. Момент, по мнению Боброва, был решающий.

Отто Юльевич опустил голову на меха.

— Нет уж, извините. Забыли условие: я — последний, вы — предпоследний.

— Обстоятельства меняются. Мы же диалектики. Я здоров, а вы больны. Очередь может быть переставлена.

— Нет, Алексей Николаевич, это нельзя. Я — последний со льдины.

Алексей Николаевич начал сердиться… Затем употребил все свое красноречие:

— Отто Юльевич! Поймите!.. Ведь в случае сжатия мы здоровые будем стеснены вашим присутствием. Поймите, палатки могут быть разрушены! Вас же придется держать на морозе! А вы на морозе загнетесь! А если вы загнетесь — это мировой скандал! Нам скажут: вы не могли сохранить начальника экспедиции, когда это можно было сделать! Поймите, Отто Юльевич!

Отто Юльевич задумался.

— Нет, нельзя. Все же я начальник.

Он сказал это нарочито твердо, как всегда говорит больной, изъявляя свою волю. Бобров замолчал. Но через полминуты он повел атаку с другого фланга.

— Какой же вы начальник, если лежите больной? Вы не начальник — вы бесполезный человек в лагере!

Никогда в течение всей своей жизни Отто Юльевич не считал себя бесполезным человеком.

— Что? В чем дело?

— Хватит! — сказал Бобров. — Поначальствовали! Объявляю себя начальником экспедиции.

Шмидт изумился.

— Ну-ну-ну! — сказал он.

— Чего ну-ну-ну? — сердито спросил Бобров. — Вы пойдете у меня литером № 2. Самолеты работают хорошо…

— Позвольте, позвольте, меня же никто не сменял!

— Не сменял? — выкрикнул Бобров. — Ну, что с вами говорить? Нате, читайте!

И он, схватив со стола радиожурнал, подал его Шмидту.

Шмидт внимательно, одну за другою, прочел радиограммы. Их было пять. Шмидт закрыл глаза, прилег на подушку, через полминуты открыл глаза, устремив их на Боброва:

— Что прикажете, товарищ начальник?» (1934, т. 2, с. 363–365).

В описанной ситуации характерны два момента. Первый — никто в ближайшем окружении Шмидта поначалу не пытался принять ответственность на себя. В такой обстановке действия Ушакова с его полномочиями оказалось выходом из положения. Второй — сам Шмидт, понимая свою зависимость от высших инстанций, также не решался определить свою судьбу. Он помнил историю Умберто Нобиле после катастрофы «Италии» в 1928 году, с одной стороны… а с другой — не был уверен в окончательной оценке его деятельности ЦК и лично Сталиным. Отметим, что вывозил Шмидта самый опытный из пилотов Молоков на надежном Р-5, тогда как 12 апреля в Ном больного начальника экспедиции доставлял на более комфортабельном «флистере» Слепнев.

В отсутствие Шмидта эвакуация челюскинцев продолжалась еще двое напряженных суток, к счастью, в приличных погодных условиях. Спасательная авиация получила подкрепление экипажами Водопьянова и Доронина. 12 апреля три рейса сделал Каманин, два — новичок Водопьянов. У другого новичка Доронина на зарубежном «юнкерсе» оказалась поврежденной стойка шасси. Ее ремонт в ледовом лагере занял несколько часов, и на второй рейс просто не хватило светлого времени. Возможности его машины позволяли взять четырех пассажиров, но он решил не рисковать и ограничился двумя, и правильно сделал — уже в воздухе он увидел, что левая лыжа беспомощно повисла на амортизаторе. В своих воспоминаниях он не стал распространяться о том, каким напряжением воли досталась ему

посадка в Ванкареме, завершившаяся благополучно. Хотя этим полетом участие Доронина в спасение челюскинцев ограничилось, впереди пилота ожидала работа по переброске людей из Ванкарема в Уэлен.

Водопьянов действовал более успешно, приспосабливаясь к новой обстановке буквально «на лету». Он принял решение лететь, не дожидаясь напарника, и, получив компасный курс, направился в ледовый лагерь. Спустя немногим более получаса летчик увидал по курсу тонкую струйку дыма, сгущавшегося с каждой минутой — теперь в лагере не экономили топливо. Пилот с облегчением подумал: «Все-таки долетел…» Зрелище лагеря Шмидта он оценил по-своему: «Это же областной город…» Всего в тот день в Ванкарем был доставлен по воздуху 21 человек — из моряков и научных работников, помимо двух последних несостоявшихся зимовщиков с острова Врангеля. На исходе суток 12 апреля в лагере оставалось лишь шестеро его обитателей, эвакуации которых могла помешать только погода.

Настал долгожданный последний день существования лагеря Шмидта. Его описание приводится ниже по воспоминаниям последних обитателей, характеризующих не только сами события, но и настроение людей. Если раньше их общим желанием было поскорее оставить опостылевший лед, то теперь у некоторых появилось отчетливое сожаление от прощания с ним. Все они понимали, что в их жизни заканчивается нечто такое, чему не будет повторения и что, возможно, составит наиболее значительный эпизод в жизни каждого. Последними обитателями лагеря Шмидта стали заместитель Шмидта Бобров (теперь уже в роли начальника), капитан Воронин, два радиста — Кренкель и Иванов, — комендант аэродрома Погосов и боцман «Челюскина» Загорский, один из самых активных сторонников похода пешком к материку. Морская дисциплина, однако, победила в нем былые настроения…

Кренкель отчетливо ощутил красоту полярного пейзажа, в котором он почувствовал первое дыхание наступающей весны. «Вечер незабываемо прекрасный. Полнейший штиль. С вышки отличная видимость на много десятков миль. Изредка чуть-чуть похрустывает лед. Но по радио нам сообщили, что барометр начинает падать. Думаю, что никто никогда не будет так интересоваться погодой, как мы в этот вечер» (1934, т. 2, с. 378).

Вскоре после полуночи Ванкарем сообщил: «Отправляем три самолета. Осмотрите лично лагерь, чтобы в лагере не осталось ни одного человека. Свободное место догрузите собаками, обувью, остальное по вашему усмотрению. До свидания. Петров». Указания на собак и обувь было не случайным, ибо предстояла

переброска эвакуированных в Уэлен и бухту Провидения — частично пешком, когда собаки и обувь были просто необходимы.

«Всю эту ночь, — вспоминал позднее капитан Воронин, — я провел без сна. В палатке горел фонарь. Я зажег примус, вскипятил чаю, вымыл посуду и все аккуратно прибрал, оставив в палатке, по поморскому обычаю, запас продовольствия и вещей, необходимых человеку, который бы вдруг оказался заброшенным на эту льдину. Мне хотелось, чтобы лагерь Шмидта, даже покинутый его обитателями, не был похож на хаотические лагеря иностранных экспедиций, какие мне приходилось видеть хотя бы на острове Рудольфа в 1929 году. С рассветом вышел на воздух. Было ясно. Кругом царило безмолвие. Немного позже радисты сообщили, что за нами летят три самолета… Я стал заделывать вход в палатку, чтобы туда не залез медведь и не разгромил оставленные мной запасы… В это время загудели моторы самолетов: их шум привел меня в себя. Я вытащил нож, взял спасательный круг, стоявший у входа в палатку, и отрезал от него кусок полотна, на котором черной краской было выведено слово «Челюскин»… В лагере я также взял на память флажок — букву «Ч» из свода морских сигналов» (1934, т. 2, с. 381–382).

Последнему коменданту аэродрома Погосову захотелось попрощаться с лагерем. «Хотелось посмотреть на него в последний раз. Дорогу я не узнал. Новые ропаки, торосы, трещины и нагромождения льда. В лагере тоже изменения. От барака не осталось и следа. На груде обломков его брошенный ледяным валом перевернутый вельбот. Камбуз тоже разбит. Через весь лагерь проходит гряда свежих торосов. Палатки пустые, между ними разбросанные чемоданы, вещи, одежда. Кое-где в палатках догорали примуса. В одной из палаток на еще горящем камельке — сковорода с обуглившейся свининой. Всегда оживленный лагерь пуст и заброшен. В радиопалатке Кренкель только что закончил переговоры с Ванкаремом о присылке на завтра трех машин одновременно. Рассказав Воронину и Боброву о работе на аэродроме, я, попив чаю, пошел обратно» (Там же, с. 383–384).

Наиболее интересное описание последнего дня в лагере Шмидта принадлежит Боброву: «Вечером (12 апреля. — *В. К.)* оставшиеся в лагере поужинали, составили план действий на следующий день и отобрали имущество, которое считали необходимым взять с собой. С Погосовым я договорился, что даст к четырем часам утра условный сигнал о состоянии аэродрома и возможности приема самолета, и он отправился к себе на аэродром. В лагере нас осталось пятеро. Загорский погрузил нарты, приготовил их к отправке утром и улегся спать во «дворце

матросов». Я и Владимир Иванович поднялись на вышку. Долго, задрав голову, мы наблюдали за облаками и силились определить, какая будет завтра погода…

… Я обратился к Воронину с вопросом:

— Как, Владимир Иванович, какую погоду можно ожидать назавтра?

И получил исчерпывающий ответ:

— А вот завтра увидим.

Из этого ответа и хмурого вида капитана я сделал вывод, что хорошего ожидать не приходится…

Когда пришли в лагерь, какая-то необъяснимая радость и веселье напали на нас, и мы в пустом лагере пустились в пляс. Картина, очевидно, со стороны была жуткая; два уже не совсем молодых человека (в общей сложности нам около сотни лет) пустились откалывать «трепака», потом обнялись и расцеловались. И только тут я увидал удивленную физиономию Кренкеля, который оказался свидетелем этой непонятной для него сцены. Я убедил Кренкеля, что мы нормальны и просто дали отдушину нашим чувствам. Тут же Владимир Иванович взял с меня слово не разглашать эту неожиданную и непонятную сцену… Когда все улеглись спать, мне вздумалось пройтись. Мрачную картину представлял наш лагерь. Он замер. Нет света ни в одной из палаток. Не дымятся камельки. Двери большинства палаток открыты. Над всем царит тишина… С нетерпением мы ждали условленного часа и вылета Водопьянова… Прошли установленные 45–50 минут, а его нет… На пути к нам между Ванкаремом и лагерем образовалась масса разводий и майн, которые сбили Водопьянова с пути. Он принял испарения за наш дымовой сигнал, отклонился в сторону, поискал нас, не нашел и решил вернуться. Мы очень обрадовались, когда узнали, что он очень благополучно сел. Товарищ Петров, председатель чрезвычайной «тройки», сообщил о подготовке вылета к нам целой эскадрильи из трех самолетов. Как выяснилось потом, эта тройка была снабжена остатками бензина, и если бы они и на этот раз не нашли нас, то летные операции пришлось бы отложить на очень долгое время… К счастью нашему, на этот раз в точно установленное время появился сначала Водопьянов, а затем Молоков с Каманиным… Убедившись, что все самолеты сели благополучно, мы, как было условлено с Ванкаремом, сообщили им об этом. Затем я послал телеграмму правительству о том, что мы последние покидаем лагерь…

Мне пришлось сделать много концов от лагеря к аэродрому, но я никогда с таким чувством не покидал нашей «шмидтовки». Непонятное чувство охватило меня тогда: с одной стороны, было

чувство гордости и радости, что техника и большевистское упорство победили и мы спасены; с другой стороны, как-то жалко было бросать приютившую нас льдину. Из памяти выпали все те беспокойства и неприятности, которые она причиняла нам своими разводьями и торошением. Как-то выпало из памяти и основное — гибель «Челюскина». Со смутным чувством я покидал лагерь. Очевидно, аналогичные чувства испытывали и мои спутники, потому что, не сговариваясь, мы чуть ли не каждые пять минут под тем или иным предлогом останавливались и невольно оборачивались назад — в сторону лагеря… Когда мы прилетели на берег, нас встретили все бывшие в Ванкареме. Объятия, поцелуи… В Ванкареме от Петрова и Бабушкина я узнал, что они пережили тревожную ночь с 12 на 13 апреля, так как барометр быстро падал и предвещал изменение погоды. И действительно, через три часа после того, как нас доставили на материк, поднялась пурга, и она продолжалась несколько дней» (1934, т. 2, с. 386–394).

Челюскинский эксперимент, несмотря на потерю судна и последующие затраты на проведение спасательной воздушной операции, несомненно, сыграл самую важную роль в последующем развитии Северного морского пути.

Во-первых, впервые реальный риск в условиях Арктики (подтвержденный десятками примеров гибели судов и экспедиций) дал такой конкретный и успешный опыт, оправдавшийся в ближайшие годы.

Во-вторых, он привел к разработке специальной судостроительной программы для условий Арктики. Она включала постройку серии специальных мощных ледоколов типа «Ермак» или «Красин», а также ледокольных грузовых судов типа «Дежнев».

Во-третьих, стала очевидной необходимость создать специальную ледокольную службу на наиболее сложных участках трассы. Не случайно с лета 1934 года ледокол «Красин» уже обеспечивал ледовые операции на восточном участке трассы, тогда как «Ермак» работал на западе. Позднее, с увеличением перевозок на транспортных судах, понадобился целый ледокольный флот, который частично удалось построить к началу Второй мировой войны.

В-четвертых, обострилась проблема научного обеспечения арктического мореплавания. Требовалась научная информация с полярных станций и судов ледового патруля, а также внедрение в практику мореплавания регулярного ледового и погодного прогноза. Соответственно, количество полярных станций по трассе Северного морского пути за время с 1932 по 1935 год

возросло с 16 до 38. Это само по себе уже показательно для развития полярной науки.

В-пятых, выяснилась необходимость специальной полярной авиации для работ в условиях Арктики в любое время года с баз, находящихся непосредственно в условиях высоких широт. Это привело к созданию в системе ГУ СМП специального подразделения — Управления полярной авиации.

В-шестых, был получен опыт длительного пребывания на дрейфующем льду большого количества людей, использованный позднее при организации дрейфующих научных станций СП.

Разумеется, потеря судна остается потерей… Но если учесть, что после 1920 года на трассе Севморпути погибло десять грузовых судов (включая «Челюскин») из тысяч, бороздивших воды на пространстве от Новой Земли до Берингова пролива, то, с точки зрения профессионала-полярника, считать поход «Челюскина» только неудачей язык не повернется…

Приведенным перечнем организационно-технических мер дело не ограничилось. На фоне партийных пропагандистских мероприятий Шмидт объявил призыв в Арктику нескольким поколениям советских людей, открыв для них возможности профессионального роста и новое поле деятельности, во многом нетрадиционное, включая новые профессии — моряка-ледокольщика или ледового разведчика. Не случайно в университетах Москвы и Ленинграда вскоре появились кафедры североведения, готовившие специалистов полярного профиля. В массовом сознании советского человека предвоенного времени Арктика сыграла такую же роль, как в послевоенное время космическая тема, породив свою культуру и литературу.

Триумфальное возвращение участников ледовой эпопеи показало, что народ воспринял события в Чукотском море как собственное торжество, а партия — свое: подобное тридцать лет спустя повторилось с полетом Гагарина. Финал ожидал челюскинцев на Красной площади столицы с участием Политбюро и даже проведением военного парада. Партийный советский официоз увидел реальные достижения плавания «Челюскина» в том, что «…коммунисты доподлинно выполнили в ледяной эпопее роль авангарда… Челюскинская эпопея показала всему миру, с какой настойчивостью и талантливостью народы Советского Союза борются за светлое будущее человечества. И они победят! Порукой тому наша ленинская партия, ее Центральный комитет, ее гениальный вождь Сталин» (1934, т. 1, с. 4, 9). Воистину каждому свое… Несомненно, для каждого челюскинца, включая Шмидта, эта эпопея стала еще и личной вершиной.

В Москве даже планировалось сооружение монумента в память эпопеи челюскинцев, однако (по словам известного поэта) «…хоть они порою были и герои, не поставят памятника им». Партия не посчитала необходимым выполнять собственные обещания, когда арктическая тема в пропаганде исчерпала себя… Таким был последний штрих в незабываемой челюскинской эпопее, ставшей частью российской истории.

Глава 8
1934–1936 годы. Накануне

Меня опять во исполненье долга,
Влекут туда и мысли, и мечты

У. Шекспир

Эти строки великого англичанина полностью применимы к событиям в Советской Арктике середины 30-х годов прошлого века. Наука и практика в освоении высоких широт под руководством Шмидта шли рука об руку, вызывая, в зависимости от отношения к режиму, установившемуся в стране, восхищение одних и удивление других. Казалось, заявки партийного руководства на особую роль партии в переустройстве страны, а затем и всего мира получают реальное доказательство на примере освоения наименее приспособленных для существования человека территорий и акваторий высоких широт. Причем особое внимание оказывается науке…

Однако начнем с практики мореплавания по трассе СМП на основе предшествующего опыта.

С возвращением Шмидта после завершения челюскинской эпопеи планы на навигацию 1934 года на Северном морском пути выглядели следующим образом: «Из Мурманска на Лену должна была отправиться транспортная экспедиция в составе трех грузовых пароходов и одного ледокола; «Седову» следовало заняться научно-исследовательскими работами в северной части Карского моря; «Садко» направлялся на Северную Землю, «Русанов» — в бухту Прончищевой, «Сибиряков» к мысу Челюскина; отдельная экспедиция будет работать в Карских Воротах; для гидрографических работ в море Лаптевых предназначалась шхуна «Темп»; наконец, большие морские операции проводились на крайнем востоке Советской Арктики» (Визе, 1946, с. 155). Этот первоначальный план позднее был дополнен рейсом «Литке», с возвращением его на запад (поскольку во Владивостоке остался «Красин», готовый летом вести проводку транспортных судов в акваториях Чукотского и Восточно-Сибирского морей). Белов считает: переброска «Литке» на запад была связана с тем, что ГУ СМП «…собиралось открыть

регулярные арктические навигации по всему Северному морскому пути с лета 1935 года.» (1969, с. 151).

Практически все эти намерения были выполнены в полной мере, включая поход «Литке» (капитан Н. М. Николаев, руководитель научной группы В. Ю. Визе), который не только благополучно прошел в Мурманск, выполнил определенную научную программу, но и помог выбраться из ледового плена трем судам Первой Ленской экспедиции, зазимовавшим у побережья Таймыра. Ледовую разведку для «Литке» проводил на крохотном Ш-2 пилот Куканов, получивший большой опыт летной работы еще на Чукотке в предшествующие годы. Белов считает, что «…поход «Литке» был своего рода генеральной репетицией, проверкой готовности Северного морского пути» (1969, с. 158) для регулярного мореплавания, разумеется, с учетом накопленного ранее опыта.

Всего в навигацию 1934 года (продолжавшуюся с 14 июля по 25 октября) в Арктике плавало 85 морских судов, из них 34 под флагом Главсевморпути. «В коммерческой навигации принимали участие 25 иностранных пароходов и 16 грузовых судов, зафрахтованных у Наркомвода. Грузооборот 1934 года составляет по экспорту сибирского леса около 110 000 тонн и около 55 000 разного генерального груза. Карскими судами были завезены на остров Диксон и Игарку 10 000 тонн генеральных грузов и угля, а судами Ленских экспедиций заброшено в Якутию около 7500 тонн различных грузов. Число полярных станций в советском секторе Арктики уже перевалило за сорок… Личный состав полярных станций насчитывает свыше 500 человек» (БАИ, 1935, № 1, с. 3). Очевидно, Главное управление Северного морского пути оказалось не просто жизнестойкой организацией, но и способной активно работать в отсутствие руководителя. Это весьма показательно: сам Шмидт в связи с челюскинской эпопеей оказался надолго оторванным от организационных дел в ГУ СМП.

Это, в частности, подтвердила сессия Ученого совета ВАИ в декабре 1933 года, которую провели заместитель начальника ГУ СМП Ушаков и директор ВАИ Самойлович. Пока Шмидт дрейфовал на обреченном судне во льдах Чукотского моря, его избрали почетным председателем сессии, чтобы подготовить планы научного освоения Арктики ко времени возвращения шефа на Большую землю. С развернутыми докладами по различной тематике (включая обзор достижений по итогам Второго Международного Полярного года 1932–1933 годов) выступили не только работники Главсевморпути и Арктического института, но и многочисленные гости из родственных организаций, проводивших свои исследования в Арктике. В любом случае ГУ

СМП с Арктическим институтом выступали как ведущие головные организаций, что подтверждалось в резолюции, принятой по итогам сессии.

Суть этих решений заключалась в следующем: ВАИ должен был объединить все научные изыскания, выполняемые различными подразделениями ГУ СМП. При этом гидрографические и гидрологические исследования должны были предшествовать эксплуатационным рейсам, особенно на востоке Севморпути, где судов для выполнения намеченной научной программы не хватало. ВАИ брал на себя обязательства создать геологическую карту на советский сектор Арктики и намеревался вести активные геолого-поисковые и разведочные работы на различные полезные ископаемые, в первую очередь — уголь и нефть.

После возвращения Шмидта из Америки летом 1934 года в системе Главсевморпути было образовано Политуправление во главе с бывшим чекистом Сергеем Адамовичем Бергавиновым. С ним Шмидт познакомился еще в Архангельске во время экспедиций 1929–1930 годов, когда тот возглавлял Севкрайком ВКП(б). Известно, что бывший чекист отличался крутым нравом и мог в качестве последнего аргумента продемонстрировать револьвер, не остававшийся у него без дела. Очевидно, уроки «Челюскина» в части пропаганды были оценены наверху в полной мере, и теперь освещение деятельности ГУ СМП должно было еще проходить под партийным контролем наравне с повседневной работой.

Лето 1935 года Шмидт впервые за многие годы провел вне Арктики. Практически одновременно с переездом Академии наук из Ленинграда в Москву решением Политбюро от 20 апреля 1935 года постановлялось «…удовлетворить просьбу Президиума Академии наук о включении т. Шмидта О. Ю. кандидатом в действительные члены Академии наук… Принимая во внимание исключительные заслуги, Президиум постановил просить Совнарком СССР разрешить Академии наук принять это заявление… в ускоренном порядке» (Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) — КПСС. 1922–1991,2008, с. 167–168).

Не секрет, что любой академик тратит много времени на организационную работу, помимо чисто научной, отмеченной многими его коллегами и соратниками. Так, Дзердзеевский (1959), оценивая роль Шмидта в качестве ученого-геофизика, отмечает, например, «…создание геофизического отдела в Институте географии, которое как бы являлось показателем комплексности поставленных им перед институтом задач и

методов их решения» (1959, с. 221). Отдел сыграл роль предшественника будущего Института теоретической геофизики Академии наук СССР.

Институтом географии в то время руководил будущий (с 1939 года) академик А.А. Григорьев, явившийся новатором в своей сфере деятельности. У него имелся собственный экспедиционный материал по исследованиям на Кольском полуострове, в Большеземельской тундре в бассейне Печоры и в Якутии. К сожалению, наметившееся было сотрудничество двух крупных интеллектуалов не получило своего развития. Это произошло по многим причинам. Сама работа Главсевморпути требовала от Шмидта частого присутствия в высоких широтах. Однако, взгляды обеих корифеев на проблемы географии того времени во многом совпадали. Поскольку, по Григорьеву, главным в географии становилось взаимодействие трех сред: земной коры, Мирового океана и, наконец, атмосферы, для Шмидта с его математическим аппаратом открывались свои перспективы. Тем более что физики с подобными многократными природными взаимосвязями предпочитали не связываться…

Несмотря на отсутствие Шмидта в Арктике, летняя навигация 1935 года прошла весьма успешно. Всего в ней участвовало более ста судов, причем сквозные плавания с востока на запад и в обратном направлении выполнили по два грузовых судна, а еще один пароход («Рабочий», капитан Панфилов) успел из Архангельска достичь Колымы и благополучно вернуться на запад до закрытия навигации. Соответственно, план грузоперевозок был перевыполнен на 13 %, достигнув более 200 тысяч тонн. Экономическая целесообразность подобных сквозных транспортных операций оставалась сомнительной, но снабжение морским путем Якутии выглядело перспективным.

Итоги навигации позволили руководству Главсевморпути рапортовать партии и правительству в статье о своих достижениях под характерным заголовком «Северный морской путь превращается в нормально действующий путь» («Правда», 22 октября). Статья завершалась такими словами: «Мы заверяем великого знаменосца ленинизма — Сталина, партию, правительство и нашу родную Красную Армию, что весь отряд полярников отдаст все свои силы и опыт для дальнейшего претворения в жизнь директивы партии… Путь, полностью проходящим по внутренним водам Советского Союза, будет расти и крепнуть на благо нашей социалистической родины». Как показало ближайшее будущее, авторы этого бодрого рапорта забыли заголовок работы Великого Диктатора под характерным заглавием «Головокружение от успехов»… Отметим также

несвойственный для Шмидта стиль в подаче достижений, не совпадающий с его предшествующими статьями на арктические темы. Определенно в этом сказалось влияние Политуправления ГУ СМП во главе с Бергавиновым.

Однако в Арктике хватало и реальных свершений. Первая высокоширотная экспедиция на ледокольном пароходе «Садко» (капитан Николаев, начальник экспедиции Ушаков, научный руководитель Зубов) охватила своими наблюдениями акваторию Северного Ледовитого океана от Шпицбергена до Северной Земли. Удалось объяснить проникновение атлантических вод в Карское море, причем с самого неожиданного направления — из Центрального Арктического бассейна по подводным долинам Святой Анны и Воронина, рассекающим Карский шельф по меридиану. Правда, доказать прагматикам чиновникам ценность подобных открытий для прогноза ледовой обстановки было, разумеется, непросто. Тем не менее результаты Первой высокоширотной экспедиции на «Садко» с ходу были использованы при составлении очередной лоции Карского моря, включая новую карту глубин этой акватории. На ней впервые были обозначены эти подводные долины. С гидрографическим обследованием «Малыгина» в Русской Гавани на Новой Земле было, естественно, проще — карта глубин сама по себе достаточно наглядна и тут же получила поддержку моряков. Хотя суда «Персей» и «Книпович» относились к другой организации, но выполненная ими в сотрудничестве с ВАИ гидрологическая съемка в Баренцевом море вплоть до широты полуострова Адмиралтейства, несомненно, пошла в плюс освоению Арктики, вне зависимости от ведомственной принадлежности.

На материке основные геолого-разведочные работы были перенесены на арктическое побережье, ближе к трассе Севморпути, причем для района Чаунской губы на Чукотке было доказано присутствие промышленного олова.

Этот перечень можно продолжать, но одновременно выявились серьезные недостатки, мешавшие дальнейшему развитию этого направления. Например, произошла история с так называемыми «точками Серпухова» — местами первых находок богатой оловянной руды — кассетерита, обнаруженного этим геологом на Чукотке во время зимовки 1933–1934 годов. Из-за неудовлетворительной привязки на местности на основе плохой глазомерной съемки, позднее так и не удалось найти места этих богатых находок — это был горький, но и весьма полезный опыт на будущее.

Среди других событий в деятельности ГУ СМП в 1935 году важное место заняло начало издания политико-экономического

журнала «Советская Арктика», естественно под эгидой Политуправления ГУ СМП. Первый номер этого печатного органа увидел свет в августе 1935 года, причем открывала его речь Сталина на выпуске командиров Красной Армии со знаменитым лозунгом «Кадры решают все», коим советскому человеку (включая полярников) надлежало руководствоваться как на работе, так и в повседневной деятельности.

Затем Шмидт выступил с обращением «К работникам Севера», в котором призвал полярников «…делиться друг с другом своим опытом, освещать стоящие перед нами задачи, углублять и улучшать нашу работу», поскольку «наша партия, наше правительство проявили исключительную заботу о Севере… Какие выводы вытекают для нас из этой особого внимания родины к нам?

Прежде всего — это наше глубокое чувство благодарности, беспредельная преданность нашей партии и правительству…

Второй вывод — мы не должны зазнаваться…

Третий вывод — не растерять любви и уважения трудящихся нашей родины. Никакие прошлые заслуги не помогут…

Будем же достойны оказанного нам доверия! Выполним задание тов. Сталина — сделаем Северный морской путь нормально действующим путем мореплавания, сделаем Север нормально развивающейся и обжитой частью нашей великой и богатой родины!» (с. 9–11).

Это означало, что Шмидт, принимая спущенные сверху партийные указания-заклинания, не собирался вступать с представителями партпропаганды и политпросвета в дискуссии, по крайней мере в пределах собственной организации. Вместе с тем он отчетливо понимал, что только собственная инициатива позволит ему сохранить определенную независимость в своей деятельности в Арктике. Что касается приведенных цитат, то, как будет показано ниже, есть серьезные основания сомневаться в их авторстве. Уже потому, что они резко отличаются по стилю от предшествующих публикаций Отто Юльевича. Но верно и то, что он соглашался с трактовкой событий, которую предлагали политорганы, как это проявилось еще в трехтомнике «Челюскианы». Не мог не соглашаться…

Следующая статья «Существо работы политотделов» принадлежала «комиссару» Бергавинову и объясняла, как наилучшим образом достичь выполнения установок вышестоящих руководителей путем укрепления партийной работы, опираясь на решения партийных органов сверху донизу. В тексте намекалось на присутствие в среде полярников недостойного элемента — бывших царских офицеров и даже жандармов. Отсюда — призыв к

классовой бдительности.

Затем в порядке очередности следовали статьи начальника Морского управления Крастина «Северный морской путь в эксплуатации», двух прогнозистов — Н.Н. Зубова («Проблема долгосрочных ледовых прогнозов») и Б. Л. Дзердзеевского («Служба погоды и ее работа в Арктике»), что было вполне по делу и, главное, отвечало направлению деятельности ГУ СМП. Статьи Т. Т. Литвинова и М. Ф. Зяблова «Проблемы геологоразведочных работ на Севере», а также Н.Н. Урванцева «Хатанга — новый горно-промышленный район» были посвящены проблемам поиска полезных ископаемых в зоне ответственности ГУ СМП. Подобная тематика, несомненно, свидетельствовала о повышенной наукоемкости новой организации и ее привлекательности для образованных специалистов, включая остатки былой российской интеллигенции.

После указа ЦИК СССР о награждении Р. Л. Самойловича орденом Ленина за «плодотворную работу по изучению полярных районов (Арктики)» следовал краткий биографический очерк и статья орденоносца «Пятнадцать лет научной работы в Арктике». В ней отразились определенные интеллигентские сомнения автора в попытке увязать и согласовать привычное ресурсное направление с новым прогнозным. Да и в ресурсном направлении обозначилась своя проблема — как обеспечить предстоящие геологические съемки (они основа разведки полезных ископаемых) топографическими картами на перспективные районы, которые все чаще приходятся на белые пятна? Эта статья представляет собой раздумье о предстоящей непростой работе по новому генеральному направлению, поскольку новая транспортная артерия — не просто путь, соединяющий Белое море с Беринговым проливом, но еще и дорога для будущих грузопотоков минерального сырья. Правда, его еще только предстояло обнаружить, определить запасы и произвести необходимые экономические подсчеты, зависящие от потребностей страны и мировой конъюнктуры.

Приведенные примеры характеризуют направленность этого журнала, пользовавшегося популярностью среди полярников.

Из других событий того времени необходимо отметить также создание собственного издательства Главсевморпути — для публикации специализированной полярной литературы. В первую очередь трудов полярных исследователей и путешественников, преимущественно иностранных, начиная с описания плаваний голландского моряка Виллема Баренца и кончая солидными томами Нансена и Амундсена. Хуже обстояло дело с изданием наших собственных — российских и особенно советских —

исследователей. Сыграли роль прежде всего цензурные соображения: в эпоху Большого Террора можно было оказаться во владениях ГУЛАГа не только в качестве бывшего автора, но и редактора.

Продолжал выходить Бюллетень ВАИ, освещавший достижения исследователей Арктики за предшествующие годы, которых было немало. Однако их реализация непосредственно в хозяйственной деятельности в ряде случаев оставалась под вопросом. Особенно это относилось к результатам разведок полезных ископаемых: для них научное освоение требует продолжительного времени, а такое для «компетентных органов» давало порою повод для применения пресловутой 58-й статьи УК. Подобная ситуация интересовала и специальную комиссию из Политуправления ГУ СМП, обследовавшую ВАИ. Ее члены нередко исходили из спущенного «сверху» положения: сопротивление остатков классового врага нарастает! Довести же до сознания поверяющих, что возможности оленьих пастбищ на Новой Земле не позволяют превратить ее во всесоюзную оленеводческую ферму, было непросто. Также было невозможно объяснить не слишком грамотным партийцам, что геологическим съемкам должны предшествовать топографические, что реализация геологических теорий на практике даже на материке требует десятилетий и т. д. и т. п. Часто членам комиссии было проще объяснить недостатки в работе происками притаившегося врага…

Хотя Отто Юльевич после челюскинской эпопеи временно перешел на стиль работы советского администратора, убранство его кабинета с бронзовой корабельной люстрой в здании Главсевморпути на Варварке (всего в 15 минутах пешком от Кремля) напоминало об ином. «Шар из толстого граненого хрусталя спускался на двух массивных бронзовых цепях. Смотришь, и кажется, что он вот-вот качнется… В кабинете тесно. Массивная мебель, посредине два огромных стола. На одном из них под стеклянным колпаком модель нового ледокола. Стены завешены картами Арктики. По тесноте, по люстре, по картам, по тщательной чистоте, которая бывает только на пароходах, комната напоминает корабельную каюту. Так выглядел рабочий кабинет исследователя Арктики, академика Отто Юльевича Шмидта, бывшего в те годы начальником Главсевморпути» (Водопьянов, 1954, с. 97). Здесь-то и рождались те самые планы, которым в обозримом будущем предстояло изменить наше представление об Арктике.

Объявленные на навигацию 1936 года планы (БАИ, 1936, № 1) составили обширную программу: «В этом году сквозное

плавание совершат 8 пароходов, из них 6 из Ленинграда во Владивосток и 2 в обратном направлении. Общий грузооборот на Севере составит 280 тысяч тонн. В операциях 1936 года, как и в прошлом году, будут участвовать все наши ледоколы и ледокольные пароходы. Проводкой судов будут заниматься «Ленин», «Ермак», «Литке» и «Красин», расставленные на тех же участках, как и в прошлом году. Ледокольные пароходы («Садко», «Малыгин», «Седов») займутся научными работами. Ледоколы «Сибиряков» и «Русанов» будут заняты обслуживанием полярных станций. На грузовые перевозки ставятся свыше 25 пароходов. Кроме того, на Северном морском пути будет работать большое количество зверобойных и гидрографических ботов» (с. 1–3). По понятным причинам в этом перечне мероприятий отсутствовал первый поход боевых кораблей из Кронштадта до Владивостока, о котором детальнее будет рассказано ниже.

Начало 1936 года было отмечено совещанием хозяйственных работников системы Главсевморпути в январе 1936 года, обнажившим целый ряд упущений в деятельности этой организации. В противовес недавнему победному рапорту в «Правде» это звучало определенным диссонансом. В своем выступлении Шмидт неожиданно заявил: «Мы Север недостаточно знаем, как это ни странно, как это ни обидно. Север велик, но и мы там не первый год работаем. Руководитель нашего Арктического института т. Самойлович в прошлом году праздновал 15-летие научной работы на Севере. Он сам геолог. Мы имеем Урванцева и ряд других геологов. Но знаем ли мы Север геологически?..

Знаем расплывчато, недостаточно. Характер геологических работ еще не тот, который нужен» (с. 23). Он заявил, что «… качество геологических экспедиций неудовлетворительно» (с. 24), и сделал вывод: «Я в большой претензии к нашей науке. Так уж, Рудольф Лазаревич, выходит…»

На фоне призывов «пятилетку в четыре года» сказать, что отпущенные сроки нереальны, Самойлович не посмел. В отличие от Шмидта, владевшего искусством говорить «наверху» то, что там желали услышать, Самойлович этим даром не обладал. В своем выступлении наряду с дежурными заклинаниями («Советская наука должна давать полноценную продукцию, она не должна быть абстрактной, кабинетной наукой; она должна служить делу социализма, делу коммунизма»; и далее: «За пределами Советского Союза научно-исследовательская деятельность советских полярников в арктических областях пользуется хорошей, а в некоторых случаях — прекрасной репутацией» (с. 180) и т. д.) он словно заранее расписывался в

неудачах ВАИ («научная деятельность в Арктике проходит неудовлетворительно… она слишком абстрактна, не дает практических указаний для оперативных мероприятий на местах…», «… экспедиции посылаются от случая к случаю…» (с. 180)…»подведения научного метода под мероприятия Главсевморпути со стороны Всесоюзного Арктического института не было» (с.181) и т. д.). Видимо, он имел в виду прежде всего состояние геолого-разведочных работ: внедрение научных разработок в практику добычи полезных ископаемых — дело долгое. Самойлович выделил 6 перспективных районов: Пай-Хой и Северный Урал (цинк — свинец, пьезокварц, медь, золото и др.), Северный Таймыр (нефть), Хатангско-Енисейский (нефть, соль, уголь), Нижнетунгусский (уголь, железо), Верхоянский и Чукотский (олоро). Рудольф Лазаревич сослался на своего заместителя Урванцева, подсчитавшего, что для картирования 6 миллионов квадратных километров советских арктических территорий в масштабе 1:1 000 000 потребуется до 25 геологических партий общей численностью почти 600 геологов на протяжении почти 20 лет. А это, разумеется, было значительно выше возможностей и ВАИ, и его геологического отдела. И это не считая отсутствия необходимой топографической основы, поскольку топографы должны опережать геологов…

Даже сильные стороны в деятельности Арктического института (например, прогнозные достижения, начало картирования ледовой обстановки и многое другое) Самойлович не смог подать должным образом: «Я только повторяю слова Отто Юльевича, сказанные им на нашем общем заседании в Ленинграде, — по гидрологии мы работали тоже от случая к случаю, то там, то здесь… у нас не было общей идеи, которая охватывала бы все гидрологические работы… Нам нужно помочь, ибо без судов, которых в Арктическом институте нет, мы справиться не можем. Дело идет о гидрологической съемке арктических морей, то есть об изучении всех основных элементов, характеризующих физико-химические свойства, динамические процессы в морях и т. д.… Второй огромной проблемой… является изучение сезонных и многолетних колебаний гидрологических элементов в арктических морях… Мы не имеем судов, на которых можно было бы работать (с. 187–189)… О значении, которые имеют метеорология и аэрология, на этом совещании говорить не приходится… Справляемся ли мы с возложенными на нас задачами в настоящее время? Нет, в настоящее время не справляемся. Нужно сказать, что и количество сотрудников у нас для этого недостаточно… Те, которые работают, работают, я бы сказал, не только по-

стахановски» (с. 190–191). Материалы наблюдений полярных станций оседают в пределах территориальных подразделений — Рудольф Лазаревич обратил внимание, что часть наблюдений полярных станций не попадает в ВАИ своевременно, застревая в подразделениях ГУ СМП в Якутске и Владивостоке на годы.

Председательствующий Янсон (руководитель Морского управления ГУ СМП) возмутился: «Нельзя сказать, чтобы по количеству у вас было немного народа. У вас 240 или больше человек в институте. Это — не малое количество. Если бы это были действительно научные сотрудники, хорошие работники, какие бы горы можно было с ними сдвинуть!.. Относительно дисциплины — у вас дело слабо поставлено. Лодырей много, если сказать по-русски» (с. 191). Как часто руководители (особенно не слишком компетентные) пытаются в научной сфере исправить недостаток интеллекта дисциплинарными мерами!

На этом фоне проблемы отдела оленеводства или издательства занимали лишь незначительное место и т. д.: «Несколько слов о промысловом и охотничьем деле: в этом отношении ничего радостного сказать не могу» (с. 192); «Чем занимается наш промыслово-биологический отдел? Во-первых, хозяйственным освоением озер Большеземельской тундры… освоением Обско-Гыданской губы… Нужно от экспедиционных способов работы, весьма неудовлетворительных, кратковременных, перейти к организации зональных станций при теруправлениях с сетью опорных пунктов» (с. 193) и т. д.

Одновременно выявились серьезные противоречия даже у крупных специалистов. Так, коллега Самойловича Урванцев, начав свое выступление констатацией очевидного: «Основной задачей Арктического института является подведение научной базы под задачи промышленного освоения Арктики» (с. 201), затем нанес удар непосредственно по Рудольфу Лазаревичу, видимо, рассчитывая направить ассигнования в желательном направлении: «Работа по изучению Новой Земли носила явно гипертрофированный характер по отношению к остальным работам в Арктике. Это объясняется тем, что на Новой Земле начал работу Институт по изучению Севера, создались кадры, которые сидели только на одной Новой Земле и только тут видели Арктику» (с. 203).

Под занавес среди уставших чиновников раздался вопль души члена-корреспондента Академии наук Визе, забывшего, среди кого он находится: «Я коснусь вопроса об изучении наших арктических морей… У нас нет ни одного арктического судна… За 7 лет институту удалось организовать только одну самостоятельную научную экспедицию на ледоколе «Седов» в

1934 году… В течение 7 лет моей работы в Арктике (в составе ВАИ. — *В. К.)* я участвовал в экспедициях только на «попутных» судах. Все наши гидрологи, которые в настоящее время культивируются в Арктическом институте, базировались именно на этой «попутнической» работе… Дайте нам суда, чтобы мы могли работать и изучать наши моря планомерно и систематически так, как этого требуют интересы освоения Арктики» (с. 208–209). Смысл выступления Визе — успехи достигнуты вопреки отсутствию специальных научных судов… Отпор со стороны управленцев не замедлил последовать, причем оппоненты Визе не стеснялись передергивать и смещать акценты, подменяя порой тему протеста Визе, — это достаточно очевидно…

Шмидт не мог также пройти мимо заявки Визе, по сути, однако, признав его правоту: «…Не обязательно иметь суда, как требовал профессор Визе. Я очень огорчен выступлением Владимира Юльевича Визе. Даже с точки зрения узких интересов науки и то его выступление неверно. Если бы мы решали задачи гидрологии только на судах Арктического института, на судах, приданных для этой цели, то мы не имели бы, Владимир Юльевич, сквозного рейса «Сибирякова» не имели бы Северного морского пути, а болтались бы до сих пор у берегов Новой Земли» (с. 218).

Но главное внимание он уделил проблеме Арктического института, практически лично самому Рудольфу Лазаревичу: «Последним мы обсуждали вопрос о науке, и недаром наука включена в план нашего совещания. Я в своем докладе подчеркнул, что одним из условий нашего успеха в Арктике является то, что мы базировались на солидной, серьезной научной основе — иначе Арктику завоевать нельзя. Но теперь уровень нашей научной работы нас уже не удовлетворяет, и поэтому он и подвергся здесь на совещании суровой критике.

…Если даже допустить, что средний уровень накопленных научных материалов и самих работников достаточно высок, то все же реальная эффективность этой научной работы оказалась довольно низкой потому, что не концентрировали исследования на том, что важнее всего, потому что не было общего плана…

…Это требует выбора решения задач. Я очень рад, что Рудольф Лазаревич мог сегодня доложить, что планы геологической съемки, геодезической съемки, морской съемки уже заканчиваются. Хотелось бы их скорее увидеть, услышать и утвердить в нашей системе, а может быть, и доложить Совнаркому, чтобы высший орган их утвердил. В пределах этого плана мы выделим те объекты, на которых должны сосредоточить

свои усилия» (с. 216).

И далее: «Одно из несчастий Арктического института — это то, что оперативного руководства не было. Руководство там авторитетное, давало полезные советы, но оно не было оперативным; поскольку экспедиция уехала, никто ею не интересовался. Например, представляет научный сотрудник более или менее грамотную записку о том, что он надеется изучать… Вместо того чтобы внимательно просмотреть план, подсчитать, реален ли он, мы имеем немало случаев санкционирования подобных документов. Хуже всего, что никто не интересуется, как же выполняется намеченный план» (с. 217–218).

Строго говоря, Шмидт правильно оценил значение оперативного руководства в условиях Арктики, но не смог предвидеть, как эта проблема спустя всего полтора года обернется против него! В любом случае он оценил главное — в полярной науке наметился кризис, причем в первую очередь организационного характера, присущий всей системы ГУ СМП (и не только!). Но как показало ближайшее будущее, вместо решения обозначившихся проблем принялся за решение новых, оставив подчищать «хвосты» своим подчиненным…

Что касается обеспечения ВАИ запросов практики, то оно проходило по двум направлениям.

Первое — транспортное — во многом зависело от качества прогнозов. Но, несмотря на жалобы Визе, ВАИ в то время обеспечивал своими ледовыми прогнозами мореплавание по трассе СМП и полярную авиацию достаточно удовлетворительно. Что касается погодного прогноза, то с созданием сети полярных станций чуть ли не главным препятствием на пути его совершенствования становился слишком короткий ряд наблюдений. Особых претензий именно к прогнозному направлению Шмидт так и не высказал.

Второе — ресурсное направление, вызвавшее его критику, требовало совсем иного подхода. Даже проведенные исследования нередко давали отрицательный результат, который традиционно не любят «в верхах». Например, ко времени проведения совещания выяснилась малая оленеемкость ягельных пастбищ Новой Земли и в связи с этим отпали надежды на широкое развитие оленеводства на этом архипелаге. В то же время поиск полезных ископаемых в большинстве случаев требует десятилетий — так было с добычей золота на Северной Земле или полиметаллов на Новой Земле, не говоря уже о перспективах добычи углеводородов на Баренцевоморском шельфе.

Поэтому давление, которому Шмидт подверг Самойловича по последнему вопросу, в наше время, с нашим историческим

опытом, не выглядит обоснованным… как, впрочем, и «покаянная» позиция Рудольфа Лазаревича, видимо, связанная с отсутствием единства среди геологов ВАИ. Выступление Урванцева вполне конкретно объясняется стремлением получить ассигнования, ранее расходовавшиеся на Новой Земле, для изучения Таймыра, Нордвика и Хатанги, которые, как мы теперь знаем, тоже не дали быстрой отдачи, в отличие от Норильска. Проведение геологических исследований (основой которых являются геологические съемки) задерживалось также отсутствием необходимой топографической основы: накануне Великой Отечественной войны карта покрывала всего 13 % нашей арктической суши (18 % всей территории страны) (Гаккель, 1945).

Реакция на прозвучавшие со стороны ученых критические замечания в адрес ВАИ не задержалась. Геологический отдел в 1936 году закончил три крупных монографии по геологической изученности Советской Арктики (руководитель И. П. Атласов), представлявшие обзор выполненных ранее работ с приложением списка литературных источников. На новой основе была составлена геологическая карта Советской Арктики (руководитель М. М. Ермолаев при редакторе С. В. Обручеве). В тот год «в поле» работало 11 экспедиций, причем в Чаунской губе были обнаружены новые проявления олова, как и пьезокварцев на Полярном Урале, сульфидов на Чукотке. На Новой Земле заканчивал свои работы А.А. Петренко, на Пай-Хое работали Н.А. Кулик и А.В. Хабаков, на Нижней Тунгуске — В. П. Тебеньков, на Пясине — Н.Н. Мутафи, в Центральной Чукотке — Н.А. Меньшиков. Большие сдвиги произошли в камеральной обработке.

Картографический отдел (много работавший одновременно с геологами-съемщиками «в поле») закончил также составление 10 листов в масштабе 1: 1 000 000 на Чукотку и Аено-Хатангский район, продолжая работу над картой Арктики в масштабе 1:1 000 000.

Гидрологи работали как на море, так и на реках. Только экспедиция К. Н. Гомоюнова в Карском море на э/с «Нерпа» в акватории между Диксоном и Новой Землей выполнила 106 гидрологических станций. Продолжались работы по съемке течений в проливе Югорский Шар. Большое внимание уделялось рекам Пясине, Хатанге, Анабаре, Индигирке, Яне и Колыме. Производство одновременной съемки задерживалось отсутствием судов. По этой причине работа Второй высокоширотной экспедиции на «Садко» была выполнена лишь частично: судна использовали также на ледовой проводке, а потом исправляли

полученные в ее процессе повреждения.

Геофизики сосредоточили свои усилия на климате Арктики, составляя такие обзоры, как «Метеорологическая обстановка навигационного периода у Земли Франца-Иосифа и Новой Земли». Достижения климатологов, в частности, были отмечены участниками перелета по Сталинскому маршруту.

Промыслово-биологический отдел приблизился к запросам производственных организаций ГУ СМП, что потребовало организации зональных станций в Игарке, Салехарде и Якутске, а также специализированной — по песцу и котикам — на Командорах. Беломорская зверобойная экспедиция (начальник П. А. Рудаков) собрала большой материал по биологии гренландского тюленя. Экспедиция Б. Н. Топоркова изучала перспективы промысла трески у Новой Земли, сделав рекомендации Новоземельскому островному хозяйству. Как и прежде, плохо обстояло дело с отделом оленеводства из-за плохих связей с практиками.

Приступило к работе новое кораблестроительное бюро, на ленинградских верфях произошла закладка новых ледоколов и ледокольных судов. Как и прежде, институт продолжал испытывать затруднения с публикацией трудов в издательстве Главсевморпути. «Сессия показала, что работа института переключена на большее единение науки с практическими запросами Главсевморпути» (СА, 1937, № 3, с. 24).

А тут еще участие в работах XVII Международного геологического конгресса! Предполагалось подготовить полевые экскурсии на Новой Земле летом будущего 1937 года. Это потребовало издать специальное полевое руководство в двух книжках. Готовились также заседания в стенах института — по арктической тематике и организации выставки.

Оглядываясь назад, можно утверждать: наличие в системе ВАИ геологического отдела, работа которого не совпадала с основной направленностью института или, во всяком случае, осложняла ее, явилось причиной нескольких реорганизаций. Наконец, из его состава в 1948 году был выделен самостоятельный НИИ геологии Арктики.

На фоне реальных и мнимых достижений — «под фанфары» — мало кому было известно, что по поручению Шмидта Герой Советского Союза пилот Водопьянов занят разработкой планов полета к Северному полюсу. Цель — создания там дрейфующей научной станции, как это предлагали ранее сделать с помощью дирижабля Нансен в 1926 году на заседании Международного общества «Аэроарктик» и В. Ю. Визе в своем докладе в Академии наук, связанном с подготовкой к проведению 2-го МПГ. По

мнению проектировщиков, такая станция могла привести к прорыву в изучении Арктики, дала бы большую практическую отдачу и обеспечила бы пересмотр многих представлений о ее природе, ставших привычными.

Бурная дискуссия на собрании партхозактива ГУ СМП оказалась важным, но не самым выдающимся событием в жизни полярников; тем более что в 1936 году Отто Юльевич трижды побывал на приемах у Сталина, а это само по себе было тогда чрезвычайным событием. Первая встреча состоялась 8 февраля 1936 года. Вернувшись на Варварку в здание ГУ СМП, Шмидт «… рассказал, что к нему обратились за консультацией по поводу просьбы экипажа Чкалова разрешить им дальний беспосадочный перелет через Северный полюс в США на самолете АНТ-25, на котором в предыдущем, в 1935 году Леваневский попытался вместе с Байдуковым и Левченко лететь по дальнему маршруту, но вернулся из-за выбивания масла. Леваневский тогда на Политбюро доложил, что на этом самолете лететь нельзя, а Чкалов с товарищами попросились лететь именно на нем.

Шмидт рассказал, что мы надеемся начать эксперимент на наших самолетах, так как считаем их надежными. Доложил о наших планах дрейфующей научной станции. Она могла бы помочь перелету, давая сводки погоды, а в крайнем случае могла бы служить точкой, где живут люди, и это обеспечивало бы помощь дальнему перелету.

Идея понравилась, все одобрительно кивали, и Сталин сказал: «Вот-вот, это очень хорошо, давайте так и сделаем: пусть Главсевморпуть высаживает свою станцию, а экипаж Чкалова пока пролетит по нашей территории такое расстояние, какое нужно, чтобы перелететь в США. Проверим, действительно ли годна материальная часть самолета. Вот так с этого все и пошло», (Шевелев, 1999, с. 81).

Этот источник также отмечает, что по опыту неудачи Леваневского в 1935 году было решено засекретить всю подготовку к высадке на полюсе, объявив о ней в прессе уже после завершения. Разумеется, такая идея нашла понимание у Сталина.

Следствием сталинского решения стали два мероприятия, вошедшие в историю освоения Арктики: рекогносцировка будущей трассы экипажами Водопьянова и Махоткина весной 1936 года, а также создание базы «подскока» для броска на полюс на ледниковом куполе острова Рудольфа в архипелаге Земли Франца-Иосифа (навигация того же года).

Браться за подготовку полета на Землю Франца-Иосифа для начальника полярной авиации ГУ СМП Марка Ивановича

Шевелева было непросто. Он сам чудом пережил катастрофу самолета Дорнье-Валь (командир экипажа Порцель), пытавшегося в 1932 году осуществить подобный рейс из Маточкина Шара. Непосредственное проведение рекогносцировки на трассе будущего полета к полюсу с одновременным подбором места будущей авиабазы у последних параллелей Шевелев поручил уже опытному и амбициозному Водопьянову. Тот с жаром принялся за новое задание.

Детали этого предприятия позднее один из участников событий описал так: «Было создано звено из двух самолетов для совершения перелета по маршруту Москва — мыс Желания — бухта Тихая. Самолеты были типа Р-5 (те самые, что вывозили челюскинцев. — *В. К.*), но по указанию Водопьянова и бортмеханика Бассейна эти самолеты были срочно переделаны в машины, пригодные для полетов в тяжелых арктических условиях. Исключительная изобретательность и опытность Водопьянова и Бассейна позволили в двухмесячный срок превратить двухместные почтовые самолеты с малым радиусом действия, открытыми холодными кабинами и малой грузоподъемностью в отличные полярные самолеты — лимузины с отепленными кабинами, большим радиусом действия и солидной грузоподъемностью… Рекордных целей перелет не ставил. Основное и главное заключалось в том, чтобы изучить подступы к Северному полюсу, подготовить и проверить кадры и материальную часть для будущих больших арктических перелетов… Самолеты были готовы 25 марта» (Аккуратов, 1947, с. 14–15). Спустя три дня эти машины вылетели на Север.

Помимо существенных изменений в конструкции самих самолетов особое внимание уделили обеспечению авиаторов всем необходимым на непредвиденный случай. «Экспедиционное снаряжение подбиралось из расчета, чтобы в случае вынужденной посадки на лед экипаж каждого самолета мог самостоятельно продвигаться по льду к земле, имея продовольствия на 45 дней на трех человек» (Там же, с. 15). Помимо личного снаряжения на каждом самолете находились шелковая палатка с полом, надувной клипер-бот, сборно-разборные нарты, примус, кухонная утварь, оружие и т. д.

Самолет Махоткина был оснащен новым специальным аэронавигационным оборудованием, использовавшимся в Арктике впервые. Применяя различные методы аэронавигации, штурман Аккуратов должен был выбрать наиболее подходящий для условий высоких широт: традиционное счисление, астрономические методы и использование радиомаяков. Это потребовало включения в экипаж специалиста-штурмана,

отвечавшего только за курсы и местоположение самолета, а также расчет полетного времени. С самого начала выявилось очевидное неудобство для штурмана, который, располагаясь позади пилота и спиной к нему, мог наблюдать наземные ориентиры не по маршруту полета, а лишь уже пройденные! Соответственно, самолет Махоткина был ведущим, а Водопьянова — ведомым, причем радиосвязь между ними оставляла желать лучшего. Это стало причиной многих недоразумений и нежелательных событий.

Вылетев из Москвы 29 марта, спустя сутки оба самолета сели на аэродром Нарьян-Мара. Затем полет через Амдерму проходил вдоль карского побережья к мысу Желания, куда обе машины благополучно добрались 9 апреля. На время они потеряли друг друга уже на Земле Франца-Иосифа, куда самолеты вылетели спустя неделю по радиопеленгу полярной станции бухты Тихой. Работу этого новшества Аккуратов оценил так: «Изумительное по своей идее изобретение, но, увы, плохо освоенное, чуть нас не погубило… Ответственность за навигацию легла на Н-127, вооруженный радиокомпасом… Н-127 вернулся назад и пристроился к нам в хвост — условный маневр, что ведущим должен быть Н-128 (то есть Махоткина. — *В. К.),* так как радиокомпас отказал. Не изменяя первоначального курса, шли дальше» (Там же, с. 31). Однако с ухудшение погоды пришлось возвращаться на мыс Желания — к Новой Земле вместо Земли Франца-Иосифа. Там узнали об отсутствии радиосвязи с машиной Водопьянова. Только на третьи сутки стало известно, что командирская машина сидит на острове Греэм-Бэлл и просит доставить топливо для перелета к полярной станции в бухте Тихая. 21 апреля самолет Махоткина благополучно перелетел с мыса Желания на Новой Земле в бухту Тихая на Земле Франца-Иосифа, затратив три с половиной часа полетного времени и используя старый добрый метод счисления: ничего другого не оставалось. Стали готовиться к поискам машины Водопьянова, но, к счастью, потерявшийся на пять суток из-за «проказ» радиомаяка командир смог выбраться собственными силами.

Из-за последовавшей затем аварии самолета Махоткина Водопьянову пришлось в одиночку обследовать остров Рудольфа, ближе прочих в архипелаге расположенный к полюсу. Летчик совместил поиски местоположения будущей взлетно-посадочной полосы с посещением зимовочной базы американца А. Фиалы, зимовавшего здесь в 1903–1906 годах. Свои впечатления он изложил следующим образом: «Я несколько раз облетал остров и, внимательно изучая его с воздуха, нашел места, пригодные для взлета и посадки тяжелых самолетов. Покончив с осмотром, я

обогнул остров с южной стороны и пошел к знакомым домикам. Теперь самолет облегчен, можно и сесть… Оставив под присмотром Иванова самолет с работающим на малых оборотах мотором, мы с Бассейном пошли посмотреть, в каком состоянии дома и что в них сохранилось… Чего только мы не нашли на складе! К потолку подвешено несколько окороков и связка копченых колбас. На полках, как в хорошем магазине, в образцовом порядке расставлены коробки с гильзами и порохом, банки с конфетами, бутылки с клюквенным экстрактом. В общем, с таким запасом продовольствия мы втроем могли бы прожить немало лет. А медвежьи следы подсказывали, что нам не пришлось бы испытывать недостатка и в свежем мясе» (1954, с. 133–134). Авиаторы произвели, естественно, дегустацию оставленного американцами продовольствия и, очевидно, пришли к тому же заключению, что и Шмидт в 1929–1930 годах.

Таким образом, главное задание по выбору местоположения будущей авиабазы было выполнено. В полете к северу от острова Рудольфа до 83° с. ш. были обнаружены обширные ледяные поля, пригодные для посадок тяжелых самолетов. Теперь можно было возвращаться на Большую землю. «21 мая… колеса нашей машины коснулись московского аэродрома», — закончил Водопьянов повествование о своей рекогносцировке далекого арктического архипелага. Настало время выполнить очередной этап грандиозного полюсного проекта, ведущая роль в котором принадлежала другому полярному герою, до поры до времени находившемуся на вторых ролях.

Строительство авиабазы для пролета к полюсу возглавил полярник с опытом двух зимовок (в 1932–1933 годах в бухте Тихой и в 1934–1935 годах на мысе Челюскина) Иван Дмитриевич Папанин. Он впервые увидел Арктику летом 1931 года в качестве почтмейстера при встрече ледокольного парохода «Малыгин» с дирижаблем «Граф Цеппелин». Поскольку вскоре этот человек оказался в ближайшем окружении Отто Юльевича, на нем необходимо остановиться подробней.

Высокий Шмидт с длинным бородатым лицом и низенький плотный безбородый Папанин со своей широкой, типично русской физиономией были антиподами в духовном и психологическом плане. При встрече с ним на Земле Франца-Иосифа один из полярников описал внешность Митрича так: «Низкорослый, толстый человек в засаленных ватных штанах» (Безбородов, 1937, с. 69). Спустя два года другой его коллега при смене зимовщиков на мысе Челюскина отметил способность Папанина возглавить коллектив на аврале без различия должности и звания — личным примером. Если Шмидт

олицетворял собой новое поколение советской интеллигенции, усвоившей лучшие традиции своего сообщества времен Чехова и Бунина, то Папанин внешне и внутренне являл воплощение победившего класса-гегемона.

Соответственно, отличался и стиль их руководства: Шмидт всем своим поведением стремился поднять подчиненных до своего уровня, тогда как Митрич действовал личным примером на довольно низком, чисто физическом уровне. Это многие считали проявлением настоящего демократизма. Его обращение «браток, братки» запомнилось полярникам на десятилетия. Сложен человек в своих противоречиях. Уже позднее, по отзывам подчиненных, он вполне оправдал себя на хозяйственных должностях в системе Академии наук, предоставлял убежище опальным противникам Лысенко. Не случайно скептики позднее утверждали, что если бы существовало министерство авралов, то лучшего министра на подобную должность найти было бы невозможно. До конца жизни Папанин оставался отъявленным сталинистом, не позволяя себе и другим испытывать какие-либо сомнения в отношении кумира. И одновременно не считал нужным скрывать неприязни к своему предшественнику на посту начальника Главсевморпути, которому был многим обязан. Бывает…

Со Шмидтом Папанина познакомил Муханов, и очередной арктический новобранец оказался кстати в роли начальника зимовки на полярной станции в бухте Тихая, где проводились исследования по программе 2-го МПГ. В прошлом Папанин — черноморский матрос, активный участник Гражданской войны на Украине и в Крыму. Чекист и в качестве такового занимался агентурной работой, партизанил в тыл у белых. После разгрома Врангеля — комендант КрымЧК. В рассказах об этом этапе своей деятельности он был крайне лаконичен (типа «в меня стреляли, и я стрелял…»). Видимо, по этой причине даже в послевоенные годы его долго не выпускали за границу. Опасались возмездия со стороны потомков казненных белых?

В противоположность Шмидту речь Папанина практически невоспроизводима обычными литературными средствами и нередко ставила в тупик окружающих, особенно из интеллигентной среды… включая женщин, присутствия которых Папанин не стеснялся. Считается, что Тренев (автор известной пьесы «Любовь Яровая») списал самобытный образ матроса Шванди именно с Папанина, чем тот немало гордился. Несомненно, Митрич отличался своеобразным юмором и интеллектом, не прошедшим, однако, огранки образованием, которое ограничивалось несколькими классами церковно-

приходской школы. Тем не менее считать Митрича недалеким «хитрованом» (как это порой можно встретить в литературе) было бы неверным. Даже в номенклатурной среде 30-х годов он выделялся напористым, активным характером, по-своему привлекательным — с учетом деталей биографии на фоне Гражданской войны. Этому человеку предстояло сыграть немалую роль в биографии Отто Юльевича. А о своей роли в полюсном проекте он написал так: «Организация авиабазы была поручена мне. На острове надо было построить несколько зданий — жилые дома, мастерские, радиостанцию, выгрузить большое количество различного аэродромного оборудования и горючего для воздушных кораблей. Для перевозки всего груза мне были предоставлены два корабля: транспортный пароход «Герцен» и ледокольный пароход «Русанов». «Русанов», взяв часть груза, вышел из Архангельска 23 августа, «Герцен» несколько позднее — 10 сентября. В 1936 году условия плавания в районе Земли Франца-Иосифа были тяжелыми — Британский канал забило льдом, и пробиться к острову Рудольфа было трудно.

Были дни, когда кораблю удавалось продвинуться лишь на корпус вперед. Однако я не оставлял мысли добраться до острова Рудольфа и не поддавался соблазну выгрузить базу на одном из южных островов архипелага. Мне было ясно: чем севернее нам удастся организовать базу, тем большее количество груза можно будет перебросить на полюс.

В конце концов «Русанов» пришвартовался к береговому припаю острова, в двух километрах от берега. На торосистом льду силами всей команды в течение суток была устроена дорога. Затем все оборудование выгружалось на лед, укладывалось на огромные сани и с помощью мощных гусеничных тракторов перевозилось на берег. На берегу грузы поднимались на довольно крутой склон и отвозились к месту, выбранному для постройки базы. Разгрузочными работами занимались команда судна и коллектив будущей станции. Строительные рабочие, не теряя времени, приступили к сборке домов.

Вышедшему позднее из Архангельска «Герцену» до острова Рудольфа добраться не удалось. С трудом дойдя до Земли Франца-Иосифа, он вынужден был зайти в бухту Тихую острова Гукера. Поэтому, быстро закончив разгрузку «Русанова», оставив строителей на острове Рудольфа, мы поспешили в бухту Тихую. Там груз с «Герцена» был взят на «Русанова», и ледокольный пароход вновь пошел к острову Рудольфа. Второй поход был еще тяжелее. На этот раз возникла опасность зазимовать во льдах. Однако самоотверженная работа команды увенчалась успехом — «Русанов» вторично добрался до острова Рудольфа. Выгрузив

содержимое своих трюмов и взяв на борт строительных рабочих, «Русанов» вышел в обратный путь.

Задача была выполнена — все необходимое для устройства базы находилось на острове, постройки вчерне закончены, и у меня не возникало ни малейших сомнений, что прекрасный коллектив зимовщиков под руководством начальника станции, молодого полярника Я. С. Либина, неоднократно зимовавшего со мной, отлично справится с подготовкой базы к обслуживанию воздушных кораблей» (Папанин, 1940, с. 32).

Результаты деятельности Папанина на острове Рудольфа спустя год описал корреспондент «Правды» Бронтман: «На пустынном угрюмом берегу бухты Теплиц вырастал целый поселок. Там соорудили два больших жилых дома (каждый по восемь комнат), просторный скотный двор, великолепную баню, два технических склада, продовольственный склад, гараж для вездеходов и тракторов, механическую и столярные мастерские. Чуть на отлете была воздвигнута радиостанция, которая в будущем должна была поддерживать регулярную радиосвязь с зимовкой на Северном полюсе и материком. Мощность станции довольно значительная — 300 ватт…

…На острове остались зимовать двадцать четыре человека — строители, механики, авиатехники. Они закончили стройку самой полярной станции, расчистили, разметили и оборудовали аэродром, перевезли туда пятьсот сорок бочек горючего (свыше ста тонн. — *В. К.*), образцово подготовились к приему и обслуживанию северной воздушной экспедиции» (1938, с. 21). Корреспондент не отметил важнейшей особенности этой стройки — впервые в мировой практике (как и многое другое в подготовке полюсной экспедиции) строительство взлетно-посадочных полос для тяжелых самолетов происходило на леднике. Этот опыт позднее не однажды пригодился как в Арктике, так и на противоположном конце планеты.

Видимо, на февральской встрече 1936 года руководства Главсевморпути со Сталиным, помимо полюсной экспедиции, также решался вопрос о переброске с Балтики на Дальний Восток первых боевых кораблей. Позднее В. Ф. Бурханов вспоминал: «…в середине марта этого года я совершенно неожиданно для себя получил назначение участвовать в экспедиции по проводке кораблей Северным морским путем» (1959, с. 223) — в качестве флагманского механика. Непосредственное руководство этим амбициозным проектом принял на себя Шмидт, ибо военные моряки на новой ледовой трассе (несмотря на опыт, полученный еще со времен Великой Северной экспедиции) оказались в роли новичков и им еще только предстояло обзавестись необходимыми

знаниями нового потенциального театра военных действий с точки зрения требований военно-морской тактики и стратегии. Бурханов по-своему изложил точку зрения Шмидта на предстоящий поход: «Задача не только ответственна, но и грандиозна. Северный морской путь еще не испытан для таких кораблей, какие нам предстоит провести в эту экспедицию по северным морям. Решается историческая задача сделать Северный морской путь доступным для плавания военных кораблей и тем самым повысить его значимость для нашей страны» (Там же).

Видимо, еще одна встреча Шмидта (судя по журналу посетителей Великого Диктатора) со Сталиным имела место накануне похода миноносцев 14 июня или 4 июля. Уже 28 июля Шмидт на «Литке» встретил миноносцы «Сталин» и «Войков» в Сороке, куда корабли прошли Беломорско-Балтийским каналом, целиком по внутренним водам. Это позволило сохранить начало похода в тайне от посторонних ушей и глаз. Оба миноносца относились к типу «Новик» эпохи Первой мировой войны. Они не отвечали условиям не только Арктики, но и открытых акваторий Мирового океана. Однако лучшего у Страны Советов в те годы просто не было.

Окончательно походный состав отряда сформировался в Маточкином Шаре, где к миноносцам и «Литке» присоединились транспорт «Анадырь» и танкеры «Лок-Батан» и «Майкоп». Поскольку поход, как и любая значительная военная операция, проходил с соблюдением мер секретности, пришлось принимать меры, чтобы избежать встречи с иностранными судами, возвращавшимися с грузом леса из Игарки. По той же причине не стали заходить в Диксон, где были иностранные суда. На пройденном пути ледовая обстановка оставалась благоприятной. Но восточнее Диксона она изменилась к худшему, так что потребовалось привлекать к ледовой проводке все ледоколы и ледокольные суда, оказавшиеся поблизости. И Шмидт, и Бурханов отмечают недельную задержку, вызванную ледовыми условиями. Они уделяли немало внимания арктической специфике с точки зрения поведения военных кораблей в необычных условиях Арктики. Дневник Шмидта пестрит тревожными сообщениями:

«4/VIII. Лед 2–4 балла, мелкобитый, но стоит густой туман. При маневрах можно столкнуться. Остановились около 32 часов до прояснения. 8 часов. Туман ушел. Пошли. Такой же редкий лед полосами, вперемежку с чистой водой весь день…

5/VIII… Лед за весь день от 1 до 4 баллов… Пройдя траверс Диксона, оказались на широте 80° в несколько более тяжелом льду и решили здесь остановиться, ждать танкеры…

8/VIII. 10 утра. Пошли. При входе в лед — туман. В тумане влезли в лед вместо обхода по кромке. По пеленгам нашли «Ленина». В 18 часов пришли к стоянке, стали на прежнее место у льдины. Туда же с музыкой подошел «Ленин». Стали по четырем сторонам льдины. Посредине толпа: игры, веселье. Стоим, вокруг, по выражению Хлебникова (капитан «Литке». — *В. К.),* «карусель». Созвал капитанов на совещание. Настроены очень осторожно, предлагали не ходить далеко до окончания разведки «Ермака» и летчиков. Решили все же уходить отсюда: и стоять здесь небезопасно, и моральное состояние падает от долгой стоянки. Пойдем на запад до кромки, потом в сторону островов Арктического института и Известий ЦИК, сколько окажется удобным…

9/VIII. 1 час ночи. Снова туман. Не можем выйти таким большим составом. Не беда, подойдут «Садко», «Анадырь», «Седов», «Ермак» все еще в тяжелых льдах, стремится дойти до воды, обнаруженной Козловым (в ледовой воздушной разведке. — *В. К.)*.

8 утра. «Литке» начал движение. До 10 часов устанавливали караван по местам. В это время следовавший за «Литке» миноносец, не повторив сигналов «уменьшить ход» и «стоп», не дал заднего хода и носом ударился в кормовую скулу «Литке»… флагштоком сломал крыло самолета» (1960, с. 156–157). Эти записи отражают рядовые будни ледового похода, монотонные и напряженные, суровая арктическая обыденность. Однако, если читатель сравнит страницы дневника Отто Юльевича с тем, что было семь лет назад на Земле Франца-Иосифа, разница очевидна. Текст записок стал скупее, суше и одновременно напряженнее, отражая изменения в душе арктического землепроходца, ставшего настоящим арктическим адмиралом — со всей мерой ответственности за порученное дело.

Последнее обстоятельство отметил в своих воспоминаниях Бурханов. Он высказался о специфичных условиях не только особой военно-морской субординации, но и не предусмотренных действующими уставами реалиях Арктики, нередко выступавших в «контрфазе»: «Неудивительно, что некоторые работники штаба считали неправильной тактику выжидания хорошей ледовой обстановки и полагали, что нужно идти и идти вперед, не ожидая ледовой авиационной разведки, так как она проводится только в хорошую погоду, очень редко, и этим, мол, сдерживается продвижение… Отто Юльевич в категорической форме отверг вмешательство в командование операцией и предупредил, что в этой экспедиции, как и вообще в Арктике, необходимо единоначалие.

— Правительство поручило руководство этой экспедицией мне-, я отвечаю за нее персонально. Прошу вносить предложения, обсуждать, советовать, но будьте любезны выполнять принятые мною решения. Вы, военные люди, знаете, что такое дисциплина, и прошу вас понять, что я хоть и ношу гражданскую форму, но являюсь в данный момент вашим начальником и требую безоговорочно выполнять мои приказания…

Меня поразил контраст. Только час тому назад мы так мирно, так «демократично» беседовали… и вдруг Отто Юльевич преобразился. Сейчас это строгий, требовательный командир, очень твердо и даже несколько резко положивший конец разгоревшейся дискуссии» (1959, с. 233–234). Подобное проявлялось у Шмидта многократно, причем именно в решающие моменты, — достаточно вспомнить, с какой решительностью он прекратил дискуссии о возможности пешего похода на материк после гибели «Челюскина».

Эти воспоминания тем более ценны, что спустя два десятка лет сам Бурханов оказался на месте Шмидта и, таким образом, мог в полной мере оценить положение своего предшественника, причем глазами моряка: «…Мы преодолевали тяжелые льды. С исключительным терпением капитан «Литке» Юрий Константинович Хлебников окалывал длинные, неповоротливые на малом ходу миноносцы, создавая для них канал. Околет застрявший миноносец, возьмет его за собой — начинает движение вперед, а в это время второй уже снова застрял — ему путь преградила крупная льдина. И все начинается сызнова. И так час за часом, сутки за сутками. Отто Юльевич всю ночь не сходил с мостика флагманского корабля, следил за движением и проводкой миноносцев, за тем, как они себя ведут…

…Отто Юльевич в эти часы проявил особенную оперативность боевого командира. Он командует, собирает информацию, советует, как лучше провести защиту корабля, живо интересуется ходом подрывных работ по скалыванию ледяных выступов, направленных на корабли… Мы дрейфуем в нужном нам направлении. Это хорошо, но перемещение льда, перегруппировка, скольжение его вдоль бортов кораблей вызывают новые комбинации сжатия, грозят новыми повреждениями… Три дня борьбы, и вот ветер стих. Лед отступил» (Там же, с. 242).

Определенно спустя три года Шмидт сохранил свои лучшие качества лидера, проявившиеся в полной мере еще раньше. Возвращаясь к предприятию ЭОН (Экспедиция особого назначения) летом 1936 года, отметим пока хронологию событий: под проводкой «Литке» миновал пролив Вилькицкого 6 сентября,

а 18-го того же месяца достиг мыса Шелагского при входе в пролив Лонга. Флотилия вошла в Восточно-Сибирское море через опасный мелководный пролив Дмитрия Лаптева, который срочно обследовали гидрографы ГУ СМП на шхуне «Темп» (начальник экспедиции А.А. Браун). Один из них много лет спустя так рассказал об этом задании: «В сентябре 1936 года… мы закончили промер и ограждение пролива Дмитрия Лаптева для проводки по нему эсминцев «Сталин» и «Войков», первыми из военных кораблей совершившими переход по Северному морскому пути на Дальний Восток. Мы тогда плохо знали гидрологический режим пролива, неверно выбрали глубину постановки вех, поэтому многие из них легли на воду. Но так как частота их постановки была велика, то мы провели караван благополучно. О. Ю. Шмидт, руководивший экспедицией, поблагодарил маленький «Темп» за большую работу» (Попов, 1990, с. 122–123).

В эти дни полярный летчик Каминский на отдаленной чукотской авиабазе, которой со временем предстояло превратиться в важнейший полярный аэропорт Главсевморпути, получил радиограмму следующего содержания: «Мыс Северный. Каминскому. Прошу сообщить ваши возможности произвести ледовую разведку для проводки каравана проливом Лонга. Шмидт».

Это было совершенно неожиданно, — вспоминал Каминский. — Меня никто не предупреждал, что в море находятся корабли. Наша МБР-2 находилась в ангаре, а Р-5 пребывал еще в том состоянии, в каком их оставили Богданов и Быков. На самолете Быкова надо было менять мотор, что-то не ладилось с мотором и у другой машины. Полный недоумения, с наивным расчетом, что мои трудности поймут, я ответил откровенно, как и было: «О ледовой не был предупрежден. Располагаю одним самолетом, на котором требуется устранить тряску мотора. Сообщите, когда нужна разведка, где находитесь».

Ночью нарочный привез «молнию»: «Удивлен вашей неподготовленностью. Подхожу Шелагскому, обстановка тяжелая. Требую немедленной разведки пролива. Шмидт».

Вот оно, начинается! — подумал я, в который раз перечитывая упрек, заключенный в первой фразе… На следующий день я вылетел на Н-44. Мотор трясся, а с ним тряслась моя авиационная душа. Разведку мы начали от кромки льдов, в километрах ста от берега, я делал один за другим галсы… Обнаружилось, что у побережья сплошной непроходимый лед, но около острова Врангеля большая полынья, которая на востоке соединяется с открытым морем и уходит на запад. От западной

оконечности острова эта полынья поворачивает на юг к мысу Биллингса, и от него с разреженным льдом идет вдоль берега до Чаунской губы.

Впервые я делал ледовую разведку для кораблей. Никто не учил меня этому делу, но, к счастью, обстановка оказалась достаточно простой. Как умел, я обрисовал ледовую обстановку, даже не подозревая, что это должен делать штурман. Вскоре мы увидали караван. Среди льдов на траверзе Чаунской губы шли пять судов кильватерной колонной.

Во главе был ледокол «Красин», за ним шел, как я догадался, ледорез «Литке», потом два военных корабля, и замыкал колонну какой-то сухогруз. Теперь мне стала понятна причина неожиданного появления начальника Главсевморпути на Чукотке: он сам возглавил проводку военных кораблей.

Я сделал приветственный вираж над караваном и увидал дымки. Это корабли приветствовали меня гудками…

…На утро радист полярной станции вручил мне следующую радиограмму: «Впервые на Чукотке сделана ледовая разведка такого масштаба и значения. Караван вышел на чистую воду. Ваши услуги больше не нужны. Благодарю прекрасно выполненное задание. Желаю счастливой зимовки. Шмидт» (Каминский, 1967, с. 252–255).

Остальное для военных моряков было делом техники, тем более в сопровождении ледокола «Красин», брошенного на помощь каравану: уроки челюскинской эпопеи были учтены в полной мере. Поэтому артиллерийский салют в честь погибшего судна был вполне заслуженным. Правда, Чукотское море преподнесло свои сюрпризы: «При прохождении ныряющих льдин корабли каким-то чудом оставались неповрежденными. Этим мы в большой степени обязаны доблести капитанов Хлебникова и Белоусова, прикрывавших бортами ледоколов относительно слабые корпуса наших кораблей от наступавших на нас ледяных чудовищ», — отметил будущий адмирал и начальник Главсевморпути Бурханов. 20 сентября корабли благополучно вошли в Берингов пролив, где обошлось без встречи со льдами.

В ноябре 1936 года руководство Главсевморпути отчиталось перед ЦК ВКП(б) и лично Сталиным по итогам прошедшей навигации: из 160 судов и кораблей, плававших в арктических водах, 14 (из них — два деревянных зверобойных бота) совершили сквозные плавания по трассе Севморпути, доставив в порты назначения 271 тысячу тонн различных народно-хозяйственных грузов. Впечатляющие показатели! Особо отметили работу полярной авиации, в частности на ледовой разведке. Из общего объема грузоперевозок на Дальний Восток с

Балтики поступило около 10 тысяч тонн, из них половина — зерно. С Дальнего Востока на запад было, правда, вывозить нечего.

Особо Шмидт отметил: «Несмотря на исключительно тяжелые ледовые условия этого года, ни одно судно не зазимовало. Но успех полярной навигации не дает повода к успокоению и зазнайству. Было бы очень вредно, если бы мы заявили о полном освоении Севера. На самом деле впереди много упорной работы» («Советская Арктика», 1936, № 12, с. 65), что в значительной мере относилось к безопасности мореплавания. В качестве примера Шмидт уделил особое внимание району архипелага Норденшельда, с особенностями которого ему довелось вплотную познакомиться в плавании с караваном эсминцев. «Я предложил «Седову», на борту которого находилась группа специалистов во главе с начальником Гидрографического отдела Главсевморпути т. Орловским, изучить малоизвестные острова и проливы архипелага. «Седов» задачу выполнил, а для уточнения положения архипелага оставил на зимовку гидрографическое судно «Торос» с научной партией» (Там же, с. 66).

Тем не менее навигация 1936 года не обошлась без аварий. Жертвой одной из них оказался ледокольный пароход «Сибиряков» (капитан Марков, ходивший со Шмидтом штурманом на «Сибирякове» и «Челюскине»). Эта авария произошла при следующих обстоятельствах. Судно получило приказ зайти за раненым промысловиком на полярную станцию Озерная на юге Новой Земли, оказалось на скалах и было спасено на будущий год водолазами. Обстоятельства аварии и причины своего вмешательства, спасшего капитана от заключения, сам Отто Юльевич объяснил следующим образом: «Там капитан пользовался картой — изъятой, запрещенной центром, так как технически она неверна; капитан циркуляра не читал, он пользовался этой картой… Есть всякие инструкции о том, чтобы в таких-то районах идти с промерами, идти тихим ходом — капитан этого не делает. Что ему инструкция? Он талантливый капитан! Это правда. Если бы это был просто скверный капитан, которого мы зря посадили, так если он сделал аварию — мы бы за него отвечали — плохо людей подбираем. А он действительно — талантливый капитан. И тем трагичнее, что он поддался ухарству, не соблюдал элементарной инструкции» («Советская Арктика», 1937,№ 4, с. 33). Даже если Отто Юльевич в описанном случае проявил определенную субъективность («…и милость к павшим призывал»), факт тот, что он не ошибся в своем решении: капитан Марков еще долго водил ледоколы в ледовых арктических водах, не повторяя былых ошибок.

Близился роковой для страны 1937 год, в котором «прыжки и гримасы жизни» (по выражению А. Гайдара) для Главсевморпути и ее начальника проявились в полной мере и едва не стоили головы герою настоящей книги, о чем он сам пока, по-видимому, не имел ни малейшего представления. За чередой повседневных дел и событий все отчетливее проявлялись детали полюсного проекта, в первоначальных вариантах которого, предложенных Водопьяновым, предусматривалась возможность предварительно посадить легкий самолет и расчистить аэродром для больших машин и даже высадить на полюс воздушный десант. Наконец, Шмидт мог констатировать: «Мы окончательно остановились на решении отправить на полюс тяжелые четырехмоторные самолеты с посадкой их прямо на лед, без предварительной подготовки аэродрома на льдине» (1940, с. 13). Это означало, что после походов «Сибирякова» и «Челюскина», показавших возможности мореплавания по Северному морскому пути, предстоял последний неслыханный шмидтовский эксперимент — уже в Центральном Арктическом бассейне.

Глава 9
1937 год. Десант на полюс и катастрофа на трассе

И поражений, и побед хлебнули вы не раз,
Но только время «да» иль «нет»
Произнесет в свой час.

Б. Окуджава

Очевидно, следовало подготовить народонаселение Страны Советов и кадры Главсевморпути к очередному торжеству советской власти — на этот раз на полюсе. По этому поводу у руководства страны оказались свои соображения. В любом случае наступил наиболее драматический период в жизни героя книги.

В первом же номере «Советской Арктики» за 1937 год в статье Бергавинова «Политотделы Северного морского пути» прозвучало предупреждение о совсем иных грядущих событиях: «Изучение кадров, работающих на различных участках Главсевморпути, показало, что в некоторые местные организации этой системы, пользуясь слабой бдительностью, просочились обманным путем чуждые и авантюристические элементы», — причем с конкретными именами и должностями, часто неожиданными. Среди них оказался, например, бывший начальник фактории на мысе Ванкарем орденоносец Кривдун, сыгравший, как уже известно читателю, важную роль в эвакуации челюскинцев весной 1934 года («…В прошлом активный белогвардеец-контрразведчик, расстреливавший в 1918–1919 годах коммунистов и красноармейцев», с. 14–15). Теперь остается гадать, каким образом этот выходец из терского казачества оказался на Чукотке, но, похоже, пришедшая известность оказалась для него роковой. Советская власть еще раз показала, что она все помнит и ничего не забывает, хотя времени после окончания Гражданской войны прошло достаточно… Статью Бергавинова надо оценивать в контексте подготовки грядущего февральско-мартовского пленума, открывшего дорогу Большому Террору (в частности, — процессу Бухарина — Рыкова). В этом предстояло сыграть свою роль и героям полюса, о чем они сами не подозревали.

Во втором номере «Советской Арктики» началась публикация повествования Водопьянова о полете в предшествующем году на Землю Франца-Иосифа, по словам автора, лишь «…с целью

ледовой разведки в Карском и Баренцевом морях и обследования архипелага с воздуха» (с. 49). Февраль 1937 года, как известно, ознаменовался самоубийством Серго Орджоникидзе — характерно, что сам Шмидт узнал об истинных причинах этой трагедии много лет спустя, лишь из доклада Н. С. Хрущева. Гибель Орджоникидзе, возможно, ускорила проведение пленума ЦК, на котором решилась судьба Бухарина — Рыкова с «подельниками». В любом случае решение о полюсной экспедиции на «высшем уровне» было принято до него, на заседании Политбюро 13 февраля 1937 года (по другим источникам — 14 февраля). Интересно, насколько участники пленума были в курсе предстоящей операции на полюсе, а сами полярники — отводимой им роли?

Этот вопрос возникает в связи с выступлением Шмидта по итогам пленума на активе ГУ СМП 17–20 марта всего за трое суток до вылета на полюс. О его выступлении известно по публикациям в «Советской Арктике» в апрельском и майских номерах, с одной стороны, повторяющих друг друга, а с другой — отличающихся по персональным оценкам, причем в сторону ужесточения! Вопрос тем более интересный, что автор находится где-то в Арктике и уже по этой причине было невозможно в полной мере согласовать с ним нестыковки в обеих материалах.

Наконец, неужели у Шмидта с началом полюсной экспедиции не было более важных дел, чем мобилизовать свое ведомство на борьбу с проявлениями троцкизма, чем должен был, согласно своей должности, заниматься начальник Политуправления ГУ СМП Бергавинов? Судя по астрономическим цифрам злодеев-троцкистов, орудовавших в наркоматах (из доклада Молотова, в Наркомтяжпроме — 585, в Наркомпросе — 228 «негодяев» и т. д.) не меньше их должно было оказаться и в других организациях, включая, разумеется, и ГУ СМП.

Возвращаясь к публикациям в «Советской Арктике», произведенным под именем Шмидта и при его отсутствии, отметим, во-первых, отрывочный характер выступления Шмидта в апрельском номере и преобладание пересказа в майском — то и другое в связи с крайней занятостью Шмидта понятно. Однако содержание этих материалов способно озадачить вдумчивого аналитика.

Идейной основой первого, апрельского материала под заглавием «О наших дальнейших задачах» (сокращенная стенограмма заключительного слова на первом заседании Совета при начальнике Главсевморпути) является положение: «…нам прежде всего нужна самокритика… Товарищи, по-видимому, все еще недооценивают прежде всего значение самокритики для

улучшения работы, хотя все мы стараемся быть учениками Сталина» (с. 7). В качестве примера использованы обстоятельства аварии «Сибирякова» предшествующей осенью. Шмидт объяснил ее следствием недостаточного руководства со стороны Архангельского территориального управления: «Если бы Кузмин (начальник управления. — *В. К.)* знал дело, знал обстановку в море в это время года… этого бы не случилось. Яркое явление администрирования, отнюдь не свидетельствующее о большой деловитости, энергии…» (с. 9). Было достаточно и других конкретных примеров, но все замечания начальника Главсевморпути носили характер критики в рабочих пределах, типа «нам нужно навести порядок» (с. 11). В частности, он поставил в вину своим подчиненным такие просчеты: «У Пошеманского (начальник Дальневосточного территориального управления. — *В. К.)* дикая текучесть. Тов. Баевский свою кратковременную деятельность в Красноярске начал с того, что разогнал многих работников и ничего нового не создал» (с. 18) и т. д. Таким образом, отмечены «прегрешения» подчиненных практически на уровне выговора или какого-то близкого по сути взыскания.

Второй (майский) материал выдержан совсем в иной суровообвинительной тональности. Видимо, причина в том, что ему предшествовали материалы пленума, включая доклад И. В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» и «Заключительное слово товарища И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП (б) 5 марта 1937 года». В таком контексте только критикой, по сути, хозяйственных упущений ограничиваться было уже невозможно, несмотря на отсутствие самого Шмидта и публикацию в предшествующем апрельском номере. Заголовок материала от его имени говорил сам за себя: «По-большевистски выполнять решения пленума ЦК ВКП (б)». Появление этого материала редакция объяснила следующим образом: «На собрании актива партийных и беспартийных работников Главсевморпути (17–20 марта), посвященном подведению итогов Пленума ЦК ВКП (б)… Шмидт доложил активу о работе Пленума, подверг критике работу нашей системе и наметил основные задачи, вытекающие из решений пленума» (с. 29). Удивительная разница с первым материалом, причем на основе одних и тех же фактов!

Идет повторение прежних имен, но уже с гораздо более суровыми оценками. Так, в отношении Пошеманского во втором материале утверждается, что он «…влез в доверие, работал на ответственном участке Главсевморпути и оказался, как впоследствии выяснилось, двурушником, врагом партии…» (с.

31). «Мы так и не добились от начальника теруправления т. Кузьмина, чтобы он признал… недостатки и сделал выводы» (с. 32). Помимо усиления формулировок по уже известным читателю полярникам, появились новые имена: «Другой пример, еще более разительный, расстрелянный террорист Пикель. Почему он поехал на Шпицберген?.. А наши люди ему покровительствовали… Эти покровители получили в партийном порядке заслуженное наказание — директор копей Плисецкий, парторг Рогожин и главный инженер Стельмах из партии исключены» (с. 31) и т. д. и т. п.

При анализе обоих материалов возникают сомнения даже в авторстве Шмидта. По-видимому, настоящий, реальный автор из Политуправления ГУ СМП сделал первый материал (видимо, на основе каких-то общих устных указаний Шмидта) настолько «беззубым», что после первой слишком поспешной публикации печатать его рядом с официальным текстом Великого Диктатора было невозможно. Пришлось срочно готовить тот же материал в другом варианте, усиливая обвинительную часть, где без Бергавинова не обошлось. А ему в силу занимаемой должности надо было соответствующим образом реагировать на решения партийного пленума. Остальное в эпоху 30-х годов было делом техники — только этим можно объяснить указанную разницу обоих материалов, причем авторство второго, мягко говоря, сомнительно. Похоже, что, «вгоняя» в размеры идеологического ложа личность Шмидта, остававшегося даже в условиях сталинской командно-административной системы не столько ее функционером, сколько руководителем чересчур самостоятельным в глазах советских людей, сталинское окружение не стеснялось…

Традиционно в обществе понятие о полюсе связано с представлением о некоем пике, вершине человеческой деятельности и достижений. Им для героя настоящей книги стало создание научной станции на Северном полюсе. Однако для академика Шмидта важнее было другое — исследования на полюсе были неизбежны, как он полагал, по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, научная информация из самых высоких широт имела непосредственное отношение ко льдам в окраинных морях арктического шельфа. А по ним проходил Северный морской путь. Во-вторых, сам Отто Юльевич, с подачи Визе, видел в изучении района полюса ключ к пониманию глобального природного процесса, что вскоре подтвердил будущий академик Шулейкин в своем определении нашей планеты как тепловой машины первого рода. Таким образом, необходимость в подобной

операции становилась очевидной, ибо без информации о происходящем у полюсов обеих полушарий разработки на глобальном уровне были невозможными.

По этим причинам создание станции на полюсе становилось неизбежным, и вопрос состоял только в сроках. В обстановке тех лет для полюсной операции нужен был повод, который однажды наступил, но еще прежде в Главсевморпути была проделана необходимая предварительная подготовка, частично описанная выше. Как показали события, Шмидт обладал даром предвидения: качество необходимое настоящему, масштабному исследователю. Однако на пути решения этой задачи стояли две проблемы: продолжительность работы планируемой полюсной станции и возможность доставки всего необходимого на полюс.

Никто не мог ответить на вопросы: как долго станция будет оставаться на месте? И сохранятся ли условия для эвакуации самолетами, или придется вылавливать участников дрейфа где-то в просторах Северной Атлантики? По воспоминаниям начальника Главсевморпути 50-х годов контр-адмирала Бурханова (1959), в процессе обсуждения возникли две взаимоисключающие точки зрения. Член-корреспондент Академии наук Визе, представлявший Арктический институт, считал вероятнее последний вариант. Представитель Океанографического института Гидрометеослужбы профессор Н.Н. Зубов со своим опытом работы в Арктике склонялся к иному: с полюса станция попадет в дрейф по замкнутой антициклональной циркуляции ближе к Канадскому Арктическому архипелагу, не называя при этом источник своих теоретических построений, работу А.В. Колчака «Лед Сибирского и Карского морей», увидевшую свет в 1909 году. Разумеется, Визе знал о научных связях своего оппонента с Колчаком — Николай Николаевич в годы Гражданской войны служил у Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака в чине капитана 2-го ранга. Однако представители былой российской интеллигенции (а таковыми они были без малейших скидок), в отличие от партийцев, не пользовались подобной аргументацией в научных дискуссиях. Даже в ту пору, о которой поэт сказал «Бывали хуже времена, но не было подлей»…

Первоначально Шмидт планировал Визе в качестве начальника будущей дрейфующей станции. Гидробиологом намечался Ширшов. Радистом — Кренкель, заканчивавший зимовку на Северной Земле и, в свою очередь, рекомендовавший в качестве механика и технического работника своего товарища по зимовке Н. Г. Мехрengина. Все они были людьми Шмидта, достоинства и недостатки которых он знал и в отношении

которых у него не было сомнений. Но на этом этапе подготовки комплектование персонала еще не было завершено.

Высокие требования к подбору персонала, исключавшие участие новичков, объяснялось заведомо жестокими, а главное, неясными условиями предстоящего эксперимента — со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. Люди шли (при всех технических и научных достижениях того времени) в неизвестность — и, как профессионалы, они представляли это вполне отчетливо. Но, именно как профессионалы, отказаться от участия в подобном эксперименте они не могли, и это обстоятельство было для них решающим. Чаще подобная практика используется при испытании новой техники — когда все теоретические возможности исчерпаны, «изделие» вручается испытателю, который, имея все теоретические расчеты и предупреждения, «гоняет» его на всех возможных режимах, поскольку иного пути узнать и понять возможности нового «изделия» просто нет. У кандидатов в «экипаж» дрейфующей станции не было иного пути, как самим стать объектами эксперимента. Именно в этом и состоял драматизм ситуации. Отмечу главное — участники предстоящего эксперимента добровольно и сознательно (как и большинство их предшественников) шли в неизвестность, что и подтвердилось в полной мере очень скоро. При этом их надежды на будущую профессиональную или общественную карьеру, разумеется, не снижают нравственности уровня такого выбора — доброволец всегда остается добровольцем, тем более представляющим цену собственного выбора. Такими были и все 44 участника полюсного предприятия 1937 года, не говоря уже об участниках запланированного дрейфа.

Им были отчетливо видны два фактора риска.

Первый — гарантии безаварийной посадки на дрейфующие льды (даже с учетом результатов разведки Водопьянова за год до описываемых событий) не было. Что оставалось делать при весьма вероятной катастрофе во время первой посадки на дрейфующий лед, никто не знал, включая Шмидта. Могла сложиться ситуация, не сопоставимая с тем, что сам Шмидт, Кренкель и Ширшов пережили в Чукотском море четыре года назад.

Второй — риск завершения полюсного предприятия определялся неясностью финала дрейфа. Если бы он развивался по варианту Зубова, снятие (как и высадка) была бы возможна средствами авиации. В случае варианта Визе возникала более сложная, практически непредсказуемая с точки зрения состояния льда обстановка. Пришлось бы действовать по принципу «где

наша не пропадала», в чем наши полярники уже накопили изрядный опыт. Во всяком случае, предполагалось, что на осмысление ситуации и принятие мер будет достаточно времени — в зависимости от темпов дрейфа. А о них судить было практически невозможно, поскольку дрейф должен был пройти по очередному белому пятну на карте Арктики. Забегая вперед, отмечу, что все оказалось гораздо сложнее, поскольку, как выяснилось позднее, сам полюс располагается на границе двух природных систем, испытывающих со временем определенные изменения относительно друг друга — то, что бывалые полярники облекли в общую формулу «год на год не приходится».

Вскоре в «полюсном экипаже» произошли существенные изменения. Официальная версия гласит, что участие Визе отпало «по медицинским противопоказаниям» — его возраст перевалил на шестой десяток. Однако десятилетия спустя Иван Дмитриевич Папанин (совершенно неофициально и тем более без документального подтверждения) выдал свою версию событий: «Визе была назначена встреча в ЦК на десять часов, а я пришел в девять…» Во всяком случае, именно он-то и возглавил будущую четверку участников дрейфа, добившись включения в нее и своего подчиненного по зимовкам на Земле Франца-Иосифа и мысе Челюскина молодого геофизика Евгения Константиновича Федорова. Теперь начались совместные тренировки, испытания аппаратуры и снаряжения в зимних условиях на территории радиоцентра Главсевморпути у деревни Теплый Стан по Калужскому шоссе (теперь это часть городской застройки столицы).

У пилотов и штурманов были свои заботы, прежде всего, условия посадки на лед. Как известно, Амундсен в полете 1925 года на летающих лодках Дорнье-Валь пользовался разводьями и выразил резко отрицательное отношение к подобного рода попыткам на будущее. Посадки Уилкинса также не сулили чего-либо обнадеживающего. Однако невозможно было отрицать опыт в посадках на лед, полученный Бабушкиным в 1928-м, спасательные операции Галышева в 1930-м и Куканова в 1932-м, помимо описанного выше спасения челюскинцев в 1934-м. Вставал вопрос: будут ли условия Центрального Арктического бассейна такими же, как в Чукотском море, где был получен этот опыт? Очевидно, нашим полярникам, полагаясь на собственные знания, предстояло вырабатывать свое решение, порой в противовес высоким зарубежным авторитетам. Именно проблема посадок на лед оставалась наиболее рискованной частью полюсного проекта, в которой никто не мог дать нам подсказку…

Описания Пири и Кука, на собачьих упряжках ходивших к

полюсу, позволяли сделать кое-какие выводы, но к ним надо было относиться весьма осторожно, тем более что Кук обвинялся в фальсификации своего похода. Эту точку зрения разделял в ту пору Визе, считавший его книгу написанной чрезвычайно талантливо и вместе с тем не содержащей ни слова правды. На деле реалий Арктики там было достаточно: если бы Визе сумел преодолеть возникшее у него предубеждение, то он бы более других смог бы оценить информацию Кука, но этого и не произошло. Например, характеристика, данная Куком дрейфующим ледяным островам, пригодным для посадок самых тяжелых самолетов, или послойное описание снежного шурфа с ледяными прослойками, свидетельства потеплений в результате вторжения циклонов с юга — все это содержало ценнейшую информацию. Ею наши ученые (не говоря уже об американских) пренебрегли, поддавшись очарованию Пири, из которого сделали фетиш. В любом случае необходимость в дополнительной информации о ситуации в районе полюса оставалась.

По этой причине в состав летного полюсного подразделения было решено включить специальный самолет-разведчик, способный с острова Рудольфа отследить состояние погоды и льда вплоть до самого полюса. Командирами крылатых машин были назначены опытнейшие полярные пилоты: М. В. Водопьянов, В.С. Молоков (оба участники челюскинской эпопеи), А. Д. Алексеев (первым осваивавший полеты на Северную Землю, получивший крещение на Шпицбергене с Б. Г. Чухновским при спасении участников экспедиции Нобиле в 1928 году), а также П. П. Мазурук, которому первоначально отводилась вспомогательная роль. Даже столь бывалые авиаторы, как М. С. Бабушкин (первым совершивший посадку на лед) или М. И. Козлов, в этом «клубе избранных» могли рассчитывать лишь на кресла вторых пилотов.

Начальник полярной авиации Главсевморпути М. И. Шевелев возглавил летную часть. Флаг-штурманом экспедиции стал майор (по другим сведениям — комбриг) ВВС И. Т. Спирин, а синоптиком — Б. Л. Дзердзеевский, имевший опыт работы в Арктике еще со времен Карских экспедиций и возглавлявший метеослужбу Главсевморпути. Как обычно, Шмидт лично руководил очередной ледовой операцией в Арктике — смелости ему было не занимать, а в случае неудачи для него было опаснее оставаться в Москве. Правда, вырваться в Арктику оказалось непросто — при обсуждении в ЦК Ворошилов уверял, что командовать полюсной экспедицией можно и по радио из здания Главного управления Севморпути на Варварке… Включая экипажи, персонал будущей дрейфующей станции,

представителей прессы и партии, в экспедиции участвовало свыше сорока человек. В зависимости от количества репрессированных в разное время и сведений в разных изданиях это количество несколько отличается…

За прошедшие годы многое в полюсной эпопее Шмидта забылось, и полет из Москвы на Землю Франца-Иосифа воспринимается сейчас как нечто само собою разумеющееся. На самом деле уже на начальной стадии полюсной операции возникло немало сложностей. Экспедиция вылетела из Москвы 22 марта и достигла острова Рудольфа только 19 апреля, задержавшись по разным причинам под Архангельском на восемь суток, в Нарьян-Маре — на тринадцать и на Новой Земле у обсерватории Маточкин Шар — еще на шесть. Само полетное время составило лишь 18 с половиной часов.

Как обычно, вынужденное безделье отразилось на участниках событий не лучшим образом. При задержке в Нарьян-Маре командир разведчика Р-6 Головин оказался замешанным в пошлой уличной драке, узнав о которой заместитель Шмидта М. И. Шевелев буквально вскипел:

«— Так с ним поговорю — котенком станет…

…— Извините, Марк Иванович, — улыбаясь, сказал Шмидт, — но, если вы позволите, я с ним поговорю сам.

— Вы? — переспросил Шевелев.

Он знал привычку Шмидта не влезать в мелкие дела, полностью доверяя их своим помощникам. Это был стиль работы, который начальник Главсевморпути старательно проводил в управлении, на всех собраниях, требовал, чтобы также работали и другие руководители. И вот теперь нарушал собственную традицию.

— Понимаете, Марк Иванович, — пояснил Шмидт, — вас полярные летчики и так боятся. Сейчас вы еще раздражены. А Головин — человек самолюбивый… В общем, мало ли как повернется разговор… Ну а нам еще лететь и лететь. Надо, чтобы у всех было хорошее настроение. У Головина — особенно. Вы же прекрасно знаете, как мы зависим от разведки.

— Что же, его теперь по головке гладить?

— Не волнуйтесь, Марк Иванович! Думаю, все получится хорошо.

Головин сидел в компании летчиков, когда ему сказали, что Шмидт просит зайти. Павел встал, поправил гимнастерку:

— Ну все, парни! Не люблю, когда меня воспитывают. Можем прощаться. Пришлют вам из столицы нового разведчика, мальчика-паиньку…

…Через полчаса Головин вышел в общую комнату, притворив

за собой дверь. Удивленно оглядев летчиков, он сказал:

— Ну, парни! Никогда не думал, что меня можно так культурненько высечь.

Пилоты грохнули.

— Нет, правда, — сказал Головин, — девять начальников куда подальше посылал. Думал, сегодня юбилейный будет. Так нет же, сам снял штанишки, лег и попросил: шлепайте еще» (Дуэль, 1997, с. 88–89). Шмидт еще раз проявил свои достоинства руководителя-интеллигента, не слишком типичного для того времени. Ближайшее будущее показало, что такой подход к провинившемуся оказался оправданным.

Помимо описанных приключений, по пути возникали сложности в штурманском обеспечении: при подлете к Новой Земле отказали методы радионавигации, и пилоты не могли договориться, над каким морем они находятся — над Баренцевым или Карским. Только вмешательство геофизика Е. К. Федорова в качестве астронома-навигатора положило конец возникшей дискуссии. Во время стоянки на Новой Земле сорвавшаяся бора повредила хвостовое оперение машины Алексеева, потребовавшей ремонта. Само пересечение Новой Земли в условиях облачности и с полетными картами, не отвечавшими реалиям местности, могло завершиться уже в заливе Норденшельда. Шмидт отметил, что, «…летя на высоте 1050 метров, можно сказать, пролетели мимо гор, возвышающихся над облаками на 1200 метров… прежнее представление о том, что здесь нет высоких гор, неверно» (1960, с. 184), — действительно, на современных картах здесь находится гора Крузенштерна высотой 1540 метров, которой не оказалось на штурманских картах экспедиции. Более определенно ситуацию при пересечении Новой Земли описал Шевелев: «…Заметно темнело, машины шли над плотной облачностью. Отдельные вершины показывались в разрывах облаков, и одна из них, высотой приблизительно 1500–1600 метров, проплыла совсем близко под крылом самолета. Мы вышли в Баренцево море. Стало светать, и, наконец, мы увидали невероятную картину, — на северо-западе всходило солнце» (1940, с. 135), — ситуация, которая озадачивала новичков в высоких широтах много раз позднее.

Условия для экипажа и пассажиров в необогреваемом самолете также оставляли желать лучшего. Соответственно, по воспоминаниям радиста Н.Н. Стромилова, «типовая форма одежды, с индивидуальными отклонениями, состояла из шерстяного белья, толстого свитера, мехового комбинезона и рубашки, шерстяных носков, собачьих чулок, нерпичьих торбазов, шерстяных перчаток, просторных меховых варежек и мехового

шлема. «Наряд» летчика и штурмана дополняли пыжиковые маски, очки и огромные меховые шубы» (1977, с. 73). Добавим, общий вес этого полярного обмундирования вместе с прочим летным снаряжением превышал 20 килограммов.

Пребывание на острове Рудольфа затянулось до 21 мая в основном по метеоусловиям. День начинался с сообщения Дзердзеевского о синоптической обстановке. В первые две недели оно заканчивалось выводом, вызывающим разочарование пилотов: «Лететь не рекомендую…»

Будущий доктор наук и автор разработок мирового значения в своей области имел необычную привычку реагировать на поступающую по радио синоптическую информацию. «Дзердзеевский любил музыку, был музыкален и, работая, негромким баритоном напевал арии из опер, песенки из кинофильмов и т. д. Часто общаясь с Дзердзеевским, мы заметили: если предстоит нелетная погода, из уголка радиорубки, где расположился синоптик, доносится «Что наша жизнь, игра…», если же есть виды на хорошую погоду — «Широка страна моя родная…» Накопить статистические данные и сделать вывод из этой «научной» работы большого труда не составило. Многие товарищи поражались осведомленности радистов в делах погоды. Мы же свою тайну охраняли тщательно: боялись насторожить Дзердзеевского и лишиться информации, которая сейчас называется опережающей» (Стромилов, 1977, с. 73).

Застоявшиеся от бездействия экипажи считали, что Борис Львович излишне перестраховывается, однако позднее Шмидт полностью оправдал своего прогнозиста: «Мы получали от наших синоптиков, и в первую очередь от Б. Л. Дзердзеевского, исключительно верные прогнозы погоды без единой сколько-нибудь существенной ошибки» (1960, с. 175). Тем не менее напряжение продолжительного ожидания не лучшим образом сказывалось на людях. Это проявлялось порой в грубоватых шутках. Например, одного из корреспондентов на общее посмешище спровоцировали смазывать обувь… сгущеным молоком. Другой розыгрыш, приписываемый молвой авиамеханику Кекушеву, заключался в подписке на настенные фирменные часы для полярников, где кукушку, периодически выскакивающую из открывающегося окошка с характерными «позывными», заменяла… бородатая голова Шмидта. Утверждают, что в соответствующие хозподразделения Главсевморпути последовал поток заявок, продолжавшийся некоторое время даже после беседы Отто Юльевича с виновником дезинформации.

Участники событий на острове Рудольфа отметили своеобразную заботу Папанина о своих подчиненных. «В иные

вечера Ширшов и Федоров пытались устроить прогулки на лыжах. Но вскоре им это было строжайше запрещено.

— Разве можно поступать так неосмотрительно? — журил их Папанин. — Каждый из вас обошелся государству очень дорого. А вдруг кто-нибудь нечаянно сломает руку или ногу? Зимовка будет сорвана — государству убыток.

— Иван Дмитриевич, я когда вижу ямку, падаю, — оправдывался Ширшов. Но под укоризненным взглядом начальника тушевался и конфузливо заключал: — Хорошо, я больше не буду» (Бронтман, 1938, с. 79).

Будущие участники дрейфа в эти дни старались обрести верный психологический настрой, что также отметили окружающие. «Они часто заходили в комнаты участников перелета, жадно слушая неиссякаемые рассказы летчиков и полярников о различных, кажущихся фантастическими случаях жизни.

— Нам вместе ходить нельзя, невыгодно, — объяснял Кренкель. — Гораздо рентабельней слушать вас поодиночке. На полюсе пополнять свой запас не придется. Но если каждый из нас расскажет то, что слышал, хватит на целый год». (Там же). Действительно, в ограниченных коллективах, надолго оторванных от обычной городской жизни (которую большинство современников считает или принимает за нормальную), процветает особый вид устного творчества, не освоенный ни в медиасредствах, ни в литературе, — так называемая морская или экспедиционная травля. У нее свои творческие законы. Участники до конца не могут определить, является услышанное откровенным розыгрышем или реальным фактом, поданным иногда в весьма острой форме. Именно к этой самой травле относилась выдумка Кекушева о часах с головой начальника ГУ СМП вместо традиционной кукушки…

Затянувшееся ожидание было нарушено самым неожиданным, а главное, незапланированным образом. Об этом спустя семнадцать лет поведал М. В. Водопьянов (1954). Отправляясь в обычный разведывательный полет 14 мая командир дальнего разведчика Р-6 П. Г. Головин обратился к нему за неожиданным советом:

«— Если я достигну восемьдесят восьмого градуса и выяснится, что у меня хватит горючего до полюса и обратно, что мне тогда делать?

Я немного подумал и сказал:

— Если бензина хватит и начальник экспедиции не вернет тебя, дуй прямо на полюс.

— А если я там сяду?

— Дело твое, решай сам» (с. 211).

Следует отметить необычно богатое аварийное снаряжение на борту Р-6 — только продовольствия было взято на два месяца, а также якобы «на всякий случай» несколько бидонов бензина. По тому же источнику, Головин с 88-й параллели отправил следующую радиограмму: «Иду над сплошной облачностью высотой 2000 метров. До полюса осталось 100–110 километров. Иду дальше».

— Как дальше? — удивился Спирин. — У него же не хватит горючего. Не лучше ли вернуть его.

— Горючего у него хватит, — возразил Водопьянов. — Головин не без головы. А вернуть его, конечно, уже поздно. Попробуй верни, когда до полюса осталось всего сто километров. Я бы, например, на его месте не вернулся.

— Михаил Васильевич прав, — сказал Отто Юльевич. — Вернуть его очень трудно, почти невозможно.

И, улыбаясь, добавил:

— Я бы тоже не вернулся… Не люблю стучаться в дверь и не войти» (с. 212).

Элита полярной авиации в своих вольностях порой позволяла себе то, что остальным могло стоить головы. Но в данном случае действовал принцип «победителей не судят», на что заведомо рассчитывал сам Головин. Он поручил своему механику Кекушеву установить дополнительные емкости с горючим, не ставя в известность руководство. Не случайно значительно позже сам Шевелев утверждал, что его подчиненные «в предвоенные годы считались своего рода штрафным батальоном» (1999, с. 53), со своими нравами и порядками, не отвечавшими общим установкам. Здесь ценили инициативу в достижении цели. Заслугой Шмидта и Шевелева было то, что они добились сочетания четкой служебной дисциплины с личной инициативой своих подчиненных. А это необходимо в экстремальных условиях Арктики. Руководство экспедиции полностью доверяло и своим людям, зная, что на них можно положиться, даже когда их поведение не отвечало общепринятым нормам. Впрочем, вся полюсная операция также не отвечала общепризнанным стандартам.

Это было тем более важно, что возможность посадки до последнего момента оставалась проблемной. Не случайно позднее при описании этого события каждый из участников выделял свои обстоятельства и детали. Так, по Шмидту, при снижении в облаках над расчетной точкой полюса «…мы, конечно, не знали, что мы увидим внизу… и не знали, идет ли облачность до самого льда или оставит нам промежуток для

ориентирования… Облачность кончилась между 500 и 560 метрами высоты, так что мы, выйдя… из облаков, увидали картину, которая могла только обрадовать. Огромная льдина, небольшие трещины, в одном месте полынья, маленькое озеро… Мы быстро посовещались с М. Водопьяновым и с М. Бабушкиным о величине льдины и решили, что льдина, находящаяся рядом с большой полыньей, подходит. Полынья очень помогла Водопьянову. Ведь все было бело кругом, и когда мы снижались кругами, это полынья, это черное пятно на белом фоне, служила ему ориентиром. Самолет был посажен мастерски, остановился без толчков, люди высыпали с возгласами: «Мы на полюсе или где-то очень близко в районе полюса». Естественно, что мы обнялись, расцеловались… а затем мы присмотрелись, где же мы находимся… Было ощущение, что полюс все-таки полюс и он должен чем-то отличаться, в нем должно быть что-то специфическое… Солнца нет, видимость прекрасная… километров на 50–70 видно. Куда ни взглянешь, со всех четырех сторон всюду одинаково — лед, лед и лед. Величественное одиночество ничем не нарушается. Полюс величественен… но спокоен, как будто бы ему никакого дела не было до того, прилетели мы или не прилетели!» (1960, с. 181–182).

Водопьянов отметил особенности прибытия на полюс с позиции пилота: «Пролетев над площадкой, мы заметили заструги, такие же, как на Земле Франца-Иосифа или в тундре… Судя по торосам, лед был толстый, многолетний. Развернувшись еще раз, я снова прошел над площадкой… быстро развернулся, зашел против ветра… и снизился еще метров на десять. С огромной быстротой подо мной замелькали торосы, вот-вот задену их лыжами. Кончилась гряда торосов. Впереди ровная площадка. По белому снегу навстречу стелется черный дым (от шашек. — *В. К.)*. Прошу Бабушкина, как только самолет коснется снега, дернуть трос и раскрыть парашют, служащий воздушным тормозом. Убираю газ… Медленно тяну штурвал на себя: машина опускает хвост, секунды две идет на высоте примерно одного метра… Резко беру штурвал на себя. Самолет мягко касается нетронутой целины снега. На всякий случай выключаю моторы — вдруг не выдержит льдина и машина провалится. Бабушкин дергает за трос, парашют раскрывается. Самолет катится вперед и не проваливается… Пробежав двести сорок метров, самолет останавливается» (Цит. по: Белов, 1969, с. 313–314). Успех посадки, как и на челюскинской льдине, обеспечивался, помимо мастерства экипажа, малой посадочной скоростью огромных машин. Первый опыт определения надежности льда с воздуха для посадки тяжелых самолетов, несмотря на очевидный риск,

оправдался и позднее был подтвержден измерениями на месте, показавшими толщину в три метра.

Корреспондент «Правды» Бронтман уделил основное внимание человеческим эмоциям, причем с партийных позиций: «Водопьянов мягко и осторожно совершил посадку. Раздалось дружное «ура», возгласы в честь родины, товарища Сталина. Все бросились в объятия друг друга, расцеловались. Первым на лед Северного полюса сошел начальник экспедиции Шмидт (правда, его опережал кинооператор Трояновский при исполнении своих обязанностей. — *В. К.)*. За ним спустились остальные. Папанин, салютуя, выстрелил несколько раз из нагана. В заключение праздника достали бутылку коньяку и торжественно распили» (1938, с. 115).

Оставалось наращивать и развивать подобный опыт. Выполненные вскоре после посадки астрономические наблюдения показали, что самолет находится на 89°26′ с. ш. и 78° з. д., примерно в 50 километрах от полюса, что для науки не имело существенного значения, поскольку еще сто лет назад академик К.М. Бэр с позиций ученого утверждал, что «полюс — это такая же точка, как и все остальные». Разумеется, переносить лагерь в сложившейся ситуации никто не собирался.

Колоссальный успех, однако, был омрачен выходом из строя радиопередатчика самолета. «Шмидт держится спокойно, но мы все понимаем, — отметил в своем дневнике Федоров, — как глубоко переживает он эту задержку. Шевелев на Рудольфе уже обязан сообщить, и уже, конечно, сообщил, в Москву. С каждым часом нарастает тревога в Политбюро, в правительстве.

Кренкель слышит телеграмму Шевелева в Москву о мерах, которые намечено предпринять для розысков нашего самолета и нашего спасения. Сейчас вылетать с Рудольфа нельзя — погода испортилась, но самолеты готовят.

Тем временем устройство лагеря завершается. Наша основная палатка, как и большая часть оборудования, еще на Рудольфе. Установили парусиновые палатки, одной накрыли Эрнста с его аппаратурой, которую он вначале развернул под открытым небом. Поставили будку для метеоприборов. Иван Дмитриевич и механики из экипажа Водопьянова готовят обед. Марк Трояновский перебегает с места на место — снимает первые часы работы на полюсе. Со времени посадки прошло около десяти часов. Наконец, аккумуляторы заряжены и Кренкель может выйти в эфир» (1982, с. 200–201): «…В 11 часов 35 минут Водопьянов блестяще совершил посадку. К сожалению, при отправке радио о достижении полюса внезапно произошло короткое замыкание… прекратилась радиосвязь, возобновившаяся только сейчас…

Льдина, на которой мы остановились, расположена примерно в 20 километрах за полюсом по ту сторону и несколько на запад от меридиана Рудольфа. Положение уточним. Льдина вполне годится для научной станции, остающейся в дрейфе в центре Полярного бассейна. Здесь можно сделать прекрасный аэродром для приемки остальных самолетов с грузом». Чтобы скорее узнать о благополучной посадке самолета Водопьянова, люди сбегались в радиорубку на острове Рудольфа полуодетыми и даже необутыми…

Так или иначе, первая часть намеченного предприятия — высадка, в ходе которой необходимо было поставить научную станцию, была успешно выполнена. Теперь оставалось создать эту станцию, отпустив ее затем в свободное плавание по воле волн и ветров. Продолжительность плавания зависела от совокупности неизвестных факторов, для изучения которых она и замышлялась. Совсем не случайно в продолжении своего дневника Федоров отметил: «В эти первые же дни на нас потоком неслась интереснейшая информация — и метеорологические условия, и само движение льдины, ее толщина и структура, и сейчас же измеренные мною элементы земного магнетизма, и то, что в лагере оказалась пуночка»(1982, с. 202), — произошел обвал научной информации, характерный для начала наблюдений на «белом пятне».

25 мая три остальные машины вылетели с острова Рудольфа, причем машина Алексеева добралась до цели 27 мая, а Мазурука — только 5 июня. Четыре машины взлетным весом по 25 тонн (включая в основном собственное горючее, необходимое оборудование и запасы и т. д.) доставили к месту посадки 10 тонн оборудования и запасов, необходимых для осуществления дрейфа. Несомненно, «коэффициент полезного действия» с точки зрения рядового события повседневности не был высоким, но… событие-то не было рядовым. Научные наблюдения на льдине начались вскоре после разборки прибывших грузов.

Первым провел свои наблюдения Федоров, определив координаты места посадки самолета Водопьянова. Полученные результаты послужили для определения скорости дрейфа льдины. Ширшов свою первую гидрологическую станцию выполнил только 4 июня, не дожидаясь прилета Мазурука, на самолете которого находилась глубоководная гидрологическая лебедка. Он вовсю эксплуатировал наличную рабочую силу из всех собравшихся экипажей. Столь значительное событие в деталях запечатлел в своей книге Бронтман: «Начиналась первая гидрологическая станция в районе Северного полюса. Священнодействуя, Ширшов прицепил к тросу первый батометр, проверил его термометры и

скомандовал:

— Трави!

За барабан лебедки сел Василий Сергеевич Молоков. Он медленно и осторожно опускал прибор в океан. Вода была спокойной, темно-голубой, исключительно прозрачной. Счетчик отметил 50 метров, а мы все еще видели блестящее рыльце батометра. Молоков травил метр за метром. Счетчик показывал 100… 150… 200… 250… Гидролог остановил вращение, прицепил к тросу второй батометр. Еще через 250 метров под воду ушел третий прибор и, наконец, четвертый. Следом помчался посыльной груз — почтальон. Достигнув прибора, он опрокидывал его, термометры фиксировали температуру воды своего уровня, приборы закрывали доступ иной воде.

Прошло несколько минут. Ширшов молча поднял руку вверх. Молоков начал медленно выбирать трос. Это была очень тяжелая работа: 1000 метров стального каната, опущенного в воду, весили много. Движения Василия Сергеевича, вначале резвые, постепенно становились медлительнее. Выбрав 540 метров, пилот виновато сказал:

— Ох, и тепло же в этом климате… — и охотно уступил свое место Спирину. Через несколько минут Спирин повторил фразу, сказанную Молоковым, и уступил свое место Ритслянду. С той поры слова о климате служили сигналом передачи рукоятей барабана сменщику.

Из глубины океана на поверхность вышел первый батометр. Дрожа от нетерпения, Ширшов отцепил его от троса, вооружился лупой и тут же, склонившись над трещиной, начал рассматривать показания термометров. Он недоумевающее записал донесение одного термометра, перевел глаза на другой и огорченно воскликнул:

— Какая досада! Термометры врут!

Столбик ртути свидетельствовал, что на глубине 300 метров температура воды была плюс 0,62 градуса. «Не может быть», — повторял Ширшов, пока тянули на свет божий второй батометр. Его термометры показали, что температура воды на глубине 500 метров была плюс 0,48 градуса. Сомнений не оставалось. В центре Ледовитого океана, на полюсе, проходил мощный слой теплой воды.

Пораженные этим крупнейшим научным открытием, мы, забыв об усталости, вертели барабан лебедки. Третий батометр также принес теплую воду. И лишь четвертый прибор, дежуривший на глубине 1000 метров, донес об отрицательной температуре. Правда, и там вода была сравнительно теплой: термометры фиксировали только минус 0,17 градуса, в то время

как обычная температура полярной морской воды равна минус 1,6 — минус 2 градуса. Открыв краники батометров, гидролог аккуратно слил воду каждого горизонта в стеклянные баночки… Сейчас ни у кого не осталось сомнений, что эта вода доставлена на полюс мощным Гольфстримом. До полюса дошли воды, нагретые солнцем Флориды.

Ширшов не покинул своего поста до вечера. Он вновь и вновь опускал батометры на различную глубину, стараясь уточнить границы теплого течения, проверяя показания термометров. Всего было взято пятнадцать горизонтов. Оказалось, что слой теплой воды простирается от глубины 250 до 610 метров. Наиболее теплая вода была на уровне 400 метров — плюс 0,77 градуса. Над теплым течением покоился слой холодной воды, идущий до поверхности, имеющий температуру минус 1,63 градуса.

Мы с явным почтением взирали сверху на спокойную гладь океана. Никто из ученых мира, а тем более никто из нас не предполагал, что здесь окажется такая мощная подводная теплая река. Неожиданно у края льда мы заметили что-то вроде рыбки… Через десять минут предприятие увенчалось полным успехом. Живность была вытащена на льдину. Это был рачок-бокоплав, длиною в пять-шесть сантиметров. Еще одна теория потерпела крах: воды Центральной Арктики оказались обитаемыми. Вечером Ширшов опустил в глубину планктонные сетки, и они доставили на поверхность кучу разных морских животных, начиная от микроскопических и кончая видимых простым глазом» (Бронтман, 1938, с. 158–161). К сожалению, не удалось на этот раз определить самодельной лебедкой глубину океана — это было сделано тут же после отлета самолетов, когда лот достиг дна океана на 4290 метров, подтвердив основные особенности режима вод океана, удивившие поначалу ученых. Лиха беда начало!

6 июня состоялось официальное открытие станции, состоявшей из метеоплощадки, научных павильонов в небольших шелковых палатках, ветряка для зарядки аккумуляторов, жилой палатки длиной 3,7 метра, высотой 2 метра и шириной 2,5 метра. Событие в духе времени было отмечено торжественными рапортами по радио в адрес партии, правительства и лично товарища Сталина, а также троекратным ружейным салютом с подъемом флагов, среди которых главный был украшен портретом вождя мирового пролетариата.

Возвращение Шмидта с его соратниками в Москву было не менее триумфальным, чем по завершении челюскинской эпопеи три года назад. Примечательное во многих отношениях описание встречи принадлежит Шевелеву и передает дух эпохи с привкусом

ностальгии по молодости: «Зарулили, как нам скомандовали, в самый дальний угол полосы, остановились. Увидали, что к нам мчатся открытые машины, очевидно, «линкольны» — своих таких тогда не было. На каждой подножке охрана. Предложили ехать тотчас же к трибунам! Мы было заикнулись, что, мол, дали бы переодеться, мы же в рабочем виде, причем одеты легко. На мне вообще были только трусы и комбинезон. Слушать ничего не хотели — в машины и к трибунам!

Когда подъехали, нас тут же хотели вести на трибуну, где уже было все правительство. Но оттуда прибежал военный и сказал, что товарищ Сталин предложил нам сначала подойти к семьям, потому что они очень переволновались. Мы поздоровались с родными — и на трибуну. Встречал там сам Сталин, со всеми расцеловался, потом остальные члены Политбюро тоже расцеловались с нами по очереди…

Мы были в несколько ошалевшем состоянии, потому что попали, как говорится, с корабля на бал. Были мы усталые, потные, невыспавшиеся… Но слова Сталина о том, что мы молодцы, запомнились. Нас тут же потащили ехать в Кремль, посадили в машины вместе с членами семей. Кое-кто пытался обратить внимание на то, что неприлично же в таком виде появляться в Кремле! Но возражений не послушали. Мы, конечно, не ожидали такой встречи: ведь это было единственный раз, когда Сталин сам приехал встречать…

… И вот мы, как были, появились на приеме в Георгиевском зале. Столы были накрыты, стояли бутылки с разными винами, фрукты, деликатесные закуски. Начали читать указ о присвоении званий Героев Советского Союза. Каждый должен был встать и с рюмкой подойти к столу, за которым сидели члены правительства… Вот так закончился наш перелет домой после полюса» (1999, с. 86–87). Звания Героев Советского Союза были присвоены Шмидту, Шевелеву, Папанину, Спирину и командирам самолетов Алексееву, Мазуруку и Головину. Из вторых пилотов с учетом былых заслуг Героем стал Бабушкин. В те годы не существовало традиции присваивать звания дважды Героев (на что заслуженно могли бы претендовать Водопьянов и Молоков), так же как и вручать отличительный знак в виде Золотой Звезды. Тем не менее напрашиваются параллели — по наградам, так же как и по вниманию народа, в 30-х первопроходцы полюса могут приравниваться к первопроходцам космоса в 60-х.

В ностальгическом и достаточно точном описании Шевелева присутствуют два момента: один — не предназначавшийся для широкой огласки и второй, наоборот, призванный усилить народный энтузиазм, доведя его до максимума. Сопоставляя даты

происходивших в стране событий, нетрудно заметить, что встреча героев полюса происходила вскоре после оглашения приговора по делу Тухачевского и его товарищей (с быстрым приведением в исполнение). Это не могло не вызвать недоумения и даже скрытого протеста в общественном сознании советских людей, замордованном волей Великого Диктатора, несомненно, являвшегося и талантливым режиссером. Второй момент должен был если не погасить, то, по крайней мере, приглушить первый, — так это выглядит из нашего времени.

Действительно, мир оценил это достижение Страны Советов по самому высокому счету, о чем свидетельствовали отзывы газет, отнюдь не сочувствовавших коммунистическому эксперименту (тем более в 1937 году). Специализированный английский авиационный журнал «Флайт» отреагировал следующим образом: «Упорство, с которым Советский Союз проводил напряженную работу по подготовке базы на полюсе, достойно величайшего восхищения». «Нью-Йорк тайме» в номере от 25 мая продолжила эту идею: «Великолепное достижение академика Отто Шмидта, прилетевшего к Северному полюсу и создавшего там станцию, регулярно посылающего метеорологические сводки в Москву, не случайно. Это новый шаг в систематическом завоевании льдов Советским Союзом».

Сходным образом о достижении Шмидта и его страны отзывались и специалисты. Так, начальник Шведского метеорологического бюро Сандстрем оценил его так: «Я поздравляю Советский Союз, его ученых и летчиков с большими успехами в освоении Арктики. Метеорологическая станция на Северном полюсе — это великолепное дело. С научной точки зрения станция представляет большой интерес». Директор музея Естественной истории США Рой Эндрюс особо отметил, что «… высадка на Северном полюсе является удивительным достижением. От имени музея и моего лично я поздравляю профессора Шмидта и его сотрудников с замечательным полетом. Научный мир с огромным интересом будет следить за мужественной попыткой остаться на несколько месяцев на Северном полюсе. Нет никакого сомнения, что результаты такой зимовки обогатят океанографию и метеорологию».

Особую ценность среди поздравлений представляли телеграммы от полярных исследователей. Так, престарелый Антони Фиала из Нью-Йорка (тот самый, что дважды отправлялся к полюсу на собачьих упряжках с Земли Франца-Иосифа в начале XX века и остатками продовольственных запасов которого пользовались сам Шмидт в экспедициях 1929–1930 годов) сообщил: «…счастлив слышать о новом замечательном

предприятии в области арктических исследований. Шлю горячий привет всей экспедиции и ее главе профессору Шмидту». Современники Шмидта, знакомые с высокими широтами не только по литературе, знали цену достижениям их русского коллеги. Не случайно адмирал Бэрд (по профессии морской летчик) слал «…самые горячие поздравления и сердечный привет всем, кто участвовал в организации и осуществлении этой экспедиции… по случаю изумительного достижения — посадки на Северном полюсе… Очень разумный план был претворен в очень разумные действия с большим вниманием к деталям. Это достижение — один из самых великолепных подвигов во всей истории полярных исследований». Вильялмур Стефанссон (создатель известной теории «дружественной Арктики», в честь которого наши полярники произвели глагол «стефанссонить» — жить за счет местных ресурсов) отметил: «Создание станции у Северного полюса имеет большое значение для метеорологии и, следовательно, для авиации. «Клуб исследователей» гордится успешной экспедицией советских полярников, так как академик О. Ю. Шмидт является почетным членом клуба еще со времен экспедиции на «Челюскине». Все перечисленное означало, что осуществление полюсного проекта было выполнено Шмидтом на уровне мировых достижений.

Разумеется, в советском обществе полюсная операция была воспринята с восторгом во всех слоях, включая известных людей, далеких от проблем Арктики. Известный актер МХАТа В. И. Качалов приветствовал руководителя полюсной операции такими словами: «Примите и от меня сердечный привет, дорогой Отто Юльевич, бесконечно дорогой всем нам, друзьям, почитателям Вашим, современникам Вашим, счастливым и гордым сознанием, что мы живем с Вами в одну эпоху, такую чудесную и великую. Мысленно был с Вами на Северном полюсе, подавал Вам туда свой голос привета по радио и, кажется, был услышан» (1959, с. 440).

Даже Ф. И. Шаляпин, покинувший Родину, чтобы не иметь дел с большевиками, в частном письме к дочери поделился с ней своим восторгом в связи с событиями на полюсе: «Что за великолепный народ все эти Папанины, Водопьяновы, Шмидт и К°, я чувствую себя счастливым, когда сознаю, что на моей Родине есть такие удивительные люди. А как скромны! Да здравствует славный народ российский!»

Само собой разумеется, наибольший интерес полюсная операция вызвала у ученых, даже далеких от полярных проблем. Престарелый В. Вернадский свое отношение выразил Шмидту такими словами: «Вам некогда, конечно, читать бесконечных

выражений восхищения и глубоких переживаний, которые Вашим большим и нужным делом, его блестящим исполнением вызваны… Сделано большое дело, научно важное, и я не сомневаюсь, что оно дальше разовьется, как общее дело человечества. Но оно сделано благодаря Вам, нашей страной» (1959, с. 439).

Тем временем на самой льдине оставшаяся четверка во главе с Папаниным вела весьма напряженную жизнь. Продолжительность рабочего дня (включая жизнеобеспечение) достигала 17 часов. Самым тяжелым видом научных работ оказался промер гидрологической станции с использованием лебедки, требовавшей работы вручную. В дневнике Федорова за 7 июня отмечено: «Сегодня в 3 часа 40 минут все улетели. Мы отоспались и начали нормальную работу. Прежде всего, измерение глубины… Дно! 4290 метров. На грузе — сероватый ил… Теплая атлантическая вода обнаружена на порядочной глубине… Координаты 88°54′ с. ш., 21° з. д.». 10 июня люди на льдине услышали гул самолета Чкалова. Стало ясно, что метеонаблюдения первой дрейфующей приобрели практическое значение — обеспечение трансполярных перелетов. Одновременно происходили события, казалось бы, незначительные для человека с материка. Например, 13 июня станцию посетили чистик и пуночка, но эта информация (вместе с другими наблюдениями) опровергала мнение, укоренившееся со времен Нансена, Кука и Пири, об отсутствии жизни в районе полюса.

Происходили регулярное определение координат и скорости дрейфа, наблюдение магнитного поля, измерение силы тяжести и атмосферного электричества, требовавших в свою очередь обработки на месте. 20 июня было проведена вторая гидрологическая станция на глубине четыре с половиной километра. Объем информации о природе района полюса нарастал буквально с каждым днем. Он был важен и для запросов чисто практических (весьма актуальных в связи с ожидавшимся очередным трансконтинентальным перелетом Громова), что было кстати в связи с отчетом Отто Юльевича на общем заседании Академии наук, состоявшемся 10 июля.

С учетом дальнейшего развития событий в этом выступлении можно увидеть научное завещание крупнейшего полярного деятеля XX века на тему будущих исследований в Арктике. Данных от полярной четверки еще не поступило, но и то, чем располагал Шмидт, вызвало в научной среде повышенный интерес. Несмотря на спешку, очевидные накладки и многие другие досадные промахи, вызванные прежде всего недостатком

времени (оно ушло главным образом на подготовку развернутого научно-технического отчета в ЦК), выступление оправдало ожидания присутствующих.

Выступая перед столь высокой аудиторией, Отто Юльевич особо оговорился, что речь пойдет о сугубо предварительных наблюдениях. «Поэтому, — сказал Шмидт, — сегодня я не предполагаю и не могу сделать подробный научный отчет. Целью моего выступления будет характеризовать те задачи, которые мы себе ставили, и вкратце — методы, которыми мы эти задачи пытались решить, и те, пока еще немногочисленные, но, как мне кажется, тем не менее важные, выводы, которые уже можно сделать на основе результатов советской экспедиции на Северный полюс». Особо докладчик остановился на проблеме преемственности, в том числе методической: «В этих наших методах мы явились в какой-то части новаторами, а в некоторой части — прямыми наследниками всего лучшего, что было накоплено ведущими учеными в полярной области за предыдущее время» (1960, с. 163), имея в виду прежде всего важность наблюдений на полярных станциях, характеризующих природный процесс. Это отсылало присутствующих к Карлу Вейпрехту с его идеей Международного Полярного года, дважды (в 1882–1883 и 1932–1933 годах) успешно реализованного в нашей стране. Что касается новаторства, то в глазах присутствующих таковым выступал сам докладчик, и, казалось, ему оставалось подтвердить ожидания какими-то иллюстрациями. Но Шмидт не был бы Шмидтом, если бы остановился только на этом…

Сейчас этот доклад воспринимается как первое приближение к новому видению системы природного процесса в Арктике и методов решения этой проблемы. Отдавая должное Карлу Вейпрехту в идее создания научных стационаров в Арктике, Шмидт рассматривал будущую работу дрейфующей станции в системе взаимосвязей с остальными полярными станциями в Арктике. Поскольку папанинская льдина уже начала свой многотысячекилометровый путь в неизведанное, получался некий странный гибрид — наблюдения выполнялись на стационаре, но подвижном, то есть в маршруте, хотя и изменяющемся по воле волн и ветров. Арктика преподнесла своеобразный логический парадокс в качестве иллюстрации к известному философскому положению о единстве и борьбе противоположностей. Очевидно, присутствующие ощущали это интригующее противоречие, которое в той или иной форме могло проявиться и в их собственной профессиональной деятельности. Одно это уже обеспечивало напряженное ожидание аудитории.

Остановившись в общем виде на возможностях ледокола в

качестве исследовательского средства, Шмидт отметил его пригодность для создания полярных станций на архипелагах и побережье — но не для района полюса. «Как же нам было быть? — озадачил он своим вопросом присутствующих, чтобы затем дать исчерпывающий ответ, причем в нескольких вариантах. — Нам нужно было обосноваться длительно. Мы остановились на аэроплане как средстве передвижения и средстве создания постоянной станции на полюсе… Даже один из главных участников нашей экспедиции, один из инициаторов этой экспедиции в ее летной части, — Герой Советского Союза М. Водопьянов — в своей известной книжке «Мечта пилота» боязливо подходит к вопросу о посадке на полюс… У него в книге большой самолет имеет на горбу маленький самолет, который должен опуститься и расчистить площадку для посадки большого самолета. В прессе появилась статья другого Героя Советского Союза М. Слепнева о том, что на парашютах надо сбросить людей, и когда они сумеют подготовить площадку, тогда может спуститься самолет. Проф. П. А. Молчанов (аэролог) уверял, что нужен для этого дирижабль… Почему же мы решили, что мы идем на самолете и не на каком-нибудь, а на самом большом (4-моторном), тяжелом самолете (весом 24,5 тонны), и идем целой эскадрильей? Это шло вразрез с обычными представлениями. Тем не менее это не было скачком в неизвестность, а основывалось на нашем богатом опыте, знании льдов и на известных теоретических предпосылках» (1960, с. 170), с которыми докладчик познакомил аудиторию. Отметим, что это была не только первая преднамеренная посадка на дрейфующие льды Центрального Арктического бассейна, но и на ледник в виде ледникового купола острова Рудольфа в архипелаге Земли Франца-Иосифа, — впервые в мире!

Что касается непосредственно самих научных наблюдений, как уже полученных, так и тех, которых можно было ожидать в будущем, то Отто Юльевич обозначил несколько направлений.

Первое — гидрологическое: «…отвергая грубую аналогию движения льда и атмосферы, как циклонического, так и антициклонического, мы можем тем не менее кое-чему поучиться у метеорологов в отношении исследования движения льдов… Нужно и в гидрологии, и в океанографии переходить от внешней геометрической характеристики к физической сущности явлений… Многое остается неизученным. На то наша льдина и дрейфует…» В части метеорологии «…сейчас уже можно сказать, что одним из выводов, который бросается в глаза, является тот факт, что не нужно переоценивать значения «шапки» холода. Ее немножко слишком противопоставляли остальной воздушной

массе. Взаимодействие этой существующей «шапки» полярного воздуха с остальной воздушной массой гораздо сложнее и интенсивнее. Прорыв южных масс доходит до полюса» (Там же, с. 170–178).

Суть биологических наблюдений сводилась к тому, что околополюсный район заселен различными видами фауны, включая птиц, а также различными обитателями моря (рачками, креветками и т. д.).

Новым были и предложения Шмидта в части астронавигации, позволявшие определить собственное местоположение и величину дрейфа по двум осям координат.

Вывод докладчика по совокупности научных достижений заключался в том, что «…экспедиция… уже сейчас если не решила, то поставила очень много вопросов и, несомненно, освежающе подействует на полярную географию… что некоторые из этих вопросов она приблизила к решению» (Там же, с. 180).

Разумеется, Шмидт не мог обойти молчанием судьбу льдины с ее «экипажем», не побоявшись собственного прогноза в том, что они «…попадут туда, где им важнее быть и выгоднее быть, хотя и опаснее: попадут в пролив между Шпицбергеном и Гренландией, попадут не сразу, на их пути будет несколько петель и заворотов. Это будет живой, очень сложный процесс, но, в конце концов, их, по моему глубокому убеждению, неотразимо будет увлекать в сторону Атлантики. Должно ли это наполнять нас тревогой? Нет. Мы надеемся, что дрейф будет достаточно медленным, что через год он даст возможность спокойно закончить работу, что через год мы найдем их на этой же самой льдине, может быть, несколько постаревшей, в том же полярном бассейне, хотя и южнее. Но если бы наши предположения не оправдались, если под влиянием различных факторов, ускоряющих движение в одном направлении, их вынесет ранее, мы пойдем к ним на помощь на ледоколе. Если это случится полярной ночью, эта задача будет труднее» (Там же).

Сделать Шмидту подобный прогноз было гораздо труднее, чем Нансену почти полвека тому назад, поскольку норвежец опирался на свидетельства дрейфа остатков «Жаннеты», а в распоряжении Шмидта чего-либо похожего не было. Единственный существенный просчет, как показало уже ближайшее будущее, он допустил в темпах самого дрейфа. Но едва ли это может быть поставлено ему в вину.

Сам президент Академии наук академик В. Л. Комаров резюмировал сообщение Отто Юльевича такими словами: «В этом зале мы слышали много очень интересных докладов, но такого увлекательного доклада, как сегодня, мы еще не слышали».

Тем временем на самой льдине 11 июня температура впервые поднялась выше 0, и вскоре таяние стало доставлять ее обитателям много забот. Это отразилось в радиограммах на Большую землю: «Потоп сильно надоел, и мы нетерпеливо ждем заморозков». К 20 июля для обитателей льдины «…обстановка стала привычной, полностью освоились и приспособились к местным условиям. Весь распорядок жизни подчинен лишь одному требованию: добыть как можно больше первоклассных наблюдений» (Белов, 1969, с. 319). Однако короткое полярное лето закончилось в конце августа, а начало сентября ознаменовался морозами -10–15 ˚С. В августе пошли циклоны с ветрами и метелями и, соответственно, подвижками льда, причем высота образовавшихся торосов достигала 6 метров. Папанинцы тяжело переживали исчезновение самолета Леваневского, последняя связь с которым состоялась около 18 часов 13 августа, — Арктика напомнила, что не терпит шапкозакидательства. В конце сентября температуры достигали -20 ˚С, так что пришлось переходить на зимнюю одежду. А вскоре из-за сильных южных ветров в километре от станции образовалось длинное разводье, и сжатия стали повторяться чаще. «Лед так трещит, будто грузчики с высокого штабеля сбрасывают доски», — отметил в своем дневнике Папанин 5 октября, когда солнце последний раз осветило окрестности станции. А на следующий день экипаж льдины почувствовал отчетливые признаки торошения. То, что это происходило в области больших глубин порядка 3,5–4 километров, обостряло восприятие происходящего. 7 октября станция оказалась на 85°41′ с. ш., в 255 милях по прямой от места высадки, удаляясь от нее пока со скоростью порядка двух миль в сутки. Наступившие морозы осложнили проведение наблюдений: «Трудновато в этих условиях брать гидрологические станции. Металлические части приборов быстро стынут, и мокрые пальцы то и дело прилипают к металлу», тем более что из-за подвижек лебедку пришлось перенести на расстояние почти километр от станции. Всего за пять месяцев дрейфа было выполнено 20 гидрологических станций, обнаруживших присутствие теплых атлантических вод на глубинах 250–750 метров. С наступлением полярной ночи окружающий пейзаж посуровел: «Быстро несутся по светлому небу причудливо рваные клочья облаков. Временами показывается луна, и тогда таинственными монументами кажутся сгрудившиеся в стороне торосы. Черными длинными языками вытягиваются сугробы на застывшей белизне поля. Ребрами каких-то неведомых чудовищ выглядят мачты и воткнутые в снег лыжи. Приземистым силуэтом едва чернеет зарывшаяся в снег

палатка. Сквозь замерзший круглый иллюминатор уютно поблескивает огонь» (Визе, 1948, с. 380).

Ситуация непростая, достаточно суровая, но, в общем, ожидаемая, если бы не новости с трассы Северного морского пути. Там обозначилась тревожная обстановка, грозившая непредсказуемыми последствиями для руководства ГУ СМП. Это Шмидт отчетливо почувствовал по встречам с хозяином Кремля 17 августа и 9 октября. Первая из указанных дат, видимо, связана с исчезновением 13 августа самолета Леваневского — в процессе очередного трансарктического перелета. Теперь Шмидту стало ясно, что на завершающей стадии арктической навигации рассчитывать на помощь авиации (задачей которой становились поиски пропавшей машины очередного рекордсмена) не приходится. Еще более тяжкое впечатление осталось у него после «беседы» с вождем советского народа 9 октября. Тогда ему наглядно объяснили, кто именно виноват в происходящем на трассе, потребовав принятия экстренных мер. Результатом стал приказ от 15 октября за № 605 об отстранении начальника Гидрографической службы Орловского от своих обязанностей «… за непринятие необходимых мер по ликвидации последствий вредительства» (Попов, 1990, с. 128). Орловский в это время оказался на «Седове», попавшем в вынужденный дрейф. Оценки происходящего из Москвы и из Арктики выглядели настолько по-разному, что руководство дрейфующих судов не стало доводить содержании радиограммы до адресата. Едва ли Шмидта на последней встрече со Сталиным предупредили о грядущем аресте С. А. Бергавинова, состоявшемся 31 октября, — в связи с предполагаемым покушением на самого Сталина! Факт тот, что Шмидт на пике Большого террора лишился партийной «крыши». И возможно, не случайно. В письме к Молотову 31 октября он (на основе данных своего «комиссара»!) вынужден был констатировать: «Наши территориальные управления оказались исключительно зараженными троцкистами, зиновьевцами, бывшими белогвардейцами и просто жуликами» (РГАЭ, ф. 9570, оп. 5, д. 109, л. 141), заимствуя стиль своего Политуправления, не свойственный прежде ему самому.

Объяснение происходившего дано в работе Жукова: «Ведомство Ежова предпочло подлинной вине мнимую — «вредительство»… Формальным основанием для репрессий в Главсевморпути стали сотни, если не тысячи доносов, которые С. А. Бергавинов, ничуть не помышляя о такой же собственной судьбе, переадресовывал в НКВД. Именно такой подход к решению проблемы И. О. Соркин, на короткий срок возглавивший Политуправление ГУСМП, в записке, направленной заместителю

заведующего транспортным отделом ЦК ВКП (б) Власову 16 декабря 1937 года, и посчитал единственно возможным:

«Основная причина нашего поражения на море в текущем году — это не стихия, а наша политическая беспечность, позволившая врагам народа своими вредительскими действиями дезорганизовать навигацию» (с. 345–346). Еще раз отметим, что в создавшейся ситуации Шмидт был вынужден на какой-то момент следовать в «кильватере» за своими политнадзирателями, — спорить с «линией партии» было делом безнадежным. Но, как будет показано ниже, даже в этой ситуации опальный академик и Герой Советского Союза не опустил рук…

Арктическая навигация 1937 года на Северном морском пути не заладилась с самого начала. В значительной мере это произошло из-за отсутствия Шмидта, занятого полюсной операцией. Всего два года назад трасса успешно работала и без присутствия Шмидта, но именно в 1937-м это обстоятельство сыграло негативную роль: не оказалось человека, готового вовремя принять на себя ответственность. Остальное — не более чем сопутствующие обстоятельства, многократно преодолеваемые в предшествующие навигации. Действительно, поздно в море вышли ледоколы (например, «Красин» на 25 суток позже запланированного). Как обычно, были задержки в предоставлении необходимых судов Главсевморпути от Наркомвода, и в поставках грузов и т. д. Хуже обстояло дело с топливом на Востоке. По Лене планировалось доставить в Тикси 10 тысяч тонн якутского угля, а поступило намного меньше, причем в погоне за планом нередко вместо угля гнали породу и т. д. Авиация с самого начала была брошена на высадку папанинцев, а позднее — на поиски пропавшего без вести экипажа С. А. Леваневского, и, таким образом, вести ледовую разведку было некому. Были прогнозные ошибки частного характера, что не сыграло фатальной роли в развитие событий. Решающими оказались другие факторы, прежде всего организационные.

Тем не менее в начале августа ледокол «Ермак» (капитан В. И. Воронин, руководитель морских операций на западе Севморпути Ковель) провел в пролив Вилькицкого три каравана транспортных судов общей численностью 23 единицы. Однако вскоре льда на востоке Карского моря прибавилось настолько, что «Ермак» в августе — сентябре половину времени потратил на ожидание улучшения обстановки, еще 8 суток на бункеровку на Диксоне, 10 — на подходы к караванам, а на саму проводку — только 13 дней. Такое соотношение затрат времени не сулило ничего хорошего. Подобным образом действовали и другие ледоколы, в первую очередь «Ленин». Задержавшись с

бункеровкой на Диксоне, «Ермак» не смог оказать своевременную помощь судам в проливе Вилькицкого. Шесть единиц вместе с ледорезом «Литке» зазимовали у берегов Северной Земли, несмотря на отчаянную телеграмму из Москвы от 30 сентября: «Выход из кризиса зависит от «Ермака», в частности, предупреждения зимовки каравана «Литке». Ожидаем от славного «Ермака», его героического экипажа с капитаном Ворбниным, исключительной активности, невзирая на трудности… Шмидт» (1943, с. 303). В составе каравана оказался пароход «Моссовет» (капитан П. А. Бочек), уже совершивший переход по трассе Севморпути из Мурманска в Петропавловск и теперь направлявшийся в Европу с грузом (уже оплаченным западной валютой!) камчатских крабовых консервов. Он имел все шансы оказаться первым судном, одолевшим путь вдоль северного побережья Евразии дважды в одну навигацию. Последней надеждой каравана оставался ледокол «Ермак». Но 4 октября по радио «…Воронин коротко сказал, что ледокол имеет особые обязанности и он в лед не пойдет» (Бочек, 1968, с. 299), — ледокол в это время протаскивал на запад израненный пароход «Володарский». Второй раз «Ермак» подошел к каравану 17 октября, передал на него уголь, необходимый для зимовки, и принял часть людей, но также не мог оказать реальную помощь, поскольку был отозван для дальнейших операций, включая на Земле Франца-Иосифа, где опасность зимовки угрожала еще трем судам…

Сбитое с толку начавшимися арестами руководство ГУ СМП в отсутствие Шмидта (отчеты в ЦК, поездки по стране, необходимость санаторного лечения, наконец, смерть жены — все смешавшееся в едином стечении неблагоприятных обстоятельств) элементарно растерялось. Никто не мог объяснить происходящего «наверху», включая «шефа», которого любил Великий Диктатор, который стал Героем, но который тем не менее не знал об истинных причинах ситуации «наверху». Это было попросту за пределами его компетенции… В итоге моряки в ледовых просторах Арктики и сотрудники Морского управления ГУ СМП перестали понимать друг друга.

Запоздалое вмешательство Шмидта после встречи с Великим Диктатором уже ничего не могло изменить. Обстановка на западе Советской Арктики заставила Шмидта приказом от 23 октября (явное следствие последних сталинских инструкций) отстранить от обязанностей Ковеля со штабом на «Ермаке», отвечавшего здесь за ледовую проводку. Известный полярный историк М. И. Белов полагает, что «…неправильные действия капитана «Ермака» и начальника морских операций были вызваны страхом самим

остаться на зимовку» (1969, с. 188). Однако существует и другая точка зрения. Участвовавший в зимовке каравана «Аитке» известный ледовый капитан И. А. Ман в беседе с автором подтвердил правильность действий Воронина. Тот на обезугленном судне мог легко повторить судьбу шхуны «Святая Анна». В этом случае судьба зазимовавших судов оказалась бы трагической — выводить их изо льдов на будущий год было бы просто некому… Осенью 1937 года тактика и стратегия ледовых операций на какой-то момент пришли в противоречие. Тем не менее с учетом будущей навигации действия В. И. Воронина не просто правильные, а единственно верные.

Еще шесть иностранных судов остались на зиму на Диксоне с грузом леса. «Красин» зазимовал в бухте Кожевникова, а бот «Смольный» — в устье Оленька. На западе моря Лаптевых в дрейфе оказались также шесть судов, включая ледокол «Ленин». Три судна зимовали на Земле Франца-Иосифа и еще три — у Новосибирских островов (ледокольные пароходы «Малыгин», «Садко» и «Седов»), где они попали в генеральный дрейф общим направлением в Северную Атлантику. Таким оказался финал арктической навигации 1937 года…

Наибольший просчет в прогнозе ледовой обстановки был допущен для моря Лаптевых, здесь оказалась треть от общего количества зазимовавших судов. Уже поэтому при описании самой большой зимовки за всю историю Севморпути здесь можно ожидать наиболее поучительных примеров в судьбах людей и отдельных судов.

Начнем с ледокольного парохода «Садко»(капитан Н. И. Хромцов), который в навигацию 1937 года направлялся в третью высокоширотную экспедицию под руководством директора ВАИ Р. Л. Самойловича. В частности, ему поручались поиски Земли Санникова. В конце августа их безнадежность, ко всеобщему разочарованию, стала очевидной. Полярную станцию вместо Земли Санникова пришлось «переадресовать» на остров Генриетты в группе островов Де-Лонга. С завершением строительства станции на зимовку остались 6 полярников во главе с Л. Ф. Мухановым, который начинал свою полярную карьеру секретарем Шмидта. «Садко» после обследования островов в группе Де-Лонга, направился в Тикси, куда пришел 13 сентября и встал под погрузку угля. В 20-х числах, в связи с разразившимся штормом, «Садко» помогал в спасении гидрографических судов «Челюскин» и «Хронометр», вернувшись снова в Тикси 24 сентября. С завершением экспедиционных работ часть ученых и освободившихся людей отправили с попутными судами во Владивосток, поскольку ледовая обстановка

ухудшалась на глазах. Затем «Садко» направили на проводку парохода «Кузнецкстрой» и к каравану ледокола «Ленин», встреча с которым на западе моря Лаптевых произошла 3 октября. Ледовая обстановка стала там угрожающей, о чем Хромцов доложил на совещание капитанов. Угля на судах оставалось совсем мало, поэтому решили дожидаться прихода мощного «Красина». Однако из Москвы 9 октября последовало указание пробиваться на Диксон для участия в проводке судов в западном секторе.

Коллективный ответ капитанов и руководителей экспедиций ставил Морское управление ГУ СМП в известность о невозможности пробиться даже к проливу Вилькицкого, не говоря уже о Диксоне. Особо подчеркивалось, что «…речь должна идти только о выводе судов на чистую воду и о постановке части судов на зимовку в безопасном месте, чтобы избежать зимовки в открытом море в дрейфующих льдах» (Николаева, Хромцова, 1980, с. 77). «Красин» подошел только 13 октября, причем руководство на этот раз предложило ему вести караван «Ленина». Чтобы выполнить этот приказ, «Красин» оставил ледокольные пароходы «Садко», «Седов» и Малыгин», отложив помощь им на будущее. С каждым днем положение становилось все более угрожающим, и Хромцов, не обладая правом самостоятельного решения, запросил руководство: «Прошу указания вмерзать ледокольным пароходам в данном месте в ожидании прихода «Красина» или отходить на восток в более легкий лед» (Николаева, Храмцова, 1980, с. 79). Москва разрешила отойти к востоку на 15–20 миль, что не меняло дела. По поручению озадаченных капитанов Хромцов повторно детально описал Москве складывающуюся ситуацию, на что последовало, наконец, запоздалое расплывчатое указание: «… Подтверждаю немедленный выход на восток. Полагаю, что в случае серьезного риска зимовки правильнее продвигаться в Тикси». То, что было очевидно морякам посреди моря Лаптевых, не доходило до руководства в Москве. 18 октября наконец было дано добро на самостоятельное решение, когда изменить что-либо было уже невозможно. Море Лаптевых замерзло, и время оказалось безнадежно упущенным: «Садко», «Малыгин» и «Седов» вмерзли в лед…

Для самого Отто Юльевича складывалась весьма непростая ситуация. Если высадка на полюсе (при всех сомнениях на будущее) завершилась успехом, то на Северном морском пути близилась самая настоящая катастрофа, признаки которой нарастали с каждым днем. Занятый многочисленными отчетами в различные инстанции, поездками по стране для выступления в

различных коллективах (что было непременным ритуалом тех лет), наконец, собственным санаторным лечением (дабы избежать повторения болезни по челюскинскому варианту), Отто Юльевич слишком поздно смог оценить происходящее на трассе, созданной в значительной мере его же усилиями. А тут еще арест его комиссара Бергавинова по нелепому обвинению… Шмидту следовало готовиться к самому худшему…

С очевидным опозданием 27 октября Шмидт (своим вмешательством фактически отстранив начальника Морского управления ГУ СМП Крастина от операций в Арктике) радировал судам в море Лаптевых: «Красину» дано распоряжение следовать помощь вашему каравану. Провести на восток или обеспечить безопасную зимовку Новосибирских островах. Разоружать суда (то есть готовить их к зимовке. — *В. К.)* нельзя. Сведите режим топлива до минимума. Ожидайте прихода «Красина». Держите с ним постоянную связь». Чуть позже он довел до сведения моряков: «По донесениям ”Красина» операция по оказанию помощи вам оказывается невозможной… Вашей группе переходить на зимовочное положение… Шмидт» (Николаева, Хромцова, 1980, с. 82–83). Определилась судьба не только группы из трех ледокольных пароходов, но и всей навигации 1937 года в Советской Арктике.

Сходным образом развивались дела и с караваном «Ленина». С середины сентября временами не было видно чистой воды и суда в караване (помимо ледокола еще пять единиц) подвергались сильному сжатию. В результате на пароходе «Володарский» было сломано много шпангоутов. Ледокол «Ермак», однако, своевременно вывел аварийное судно на чистую воду, и оно благополучно вернулось в Архангельск — в отличие от остальных.

24 сентября в сильном дрейфе караван миновал мыс Челюскина со льдом, который уносил его в море Лаптевых, и на рубеже сентябрь — октябрь оказался у острова Петра вблизи берега Прончищева на Таймыре. Один из участников дрейфа Л. В. Рузов, направлявшийся на строительство новой полярной станции в проливе Санникова (так и не добравшийся до места назначения), оставил красноречивое описание бедствий, постигших караван:

«Машины с заклиненными льдом винтами бездействовали. Корабли, точно детские игрушки, в непроизвольных положениях, — кто лагом, кто кормой — дрейфовали все дальше и дальше. Скорость дрейфа достигала восьми миль в час… На пароходе «Товарищ Сталин» в машинное отделение через большие пробоины в бортах хлынула вода, которую едва успевали

откачивать непрерывно работающие насосы. У всех судов было много поломанных шпангоутов. Наш караван состоял из побитых, аварийных кораблей. Здесь к нам присоединился следовавший из бухты Кожевникова пароход «Диксон». Дни текли, а впереди ничего благоприятного не ожидалось. Алилуйщиной Арктику не завоюешь. Она жестоко мстит тем, кто пытается «забросать ее шапками». Арктика не прощает ошибок. Сейчас мы расплачивались за бездеятельность людей, руководивших проводкой кораблей, допустивших много ошибок, не проявивших гибкости и инициативы в сложной арктической обстановке.

5 октября к нам на выручку вышел из Чаунской губы «Красин»… Сложная ледовая обстановка давала основание сомневаться в благополучном исходе плавания «Красина»… До отказа загрузив ледокол углем, капитан Белоусов повел его на запад… Запасы угля постепенно сокращались, и, подходя к меридиану островов Петра, капитан окончательно убедился в бесплодности всей операции. На обратный путь угля явно не хватало… Семь суток пробивался ледокол и лишь 20 октября, затратив 900 тонн очень ценного теперь топлива, подошел к каравану» (Рузов, 1957, с. 210–212).

В создавшейся ситуации не оставалось ничего другого, как искать подходящее место для зимовки — с общего согласия остановились на бухте Кожевникова при входе в Хатангский залив. 20 октября на траверзе острова Преображения «Красин» (как отмечено ранее) получил приказ выводить изо льда «караван трех кораблей» в составе «Седова», «Садко» и «Малыгина», но было уже поздно… Комментарий Рузова многое объясняет: «Красин» еще не закончил крайне сложной операции по проводке нашего каравана в бухту Кожевникова; угля на ледоколе оставались считаные тонны, а тут еще такое странное предписание… Видимо, в кабинетах Главсевморпути на улице Разина не представляли истинного положения дел» (1957, с. 214). В создавшейся ситуации бухта Кожевникова для шести судов каравана осталась недостижимой мечтой…

Командования каравана 1 ноября решило отправить пассажиров с необходимым количеством продуктов и вещевого довольствия на борт «Красина». В опустевших угольных бункерах для вновь прибывших были построены многоэтажные койки. «Красин» достиг бухты Кожевникова, где и зазимовал. На оставшихся шести судах 146 моряков и полярников также стали готовиться к зимовке. Было решено организовать дрейфующую научную станцию, поскольку научного персонала в караване оказалось вполне достаточно. Забегая вперед, лишь отмечу, что наиболее интересные данные были получены по гидрологии

района в специально построенном на льду гидрологическом павильоне под руководством Н. М. Сторожева: более 2 тысяч наблюдений за дрейфом льда, более 1200 инструментальных наблюдений за течениями, 500 измерений глубин, свыше 400 измерений температур воды и т. д. Научные наблюдения в майне, куда на тросах опускались приборы, привлекли внимание морской фауны — в пробитой во льду майне время от времени возникала морда… моржа, которого после небольшой рукопашной схватки все же удалось отвадить. Под руководством Олив успешно трудилась аэрометеорологическая группа и т. д. Чтобы не страдать от безделья, многие зимовщики занимались охотой на песца (что требовало регулярных обходов пастей и замены привады), а также учебой. В качестве лекторов и преподавателей выступали крупные специалисты из персонала экспедиций и полярных станций, не попавшие к месту назначения. В походах по окрестностям и между разбросанными в процессе дрейфа кораблями биолог-охотовед Г. Л. Рутилевский из Арктического института заслужил славу полярного следопыта. Разумеется, были семинары парт- и политпросвещения, работали курсы по повышению квалификации штурманского состава и т. д. — одним словом, люди не сидели без дела.

Условия жизни на судах определялись полярным опытом капитанов, который был разным. «Капитан парохода «Диксон» Анисим Зиновьевич Филатов не был новичком в Арктике. Вот почему, когда вопрос о зимовке каравана стал для него очевидным, он предусмотрел все мелочи и позаботился, чтобы команда его судна не терпела лишений. Здесь люди жили в тепле, питались хорошо и вкусно. «Диксон» имел телефонную связь с ледоколом. Электростанция «Ленина» снабжала соседа электроэнергией. Но во время подвижек льда и ветров часто рвались провода, нарушалась телефонная связь с ледоколом, гасли электролампы, и вахтенные электрики, сопровождаемые матросами, выходили на ремонт линий.

Каждый визит Филатова на ледокол имел практический смысл. После долгих споров с начальником каравана он получал разрешение на продукты, одежду, горючее. Капитан не медлил и, пока начальство не передумало, тут же грузил все на нарты, которые дружная команда диксоновцев, преодолевая два километра торосистого пути, доставляла на пароход «Диксон».

Филатов, всегда жизнерадостный, энергичный и веселый человек, поддерживал неизменно хорошее настроение своей команды и пользовался в караване заслуженным авторитетом» (Рузов, 1957, с. 228). Показательный пример человека на своем месте.

Папанинцам (такое название закрепилось за персоналом «Северного полюса-1» на десятилетия) о происходившем на трассе стало известно из сообщений радио. Неожиданные новости озадачивали людей, привыкших под водительством Шмидта к победам, и их реакцию можно проследить по мемуарным изданиям различных лет. Так, в первом издании папанинской книги «Жизнь на льдине» отмечено за 3 октября: «Днем нам рассказали по радио о врагах народа, вредителях и диверсантах, пробравшихся в Главное управление Северного морского пути» (1938, с 111). Эта тема получила на страницах книги развитие: «В этом году к празднику 20-летия Октябрьской социалистической революции работники Севера должны были преподнести подарок стране, а вместо этого получилось так, что почти все ледокольные суда зазимовали» (Там же, с. 132). Далее: «Полярники потеряли бдительность, считали, что «шапками закидаем» Арктику, а результаты получились плачевные» (Там же, 135). В сходных выражениях реакция на провал навигации 1937 года преподносится и в книге Кренкеля «Четыре товарища», издания 1940 года: «Да, вредители потрудились. Ах, сволочи…» (с. 224). Учитывая редакционные нравы той поры, трудно понять, отражают ли эти ремарки точку зрения авторов или являются откровенными редакторскими вставками.

Соответствующие страницы из дневника П. П. Ширшова (2005), опубликованного недавно, очевидно, ближе к реальному восприятию очередной новости обитателями льдины: «Русанов» сломал оба винта и сейчас беспомощно стоит в Тихой вместе с «Рошалем» и «Пролетарием». «Таймыр» послан ему на помощь, но где-то на подступах к ЗФИ встретил тяжелые льды. Москва обещала послать на помощь «Ермак», но он тоже бьется со льдом, проводя 8 пароходов. Два дня назад получили телеграмму от Самойловича: «Поехали догонять вас. За девять дней продрейфовали 53 мили на север», — с грустью сообщают с «Садко».

— Ну и год какой-то проклятый! — мрачно сказал Иван Дмитриевич.

Итог года более чем печальный. Три парохода («Седов», «Малыгин» и «Садко». — *В. К.)* дрейфуют на север куда-то в неизвестность. Где-то застрял «Литке» со своим караваном. «Ермак», по-видимому, ставит восемь судов на зимовку. «Красин» пошел на помощь и тоже, наверное, застрял. А теперь последний из ледоколов, «Русанов», застрял в Тихой.

— Вот страхотища-то! — резюмировал Эрнст наши печальные разговоры. Страшно! Другого слова не придумаешь.

— Арктика показала зубы, — сказал Иван Дмитриевич.

Не хочется думать об этом, но действительно страшно!

Я долго не мог заснуть. Ворочаясь в мешке, я мог отогнать настойчивые мысли: что же будет с навигацией в 1938 году? Что будет, когда лед начнет давить пароходы? Что будет зимой в районах, куда ничего не удалось завести? А на «Малыгине», «Седове», наверное, нет зимовочного запаса, нет зимней одежды. Успехи последних лет настолько вскружили головы, и Морское управление составляло графики движения судов, как будто плавали они на Черном море, а не в Арктике» (2005, с. 186).

Кому приходилось страшней и опасней: на Большой земле в ожидании ночного визита незваных гостей в голубых фуражках, на одинокой льдине в просторах Ледовитого океане во тьме наступившей полярной ночи или на судах, не готовившихся к зимовке, увлекаемых неумолимым дрейфом из моря Лаптевых в ледяную глушь Центрального Арктического бассейна? Для полярников так вопрос не стоял — там и там они выполняли свою работу, болели за своих коллег, делая общее мужское дело, суровое, требовавшее полной отдачи, с весьма неясными перспективами на будущее.

Тем временем дрейф продолжал тащить льдину с одинокой палаткой к югу со все возрастающей скоростью. Это не могло не внушать опасения на будущее. На рубеже ноябрь — декабрь папанинцы миновали первую серьезную опасность — нарваться на таран Северо-Восточного мыса Гренландии на 82° с. ш. Он уничтожил бы ледяное поле вместе с его обитателями. В середине декабря эта угроза отпала, но обозначилась новая — быстрое возрастание дрейфа к югу. «Этого никто не предполагал, — отметил в своем дневнике Федоров. — Считалось, что средняя скорость дрейфа в направлении Атлантического океана будет 1–2 мили в сутки и через 10–12 месяцев — весною 1938 года — мы отойдем к югу примерно до 83–81° с. ш. Здесь нас и снимут самолеты. Такая скорость действительно наблюдалась в Центральной Арктике. Но по мере продвижения к югу постоянная составляющая дрейфа быстро возрастала. Между 90 и 85° с. ш. она имела 1,4 мили в сутки, между 85 и 83° достигла 3,3 мили в сутки» (1982, с. 249).

Это обстоятельство уже обратило на себя внимание специалистов, и 27 ноября 1937 года в Главном управлении Северного морского пути (когда станция оказалась на 82°55′ с. ш.) состоялось совещание с повесткой дня «Об организации снятия с дрейфующей льдины зимовки тов. Папанина». Председательствовал Остальцев, а Шмидт не участвовал, хотя, казалось бы, судьба папанинской четверки имеет к нему самой непосредственное отношение. Удивительно также отсутствие

Визе, тем более что, если верить Бурханову, события развивались именно по его сценарию.

Заседание началось с сообщения Н.Н. Зубова, находившегося со Шмидтом не в лучших отношениях, а главное, представлявшего конкурирующий с Арктическим институтом Институт океанографии Гидрометеослужбы. Он неоднократно посещал Гренландское море на «Персее» и «Садко», а потому среди присутствующих оказался наиболее опытным специалистом. Тем не менее события с папанинской льдиной развивались отнюдь не по его сценарию. Поэтому к некоторым его выводам и оценкам следует относиться осторожно. «При исследованиях Севера, — начал он, — часто не знают, что может пригодиться. Мы теперь расплачиваемся за существовавшую в свое время точку зрения о том, что не стоит особо исследовать Гренландское море и «Садко» (речь шла об Первой высокоширотной экспедиции 1935 года. — *В. К.)* забираться на запад. К 1 мая у нас была бы готова монография по Гренландскому морю, но это дело было загублено вредителем Бергавиновым» (РГАЭ, ф. 9570, д. 698, л. 12–13). Бывший колчаковский капитан 2-го ранга слегка блефовал, но так понятен его сарказм с учетом обстоятельств биографии…

Присутствовавшим предстояло на явно недостаточном материале выдать хотя бы самый общий прогноз для организации спасательных работ. Как потом оказалось, он мало отвечал реалиям Гренландского моря: «Наша льдина попадет в центральную часть гренландского потока… наиболее мощную, наиболее медленно поддающуюся влиянию таяния, мы можем сказать наперед, что… наша льдина дойдет до 78–78° к маю месяцу» (Там же, л. 17), хотя и с оговоркой: «Как обернется картина, которая может быть разнообразной в различные годы, говорить трудно» (л. 23). Да, прогноз оказался далеким от реальности, но это свидетельствовало не о слабости прогнозистов, а именно об отсутствии необходимой информации. Без нее прогноз превращался в гадание на кофейной гуще, и чтобы приблизить его к реальности, как раз трудилась четверка на льдине. Их данные понадобились союзникам всего через несколько лет, в разгар войны, когда немцы бросились во льды Гренландского моря создавать на его берегах свои метеостанции, чтобы составить хоть подобие метеопрогноза для своих люфтваффе и кригсмарине…

Остальцев задал Зубову уточняющий вопрос:

— Когда вы считаете нужным готовить патрульное судно?

Ответ гласил:

— До кромки судно может идти в декабре. Можно посылать

судно из Мурманска, пускай базируется на Шпицбергене…

По результатам обсуждений Остальцев подвел итоги, суть которых заключалась в следующем: в марте следующего 1938 года направить патрульное судно, которое к апрелю начнет патрулировать положение ледовой кромки, к концу апреля послать ледокол в Баренцбург, откуда на основе информации с дрейфующей станции обеспечит ее эвакуацию. Но развитие событий очень скоро внесло свои поправки в планы и намерения спасателей. К концу года папанинская четверка оказалась на 80°40′ с. ш., опережая прогноз по крайней мере на два градуса, а спустя еще полтора месяца разница в ожидаемых и реальных координатах по широте достигла 10 градусов. Это поставило участников дрейфа на край гибели в ледовых жерновах Гренландского моря, так что спасательную операцию пришлось проводить по непредвиденному сценарию — со всеми вытекающими последствиями. Тем не менее, когда Москва предложила участникам дрейфа выслать самолет (в декабре), они отказались. Интереснейший эксперимент обещал слишком много, а наш полярник обладал своими понятиями долга и чести.

Людям на льдине приходилось непросто. Первоначально планировалось проводить гидрологические станции через каждые тридцать миль, но с возрастанием темпа дрейфа эту работу пришлось бы выполнять каждые четыре дня. Это заведомо превышало предел сил советского полярника, который оставался просто человеком со своими ограниченными физическими возможностями.

Спонтанно возникшая ситуация для Шмидта означала, что в наступающем 1938 году ему предстояло в первую очередь провести эвакуацию папанинской льдины, а с наступлением лета выводить зимующие суда с трассы Северного морского пути, включая «караван трех кораблей», который легко мог оказаться в Центральном Арктическом бассейне. В любом случае события на трассе Северного морского пути предвещали финал его непростой, но замечательной карьеры полярного исследователя, к большому сожалению сотрудников созданной им организации и просто людей Страны Советов. Чтобы успокоить своих подданных, руководство страны опубликовало в прессе указ о назначении Отто Юльевича заместителем председателя Центральной избирательной комиссии по предстоящим выборам в Верховный Совет СССР. Это была существенная, но запоздалая деталь в биографии героя настоящей книги, которая мало что меняла в главном — пик славы героя Арктики остался позади.

Глава 10
1938–1939 годы. Прощай, Арктика!

… Толпу дурных примет,
Как бы бегущих впереди событья,
Подобно наспех высланным гонцам
Земля и небо вместе высылают
В широты наши нашим землякам.

У. Шекспир

Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти…

Ф. Шиллер.

Напряжение на льдине с наступлением нового, 1938 года нарастало с каждым днем. Это происходило в первую очередь из-за борения стихий по мере приближения к фронтальной зоне на контакте вод Северного Ледовитого и Атлантического океанов. Теперь в степени правдивости прогнозов разных специалистов участники эксперимента могли убедиться зрительно, в пределах того, что позволял мрак полярной ночи. То немногое, что было доступно взгляду, определенно не внушало оптимизма, если не считать даже завываний пурги и скрежета льда, новостей из эфира.

На долю Шмидта подобные ситуации выпадали по крайней мере дважды — на «Сибирякове» в 1932 году и на «Челюскине» в 1933–1934 годах. Тогда его решения вызывали восхищение как у простых советских людей, так и у советского руководства во главе со Сталиным, усиленно эксплуатировавшего арктическую тему в пропаганде. Однако теперь помимо ответственности за людей, оказавшихся в ледовых жерновах Гренландского моря в разгар полярной ночи, на Шмидте кандалами повисла еще и судьба зимовавшего на Севморпути флота, включая ледоколы. Теперь ему предстояло выбираться из такой ситуации, по сравнению с которой льдина в Чукотском море в компании с сотней вольных и невольных полярников выглядела невинным приключением. В

прошлом остались огни и воды и даже медные трубы. В ближайшем будущем со всей очевидностью обозначились неумолимые волчьи зубы Великого Диктатора со своей чекистской сворой, способной, казалось, сожрать полстраны… И это на вершине мировой славы, которую принесла Шмидту полюсная эпопея!

Шмидт теперь уже не определял развития событий. Они сами несли его с собой, словно в половодье. Лишившись ударной силы в виде ледокольного флота, рассчитывать на авиацию, дежурившую на Земле Франца-Иосифа, для посадок на ледяные обломки в полярной ночи Гренландского моря можно было только с отчаяния… Впервые Отто Юльевичу предстояло выступать не на привычных первых ролях, а в качестве уже осужденного с отсрочкой наказания. При всей образности литературных сравнений реальная обстановка в первые месяцы нового, 1938 года для руководителя советских полярников была самой угрожающей, что отмечали многие его сотрудники. Так, Б. Л. Дзердзеевский в своих воспоминаниях позднее писал: «Мы случайно сошлись с Отто Юльевичем в коридоре Главсевморпути. Он отозвал меня в сторону и тихо, как всегда, спокойно сказал: «Только что получена радиограмма. Льдину разломало на несколько мелких кусков…» И тут я впервые прочел в его глазах большую тревогу…» (1959, с. 220).

Как ни опасно было положение зазимовавшего флота, в первую очередь следовало думать о снятии папанинской четверки. Ситуация с нею в наступившем 1938 году с каждым днем все больше внушала тревогу. К новому году дрейфующая станция на пути к югу пересекла 80° с. ш., а норвежцы с острова Ян-Майен и «Мурманца» на 74°23′ с. ш. наблюдали открытое море при температуре воздуха выше нуля. Складывалась непривычная для наших полярников ситуация, определявшаяся близостью Исландского барического минимума, или «кухни погоды», в Северной Атлантике, влияние которой на Советскую Арктику им предстояло определить. Обычные люди называют самые отдаленные и неприспособленных для жизни места медвежьими углами. Однако в местах, где заканчивала дрейф папанинская льдина, не жили даже медведи, и самым отчаянным авиаторам здесь было нечего делать…

А вскоре станция оказалась в пределах Гренландского шельфа: произошло падение глубин с 235 метров 27 декабря до 162 метров к 7 января. Сам дрейф к югу нарастал такими темпами, что из Москвы в начале января запросили подтверждения: «Верно ли, что 22 мили прошли за двое суток? Ваша быстрота вызывает недоумение» (Кренкель, 1940, с. 258).

Ситуация на льдине, однако, чаще вызывала не недоумение, а настоящую тревогу…

Проводя наблюдения 14 января Федоров обнаружил колебания уровней теодолита — отдаленное волнение уже начало раскачивать льдину, и это был весьма серьезный признак отдаленной угрозы. Вблизи станции появились первые значительные разводья, в одном из которых опробовали байдарку — жаль, что это утлое суденышко не могло доставить отважную четверку к людям! Начальник первой дрейфующей станции оценивал положение оптимистично, судя по радиограмме от 18 января: «У нас все благополучно, все здоровы. Ледовые условия позволяют нам дрейфовать. Считаю целесообразным начать операцию в марте. Привет от всех».

В ответ Москва радировала ближайшие мероприятия: «План снятия. Первое. Бот «Мурманец» в качестве патрулирующего идет к кромке, где будет курсировать небольшом радиусе на широте нахождения вашей станции, имея задание держать с вами связь, давать ледовую, метеорологическую информацию, вооружен пеленгатором, имеет собачью упряжку». Далее сообщалось о выходе «Таймыра» с самолетами на борту в ближайшие дни из Мурманска на Шпицберген и о готовности «Ермака» в марте. Поскольку радиограмма была подписана Остальцевым (а из Москвы можно было ожидать чего угодно), на льдине задумались: а где же Шмидт, чем он занят? Оставалось ждать…

Еще 11 января в Гренландское море вышел крохотный деревянный зверобойный бот «Мурманец», водоизмещением всего 150 тонн, с капитаном И. Н. Ульяновым из поморов. Это судно (скорее, суденышко) должно было отслеживать положение ледовой кромки, не делая попыток пробиться к льдине с участниками дрейфа, лишь информируя командование о ледовой обстановке в условиях полярной ночи. Однако разведчики перестарались и спустя месяц угодили в ледовый плен. «Мурманца» в итоге вынесло через Датский пролив на просторы Атлантики, но свое дело он сделал, поскольку информация с этого ледового патруля позволила позднее уверенно действовать главным силам под флагом военной гидрографии.

Январь завершался продолжительной пургой и борьбой полярных стихий. Не случайно в своем дневнике Кренкель 21 января отметил и водяное небо, и необычно сильное торошение. Ситуация складывалась серьезная, о своей судьбе папанинцы могли только гадать, но радист-норвежец с Ян-Майена, переживавший за отважную четверку, в конце января поинтересовался у Кренкеля: «Знаете ли вы, что в феврале вас будут снимать?» (1940, с. 284).

1 февраля Федоров сделал в своем дневнике характерную запись: «Черт знает, куда нас несет. Вероятно, сильно поджало к берегу Гренландии… — одновременно отметив удары, с которыми трескалась льдина. — Если порвет, то от нас отойдет южная половина аэродрома и гидрологическая лебедка» (1982, с. 261–262). Какие люди — судьба лебедки их тревожит, не своя: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире прочнее гвоздей». О последних изменениях Папанин радировал Шмидту: «Лед в районе станции продолжает разламываться, обломки полей не более семидесяти метров… Разводья до пятидесяти метров. Льдины взаимно перемещаются. До горизонта лед девять баллов, в пределах видимости посадка самолета невозможна».

По Федорову, «2 февраля наступила ясная и тихая погода. Мы обозревали окрестности. Насколько хватало глаз, всюду виднелся мелкобитый лед. На нашем обломке льдины обнаружились новые трещины, еще более сократившие ее размер. Одна из трещин отрезала от нас дальнюю мачту антенны, вместе с палатками, которые мы накануне поставили» (Там же, с. 265). По Кренкелю, «…наш обломок был размером 30 на 50 метров» (1940, с. 290) и «несся» к югу курьерскими темпами, покрывая за сутки до 20 миль.

Только в первые дни февраля Шмидт наконец известил Папанина: «Правительство разрешило мне лично возглавить экспедицию по снятию со льдины, чему я очень рад. Выход «Таймыра» в зависимости от перспектив погоды в середине или второй половине февраля» Шмидт смог объявить об этом после посещения Сталина, которое, судя по журналу посещений, произошло 1 февраля. Это очень важная информация — по двум причинам. Первая — нигде в литературе Шмидт не фигурирует в качестве начальника спасательной экспедиции. Вторая — в ближайшие дни отплытие «Таймыра» было ускорено, а сам Шмидт срочно отправился в Ленинград, чтобы подогнать выход «Ермака». Но, видимо, согласие Сталина было обставлено такими оговорками, что в советских изданиях никто не рискнул ссылаться на Шмидта как начальника спасательной экспедиции.

Теперь папанинцы настолько поверили в близкое завершение дрейфа, что известили об этом по радио родственников. К тому времени их жилье после ледовых катаклизмов приобрело непрезентабельный вид. Кренкель описал его так: «5 февраля. Сидим в старой, еще недавно такой уютной палатке. Шумит ветер. Здесь грязно. На полу перкаль поверх хлюпающих шкур. Кричит патефон. Пьем чай. На радиостоле примус. По-прежнему горят лампы. Койки голые, на нижних лужи воды. Сидим в калошах и торбасах. Висят обрывки проводов. На полу кое-как

стоит чайник. Кухня полна водой на 80 сантиметров. Водой полон коридор. Валяются на полу разные книжки. Толстый пакет клипер-бота лежит на полу… 10 февраля… Пурга около 18 часов стихла, и мы в первый раз увидали на западе берега Гренландии» (Там же, с. 267–269).

Тем временем на Большой земле готовились вступить в дело главные силы: ледокольные пароходы «Таймыр» (капитан Барсуков, начальник экспедиции Остальцев из ГУ СМП) и «Мурман» (капитан Котцов, начальник воздушной экспедиции Спирин — также из ГУ СМП). Других судов, способных одолеть льды Гренландского моря, на тот момент просто не было — они (за исключением «Ермака» — вот когда пригодился рискованный прорыв Воронина на запад на исходе навигации 1937 года!) остались зимовать на трассе Севморпути. В связи с этим официальный летописец советского периода освоения Арктики М. И. Белов использовал непростую формулировку: «Операция производилась силами Северного военно-морского флота под руководством Главсевморпути» (1969, с. 321), то есть дублирующими силами в разном ведомственном подчинении, что фактически отстраняло Отто Юльевича от руководства ими. Зато для сталинского руководства тем самым оставался простор… объяснения причин в случае неудачи. Риск для Отто Юльевича в создавшейся ситуации становился запредельным, и можно было только догадываться о выпавших на его долю моральных нагрузках. В такой обстановке для начальника Главсевморпути проходил последний аврал на том самом поприще, где его деятельность проявилась во всем блеске достижений…

Из Мурманска «Таймыр» вышел в море 3 февраля, «Мурман» — 7-го. За ними в ночь с 9 на 10 февраля из Ленинграда в Гренландское море последовал «Ермак» с капитаном Ворониным и Шмидтом на борту. Привлечением нескольких судов перестраховка в спасательной операции не ограничилась: поскольку в трюмах и на палубах находился десяток летательных аппаратов различных конструкций, включая автожир — прообраз современного вертолета. Страна, потерявшая в 1937–1938 годах в борьбе с «троцкистско-бухаринской» заразой 681 692 человека, приговоренных к «высшей мере», не жалела сил и средств для спасения четырех полярников… Тогда же погиб дирижабль, потерпевший аварию с большим количеством жертв в районе Кандалакши. Общее настроение напряженного ожидания в обществе выразил начинающий поэт Константин Симонов:

На талом льду, за тыщу верст,
Где снег колюч и ветер черств,

Четыре наших парня ждут,
Когда им помощь подадут…
…В опасности, спиной к спине,
Одежду, хлеб и кров деля,
Горсть земляков подмоги ждет.
И вся союзная земля
К своим на выручку идет.

И только самые посвященные знали, как Великий Диктатор увязывал сроки спасения папанинцев с датами очередного политического процесса над Бухариным и его «подельниками», отводя тем самым и полярникам особую роль, о которой они даже не догадывались…

На льдине утром 12 февраля спавших зимовщиков поднял на ноги крик Кренкеля: «Огонь на горизонте!» Кто-то стал уверять, что это только звезда, но Федоров в трубу теодолита определил, что работает сильный прожектор «Таймыра», находившийся в 40 милях от дрейфующего лагеря. Правда, моряки, как они считают, разглядели световые сигналы папанинцев еще в ночь с 7 на 8 февраля. Однако дальнейшему продвижению к льдине мешал тяжелый лед. «Таймыр» и «Мурман» находились неподалеку друг от друга, пилоты Г. П. Власов с «Таймыра» и И. И. Черевичный с «Мурмана» начали с воздуха поиск льдины с людьми. Власов обнаружил ее 16 февраля, выполнив посадку в нескольких километрах от станции. Теперь оставалось найти с воздуха подходящие разводья для обоих ледокольных судов, которые 19 феврали подошли ближе чем на милю к многострадальному лагерю первой дрейфующей. Остальное, как говорится, стало делом техники. В 19 часов в эфир ушло последнее радио с позывными UPOL с характерным «почерком» Кренкеля, к которому привыкли в эфире: первая дрейфующая станция «Северный полюс» (открывшая счет всем последующим вплоть до СП-35 в 2008 году) завершила работу, и множество людей во всем мире облегченно вздохнули. А среди них и сам Шмидт на борту «Ермака», опоздавший к кульминации небывалого дрейфа. После встречи судов участники дрейфа под бурный восторг экипажа перешли на борт «Ермака», где произошел обмен новостями с обоих сторон. Но описание встречи со Шмидтом не оставили ни участники дрейфа СП-1, ни многочисленные корреспонденты, традиционно освещавшие такого рода события, что само по себе показательно. Зато сохранилось фото Папанина со Шмидтом, видимо, послужившее темой эпиграммы неизвестному полярнику:

Примеров много есть на свете,

Но лучше, право, не найти,
Снял Шмидт Папанина со льдины,
А тот его — с Севморпути!

Показательно и другое — впервые по завершении значительной арктической операции имени Шмидта не оказалось среди награжденных, указ о которых был опубликован 22 марта 1938 года. Не отмечено имени Шмидта и среди участников приема папанинцев в Кремле, где Великий Диктатор поднял известный тост «За Папанина и папанинцев, за Стаханова и стахановцев!..». На этой встрече он придумал поистине иезуитский прием, поручив опальному Шмидту роль тамады, заставив, тем самым, славословить будущему воспреемнику на руководящем посту.

Похоже, чувство меры на этот раз отказало Великому Диктатору, ибо он перешел грань, отделяющее великое от смешного. Это поняли многие полярники, мгновенно перехватив инициативу. Откликаясь на'грядущую смену своего руководства, они начали усиленно цитировать классика, противопоставляя одного другому: «И академик, и герой, и мореплаватель…», с одной стороны, а с другой — «…и плотник». «Наверху» вовремя оценили пикантность сложившейся ситуации, и полного отчета о встрече папанинцев опубликовано не было. В официальном приветствии по случаю завершения спасательной операции были отмечены только сами папанинцы и экипажи судов, участвовавших в зимнем походе в Гренландское море, — также без упоминания Отто Юльевича. Ему через несколько дней предстояло держать ответ о деятельности Главсевморпути в Совнаркоме, решение которого было известно заранее. Определенно «наверху» помнили о суждении другого классика русской литературы — от иронии до крамолы только шаг…

Однако в высоких широтах Арктики было не до тонкостей сталинского политеса или общественной реакции на него. Здесь речь шла о выживании кораблей и людей, причем у каждого из 26 зимующих судов складывалась своя судьба. Самая трагичная оказалась у сухогруза «Рабочий» в море Лаптевых. Она описана на страницах книги Рузова: «20 января началась подвижка льда в районе парохода «Рабочий» и гидросудна «Камчадал». От сжатия льдов в левом борту «Рабочего» образовалась вмятина. Сжатие льдов продолжалось и в последующие дни. 23 января наблюдалась сильная подвижка льда, в результате которой на «Рабочий» обрушилась подступившая к нему вплотную гряда торосов высотой в 4 метра. Корпус судна не выдержал

колоссального давления, лопнули шпангоуты, и обшивка борта у трюма № 4 оказалась разорванной.

Лед и вода устремились в трюм. Заделать пробоину, несмотря на своевременно подготовленные материалы, было невозможно. Работала донка, выкачивая воду. Команды «Рабочего» и «Камчадала» дружно очищали пароход от палубного груза, дружно сбрасывая его на лед. Люди работали без паники, самоотверженно, при 32-градусном морозе и леденящем ветре. В 20 метрах от парохода был сложен штабель из 150 ящиков со спичками. При навале льдов ящики стали коробиться. В результате трения спички воспламенились, запылал огромный костер, осветивший место катастрофы. Новый натиск льда, и судно заметно осело кормой. В 7 часов 10 минут судно сильно накренило. На борту остался лишь один капитан Сергиевский. Своей распорядительностью он поддерживал полный порядок. Бледный и измученный капитан в 7 часов 30 минут покинул корабль. Сжатие льдов ослабевало, и льды начинали постепенно расходиться. Корма парохода стала медленно погружаться в воду. В 9 часов она коснулась грунта, но другая половина судна еще высилась над ледяным полем, которое подпирало нос корабля. «Рабочий» встал «на попа» и на мгновение задержался.

Затем раздался треск мачт, и корабль исчез под водой. «Рабочий» лег на дно и из его разбитого чрева с силой выброшено на поверхность еще несколько десятков ящиков и бочек» (1959, с. 229–230).

Оставалось распорядиться спасенным грузом, что вылилось в самостоятельную операцию. Эти 200 тонн надо было доставить на борт «Ленина» за 20–25 километров по всторошенному льду, причем зимовщики располагали всего двумя собачьими упряжками, каждая из которых могла перебросить лишь несколько сот кило груза за рейс. Поэтому людям самим пришлось действовать в качестве тягловой силы. Ориентирами во тьме полярной ночи служили судовые прожектора, причем грузы от «Камчадала» (ближайшего судна к погибшему «Рабочему») доставлялись лишь до полпути, где его принимали люди из экипажей «Ленина» и «Ильменя», доставлявшие его непосредственно на ледокол. Полученный опыт заставлял приноравливаться к приливам (когда трещины по пути раскрывались) и к отливам (когда они смыкались). Надежным проводником в таких «грузовых операциях» снова проявил себя охотовед Г. Л. Рутилевский, который проходил от 40 до 50 километров ежедневно. Были случаи легкого обморожения, но лишь после похода 10 февраля двое из 62 участников на время слегли в постель.

А на Большой земле командно-административная система вовсю демонстрировала свои способности в оценках происходящего, порой весьма далекие от реальных. Правительственное (но не партийное, как следовало бы ожидать) решение по итогам навигации 1937 года от 28 марта 1938 года отмечало: «Совнарком СССР признает работу Главсевморпути за 1937 год неудовлетворительной… Причинами столь тяжелых ошибок Главсевморпути в навигацию 1937 года, а также причиной ряда других существенных недостатков в работе Главсевморпути являются: плохая организованность в работе Главсевморпути, наличие самоуспокоенности и зазнайства, а также совершенно неудовлетворительная постановка дела подбора работников Главсевморпути, что создало благоприятную обстановку для преступной антисоветской деятельности вредителей в ряде органов ГУ СМП». Неоднократное повторение аббревиатуры Главсевморпути также не было случайностью — только руководитель этой организации, и никто другой, повинен в случившемся. Совнарком и тем более партия ни при чем! Воистину у побед — тысячи отцов, у поражений — только один виновник…

Несомненно, такое решение отражало точку зрения Великого Диктатора, но возникает вопрос — верил ли он сам, при всей присущей ему подозрительности, в происки внутренних врагов? Или для него это был лишь повод указать слишком строптивому подчиненному, которого он сам назначил в народные герои, подобающее ему место? Для историка такой вопрос возникает сам собой после свидетельства Шевелева (1999), который приводит в своих мемуарах фразу вождя, сказанную при обсуждении перспектив эвакуации зимовщиков с дрейфующих судов: «В любой другой стране за такое разгильдяйство, халатность и неорганизованность, которые привели к зимовке этих пароходов, людей отдали бы под суд, а у нас их называют троцкистами, шпионами и т. д.» (с. 69). Возможный ответ — просто другой такой страны, созданной волей Великого Диктатора, на свете не было, и, таким образом, наше предположение повисает в воздухе… Или это была обычная провокация для проверки реакции подчиненных, к которой Великий Диктатор прибегал не однажды?

Ответа нет…

На этом фоне как-то в буднях страны, не спавшей ночами в ожидании звука подъезжающего «черного ворона» и последующего стука в дверь, затерялись сами научные результаты работы на первой дрейфующей. Так сведения разведки теряются для рядового солдата на фоне грандиозного сражения, в котором

ему пришлось участвовать. А для ученого-полярника это прежде всего характеристика массоэнергообмена вод Северного Ледовитого с Мировым океаном — то, без чего человечество не могло обойтись спустя десятилетия, когда планета Земля предстала перед удивленным человечеством в качестве некоей природной системы, все компоненты которой взаимодействуют друг с другом на основе четких количественных показателей.

В создавшейся ситуации для Шмидта обвинение на «высочайшем уровне» могло оказаться своеобразным нокдауном без шансов на будущее… Однако для миллионов советских людей Шмидт был слишком знаменитой фигурой, увенчанной совсем недавно званием Героя Советского Союза. Устранение его с советского Олимпа могло вызвать в советском обществе ненужные сомнения, хотя (по рассказам старых полярников) на рубеже 1937–1938 годов Вышинский любой разговор со Шмидтом предварял стандартной фразой: «Дорогой Отто Юльевич! Вы нам очень дорого обходитесь…» Видимо, прав М. М. Ермолаев, говоря о торжестве командно-административной системы: было время, когда она принимала Шмидта за своего, но со временем он перестал умещаться в отведенном ему пространстве на советском прокрустовом ложе. Да и спецслужбы еще не имели опыта отстрела Героев Советского Союза… Более того, накануне первых выборов в Верховный Совет население страны известили о назначении Шмидта… заместителем председателя Центральной избирательной комиссии. Дескать, будет жить любимец страны, ничего с ним не сделается…

Вся деятельность Отто Юльевича в 1937–1938 годах проходила на фоне грандиозных потрясений в стране. Шел очередной сталинский эксперимент — на этот раз в части истребления партийных кадров. Улетая в Арктику весной 1937 года, Шмидт считал, что перекладывает выполнение февральского пленума ВКП(б) на своего комиссара Бергавинова, а вождь мирового пролетариата обыграл его, проведя процесс Тухачевского сразу после высадки на Северном полюсе, затем повторил ту же нехитрую комбинацию при возвращении папанинцев, увязав ее по времени с приговором по процессу Бухарина и его «подельников»… А между двумя процессами арестовал Бергавинова по обвинению в покушении на собственную персону, лишив главу ГУ СМП партийного прикрытия…

Несмотря на очевидные неудачи в Арктике, далеко не все обстояло там безнадежно, была и солидная перспектива. Еще до ликвидации первой дрейфующей Шмидт занимался подготовкой

второй дрейфующей станции в районе полюса относительной недоступности, формируя ее персонал (начальник А. И. Минеев, радист В. В. Ходов, гидролог Г. Е. Ратманов, геофизик М. Е. Острекин). Отто Юльевич планировал заброску всего необходимого на Чукотку. Только самые дотошные люди из его окружения знали, что тем самым он готовился проверить идею А.В. Колчака — того самого Верховного правителя России эпохи Гражданской войны, одно упоминание о котором в качестве корифея арктической науки могло стоить поездки на Колыму без особых шансов на возвращение.

Внушало сдержанный оптимизм и выполнение судостроительной программы по планам ГУ СМП, составленной не просто при непосредственном участии Шмидта, а под его руководством. И это — несмотря на многочисленные «посадки» судостроителей, а точнее, вопреки им. 14 августа 1937 года на ленинградских верфях был спущен на воду первый из серии новых ледоколов, получивший, естественно, имя «Сталин», а вслед за ним и его «систершип» — «Каганович», успевший к началу войны перейти в Арктику. Имя Шмидта должен был носить один из кораблей этой серии, но после высочайшей опалы он был назван в честь Анастаса Микояна — а жаль! Своей дальнейшей судьбой — одним хотя бы прорывом из охваченного войной Черного моря зимой 1941–1942 годов на просторы Мирового океана, а затем в Арктику — это судно больше соответствовало характеру Шмидта, чем мирного наркома пищепрома, вошедшего в историю способностью продержаться наплаву «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Судостроители успели также справиться с поставкой арктическому флоту сухогрузов типа «Дежнев» — одним из них был «Мурман», уже известный читателю. Успешно развивалось такое сугубо арктическое научно-прикладное направление, как ледовая авиационная разведка, с помощью которой велось картографирование ледовой обстановки.

Определенно заложенное Отто Юльевичем в Арктике продолжало действовать и без него…

Время Шмидта истекало, в ближайший год ему предстояла сдача кабинета на улице Разина, 5 новому хозяину. Тот более отвечал запросам хозяина всей страны…

Справившись с эвакуацией папанинцев, можно было после окончания полярной ночи приниматься за зимующие суда. Предварительно их с помощью летчиков освободили от избытка «народонаселения», применяя тем самым опыт, полученный после гибели «Челюскина». Работу авиаторов в Тикси обеспечивал опытнейший синоптик Б. А. Дзердзеевский, отличившийся в

полюсной операции. В первый же день тремя самолетами Р-6 из каравана «Ленина» в Тикси было доставлено 22 человека, в основном женщины. С судов на западе моря Лаптевых экипажи Асямова, Шпакова и Дмитриева за месяц вывезли 80 человек, причем на пределе дальности своих машин. Затем в дело вступили двухмоторные машины В. П. Задкова, В. П. Купчина и Е. Н. Николаева.

Участник этих полетов штурман А. П. Штепенко так описал первые впечатления от увиденного: «Застывшие без признаков жизни, стояли во льдах океанские пароходы и ледокол. Палубы их занесло снегом, по железным бортам громоздились льдины. Мачты и снасти покрывались льдом.

На случай потопления судна среди торосов у каждого корабля грудами сложены ящики с продовольствием и снаряжением. В небольшой палатке корабельный кок готовит легкий завтрак для экипажей и улетающих с нами моряков.

На аэродроме во всем чувствуется порядок. Составлены списки людей и очередность их вылета. Учтены грузы и личный багаж. Пока мы пьем горячий кофе, идет загрузка багажа…

Загудели моторы, заскользили по снегу лыжи. Медленно набирает скорость самолет… Торосы заслонили собой горизонт. Вот они прямо перед нами, острые, безобразные… Самолет резко отрывается… Купчин… улыбаясь читает радиограмму: «Отлично взлетели. Прилетайте завтра за щепками от лыж. Сейчас команда собирает их в торосах» (1950, с. 132–133).

Вывоз лишних людей с судов на западе моря Лаптевых завершился уже в апреле — на пределе возможного, когда на глазах у пилотов происходило разрушение аэродрома в результате подвижек льда. Но освобождение судов каравана затянулось до августа. При этом экипаж «Красина» во время зимовки организовал добычу не слишком качественного угля на береговых месторождениях в 78 километрах от ледокола. В добыче топлива участвовала большая часть экипажа (на ледоколе оставалось лишь 25 человек) вместе с пассажирами, а также работники «Нордвикстроя». Это предприятие выделило для перевозки добытого топлива трактор, а местные органы — еще и оленьи упряжки. Добытых почти 3 тысяч тонн топлива хватило на зимовку, а также для обеспечения остальных судов каравана для возвращения в Тикси. В связи с этим Шевелев особо отметил, что ледокол «…сам выходил из ледового плена без нашей помощи» (1999, с. 93).

В «караване трех кораблей» на севере моря Лаптевых под общим руководством Р. Л. Самойловича дела развивались сходным образом. Капитан «Садко» Хромцов, описывая реальные

трудности, не забыл отметить встречу Нового года, когда было «…всем выдано по полстакана вина. После полуночи вечер самодеятельности проходит очень весело». Насколько Большая земля была в курсе происходящего на дрейфующих судах, свидетельствует запрос Архангельского политотдела Главсевморпути: «Срочно сообщите, какую работу проводите с местным населением» (Буйницкий, 1945, с. 55).

Как и людей из каравана «Ленина», зимовщиков с дрейфующего «каравана трех кораблей» вывозила авиация. Первая встреча авиаторов с зимовщиками произвела сильное впечатление на тех и других. Будущие пассажиры словно увидали себя со стороны и словно застеснялись своего вида, но еще удивительнее были рассказы людей с Большой земли: «… Мы в ужас пришли — стоит толпа оборванцев: ватники прожжены, на одной руке — рукавица, на другой — перчатка, подпоясаны бечевками — так примерно рисуют зэков. А они (то есть авиаторы. — *В. К.)* вышли как марсиане: красавцы, в кожаных тужурках, желтых брюках, унты оленьи, мехом подбиты беличьим — просто красавцы. Мы на них смотрели, они на нас, им даже жутко: страшные мы, грязные… — вспоминал позднее В. П. Кожухов. — Осталось жуткое воспоминание от того, что от них услышал. Оказывается, на Большой земле неблагополучно: все директора, мало-мальски занимающие высокие посты, оказались вредителями, все они арестованы. Вредители, оказывается, всюду. И привели такие примеры. Когда к нам летели, садились на аэродроме в Казани, подали тягач, он тянул самолет, оборвался трос — сломался винт — это специально подстроили. И еще. Когда садились в Иркутске или Якутске, самолет пытались заправить не бензином, а водой» (Ермолаев, 1999, с. 223).

На людей, отвыкших за своими полярными делами от реалий Большой земли, подобная чушь производила впечатление, но далеко не на всех… Другим при возвращении бросались в глаза некоторые странности. Например, для встречи зимовщиков заказывается банкетный зал на полтораста человек — а из местных деятелей является десяток-другой, и никто не может людям, отвыкшим от Большой земли, объяснить почему… В Москве вновь прибывших не встретил даже самый незначительный чиновник из ГУ СМП, зато начальника Гидрографического управления ГУСМП П. В. Орловского по прибытии в Ленинград арестовали прямо на вокзале, а Н. И. Евгенова — неделю спустя. И только впоследствии освобожденные зимовщики узнавали, что еще во время зимовки органами НКВД были взяты их коллеги Е. С. Гернет, П. К. Хмызников и многие другие. Лишь теперь руководители зимовки

уяснили смысл непонятного приказа Шмидта об отстранении П. В. Орловского от обязанностей начальника гидрографии ГУ СМП, полученный на «Садко» еще в октябре или сентябре 1937 года. Приказа, который не был доведен до сведения подчиненных…

А потом последовали и другие аресты. Всего, по опубликованным сведениям из Гидрографического управления Главсевморпути, «…за 1938 год органами НКВД были арестованы 13 человек, «изъято из аппарата» 62 и уволено 149 «сомнительных и чуждых элементов» (Попов, 1990, с. 128). Однако этот мартиролог и перечень сломанных человеческих судеб по Главсевморпути в действительности гораздо длиннее: заместители Шмидта крупные хозяйственники А. Н. Баевский, И. Л. Бобров (оба участники челюскинской эпопеи), Б. В. Лавров (строитель Игарки и первопроходец Лены с моря), моряки Э. Ф. Крастин, Н. М. Янсон, Ф. И. Дриго и другие, ученые-геологи Р. Л. Самойлович (директор Арктического института), Н.Н. Урванцев (первый определивший запасы руд Норильска и создатель карты Северной Земли), М. М. Ермолаев (создатель первой геологической карты Новой Земли), авиаторы В. Л. Галышев (участник спасения челюскинцев) и Н. Жигалев, а также многие-многие другие жертвы сталинских репрессий…

Пытаясь оценить причины бед, поразивших нашу Арктику в те годы, приходится учитывать их уровень. К сожалению, гестаповская провокация (первоначально направленная против руководства РККА) удалась больше, чем рассчитывали в Берлине. Сочетание подозрительности Великого Диктатора с неприятием малейшей угрозы своей личной власти, движимое его могучей волей, проникло во все административные, хозяйственные и партийные подразделения, парализуя малейшие проявления самостоятельности на местах. Дальше — больше… На эти спазмы «государственной мудрости» наложились проблемы руководства более низкого уровня, как это было у Шмидта: вместо оперативной работы — написание отчета в ЦК после возвращения с полюса, ритуальные пропагандистские поездки по стране, элементарная необходимость санаторного лечения, наконец, смерть жены… Результат — зимовка флота в Арктике, вопреки постановлению СНК от 28 марта, свалившего очевидный провал, помимо прочего, на «благоприятную обстановку для преступной антисоветской деятельности вредителей в ряде органов ГУ СМП». Последнее из нашего времени представляется лишь пропагандистской благоглупостью для людей, лишенных воли задумываться…

Удивительно, как в Арктике люди противостояли выпавшим

на их долю испытаниям. Маленький коллектив (всего-то три человека!) полярной станции на острове Котельный первоначально должен был метеосводками и радиосвязью обеспечивать эвакуацию зимовщиков из «каравана трех кораблей». Однако вскоре старший в этом коллективе В. П. Соколов понял, что ему предстоит гораздо большее. Он описал работу своей «полярки» на страницах «Советской Арктики»: «Из-за отсутствия на станции авиабензина она первоначально должна была нести работу лишь вспомогательного характера. Все же, чтобы гарантировать себя от случайностей, мы принялись за выпечку хлеба. Наша маленькая прогоревшая духовка непрерывным потоком пропускала через себя хлеб, и за день нам удавалось испечь до 35 кг. В это время станция была похожа на хлебозавод. К середине марта мы приготовили до 700 кг печеного хлеба.

15 марта 1938 года станцию посетил первый самолет. Это был разведочный самолет Н-177 экспедиции Героя Советского Союза т. Алексеева. Экипаж самолета мы встретили с большой радостью. С 20 марта началось обслуживание экспедиции т. Алексеева сводками о погоде. Сводки шли каждые три часа, перед вылетом самолета — через час, а во время нахождения самолета в воздухе — через каждые полчаса. 3 апреля рано утром три воздушных корабля, участвовавшие в полюсной экспедиции, снялись из Тикси и пошли на караван «Садко». Взяв на караване пассажиров, самолеты пошли в обратный путь. Но в это время и Тикси, и Шалауров закрылись низкой облачностью. Уже будучи в воздухе, самолеты сообщили, что идут на Котельный, просили разложить посадочный знак, приготовить костер и бочки для подогрева масла.

Первым на аэродром станции опустился самолет Н-170 Героя Советского Союза т. Головина, затем Н-171 летчика-орденоносца т. Орлова и, наконец, Н-172 Героя Советского Союза т. Алексеева. 43 человека гостей наполнили станцию веселым гулом. Размещаться всем пришлось на полу, так как нар у нас еще не было. Запасенный нами хлеб весьма пригодился. Через два дня самолеты вылетели в Тикси.

Предполагая, что в следующие перелеты наша станция может быть использована как промежуточная база, мы занялись устройством нар. Досок у нас не было, поэтому мы готовили плахи из плавника. Гвозди добывали из старых ящиков.

В следующие перелеты мы были свидетелями исключительного мастерства и спокойной отваги наших полярных летчиков. Так, 18 апреля тт. Алексеев и Головин, имея по сорок с лишним пассажиров каждый, совершили блестящую

посадку на лагуну станции в сильнейшую пургу, когда в нескольких шагах не было видно человека. 24 апреля т. Орлов в тяжелых метеорологических условиях доставил пассажиров в Тикси и, несмотря на ухудшавшуюся обстановку, немедленно вылетел обратно на Котельный, идя временами бреющим полетом. 26 апреля Алексеев и Головин, имея вновь по сорок с лишним пассажиров, сумели благополучно совершить посадку на Котельном в условиях густого тумана.

Вторую и третью партии пассажиров мы встретили во всеоружии. Использовав все наши помещения, мы сумели дать кров 150 человекам одновременно (когда на человека приходилось 2,5 квадратных метра жилой площади. — *В. К.)*. 110 человек жили на станции шесть суток. 28 апреля самолеты окончательно покинули станцию, взяв курс на Тикси. Долго по радио звучали приветствия. Мы вновь остались одни. На следующий день мы получили телеграмму: «Котельный, Соколову, Бабичу, Бему. Личный состав авиаотряда выражает глубокую признательность за казавшийся невозможным прием и размещение при крайне ограниченных возможностях полуторасотенной массы людей. Мы видим в вас подлинных борцов за освоение Советского Севера, скромно без шумихи делающих великое дело» (1939, № 1, с. 56–57). Можно только представить, как «подлинные борцы за освоение Советского Севера» потом приходили в себя после свалившихся на них с неба нежданных гостей, но то, что они сделали свое дело достойно, не подлежит сомнению. На таких людях долгое время держалась Советская Арктика.

Наряду с другими событиями в Москве в конце апреля 1938 года состоялось заседание Академии наук по итогам работы дрейфующей станции «Северный полюс». Открывая его, президент Комаров охарактеризовал деятельность предшественников на полюсе (в первую очередь американцев Кука и Пири) в следующих выражениях: «Стали достигать, но достигать туристическими методами. Был и сплыл! Был и сплыл! Доехал, собак не хватило, того не хватило, этого не хватило… Мимолетное посещение околополюсных местностей, конечно, ничего особенного дать не может. Нужно работать как следует вести длительные наблюдения. Но в 1937 году все это вышло благодаря нашим совершенно новым установкам, новому способу браться за дело и тому, что сталинская эпоха выковала людей нового типа» (Архив АН, ф. 406, оп. 1, д. 611, л. 23).

Разумеется, все пережитое вызвало чрезвычайную краткость выступлениия Отто Юльевича, инициатора полюсной эпопеи. В своей речи он остановился в основном на трудностях,

преодоленных участниками дрейфа, поскольку «…уже одно это характеризует людей, которых страна послала на это важное и славное дело» (л. 5). В отличие от президента, он не стал упоминать имени Великого Диктатора. Отто Юльевич также отметил роль «технарей» Папанина и Кренкеля: «Во-первых, они сами делали известную работу часть работ — по метеорологии, например, и другие. Во-вторых, характер работы так тесно переплетался, так они друг другу помогали, обсуждали результаты, уточняли планы в зависимости от обстановки, что это труд коллективный, и с полнейшим основанием Комитет по высшей школе нашей страны присудил всем четырем высокое научное звание докторов географических наук» (л. 7).

Разумеется, стенограмма выступления Папанина не в состоянии передать колорит его речи и реакцию присутствующих. В частности, он неоднократно ссылался на Великого Сталина как «…инициатора завоевания и изучения Северного полюса… Ему, нашему вождю, учителю и другу, мы обязаны всем тем, что достигнуто нами на дрейфующей льдине» (л. 10). Помимо самого общего рассказа о событиях дрейфа, Митрич с высокой трибуны не преминул заклеймить презренных троцкисткобухаринских бандитов. Доклады Федорова и Ширшова, содержательные, интересные, вполне деловые, носили предварительный характер, причем оба отмечали необходимость обработать полученные результаты в ближайшем будущем.

Последующее обсуждение результатов дрейфа характерно сдержанным отношением к присутствовавшему здесь же реальному инициатору этого отчаянного предприятия. Например, не упоминая имени Шмидта, Комаров предложил учредить специальную Папанинскую премию за исследования в Арктике. Хотя это предложение и не получило развития, затерявшись среди вороха академических бумаг, по-своему оно показательно. Отметив высокую результативность самого полюсного проекта и его огромное значение для будущих исследований, остальные выступавшие в значительной мере последовали примеру президента. Все это были весьма показательные признаки опалы на высшем уровне…

В свою очередь, позднейшими мемуаристами и исследователями было высказано немало претензий Шмидту в части его неспособности уберечь полярников от карающего меча НКВД. Чтобы понять действия героя книги в создавшейся ситуации, обратимся к документам. Не позднее конца июня 1938 года (то есть еще до завершения вывода из льдов зазимовавших судов, но после эвакуации большей части зимовщиков на Большую землю, что позволяло приступить к расправе над ними)

в адрес нового начальника Политуправления ГУ СМП Белахова (сменившего И. О. Серкина, оказавшегося на этом посту после ареста Бергавинова) от и.о. начальника Ленинградского политотдела Д. Бубнова поступило «ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ. О выполнении пункта «В» постановления СНК СССР о работе ГУ СМП по ленинградским организациям», разумеется, с грифом «Секретно». Судя по приведенным ниже извлечениям, пресловутый пункт «В» постановления Совнаркома от 28 марта 1938 года относится к мерам по искоренению «троцкисткобухаринской заразы», сорвавшей навигацию 1937 года. Вот характерная выдержка из политдонесения:

«Ленинградские организации системы ГУ СМП были крепко засорены чуждыми и враждебными нам людьми, вредителями, шпионами и просто авантюристами и бездельниками.

Особенно по таким важнейшим в системе организациям, как Гидрографическое управление и Всесоюзный Арктический институт, где засорение шло через бывших руководителей этих учреждений — Орловского и Самойловича. Гидрографическое управление по своему составу, скорей, напоминало белогвардейско-колчаковское учреждение. Там на всех решающих участках, начиная с руководства, сидели бывшие дворяне, офицеры-колчаковцы, агентура и шпионы Японии, Германии, Польши и др. А ведь Гидрографическое управление призвано сделать очень многое в деле освоения Северного морского пути. И поэтому не приходится удивляться, что сделано ничтожно мало (!!! — *В. К.*), что создавалась видимость работы или давался брак в работах, которые должны послужить основным руководством для судов, плавающих по трассе СМП. Нисколько не лучше, если не хуже, обстояло дело во Всесоюзном Арктическом институте» (1995, с. 1026).

Далее в документе описываются мероприятия, проведенные Ленинградским политотделом ГУ СМП. Их результаты в большинстве случаев совпадают с другими известными источниками: «Фактическая сторона дела на сегодня выглядит таким образом. Начнем с Гидрографического управления. Это гнездо белогвардейщины мы хорошо потрепали и порядочно оздоровили. За период с 1 октября 1937 года по 1 июня 1938 года было уволено 44 человека сомнительных, не внушающих доверия и проявивших себя с отрицательной стороны, а также прямых вредителей и шпионов. Большинство уволенных арестованы органами НКВД. Кроме того, арестованы 13 человек таких, которые еще не были уволены из управления, в том числе такие, как Евгенов (заместитель начальника управления по научной части), Хмызников (бывший начальник сектора). К слову сказать,

до самого последнего дня пользующегося доверием в Москве, несмотря на сигналы, Евгенова даже представляли к награде орденом» (Там же, с. 1027). Из этого текста следует, что ленинградские парторганы проявили инициативу в информировании московских о подозрительном либерализме со стороны руководителя ГУ СМП в отношении подозрительных лиц — это во-первых. Во-вторых, органы НКВД с одинаковой вероятностью могли отправить на Лубянку (в Москве) или в Большой дом на Литейном (в Ленинграде) как уволенных с работы, так и продолжавших выполнять служебные обязанности. Но это далеко не все…

Вернемся к цитированному документу: «По Арктическому институту добились значительного оздоровления: там органами НКВД изъято 30 человек и уволено с января месяца 1938 года 11 человек. Самым важнейшим условием дальнейшего оздоровления института является снятие Самойловича и назначение П. П. Ширшова» (Там же). Далее следуют сведения подобного рода по другим подразделениям Ленинградского территориального управления ГУ СМП, включая персонал самого теруправления, политотдела, издательства Главсевморпути, Института народов Севера, Института полярного земледелия и т. д. Рядовая информация рядового недалекого партийного деятеля, не подозревающего, что участь, какую он готовит сегодня для других (включая товарищей по партии), завтра может оказаться его собственной.

Интереснее для читателя такая жалоба недалекого пособника органов: «В заключение об обстановке и условиях, в которых проводится эта важнейшая работа по выполнению постановления СНК. Серьезное недоумение и тревогу вызывает поведение и позиция в этих вопросах начальника ГУСМП тов. Шмидта. Ведь он, как руководитель-большевик, должен задавать тон, показывать пример непримиримости и образец настойчивости в проведении мероприятий по оздоровлению системы, по выявлению и изгнанию из нее всего засоряющего, срывающего работу; по выполнению, наконец, прямого правительственного требования. В действительности мы видим обратное, и со всей ответственностью я заявляю, что если бы мы так подходили к очищению организации от чуждых и враждебных нам людей, если бы нам в этом не помогали органы НКВД, то не было бы сделано и десятой доли того, что есть. Тов. Шмидт подходит к этим людям с какой-то особой своей меркой, резко отличающейся от партийной. Казалось бы, что если дело уже о том или ином проходимце или чужаке доходит до руководства, то нужно бы быть спокойным, и дело будет доведено до конца. В

действительности же получается как раз наоборот. Все, кого начинаем изгонять из системы, особенно матерых чужаков и врагов, обязательно пытаются отбивать наступление именем Шмидта. Обязательно обращаются к нему за защитой и, как это ни странно, ее находят. Продолжают работать в системе до тех пор, пока НКВД не придет и не арестует. Это касается не только работников номенклатуры ГУСМП, но и рядовых, которых Шмидт сколько-нибудь знает. Так, возбуждались ходатайства даже перед органами в отношении гидробиолога Ретовского, арестованного впоследствии как шпиона, Ножкина, бывшего полковника, который был даже замом в Гидрографическом управлении, а затем работал кладовщиком и которого увольняли, но под давлением опять вынуждены были восстановить, и только НКВД положил конец этому безобразию» (Там же, с. 1028).

Разница в гражданской и просто жизненной позиции начальника ГУ СМП академика Шмидта и автора цитированного документа заключалась в отношении к презумпции невиновности. То, что для первого оставалось несомненным жизненным ориентиром, для другого заменялось указаниями руководства. Кроме того, текст Бубнова обращает на себя внимание указанием на некие ходатайства к органам, видимо, исходившие нередко и от рядовых сотрудников самих организаций. Такой вывод подтверждается, например, статьей Г. Сысоева, И. Ширяева и В. Назарова «О Всесоюзном Арктическом институте», опубликованной в майском номере «Советской Арктики». Суть статьи заключалась в выводе: «Всесоюзный Арктический институт как научно-исследовательский центр Главсевморпути, несмотря на ряд достижений в своей работе, с поставленными перед ним задачами не справляется. Основной причиной отставания института является «деятельность» руководства в лице его директора Самойловича, засорившего аппарат института явно сомнительными в деловом и политическом отношении людьми, отгородившего себя от общественности института стеной неприступности и непререкаемости своего авторитета» (с. 31).

При этом основные усилия авторов направлялись на дискредитацию достижений в области геологии, поскольку сам Самойлович по специальности был горным инженером: «Геологический отдел по своей структуре представляет «смесь» людей различных специальностей, работающих без системы. В отделе нет научных кабинетов по отдельным отраслям геологии… Первый год третьей пятилетки показал, что план нереален, вместо 20 экспедиций по плану было послано только 2… Научная тематика отдела в большинстве своем представляет работы описательного и определительского характера, мало

способствующие геологическому изучению Арктики и, по сути дела, не представляющие собой тем научно-исследовательского характера» (с. 26–27). Подобные выводы лишь привели к прекращению исследований на некоторых территориях (например, на Новой Земле)… Их пришлось срочно возобновлять уже после войны 1941–1945 годов.

Сходные оценки авторы статьи-доноса сделали и для морских исследований: «Гидрологический отдел — основной задачей которого является изучение морей Советского сектора Арктики, по которому проходит трасса Северного морского пути, — занимает подчиненное положение… При такой системе работы результаты получаются разрозненные, и они мало что дают для познания морей» (с. 29–30).

Уничтожение геологического направления в работе ВАИ показательно на примере двух ведущих полярных геологов тех лет. Один из них, Ермолаев, свой первый арест считал ошибкой органов, запутавшихся в общей лавине арестов, — искали какого-то Ермолаева 1872 года рождения, а доставили к следователю родившегося на 33 года позже! Поэтому первый вопрос следователя арестанту был:

— Как вы сюда попали?

Можно понять службиста, оказавшегося в непростом положении: с одной стороны, налицо ошибка, а с другой — своему руководству надо было давать объяснение… Не случайно впервые на допрос Ермолаев был вызван только через полтора месяца после ареста, и первоначальное обвинение касалось не его деятельности в Арктике или работе в ВАИ, а участия в деятельности Антропософского общества еще в 20-х годах. Только с декабря 1938 года арестанту стали задавать вопросы о работе в ВАИ. «В июле 1939 года… — пишет Ермолаев в своей книге «Воспоминания», — по «местному телеграфу» мне поступило срочное сообщение о том, что у меня есть «одноделец» — некто Урванцев» (2001, с. 239). Урванцев в качестве и.о. директора ВАИ (поскольку Самойлович оказался на зимовке в Арктике, а затем в отпуске) сдавал дела новому директору П. П. Ширшову, что подтверждается актом от 5 августа 1938 года. А спустя неделю в протоколе заседания парткома ВАИ отмечено: «11 августа 1938 года дело об Н.Н. Урванцеве (бывшем и.о. директора ВАИ) было направлено в следственные органы». Ровно месяц спустя Николай Николаевич был арестован, и неудивительно, что в своей книге А. М. Ермолаев и В. Д. Дибнер (2005) сделали логичный вывод: «Эта цепь событий подтверждает еще раз, что сам институт фактически был инициатором арестов» (с. 257). В такой ситуации Шмидт, сдававший дела Папанину, просто не мог изменить

ситуацию по ГУ СМП к лучшему. А чтобы «сдать» Самойловича «органам», достаточно было бы представить им стенограмму январского совещания партхозактива 1936 года…

Еще более полугода у отважных чекистов ушло, чтобы, по Ермолаеву, «…соединить нас с Урванцевым, доказать нашу совместную деятельность». Это оказалось для следователя «… неожиданно сложно: дела подобного рода создавались обычно по территориальному признаку — московское, ленинградское, арктическое. Но Арктика… велика. Мы с Николаем Николаевичем работали в совершенно различных местах, на расстоянии тысяч километров… Никогда и нигде мы не были связаны ни территорией, ни темой.

Как же «шили» нам дело? Устраивали очные ставки. Пытались доказать, что мы действовали совместно после вербовки нас неким совместным центром, меня в Германии, его — в Японии, ни я, ни он, конечно, там никогда не были… Ко мне и, наверное, к Урванцеву тоже подсаживали провокаторов…

В общем, «красивого дела», которое на этот раз было нужно, не получалось. Наш следователь злился, нервничал, — видно, сроки поджимали. Пришлось ему ограничиться обычным стандартом: мы оба «признались» в антисоветской деятельности, в общении с подозрительными людьми, которые классифицировались как вербовщики, но имена которых мы не знали или забыли. Я думаю, не нужно объяснять, почему мы признавались или подписывались… Все было предрешено. Чудовищная программа разработана заранее неким «ведущим конструктором». Да не подпиши мы — они подписали бы за нас сами. Такое тоже бывало… И «публичный суд» состоялся! И коллеги наши сидели в зале… Но, увы… Нас даже ни о чем не спросили. Произошло все противоестественно мгновенно. Зачитали предъявленное обвинение, сообщили о полном признании обвиняемых. Суд заявил, что ему все ясно, и удалился на совещание. Буквально через десять минут они вернулись и зачитали приговор…»(2001, с. 241). По делу № 00 806 Н.Н. Урванцев получил 15 лет тюремного заключения, его «подельнику» досталось — 12… Тем не менее упорство подследственных не было напрасным — спустя три месяца Военная коллегия Верховного суда СССР 22 февраля 1940 года прекратило означенное дело «за отсутствием состава преступления».

Поскольку 11 июня 1940 года последовало решение Верховного суда: «Приговор Военного Трибунала Ленинградского военного округа от 11/11/1939 года и определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 22/2/ 1940 года по делу

Урванцева Николая Николаевича и Ермолаева Михаила Михайловича — отменить и дело о них передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, сохранив в отношении их лишение свободы в качестве меры пресечения» (цит. по: Ермолаев, Дибнер, 2005, с. 281). Повторный арест Ермолаева состоялся 25 августа 1940 года, и, видимо, его «подельника» Н.Н. Урванцева — примерно в то же время. В следственных документах при повторном рассмотрении указана и причина, позволившая чекистам вернуться к своим жертвам: «Ермолаев М. М. по его осуждении содержался в одной камере с Н.Н. Урванцевым, что в результате привело к сговору между ними об отказе от ранее данных показаний об их контрреволюционной деятельности» (Там же, с. 288). Теперь уже по решению Особого совещания от 30 декабря 1940 года по статье 58 пунктам 7 («Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и кредитной системы»), 10 («Антисоветская пропаганда и агитация») и 11 («Участие в контрреволюционной деятельности») оба полярных геолога получили по 8 лет ИТА. К тому времени Шмидт уже более полутора лет как покинул созданную его усилиями организацию и не мог вмешаться в судьбу бывших сотрудников. Очевидно, в контексте приведенных документов наметившаяся в исторической литературе обвинительная тенденция в адрес Шмидта — в пособничестве органам НКВД (Ермолаев, 2001, Ермолаев, Дибнер, 2005) — должна смениться более взвешенной. Прежде всего, надо учесть возможности героя настоящей книги отстоять своих подчиненных перед лавиной обрушившихся на них репрессий. Не пытаясь оправдать мнимые и реальные просчеты героя книги, нельзя, однако, пройти мимо главного, — «органы» уже «изъяли» из его организации самых близких и достойных (включая челюскинцев Баевского и Боброва), явно «пасут» его самого, а он в этой ситуации пытается (не будем преувеличивать результативности его усилий) противостоять напору «органов». Это и вызвало недоумение «товарища» Бубнова. Такая позиция требует уважения…

Тем не менее возникает вопрос — почему Шмидт бросился на защиту Самойловича, к которому два года назад на совещании партхозактива в январе 1936 года высказал немало претензий? Более того, присоединившись к обвинительной стороне, Отто Юльевич смог бы ссылаться на высказанную им же точку зрения, но почему-то не сделал… Думаю, что для этого надо было быть Шмидтом, для которого проблема заключалась даже не в конкретной личности директора ВАИ, а в судьбе геологического направления в целом. Удалось бы отстоять Самойловича, и судьба

геологического направления в Арктике и отдельных геологов (описанная выше) была бы иной. Увы, не удалось, не все было возможно для Отто Юльевича…

Возникает вопрос — был ли Отто Юльевич в отношениях с властью конформистом? Ответ чрезвычайно важен для научного сословия, с его повышенной ответственностью перед обществом. С учетом всех обстоятельств следует ответить: да, был, как член партии, подчинявшийся ее решениям. Иначе и быть не могло. Но такой ответ будет явным упрощением, не учитывающим реалий времени. Документы, приведенные выше, показывают: он сделал все, чтобы отстоять своих подчиненных от расправы НКВД. Не смог или не успел — это уже другой вопрос, требующий специального исследования. Те, кто однажды решат заняться этой темой, думаю, придут к выводу о том, что его беда окажется выше его вины, если таковая будет обнаружена. Определенно он не мог не считаться с мнением Великого Диктатора, как и противостоять ему по всем позициям, чего требуют порой от Шмидта некоторые наши современники… Но сделал максимум возможного, чтобы не поступиться собственной позицией под самым жестоким прессингом. Он вынужденно признавал наличие «контры» в собственном аппарате, пойдя лишь на минимальные уступки… Не признавать этого — значит не понимать эпохи 30-х годов прошедшего века.

Спорное время рождает спорные оценки самых выдающихся личностей прошедших эпох. Это относится и к герою настоящей книги. Один из его подчиненных, знавший Отто Юльевича на закате жизни, дал ему характеристику, с которой можно согласиться весьма условно: «Наверное, в О. Ю. Шмидте действительно всего хватало понемножку — и от крупного ученого, и от конъюнктурщика, и от хитрого политика, и от донельзя наивного человека. Но это же можно сказать о слишком многих» (Подъяпольский, 2003, с.16). А многие первыми за одну навигацию проходили Северным морским путем, дрейфовали зимой в Чукотском море, высаживались на Северном полюсе? Там, где не работают ни конъюнктура, ни политика, ни просто хитрость, больше присущие Большой земле… Без масштаба этих событий не оценить масштаба личности участников — отнюдь не многих…

Что касается геологов Главсевморпути, то облава на этих специалистов со стороны НКВД шла по всей стране. Достаточно напомнить судьбу корифеев из Горного института в Ленинграде и многих других представителей этой специальности. Кого именно из чекистов посетила удивительная мысль, что разведчики недр спят и видят во сне возвращение былых хозяев, чтобы

преподнести им результаты своего труда, — за пределами нашей книги. Для политического каннибализма 30-х годов прошлого века, когда коммунисты истребляли коммунистов, возможно и другое объяснение — спецслужбы того времени оказались в роли холуев Великого Диктатора. Они не были способны предвидеть результаты своей деятельности. Они также платили по общему счету наравне со всей страной, но это уже проблемы самих органов, с которой предстоит разбираться специалистам.

Отметим еще одно важное обстоятельство. Судя по «делу Р. Л. Самойловича», жертвы НКВД, включая тех, кто в своей работе имел претензии к Шмидту, после всех усилий следователей не стремились «утопить» шефа, как это видно по материалам из архивов «Мемориала». Судя по стенограмме допроса от 29 августа 1938 года, арестант, наконец, после всех усилий следствия (его методы известны) «…решил честно рассказать о своей шпионской, антисоветской деятельности», для начала признав себя германским, а позднее еще и французским агентом. Разумеется, подобные «признания», не подтвержденные из других источников, были очевидной липой, что и явилось основанием для реабилитации Самойловича после XX съезда КПСС. Тем не менее подобные признания по-своему показательны: «Я действовал вместе со Шмидтом… Наша линия подбора антисоветских кадров привела к образованию во всех звеньях Главсевморпути, в частности в ВАИ, в гидрографическом управлении, активно действовавших антисоветских гнезд» (л. 23).

Подобная практика читателю (как и следствию) уже известна из майской статьи в «Советской Арктике» и доноса Бубнова. Новым является только причастность к этой злодейской деятельности Отто Юльевича. Очевидно, доказать последнее и стремились следователи НКВД, натолкнувшись, однако, на скрытое сопротивление подследственного, что нетрудно проследить по содержанию документа.

Например, он объяснил успех Шмидта в перегоне миноносцев по трассе Севморпути в 1936 году стремлением получить «…с одной стороны, личные выгоды (каким образом? — *В. К.),* а с другой — провалить то, что связано с освоением трассы» (л. 28). Включить в протокол подобную чушь мог только совсем тупой представитель спецслужб или не озабоченный их правдоподобностью. Аналогичный вывод следует из других показаний подследственного: «1. Мы организовали эти работы так, что они проводились не там, где это диктовалось необходимостью, что в некоторых случаях могло привести к катастрофе… 2. По предложению О. Ю. Шмидта мы вредительски организовали изучение гидрологического режима… Для

прикрытия Шмидт выдвинул теорию о «полезном параллелизме» (силами ВАИ и Гидрографической службы. — *В. К.)*. З. Шмидт организовал при себе Междуведомственное ледовое бюро, которое, однако, было создано для отвода глаз. Бюро, разумеется, было превращено в говорильню…» и т. д.

Из приведенного можно сделать единственный вывод: при несомненном стремлении «органов» получить материал на Шмидта Самойлович подавал его таким образом, что при сколько-нибудь объективном подходе липовый характер полученной от него информации становился очевидным.

Вместе с тем в показаниях Самойловича присутствуют детали, видимо, характерные для личности Шмидта, но никак не изобличающие его в качестве государственного преступника. Так, Рудольф Лазаревич отметил стремление шефа результаты очередной экспедиции должным образом «преподнести… правительственным и партийным кругам» (л. 16). Или замечание Шмидта об одном из невозвращенцев («человек вредить не хотел, а просто не выдержал советских условий жизни»). Объясняя стремление шефа задержаться на посту директора ВАИ в свете перспектив ГУ СМП, он приводит его фразу: «…не исключаю возможности провала, и кто знает, как пойдут дела в Главсевморпути» (л. 20) и т. д. Практически все на уровне обычных человеческих и рабочих сомнений, свойственных как руководителю любого ранга, так и рядовому обывателю в сколько-либо сложной жизненной обстановке.

Из подвалов Лубянки вернемся в высокие широты. Оставшиеся во льдах три корабля продолжали свой дрейф с ограниченными экипажами общей численностью всего 33 человека. Хотя практически готов был новый ледокол «Иосиф Сталин», построенный в Ленинграде, но в связи с арестом директора предприятия и главного инженера (очередные враги!) в навигации 1938 года его роль оказалась минимальной. Пришлось снова «отдуваться» старичку «Ермаку»… Его прежнего капитана Воронина после похода в Гренландское море срочно перевели на новый ледокол «Иосиф Сталин», а капитаном «Ермака» стал опытнейший морской волк М. Я. Сорокин, человек с очень непростой биографией. В несчастном Цусимском бою он оказался одним из трех уцелевших на своем корабле (Шевелев, 1999), а при подавлении Кронштадтского мятежа 1921 года отказался стрелять по его участникам, чудом избежав расстрела. Поскольку большинство руководящих моряков Главсевморпути было репрессировано, командовать операцией по освобождению зазимовавших судов поручили двум авиаторам — Шевелеву и Алексееву — вместе с чекистом А. И. Минеевым.

Первый бросок «Ермак» предпринял на Землю Франца-Иосифа, справившись с выводом трех судов за последнюю неделю мая — лиха беда начало! Столь же стремительно с помощью ледовой воздушной разведки «Ермак» действовал и в Карском море, закончив свои операции практически в июле, — 15 судов из 26 зимовавших обрели свободу (3 — на Земле Франца-Иосифа, 6 — на Диксоне и еще 6 — в проливе Вилькицкого). Если учесть, что «Красин» на местном угле обрел былую силу и вытащил изо льда весь караван «Ленина», то освобождение зазимовавших судов в навигацию 1938 года проходило вполне успешно.

Однако судьба «каравана из трех судов» в районе Новосибирских островов, неумолимым дрейфом увлекаемого в Центральный Арктический бассейн, до последнего момента оставалась под сомнением. Зимующие экипажи с нетерпением ожидали своего освобождения. Судя по дневнику В. Х. Буйницкого, студента Гидрографического института, оставшегося после вывоза основной массы зимовщиков самолетами для продолжения научных наблюдений, 20 августа в караване стало известно, что «Ермак» находится примерно в 250 милях от зимующих судов.

«22 августа… «Ермак» быстро продвигается на север. Теперь нас отделяет от него расстояние порядка 120–130 миль…

25 августа. Плохи дела с «Седовым». Тщательный осмотр рулевого управления подтвердил наши опасения. Руль оказался свернутым на правый борт, рудерпис погнут. Своим ходом «Г. Седов» идти не сможет…

28 августа… Вскоре после полуночи туман рассеялся, и в 2 часа вахтенный увидал на горизонте дымок «Ермака».

Мгновенно все повскакали с постелей и высыпали на палубу. Когда каждый убедился, что вахтенному не мерещится и что на горизонте дымит действительно «Ермак», всех обуял совершенно неописуемый восторг. Сон как рукой сняло, хотя последние двое суток никто не смыкал глаз. Все засуетились, спеша закончить последние приготовления к выходу корабля из дрейфа.

Быстро собрав приборы, я отправился в магнитный павильон, чтобы сделать последнюю серию наблюдений… Вернувшись на корабль, помог Юрию закончить гидрологические наблюдения и измерение глубины.

Как и всегда, второпях не везло, оборвался трос.

Наблюдения удалось закончить только к 8 часам. Глубина равна 3805 метров.

Тем временем «Ермак» преодолел полосу тяжелых льдов… и в 9 часов подошел к каравану» (1945, с. 70–71). На фоне описанного характерна одержимость молодого ученого

(формально студента), готового «вкалывать» до последнего, его почерк настоящего исследователя…

Глазами людей с «Ермака» встреча на дальних параллелях выглядела так: «…В густом тумане мы шли на север, на корабле началась тревога: ледовая разведка не получилась из-за тумана… Алексеев и Сорокин, потолковав между собой, попросили меня созвать совет — что делать дальше? В лоб поставили вопрос: до каких пор идти? Ведь уже подошли к таким местам, где при перемене ветра могут так сомкнуться льды, что мы и сами попадем в ловушку генерального дрейфа, причем года на два, пока нас не вынесет в пролив между Гренландией и Шпицбергеном. Обсуждали мы это довольно долго. Надо сказать, что команда уже волновалась. Я объявил решение: пока есть больше половины угля, идти вперед, а когда «съедим» половину, придется возвращаться.

И вот, как иногда бывает, туман вдруг раздернулся, как занавес в театре, перед нами — голубые поля тяжелого льда, а на горизонте — три вертикальные черточки мачт кораблей, к которым мы шли. Сразу переменилось настроение. Все решили пробиться во что бы то ни стало… И наконец, пробились. Сколько радости было! И у нас, и у тех, кто оставался на зимовке… Решено было взять «Седов» на буксир: его нос водрузился прямо на корму «Ермака», прихватили стальными тросами. Так и потащили его. Но «Седов» сам стал служить рулем у «Ермака» и затягивать его в сторону, так что ледокол не мог держать прямой курс. В результате получилось так, что корму «Ермака» забросило так, что после страшного удара ледокол встряхнуло и лопнул его гребной вал. Его конец вместе с гребным винтом ушел на океанское дно на глубину больше четырех километров… Мы в конце концов действительно выбрались и вывели все три парохода — «Седов», «Садко» и «Малыгин» — на более разреженный лед, и я вздохнул свободней — кажется, пронесло! Я ушел в каюту спать — перед этим не спал суток двое. Вдруг услышал стук в дверь. Вошел старший механик Кузьма Петрович Малинин с убитым видом. Что случилось?.. Сообщил, что «Ермак» остался на одной машине, другую потеряли…

Остановили ледокол. В кают-компании поставили длинный стол, во главе, как положено, место для капитана Михаила Яковлевича Сорокина…

Пришел Сорокин, сели за стол, начался обед. Сорокин, поглаживая усы, начал сообщение: «Теперь у нас уже не ледокол «Ермак»… Кто-то из молодежи спросил: «А что же? «… «У нас сейчас не ледокол, а баржа с паровым отоплением по имени «Ермила». Что делать? Дай бог, самим ноги унести, нечего и

думать, чтобы кого-нибудь буксировать»… (тем самым в деталях повторялась ситуация, пережитая Шмидтом на «Сибирякове» в Чукотском море осенью 1932 года. — *В. К.)*

Кузьма Петрович что-то помудрил с центральной машиной, поднял ее до пяти тысяч лошадиных сил, и мы кое-как потопали на юг. Встал вопрос — что делать с «Седовым»? Ведь его люди уже одну зиму провели во льдах, и теперь в хорошем настроении шли домой. И вдруг такое дело. Я даже поддался общему настроению и дал телеграмму в Москву с просьбой разрешить экипаж «Седова» взять на «Ермак», а корабль пустить в самостоятельный дрейф, а потом найти его. Москва не разрешила. С корабля действительно нельзя спускать флаг…

Тогда я объявил набор добровольцев — кто хочет остаться на «Седове». Приказом на такое дело назначать людей плохо. Вызвался остаться капитан «Седова» Константин Сергеевич Бадигин, второй — молодой практикант Буйницкий, который вел научные работы. Кажется, остались еще радист Полянский и второй механик. Кое-кто перешел с «Ермака», сами ребята вызвались (целых 40 человек, а отобрали шестерых. — *В. К.)*. В общем, собрали команду… Наши кладовщики, у которых зимой снега не выпросишь, открыли двери складов — бери что хочешь. Такое было настроение, потому что ребята шли на подвиг.

Дали им уголь, нужные комплекты оборудования, и я обещал, что через полгода прилетим за ними. (Это был случай, когда я не смог выполнить обещание…) Хотя расставаться было горько, но нужно было уходить на юг. Это был единственный пароход, который мы не смогли тогда вывести» (Шевелев, 1999, с. 97–99).

Разочарование седовцев было велико: «Наступил тягостный момент расставания. В сумерочном свете полуночи маленькой тесной группой стояли мы на осклизлой палубе корабля. Крупные липкие хлопья мокрого снега, тая, грязными струйками стекали по одежде и усталым взволнованным лицам. На мачте «Г. Седова» взвился сигнал «Счастливого плавания». В ответ на «Ермаке» и «Садко» подняли «Счастливо оставаться». Заревели гудки — раздвигая льды, «Ермак» и «Садко» тронулись на юг. Издалека доносились прощальные гудки «Малыгина». И хотя каждый из нас остался в дрейфе по своей воле, стало как-то страшно тоскливо и тяжело» (Буйницкий, 1945, с. 72).

Правда, была еще одна попытка выручить «Седова». «13 сентября начался поход л/к «И. Сталин» в тяжелом льду в район дрейфа л/п «Г. Седов». Другой целью похода нового ледокола было испытание его корпуса и машин. Испытание прошло успешно. До 80° с. ш. ледокол сравнительно легко преодолевал встречавшиеся льды. Но севернее начались поля 10-балльного

торосистого льда двухметровой толщины. За «И. Сталиным» шел «Ф. Литке». 22 сентября они достигли 83° с. ш. и 142°30′ в. д. До «Г. Седова» оставалось всего 50 миль. Но все это пространство было покрыто тяжелым 10-балльным непреодолимым даже для нового ледокола льдом. Поэтому с 83° с. ш. «И. Сталин» и «Ф. Литке» повернули назад к западному побережью Таймыра» (Белов, 1969, с. 208–209). Судьба «Седова» определилась, и это событие стало последним аккордом в ликвидации последствий предшествующей несчастной арктической навигации, прошедшей при участии Отто Юльевича. «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать…»

При всех потерях объем перевозок в навигацию 1938 года по трассе достиг 270 тысяч тонн, примерно на 30 тысяч тонн больше, чем в предшествующей навигации. Но, что важнее, моряки (особенно ледокольщики) обрели уверенность в своих силах, тем более что в ближайшем будущем предстояло пополнение ледокольного флота. Правда, итоги навигации 1938 года показали, что «…сквозные рейсы не стали необходимостью ни для Дальнего Востока, ни для Европейской части СССР, хотя в предыдущие годы была блестяще продемонстрирована их полная осуществимость. В этом отношении предстояла большая и сложная организационная работа» (Белов, 1969, с. 211). Получалось, что сквозные рейсы (выгодные с пропагандистской точки зрения) не были экономически востребованы — пока по уровню промышленного развития Дальний Восток мог развиваться и без Севморпути. Но не Красноярский край или Якутия. Образно говоря, в угоду партийным органам руководство Севморпути какое-то время ставило телегу впереди лошади, на что обратил внимание еще накануне навигации 1937 года Б. В. Лавров, поплатившийся за свое предвидение.

Вернемся в арктический кошмар 1937–1938 годов. Причины провала навигации 1937 года наиболее полно описал М. И. Шевелев: «Когда начинаешь разбирать любое аварийное происшествие, всегда находишь целый клубок переплетающихся между собой проблем. Причин всегда несколько, и они сходятся в одной точке, хотя каждая в отдельности не вызвала бы аварии. Были серьезные ошибки в прогнозе ледовой обстановки… Крайне тяжелая обстановка в 1937 году оказалась в центральной части, в море Лаптевых и достаточно легкая в районе Чукотки. Но это не сразу стало понятно, и план не был тут же пересмотрен в соответствии с реальным положением…

С проведением навигации опоздали. Опоздали с выходом и ледоколы «Красин» и «Ермак», очень задержал Наркомвод с выделением судов, причем многие из них оказались

малопригодными в условиях Севера. Опоздали грузы в портах. В результате всего этого суда выходили в плавание с большим опозданием и попадали в Арктику в не самое лучшее время…

Руководство Главсевморпути оказалось занято другими делами. Шмидт только что вернулся после экспедиции на Северный полюс, болел, у него обострился туберкулезный процесс. А тут еще трагическая экспедиция Леваневского. Она отвлекла внимание Шмидта, авиация вынуждена была оторваться от всех дел… В результате к концу навигации сложилось такое положение, которое приводило руководство к выводу, что не обязательно во что бы то ни стало выполнять планы, а надо ясно просчитывать возможность, чтобы решить, что можно сделать, а что нельзя. Нужно было сосредоточить все усилия на самом необходимом и отказаться от некоторых частностей плана. Но никто из оставшихся людей не рискнул взять на себя ответственность. В общем, они все были неплохие люди — Николай Михайлович Янсон, бывший нарком водного транспорта, в то время — первый заместитель Шмидта, фактический руководитель в то время. Начальником морского управления был Крастин, начальником операций в западном секторе — Ковель, на востоке — Дриго. Все они раньше работали в Наркомводе, свое морское дело знали хорошо, но не имели достаточного опыта для работы в Арктике. И все позднее были репрессированы… Не оказалось организующего и координирующего руководства»(1999, с. 77–78). К последнему утверждению компетентного и авторитетного источника автору остается только присоединиться.

Шевелев сказал самое главное, поскольку в постановлении Совнаркома от 28 марта 1938 года сверх описанного им были ссылки на «благоприятную обстановку для преступной антисоветской деятельности вредителей в ряде органов ГУ СМП», в связи с чем предписывалось: «Очистить аппарат Главсевморпути от забравшихся в него сомнительных элементов». И очистили…

При завершении навигации 1937 года бросается в глаза еще одно обстоятельство — на трассе отсутствовал сам Шмидт, который после пребывания на полюсе нуждался в лечении (застарелая легочная болень, не самая подходящая для полярного исследователя), а главным образом — для отчетов в ЦК и Академии наук. Это помимо личных дел, из которых отметим смерть супруги Отто Юльевича. Шмидт отнюдь не был моряком, но он так мог организовать работу, что взаимодействие самих моряков с наукой и летчиками было наиболее результативным. Едва ли его можно обвинить в том, что это взаимодействие не было отработано до уровня кабинетного решения — определенно до этого было еще далеко. Так или иначе, в ту несчастную

навигацию на трассе не оказалось организатора уровня Шмидта, который, максимально используя специалистов, еще мог бы взять решение на себя. Такое объяснение совпадает с точкой зрения Ермолаева, обратившего внимание на то, что в «…стране побеждала тогда командно-административная система» (1999, с. 224), сковавшая инициативу тех, от кого зависел исход навигации 1937 года. Это наглядно демонстрирует беспомощная переписка капитанов зазимовавших судов с Москвой.

Правда, Ермолаев упускает одно обстоятельство — Шмидт стал героем Арктики на начальном этапе своей полярной карьеры, когда ему был предоставлен карт-бланш. А после эпопеи «Челюскина» он перестал быть свободным человеком — и стал частью системы, что явилось началом конца Шмидта-полярника. Система оказалась сильнее… Разумеется, в сложившейся обстановке Папанин (фигура сколь колоритная, столь и характерная для командно-административной системы того времени, сама по себе несравнимая по масштабу со Шмидтом) для партии (или Сталина, что одно и то же) больше подходил на пост главы ГУ СМП. Видимо, окончательное решение о замене Шмидта Папаниным на посту начальника ГУ СМП было принято на встрече со Сталиным 15 сентября 1938 года в присутствии обоих.

Обстоятельства замены Шмидта Папаниным в нашей исторической литературе освещены крайне скупо, но практически единодушно признаются одним из самых значительных последствий несчастной навигации 1937 года. Вместе с ним из системы Главсевморпути ушли (хотя и не одновременно) уцелевшие в «ежовщину» М. И. Шевелев, Г. А. Ушаков и ряд других талантливых руководителей. Имя Шмидта исчезло со страниц изданий ГУ СМП, а в лексике Папанина, особенности которой полярникам хорошо известны, появилось новое определение — «шмидтовец» (видимо, по опасной аналогии — троцкист или бухаринец). Очередное падение не было чем-то новым для Шмидта — подобное (хотя и не столь масштабное) он неоднократно испытал в 20-х годах.

А пока одновременно с передачей дел от Шмидта к Папанину проходила реорганизация Главсевморпути, с освобождением от второстепенных направлений деятельности (то, что иногда называют разукрупнением) с тем, чтобы сосредоточиться на главном — проведении арктических навигаций. В целом последствия несчастной навигации 1937 года были ликвидированы довольно скоро, прежде всего благодаря здоровой основе, заложенной при Шмидте. Тем не менее некоторые суда вернулись к нормальной эксплуатации небыстро, что в первую

очередь относится к «Седову».

При всех обвинениях в адрес Шмидта, справедливых и несправедливых, надо иметь в виду, что созданная им организация оправилась после потрясений 1937 года удивительно быстро и при всех последующих сменах руководства она успешно выполняла свои задачи в Арктике еще на протяжении почти четверти века. Она благополучно закончила свое существование, когда, отработав порученные ей при создании функции, передала их в различные ведомства — морские, научные, производственные. Определенно в Отто Юльевиче соединялся талант ученого и дар администратора — работать на будущее, на перспективу.

Академик Шмидт занимался совсем иными делами, когда в Арктике прошел еще один эксперимент, спонтанно возникший все в том же несчастном 1937 году — завершился наконец дрейф ледокольного парохода «Седов» с капитаном Константином Сергеевичем Бадигиным, начавшим дрейф в качестве второго помощника на «Садко».

Завершение дрейфа «Седова» проходило в сложных условиях, доставивших его участникам немало испытаний и волнений. Первое серьезное ЧП произошло через двое суток после сообщения о невозможности подхода «Иосифа Сталина». При подвижке льда пароход так накренился, что через отливное отверстие холодильника при неисправном невозвратном клапане в машинное отделение стала поступать забортная вода. Через час крен достиг 30 градусов, и, только забив отверстие деревянной пробкой снаружи, удалось прекратить поступление воды, а затем откачать ее.

Годовщина дрейфа была отмечена званым обедом в кают-компании с шикарным меню из продуктов, полученных при прощании с «Ермака», включая сыры, колбасу брауншвейгскую, закуски из свежей свинины и т. д. Преобладали, однако, консервы (шпроты, килька, муксун в масле, осетрина в томате и т. д.). Десерт включал кофе, какао, чай с лимоном, шоколад и многое другое. Не были забыты и вина как с материка (кахетинское, мадера, русская горькая), так и собственного производства — «ликеры» ААП (названные по инициалам производителя) и «84-я параллель». Полярной особенностью стола было блюдо с проросшим горохом в качестве противоцинготного средства — сведений о популярности этого «яства» не сохранилось.

На правах нового хозяина ГУ СМП (формально ставшего таковым только в марте 1939 года) по радио выступил Папанин:

«— Дорогие браточки-седовцы! Как вы живете среди льдов, как вы себя чувствуете? Работайте же, дорогие, трудитесь для

науки — ведь вы продолжаете то, что мы начали. А Родина, правительство, партия, товарищ Сталин вас не оставят…» (Буйницкий, 1945, с. 86).

Действительно, сутки спустя пришли поздравительные телеграммы за подписью Сталина и Молотова — как и во времена «Челюскина» партия настойчиво превращала полярную драму в пропагандистское шоу. Решительно изменился стиль общения руководства с Варваркой с участниками дрейфа. В середине февраля поступило очередное послание от Папанина: «С большим вниманием со всей страной слежу за вашим героическим дрейфом. Вы, советские люди, дадите мировой науке больше, чем дал Нансен во время дрейфа на «Фраме». Горжусь, что работа нашей четверки закрепляется и расширяется работой седовцев, которые прославят свою родину новой замечательной победой… Как полярник, как ваш друг, хочу поставить перед вами задачу — довести дрейф силами вашего коллектива с непоколебимостью и твердостью подлинных большевиков. Дорогие браточки, знайте, что за вашим дрейфом следит весь советский народ, наше правительство, лично товарищи Сталин и Молотов…» (с. 118). Суть послания — оставайтесь на судне до конца дрейфа.

Похоже, полюсные лавры Отто Юльевича кому-то не давали покоя. Когда «Седов» оказался так далеко на севере, у капитана Бадигина возникла идея, описанная Буйницким — другим человеком, оказавшимся в нужное время на нужном месте (кстати, отчисленным из Гидрографического института за неявку на занятия в связи с самовольным участием в дрейфе без согласования с дирекцией): «21 апреля. Широта 86 градусов 08 минут, долгота 85 градусов 11 минут… Вечером капитан сообщил мне о своем решении направить на север санную экспедицию в составе трех человек — начальника, радиста и матроса. Задачи экспедиции: отойти к северу от корабля на 90–120 миль и в течение месяца вести там наблюдения за дрейфом льда. Возглавить эту экспедицию Константин Сергеевич предложил мне. Несмотря на всю спортивную и некоторую научную заманчивость такого похода, я высказался против его организации… Полагаю, что экспедиция не состоится» (1945, с. 129–130).

Намерения Бадигина ничего не добавляли к характеристике природного процесса, характер которого уже привлек внимание Визе по результатам наблюдений зимы 1937–1938 годов: «Восточный дрейф ледокольных пароходов был вызван преобладавшими юго-западными ветрами, которые, в свою очередь, были обусловлены циклонами, проходившими по необычайно северным траекториям… характерными для

потепления Арктики» (1948, с. 352). Отметим, что именно сопоставление результатов наблюдений «Фрама» и «Седова» однозначно доказали потепление Арктики, что само по себе имело первостепенное значение.

10 декабря 1939 года на широте 83°13′ Буйницкий записал: «Узнали сегодня об организации правительственной экспедиции на ледоколе «И. Сталин» для вывода из льдов «Г. Седова». Начальником экспедиции назначен И. Д. Папанин» (с. 191). В середине декабря В. Ю. Визе сообщил, что, по его расчетам, «Седов» пересечет 82-ю параллель 20 декабря, что и подтвердилось. Теперь уже было не до празднования нового 1940 года, который на исходе первых суток преподнес великолепный подарок — «по всей восточной половине горизонта наблюдалось интенсивное водяное небо» (с. 199).

«3 января. Широта 80°56′, долгота 3°11′ В 11 часов Буторин и Ефремов увидали луч прожектора с ледокола «И. Сталин»… 13 января… Около 9 часов несколько улучшилась видимость и как-то сразу совсем близко, весь в огнях открылся «И. Сталин». В 9 часов 07 минут ледокол подошел к борту «Г. Седова» и принял швартовые концы» (с. 202) — это был финал дрейфа, продолжавшегося 812 дней, ознаменовавшийся присвоением звания Героев Советского Союза всем 15 членам экипажа «Седова» наравне с капитаном «Сталина» Белоусовым. Папанин стал за эту операцию дважды Героем — решением «сверху» явно в пику Шмидту по ситуации февраля — марта 1938 года в Гренландском море.

Финал драмы, начавшейся поздней осенью 1937 года на востоке Советской Арктики, оказался в меру пошлым — в духе советской командно-административной системы. Это не относилось, разумеется, к самим седовцам. Моряки «Седова» не только сохранили судно, оказавшееся в неодолимых льдах не по их вине, но и получили ценную научную информацию, превратив первоначальное поражение в победу. Наши полярники еще раз наглядно продемонстрировали перед всем миром непроходящее и необъяснимое качество россиянина — находить выход из самых немыслимых и отчаянных ситуаций, созданных руководством. Тем и сильна Россия на страх врагам и себе на удивление.

С расстояния десятилетий роль Шмидта в Арктике, несомненно, выглядит выдающеймся. Его вклад остается и в нашей современной Российской Арктике. Тем более что после распада СССР значение Арктики для России значительно возросло. Поэтому в заключение раздела книги об арктической деятельности выдающегося полярника советской поры Отто Юльевича Шмидта приводится справедливая оценка видного

полярного историка М. И. Белова:

«Большим энтузиастом освоения Арктики был О. Ю. Шмидт. Его авторитет ученого и личное обаяние способствовали тому, что в аппарате Главсевморпути и на местах собрались лучшие силы. Считалось честью работать с О. Ю. Шмидтом. Инициативный и решительный первый начальник Главсевморпути являл собой пример стойкого руководителя и коммуниста. Все крупные экспедиции в Арктику начиная с 1929 года, когда О. Ю. Шмидт впервые познакомился с Севером, возглавлялись им. Он всегда находился в гуще событий. Несмотря на занятость текущими делами по руководству Главсевморпути, он находил время для научной творческой работы — всегда оставался прежде всего ученым… Уход О. Ю. Шмидта из Главсевморпути в 1939 году в связи с избранием его вице-президентом Академии наук СССР (!!! — *В. К.)* был большой потерей для этой организации, ибо, как ее начальник, он удачно выражал все ее существо — масштабность, необычайно смелый организаторский замысел и научный подход к решению хозяйственных и транспортных проблем. Крупный ученый и не менее крупный организатор — именно таким видели полярники О. Ю. Шмидта на посту арктического главка. Традиции, заложенные О. Ю. Шмидтом при создании Главсевморпути, пережили его. Ими руководствовались и руководствуются все работники, посвятившие себя трудному, но почетному делу освоения Арктики» (1969, с. 104–105).

Вместе со Шмидтом созданную им организацию почти одновременно или вскоре после ухода основателя покинули другие его видные сотрудники — начальник полярной авиации Шевелев, синоптик Дзердзеевский, первопроходец острова Врангеля и Северной Земли Ушаков, а также шмидтовцы. В Главсевморпути наступали новые времена, и имя Шмидта из многих изданий тех лет надолго исчезло. Чего-либо подобного несчастной навигации 1937 года за все время существования ГУ СМП не повторилось. На общем фоне заслуг самого Шмидта и возглавлявшегося им коллектива полярников это событие представляется досадным эпизодом, если бы не многочисленные жертвы среди полярников, связанные с явлением, названным позднее «культличности».

Глава 11
Закат на академическом Олимпе

…Люди с заслугами требуются нарасхват. Люди без достоинства могут дрыхнуть сколько угодно, а на людей дела всегда неотступный спрос.

У. Шекспир

Еще ты вроде в полной силе,
Полудержавен и хорош,
Тебя, однако, подрубили,
Ты скоро, скоро упадешь.

Я. Смеляков

С марта 1939 года Отто Юльевич, сдав дела по Главсевморпути И. Д. Папанину, заступил на очередную вахту в должности вице-президента Академии наук (довольно скоро — первого вице-президента), что само по себе воздвигло его на некий академический Олимп. Там, с учетом его известности в советском обществе и в мире, он занимал по-своему исключительное положение. Далеко не всякий советский человек мог назвать имя президента Академии наук СССР В. Л. Комарова, но Шмидта знал любой гражданин Страны Советов, включая тех, кто не разделял коммунистических идеалов. Определенно, Академия наук тех лет не была собранием благообразных чудаковатых старцев, заботу о которых взяла на себя партия, дабы вести их в светлое будущее (как это можно представить по фильмам той поры)… Достаточно напомнить, что в стенах академии тогда разворачивалась борьба не на жизнь, а на смерть между представителями школ Вавилова и Лысенко, проходившая далеко не в академических формах. Вскоре это на себе испытал в полной мере и сам Отто Юльевич.

Высшее научное учреждение страны не было чем-то новым для Отто Юльевича. С представителями Академии наук он встречался и тесно сотрудничал еще со времени исследований по проблеме Курской магнитной аномалии, затем по работе в Большой Советской энциклопедии, Наркомпросе и других организациях.

Работа Шмидта в Академии наук пришлась на ту пору, когда партия нещадно кроила эту организацию и ее работу применительно к своим целям и намерениям. Это отражено в целом ряде публикаций последних лет. Нечто подобное происходило тогда и в Германии, где «…новому режиму было как-то не по себе, что такая большая и нужная ему профессиональная категория оставалась нейтральной по отношению к новому государству» (1957, с. 338). Накануне вступления в должность Отто Юльевич получил от второго человека в руководстве страны записку следующего содержания:

«Тов. Шмидт! На днях хочу поговорить с Вами о делах Академии наук. Как ей помочь? В. Молотов» (ф. 496, оп. 2, д. 322, л. 1). В делах Шмидта в архиве Академии наук СССР сохранился план этой беседы, состоявшейся 28 марта. Для обсуждения намечены следующие проблемы:

1) План работы Академии наук на 1939 год.

2) Структура Академии наук, в котором особо выделены СОПС (Совет по изучению производительных сил, осуществлявший связи между различными академическими подразделениями и производством) и Институт экспериментальной биологии, возглавляемый Н. К. Кольцовым, которого ненавидел Лысенко. Судя по пометкам на документе, он согласовывался также с Губкиным и Вышинским. Не случайна также и другая пометка: «Преобладание биологии?»

3) Новая и старая тематика, в частности возникновение трудностей при переходе к новым направлениям.

4) Строительство, включая главного здания, — видимо, самого Президиума. Особо выделены институты машиноведения, маханики, литературный имени Горького — с набросками сумм возможных ассигнований.

5) В отдельный пункт выделен Институт генетики (цитадель лысенкистов?).

6) Характер идеологической борьбы в науке с упоминанием противостояния Вавилов — Лысенко.

7) Академические филиалы и базы, с указанием не увеличения их количества на будущее, но скромного развития — видимо, по финансовым ограничениям.

8) Опора на отраслевые институты, с выделением связей и разграничением направлений деятельности.

9) Трудности внедрения научных разработок.

10) Намечена передача из академической системы ряда отраслевых институтов.

11) Большая Советская энциклопедия, причем со знаком вопроса.

12) Международная выставка в Нью-Йорке.
13) Всемирные конгрессы.
14) Циклотрон.
15) Географическое общество.
16) Водно-хозяйственные проблемы.
17) Издательское дело и положение с бумагой.
18) Иностранная валюта.

Перечисленный круг проблем по-своему показателен. Если этот круг был намечен самим Отто Юльевичем, он отражает его готовность к исполнению самых смелых замыслов на новом уровне. Если же перечень перечисленных проблем был получен им «сверху», то, очевидно, его следует рассматривать как своеобразную проверку готовности «новобранца» к руководящей работе на столь солидном посту и даже (возможно) к будущей президентской должности.

Отто Юльевич заступил на вице-президентскую должность, когда в Академии наук СССР возобладали веяния, заставлявшие вспомнить страницы произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина. У Михаила Евграфовича один из героев особо ратовал за «те науки… кои способствуют выполнению начальственных предписаний», а главным содержанием научного поиска считал «каким образом в исполнении начальственных предписаний быть исправным надлежит». Сатирик удивительно прозорливо предвидел времена, когда обязанностью научного руководства страны станет «некоторые науки временно прекращать, а ежели не заметят раскаяния, то отменять навсегда… в остальных науках вредное направление переменять на полезное», разумеется, с позиций руководства страны.

Именно с последним и столкнулся Отто Юльевич при обсуждении работы Института эволюционной биологии 15 апреля 1939 года. Во главе этого института стоял основной оппонент Лысенко, Н. К. Кольцов, по собственному его заявлению «особь с врожденным фактором независимости». Это противоречило советским административным канонам того времени. Теперь Отто Юльевичу предстояло судить о проблемах, в которых он не был специалистом, с одной стороны, а с другой — возможно, определять судьбу человека, как и сам он, испытавшего неудовольствие на самом высшем уровне. В литературе (Бабков, 1992; Шноль, 1997) оценки позиции О. Ю. Шмидта — однозначно отрицательные. Однако они сделаны через полвека после анализируемых событий, в условиях, не позволявших учесть все обстоятельства. В частности, степень компромисса с властью…

Тогда, в конце 30-х, сломив сопротивление ученых в области общественных наук и геологии, партия принялась за очередной

отряд научного сообщества. На этот раз — за биологов. Судя по приведенным отрывкам (с цитатами, но без ссылок на конкретные архивные документы), выступление О. Ю. Шмидта было предельно осторожным (в комиссии отсутствовали сторонники Кольцова). Суть его один из авторов видит в рекомендации «… Кольцову самому придумать себе вину» (Бабков, с. 453). Скорее всего, Шмидт сделал это по собственному опыту. Разумеется, логика инквизиторов отличается от обычной человеческой, но факт остается фактом: «Кольцов остался на свободе и мог воспользоваться своей личной лабораторией» (Там же). Таким образом, Шмидт с позиции конформизма добился в той ситуации вполне удовлетворительного решения. Но почему Бобков по странной логике отдал инициативу этого решения Сталину? Тайна сия велика есть…

Без учета позиции академического руководства оценка деятельности Шмидта на новом поприще была бы неполной. Действовавший президент Академии наук СССР академик В. А. Комаров (1869–1945) заслужил высшее академическое звание в качестве исследователя флоры Дальнего Востока по результатам многочисленных экспедиций в Маньчжурию, Приморье, на Камчатку и т. д. Из-за солидного возраста он явно нуждался в помощи. На посту президента он сменил заслуженного геолога А. П. Карпинского. Как острили завистники, по указанию «сверху» один старец сменил другого. «Назначение В. А. Комарова президентом Академии наук СССР… говорило за то, что начальство считало его подходящей фигурой для подчинения науки государству. Действительно, в докладе к 20-летию Октябрьской революции Комаров утверждал, что Академия наук весь этот период была «рассадником контрреволюции». А в апреле 1938-го он предложил Общему собранию список на исключение 21 члена Академии для арестов — и быстро провел утверждение» (Бабков, с. 449). При проходившей «коммунизации» Академии наук на президентском посту до поры до времени Сталин предпочитал иметь беспартийного ученого, контролируемого, однако, партийными помощниками. Это в значительной мере облегчалось состоянием здоровья президента. Комаров много времени проводил в санаториях и на курортах, сохраняя, однако, стремление к активной деятельности. Он без стеснения перекладывал многие дела на плечи ближайших помощников. О состоянии здоровья Комарова в те годы свидетельствует привычка все чаще писать по диагонали почерком, который с каждым годом становился все менее и менее разборчивым. В этих условиях многое определялось не столько президентом, сколько его ближайшим окружением (В. М.

Гальперин, К. Г. Чернов, Б. А. Шпаро), заслужившим в академических кругах кличку «камарилья» (Шмидт, с. 181, рукопись). Увы, традиции российской бюрократической системы продолжали действовать и в советское время. Несомненно, возраст и состояние здоровья президента, совсем недавно — достойного ученого, вскоре сыграли печальную роль в судьбе Шмидта… Хотя, казалось бы, присутствие рядом со «старцем» активного и инициативного вице-президента могло пойти Академии наук только на пользу.

На взглядах и планах самого Отто Юльевича на новом поле деятельности, несомненно, отразилось приближение военной угрозы. Поэтому он считал, что «…конечный результат не всегда есть напечатанная книга… Типическим становится другое: забота о внедрении в практику результатов научных достижений — иногда в форме труда, иногда в форме учебника, практического руководства, инструкции… Практика есть высший критерий истины… Мы практикой проверяем истинность той или иной теории. Внедрение есть наиболее близкий первый критический прием такой проверки практикой…» (Архив АН СССР, ф. 496, оп. 1, д. 232, л. 1). Отметил он и такое обстоятельство: «У нас институты некоторые на прошлом активе допустили ту ошибку, что включили в списки (руководства. — *В. К.)* исключительно членов партии. И хотя, естественно, члены партии должны быть активнее, но и среди беспартийных у нас есть замечательные люди, участие которых на активе было бы очень существенным. Очень важно, чтобы голоса беспартийных активистов звучали громко на нашем активе» (Там же, л. 2).

Один из таких беспартийных активистов, пожилой В. И. Вернадский (выдвинувший идею ноосферы), обратил внимание Шмидта на неудовлетворительное состояние приборной базы. Оно не позволяло экспериментировать на необходимом уровне, чтобы контакт науки и практики «…стоял на уровне современного знания. Это планирование должно быть поставлено так, чтобы в нашей стране мы могли бы строить приборы и имели бы в своем распоряжении… все необходимые орудия научной работы» (Архив АН СССР, ф. 518, оп. 3, д. 1870, л. 15).

Сугубо советские реалии научной жизни диктовали, однако, свое. 30 октября 1940 года в здании Президиума Академии наук на Большой Калужской состоялось собрание коммунистов-академиков по подготовке плана работ на будущий 1941 год. На нем распоясавшиеся сторонники Лысенко потребовали исключить из плана работы по «формальной генетике». Спустя несколько дней на общем собрании Академии наук Шмидт поставил собравшихся в известность о мнении коммунистов. Но Отто

Юльевич сделал это в столь осторожной форме, что спровоцировал бешеную реакцию верного сталинского выдвиженца А. Я. Вышинского, получившего мировую известность в качестве прокурора на процессах в годы Большого Террора. Едва ли этот, с позволения сказать, столп советской юридической науки, «изыскания» которого, как осторожно сказано в позднейших официальных изданиях, «привели к серьезным нарушениям в области права и практике применения закона», что-либо понимал в проблемах биологии и тем более ее достаточно узкого раздела, посвященного образованию видов. Однако он в самой категорической и отнюдь не академической форме, как утверждает В. Сойфер (1993), потребовал устранить из документов любое упоминание о «преступной генетике» и вел себя на академической трибуне с таким остервенением, что Отто Юльевич, слушая его, на глазах высокого научного сообщества упал в обморок. Судя по воспоминаниям участников высокого собрания и некоторым документам, Отто Юльевичу потребовались услуги медиков, после того как сталинский фаворит пригрозил присутствующим очередными репрессиями. Они и без напоминаний знали, почему среди них отсутствует член-корреспондент авиаконструктор А. Н. Туполев или академик-генетик Н. И. Вавилов… Реакция нового вице-президента на перспективу оказаться в роли подручного при палаче оказалась столь очевидной, что о ней, несомненно, было доложено кому следует…

Даже на новом посту Отто Юльевичу часто давали понять, что его «грехи» в прошлой деятельности не забыты. Об этом свидетельствует документ, вышедший из недр Главсевморпути, очевидно, с подачи Папанина и в связи с приближавшимся спуском на воду нового ледокола на верфях Николаева: «Учитывая, что О. Ю. Шмидт не пользуется авторитетом среди моряков и полярников Главсевморпути, наименование ледокола его именем не будет мобилизовывать на выполнение задач, стоящих перед Главсевморпути решениями XVIII съезда ВКП(б). Это наше решение является выражением единодушного желания всей армии советских полярников и особенно моряков арктического флота». Как уже говорилось, новый ледокол получил название «Микоян».

Вернемся к научно-организационной деятельности вице-президента на своем посту. Особое внимание он уделял в то время плану деятельности Академии наук на 1941 год. Этот план, по мнению самого Отто Юльевича, должен был представлять «… официальный государственный документ, где изложены требования страны, социализма, адресованные науке. Президиум

Академии наук обратился к народным комиссариатам (министерствам по терминологии тех лет. — *В. К.)* и центральным учреждениям с просьбой сформулировать стоящие перед ними научные проблемы, в разрешении которых им могла бы помочь Академия наук» (ф. 496, оп. 2, д. 350, л. 1–3). На основе полученной информации было намечено к разработке 75 проблем, утвержденных общим собранием Академии наук, — с необходимым финансовым и кадровым обеспечением.

Тем не менее дела в главном научном штабе страны шли не лучшим образом. Это и было отмечено в дневниковых записях Вернадского от 1 мая 1941 года: «В Президиуме, который завален работой с плохим, почти негодным аппаратом, не справляются с делами… Комаров… в ссоре со Шмидтом… Шмидт его явный враг». Разумеется, до бесконечности такое положение продолжаться не могло.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов внесла свои коррективы в работу Академии наук. 23 июня 1941 года на выступлении в особняке академии в Нескучном саду Шмидт заявил: «…На повестке дня один вопрос — война, нападение фашистской Германии на нашу страну… В эти трагические дни, когда земля заливается все новыми потоками человеческой крови, Академия наук обращается ко всем ученым мира, ко всем друзьям науки и прогресса с призывом: сплотить все силы для защиты человеческой культуры от гитлеровских варваров… Эта решительная борьба будет концом фашизма, его крахом» (Матвеева, 2006, с. 187).

2 июля 1941 года он был назначен уполномоченным Совета по эвакуации Академии наук СССР, а уже 16 июля состоялось правительственное решение о переезде Академии наук в Казань, которая была выбрана в значительной мере из-за развитой промышленной базы. Это позволило бы сократить путь научных разработок от академических институтов в производство. 19 июля, отдав необходимые распоряжения (буквально за несколько дней до первой бомбежки Москвы немецкой авиацией), Шмидт вылетел в Казань с целью начать прием первых эвакуированных на месте будущей «дислокации». В обстановке тех дней подобная работа становилась очень непростым делом.

«В современной сложной обстановке предположения и директивы о переводе частей академии несколько раз менялись, — информировал президента Комарова его ближайший помощник, — вследствие чего мои телеграфные донесения заключали в себе немало противоречий. В конце концов положение определилось… Сюда переведены пока около 1100 сотрудников вместе с членами их семей — около 2800 человек.

Это количество удается разместить, но с каждым прибывающим эшелоном размещение становится все более и более трудным… Одной из таких забот был прием эшелонов с людьми таким образом, чтобы ни одного дня люди не оставались без крова. Мне пришлось закупить первоначально более 1500 кроватей с матрацами и расставить их в аудиториях университета, которые служили у нас своеобразным эвакопунктом для расселения сотрудников по общежитиям и квартирам» (Архив АН СССР, ф. 277, оп. 4, д. 1615, л. 5–7). А еще надо было заботиться об элементарном обеспечении питания в условиях карточной системы, о налаживании бытовых условий, включая санитарию и гигиену, — чтобы не возникло эпидемий, хорошо знакомых Шмидту по годам Гражданской войны. Со стороны эта прозаическая деятельность недавнего героя Арктики порой производила на непосвященного странное впечатление, особенно в редкие минуты отдыха и необходимого уединения. «Ночью во дворе здания университета большими шагами, сутулый и высокий, в сером как ночь плаще, точно измеряя длину двора, ходил Отто Юльевич Шмидт. Временами он взглядывал на небо, усеянное звездами, и тогда мысль его о переживаниях, связанных с событиями Отечественной войны, перекидывалась на вопросы больших научных обобщений», — ссылается Матвеева (2006, с. 189) на воспоминания одного из участников событий.

В более позднем документе Шмидт приводит целый ряд деталей, характеризующих коллизии, с которыми ему приходилось считаться: «В первую очередь СНК поручил вывезти институты физические, химические, механические, назначив местом эвакуации г. Казань. Туда же по решению правительства должны были бы отправиться академики и члены-корреспонденты. В. Л. Комаров отказался выехать в Казань, решив остаться в Москве. Спустя некоторое время он собрался в курорт Боровое, но по дороге внезапно оказался в Свердловске и решил там поселиться. Создалось очень неясное положение в АН. Аппарат президиума находился в Москве. Мы предлагали оставить президиум в Москве, но т. Шверник указал нам: в Казани должна быть АН. Неожиданное переселение Комарова в Свердловск очень нас беспокоило, я написал ряд писем и телеграмм с просьбой переехать в Казань, но Комаров стоял на своем и получил, наконец, разрешение правительства остаться в Свердловске. С разрешения СНК и согласия Комарова в конце сентября в Казани был созван пленум президиума. Комаров не приехал. Пришлось нам, вице-президентам, целиком взять руководство на себя. В это время развернулась работа АН — «все для фронта». Коллектив ученых работал с громадным подъемом»

(Архив АН СССР, ф. 496, оп. 2, д. 352, л. 1). Свердловск с его промышленной базой к тому времени становился центром танкостроения, не случайно там обосновался виднейший теоретик и практик металлургии академик Бардин, и, видимо, это обстоятельство учитывалось престарелым президентом Комаровым. Он считал, что путь от науки к практике легче осуществлять в Свердловске. Вместе с тем его научный штаб во главе со Шмидтом остался в Казани, и такое раздвоение не могло не сказаться на работе Академии наук.

Биографы Шмидта единодушно отмечают его вклад в будущее торжество нашего оружия, задолго до победного мая 45-го. «Все науки… работали для фронта. И дали замечательное оружие, исключительные приборы, новое сырье» (Петров, 1959, с. 150). «В начале Великой Отечественной войны Шмидт… фактически руководил эвакуацией важнейшего для страны и ее обороны научного центра. Объем организационной работы у вице-президента возрос во много раз. Политическая ответственность за спасение и дальнейшее быстрое развитие работ научного центра — огромная. В памяти встают первые дни эвакуации в Казани — всех разместить, согреть, накормить. Отто Юльевич проявляет заботу о каждом человеке, интересуется всем, вплоть до мелочей. Вести с фронта шли все тревожнее и тревожнее — враг подходил к Москве, наступили тревожные дни октября 1941 года Именно в это время теплота Отто Юльевича по отношению к людям, готовность помочь, внимание к их нуждам, в сочетании со спокойствием и выдержкой, поразительно хорошо влияли на окружающих, поддерживали их бодрость и надежды» (Яницкий, 1959, с. 42).

Не случайно официальное советское издание высоко оценило роль Академии наук на начальном этапе войны: «В решении важнейших проблем перестройки экономики и создания слаженного военного хозяйства внесли достойный вклад учреждения Академии наук СССР, союзных и отраслевых академий, научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения. Силы ученых сосредоточились на выполнении работ, связанных с обороной, на разработке новых проблем, обеспечивающих совершенствование вооружения и боевой техники, на оказание помощи промышленности в организации и расширении военного производства, на изыскании и использовании новых сырьевых ресурсов страны. Новые планы деятельности Академии, составленные в августе — сентябре 1941 года, включали более 200 тем, связанных с военной тематикой. Крупнейшие ученые страны, такие как А.А. Байков, А. И. Берг, С. И. Вавилов, Б. Е. Веденеев, А. Ф. Иоффе, П. А. Капица, М. В.

Келдыш, В. А. Комаров, Г. М. Кржижановский, И. В. Курчатов, А. Н. Несмеянов, В. Н. Образцов, Д. Н. Прянишников, А. М. Терпигорев, А. Е. Ферсман, Е. А. Чудаков, О. Ю. Шмидт и другие, с началом войны выполняли ответственные задания…» (История Второй мировой войны, т. 5, с. 159).

Опираясь на сведения о наличии природных ресурсов, необходимых в военной индустрии, в распоряжении противника, академик А. Е. Ферсман оценил возможности фашистской Германии к активному сопротивлению лишь на протяжении четырех лет, что полностью подтвердилось. Подобный прогноз в ту тревожную и неясную пору наряду с данными разведки, которыми руководство страны не всегда адекватно пользовалось, стоил многого. В мирное и военное время наука оставалась тем, чем и должна быть, — разведкой общества, поставляя необходимую информацию для тех, кто хотел видеть и слушать, не закрывая глаза и уши на происходящее в стране и мире.

Научные сотрудники различных академических институтов составляли описания потенциальных театров военных действий (в том числе зарубежных территорий), карты проходимости для разных родов войск, искали новые месторождения полезных ископаемых взамен оставшихся за линией фронта, разрабатывали в авральном порядке новые технологии для оружия будущей победы и просто составляли изо дня метеопрогнозы на основе сохранившейся сети метеостанций. Порой в поисках необходимой информации им приходилось отправиться в тыл противнику, в партизанские отряды и т. д.

Разумеется, в суровые военные годы Отто Юльевич мысленно не однажды возвращался к тем, кто защищал Арктику, тем более что многие из его сотрудников продолжали там свою деятельность в самой различной роли. Его же преемник на посту начальника ГУ СМП Папанин был облечен высокими полномочиями представителя Государственного Комитета Обороны по приемке грузов от союзников в портах Мурманск и Архангельск. Активным помощником Митрича выступал бывший комендант челюскинского аэродрома Александр Погосов, не говоря уже о полярных моряках (Воронин, Марков, Хромцов, Хлебников и многие другие) и авиаторах (Мазурук, Аккуратов, Козлов, Водопьянов, причем последний участвовал в первых налетах на Берлин). Другой видный помощник Шмидта, одновременно с ним получивший звание Героя Советского Союза за полюсную операцию, М. И. Шевелев, стал одним из командиров дальней авиации, в которой служило немало полярников. Всем участникам дрейфа СП-1 выпало в военные годы стоять на ответственных постах: в частности, Ширшову —

также в качестве представителя Государственного Комитета Обороны, Кренкелю — отвечать за работу полярных станций (включая те, что оказались в зоне военных действий). Именно Папанин первым настоял на вооружении персонала полярных станций, а для некоторых стратегических пунктов добился установки артиллерии. Такие пушки при нерастерявшемся старшем лейтенанте Корнякове отразили нападение на Диксон немецкого «карманного линкора» «Адмирал Шеер» в августе 1942 года Е. К. Федоров в годы войны возглавил метеослужбу вооруженных сил. Конечно, Отто Юльевич испытал боль и гордость при известии о героической гибели «Сибирякова», в ситуации безнадежного боя сорвавшего операцию фашистских ВМС в Арктике. Созданная усилиями Шмидта арктическая трасса работала на победу, когда ее использовали боевые корабли. Если в 1936 году Шмидт вел эсминцы с Балтики на Тихий океан, то в 1942 году отряд тихоокеанцев на встречных курсах под проводкой ледоколов проломился сквозь льды с новыми кораблями на помощь Северному флоту. Все перечисленное было вкладом Шмидта в будущую победу, которым он мог заслуженно гордиться, даже находясь вдали от фронта.

У Шмидта было не меньше оснований многое сделать для победы на новом посту. Неожиданно (по крайней мере, для людей далеких от академических проблем) события стали развиваться совсем по иному сценарию.

Отто Юльевич был слишком занят лавиной дел, по сравнению с которыми изнурительные авралы за полярным кругом выглядели невинным праздником, чтобы в полной мере оценить приближение грядущих событий, во многом нарушивших его связь с большой наукой. Многие биографы Шмидта трактуют их предельно осторожно. Например, юбилейный сборник 1959 года старательно обходил эту тему, впервые освещенную в литературе в работе И. Дуэля (Дуэль, 1981), однако без ссылок на документы, позднее введенные в научной обиход Л. В. Матвеевой: «В конце 1941 года О. Ю. Шмидт посетил В. Л. Комарова в Свердловске и в течение нескольких дней рассказывал ему о делах Академии, о том, как самоотверженно трудятся ученые в Казани. Встреча была теплой и сердечной… Все оставалось как будто бы без перемен в здании Казанского университета, и вместе с тем чувствовалось, что назревают какие-то события… Отто Юльевича не покидало чувство тревоги. И предчувствие его не обмануло. Вскоре по приезде в Казань Отто Юльевич узнал, что В. Л. Комаров написал письмо Сталину, оскорбленный тем, что план основных научно-исследовательских работ Академии на первое полугодие 1942 года не был доставлен ему в Свердловск. Тем самым якобы О. Ю.

Шмидт игнорировал президента и отстранил его от работы» (2006, с. 190–191).

Реакция Верховного главнокомандующего и Председателя СНК была однозначной: «Совнаркому СССР стало известно, что представленный правительству вице-президентом АН О. Ю. Шмидтом план основных научно-исследовательских работ АН на первое полугодие 1942 года не был известен президенту АН и президент был лишен возможности предварительно ознакомиться с этим планом. Многие академики также были лишены этой возможности. Таким образом, со стороны вице-президента О. Ю. Шмидта была сделана нелояльная попытка игнорирования и фактического отстранения от руководства президента АН. Совнарком считает такое положение нетерпимым, а поведение О. Ю. Шмидта — дезорганизующим работу академии. Ввиду изложенных обстоятельств СНК СССР решил отстранить О. Ю. Шмидта от обязанностей вице-президента. Исключить его из состава президиума АН». Документ был помечен 24 марта 1942 года, что легко объясняется занятостью Сталина фронтовыми делами, складывающимися не лучшим образом.

Ответ Шмидта (также впервые опубликованный Матвеевой) последовал спустя сутки и приводится нами в извлечениях, причем с признанием собственной вины («Я действительно целиком виноват»), но с указанием целого ряда обстоятельств, важных для понимания возникшей ситуации: «…Считаю своим долгом доложить Вам об обстановке, сложившейся в АН, так как в этой обстановке кроются корни моей ошибки… На нас, новых в президиуме людей, естественно, легла главная ответственность за направление работы в Академии, за осуществление той перестройки работы, которую ЦК и СНК неоднократно требовали от АН. Тотчас же после выборов президент АН В. А. Комаров уехал в длительный отпуск. И в дальнейшем приступы мучительной болезни часто повторялись, так что В. А. Комаров большую часть года проводил на курорте или даче и лишь в короткие промежутки появлялся в АН. Дела, естественно, перешли в основном к вице-президентам, которых после смерти И. М. Губкина осталось два: я и Е. А. Чудаков. Работать поэтому В. А. Комаров не мог. Председательствуя на заседаниях, часто засыпал, так что, в конце концов, просил меня председательствовать, а сам сидел рядом, изредка подавая реплики. Комаров — натура властная — как-то тяжело переживал фактическое ослабление своей роли. В этих трудных условиях я взял себе за правило: ничего не решать единолично, точно соблюдая права президиума как единственного по Уставу АН полномочного органа управления». Шмидт слишком хорошо знал

характер Сталина, и покаянному тону его реакции в ответе удивляться не приходится.

Разбираться Верховному в «шашнях и кознях» на академическом Олимпе, когда тут же после Московского наступления провалился план быстрого изгнания немцев с советской территории, было, разумеется, не ко времени: зимой — весной 1942 года сразу три армии (29-я и 33-я севернее и южнее Вязьмы, а также 2-я Ударная на Волховском фронте) попали в окружение. И это — не считая стоивших большой крови неудачных попыток прорвать блокаду Ленинграда и Севастополя… А все остальное в похожей ситуации (несравнимой, однако, по масштабах событий) известный поэт образно сформулировал на солдатском, не вполне светском, но выразительном жаргоне: «…Чтоб не пер, зараза, поперек приказа, он самочинцу влепил нагоняй…» В ту кровавую пору, когда на ходу приходилось менять большую часть уставов вооруженных сил, копаться в ведомственных неурядицах, не вписывавшихся в жестокие реалии войны, было не ко времени… Определенно мартовское решение 1942 года Великого Диктатора не было ни самым ошибочным, ни чересчур жестоким, но, несомненно, Академия наук тогда потеряла одного из своих ведущих лидеров. Это понимали сами ученые, отметившие событие по-своему: «А. И. Иоффе, занявший его место, устроил собрание нашего отделения и в знак уважения оставил незанятым место, которое обычно занимал Отто Юльевич, а сам сел в стороне и председательствовал на этом собрании не с председательского места» (Александров, 1981, с. 66).

Правда, припоминая предшествующие события из биографии чересчур активного опального академика (начиная с отставки из Главпрофобра и кончая уходом из Главсевморпути) такой финал деятельности на высоком посту вице-президента Академии наук СССР не представляется неожиданным. Практически на любой должности своей многосторонней и неуемной активностью Отто Юльевич не вписывался в прокрустово ложе советской (прежде всего сталинской) командно-административной системы. Всюду ему было тесно, всюду он принимал рискованные для администратора его уровня решения, часто не совпадавшие с мнением тех, кто определял развитие страны. До поры до времени это сходило, но только до поры…

Несмотря на «разжалование» высочайшим распоряжением из вице-президентов до уровня обычного директора академического Института теоретической геофизики, Шмидт успешно продолжил свою научную деятельность. «Применение многих вопросов прикладной геофизики к военным задачам было предпринято по

указанию и при поддержке О. Ю. Шмидта. Отто Юльевич лично беседовал с каждым из ведущих сотрудников Института с целью наилучшего использования всех возможностей для решения задач обороны страны. В то же время он не прекращал организации теоретических исследований как в самом Институте, так и в Академии наук в целом… Именно тогда он впервые сформулировал основные космогонические идеи, разработкой которых он затем занимался» (Калашников, 1959, с. 122). Тем не менее его мысли в военную пору определялись обстановкой на фронте, что подтверждает его выступление в ноябре 1942 года: «Для геофизики, как и для других наук, нет сейчас другого желания и стремления, как только помогать нашей Армии выполнить свой долг, бороться за науку, культуру — и против врагов народа, против насильников. Советские геофизики вместе со всей наукой стараются выполнить свой долг, и кое-что фактически ими уже дано и сделано. Перед нашей наукой в СССР великое будущее, и мы знаем, что никто, как мы, советские люди, умея любить свою землю, любя ее изучать, и изучая и любя, сумеем ее защитить».

По условиям военного времени Отто Юльевич не раскрывал конкретной тематики работ своего института, но с Победы мысли академика Шмидта все больше и больше занимали перспективы мирного времени. Отто Юльевич высказался 23 сентября 1944 года: «Геофизика, как молодая наука, стоящая на стыке физике, математики, геологии и астрономии, имеет перед собой огромное поле деятельности, а ее практическое значение (например, прогноз погоды, геофизическая разведка) делает ее быстрое развитие настоятельной государственной задачей». Теперь его интересовала разработка теории строения Земли — от центра до верхних слоев атмосферы. По Калашникову, «Отто Юльевич намечал изучение геологических движений — перемещения континентов, образования гор, развития приливов и т. д.; изучение термической истории Земли и ее изменение во времени, выяснение происхождения земного магнетизма и земного электричества; затем им намечалась углубленная теоретическая и экспериментальная разработка геофизических методов разведки и теории комплексной интерпретации геофизических аномальных полей… всестороннее исследование физических свойств горных пород в зависимости от геологических эпох, условий образования состава и т. д., изучения проблем физики моря — обмен тепла между атмосферой, водой и сушей, развитие штормовой волны; проблем физики атмосферы — гидро- и термодинамики атмосферы, построение теории общей циркуляции атмосферы, изучение атмосферы физическими методами — оптическими,

акустическими, при помощи радиоволн, в особенности изучение верхних слоев атмосферы современными методами; исследование процессов образования осадков в атмосфере; обоснование математических методов прогноза погоды. Общим направлением при разработке основных проблем являлось сочетание математических методов, экспериментально-лабораторного исследования и экспедиционно-полевой работы» (1959, с. 124–125). Намеченное направление исследований требовало кадров ученых и специалистов, а также нового оборудования для оснащения новых пунктов наблюдений. В условиях сурового послевоенного времени это было непростым делом. По сути, требовалось не только создание новых научно-производственных служб, но и целых отраслей по выпуску точной геофизической аппаратуры.

С изменением военной обстановки после Курской битвы в летом 1943 года в Москву, по решению Совнаркома, стали возвращаться эвакуированные академические учреждения. Через год после отставки Шмидта к прежнему месту деятельности вернулись 75 академических институтов и лабораторий, включая Институт теоретической геофизики, где по инициативе Шмидта произошли важные структурные изменения. Появились новые лаборатории: сейсмическая, электрометрическая, магнитная, термическая, геотектоническая, динамики атмосферы и некоторые другие.

Этим дело не ограничилось. На сентябрьском совещании руководства академических учреждений Шмидт выступил с соображениями о планировании научной деятельности, теме актуальной во все времена, тем более в военную пору. По его мнению, «кроме тех конкретных задач, которые нужны стране в переживаемый момент, необходимо заняться разработкой больших научных проблем, которые являются узловыми в развитии науки, хотя они во время войны не дадут еще своих результатов» (Архив АН СССР, ф. 2, оп. 7, д. 13, л. 33).

Ему оппонировал академик П. Л. Капица, лучше представлявший, чем предстояло заниматься физикам в предстоящие годы: «Надо искать более широкий подход, в основу которого должен быть положен следующий принцип: в науке самым ценным является творческий элемент, поэтому и план и отчет должны составляться так, чтобы не стеснять свободу творчества, а поддерживать ее» (1981, с. 172–173).

Оставалось только решить, каким именно образом сделать это с наибольшей пользой для науки в условиях советской плановой системы, да еще в военное время. Жизнь показала, что проблема планирования в науке каждый раз решается по-своему,

применительно к обстановке. Во всяком случае, в 1941–1945 годах нам это удалось лучше, чем противнику за линией фронта, где решением фюрера были закрыты все научные исследования, не обещавшие результата для боевого применения уже спустя полгода.

Теперь у Отто Юльевича появилось больше времени, чтобы вплотную заняться идеей, которая уже не первый год занимала его, — о возникновении Земли и планет. Эта идея прошла у него длительный путь эволюции от гипотезы к теории. Шмидт ознакомил с новым направлением своей деятельности сотрудников института в конце 1944 года — в целой серии докладов. Тем самым Отто Юльевич обозначил им новое обширное поле деятельности. До конца жизни оно стало для Шмидта главным содержанием научной деятельности.

Вскоре со своими новыми идеями Отто Юльевич вышел на родственные организации — Государственный астрономический институт им. Штернберга (ГАИШ), Математическое и Астрономическое общества и, наконец, выступил на сессии Отделения физико-математических наук в самой Академии наук. По приглашению ректора Ленинградского университета состоялось выступление Отто Юльевича на берегах Невы, позднее описанное в воспоминаниях президента Географического общества академика А. Ф. Трешникова: «Вечером у здания конференц-зала собралось огромное количество людей. По Университетской набережной нарушилось движение транспорта. Я пришел заранее и пробился наверх знаменитой парадной лестницы, ведущей с первого этажа на второй, в конференц-зал. С получасовым опозданием вниз у лестницы появился О. Ю. Шмидт. Он не мог пробиться через толпу людей, его провели в здание каким-то черным ходом. Он смущенно улыбался, его глаза задорно блестели. Кто-то из организаторов лекции прокричал:

— Товарищи! Пропустите Отто Юльевича в конференц-зал! — По лестнице над головами.

Когда он оказался на верхней площадке, новая группа молодых ученых подхватила его и, протискиваясь сквозь плотную толпу, понесла на руках в зал. Отто Юльевич, смеясь, говорил: «Что вы, что вы, товарищи!» Но его пронесли до самой трибуны и там поставили на ноги. Это было не так-то просто: лестница была плотно забита людьми. Тогда какие-то молодые ученые подняли Отто Юльевича и стали передавать его на руках снизу вверх. Он заливисто смеялся… Лекция его была блестящей, аргументированной и вместе с тем скромной»(1985, с. 163). Характерна описанная Трешниковым необычно теплая атмосфера мероприятия. Обычно ленинградцы сдержанно относились к

московским мероприятиям, а тут их реакция вышла далеко за пределы официальной встречи. Здесь Шмидта помнили и ценили за былые заслуги.

Космогонические идеи Шмидта не разделялись многими коллегами, особенно в части захвата планетарного вещества в условиях известных законов небесной механики. Это заставило его искать решение проблемы в задаче трех тел, несмотря на убежденность большинства коллег в невозможности подобной ситуации. Шмидт, формируя свою точку зрения, первоначально исходил из собственной интуиции и считал, что природа такого захвата могла быть не только гравитационной. По мнению Отто Юльевича, «…нужно разделить две стороны вопроса — возможность захвата и его модель», что в 1950 году было подтверждено работами В. В. Радзиевского и Т. А. Агекяна о возможности различных форм захвата.

Отвлекался от напряженной умственной работы он с помощью пасьянса, позаимствовав этот метод у капитана Воронина полтора десятка лет назад, во время арктических плаваний. Однажды, обдумывая очередную комбинацию с картами, решение которой зависело от маловероятного варианта, Отто Юльевич был готов к неудаче, но, добившись своего, тут же сделал неожиданный вывод: «А еще говорят, что захват невозможен в силу малой вероятности!..»

Проблема возникновения Вселенной на фоне окружающей послевоенной разрухи вызывала претензии не только у иных коллег в Академии наук, но и в Госплане. Возражая им, Отто Юльевич в письме академику-секретарю Н. Г. Бруевичу писал: «По поводу замечаний Госплана по плану работы Академии на 1945 год считаю долгом в части моей темы «Происхождение Земли и планет» сообщить следующее: если бы в руках рецензента Госплана были мои работы, напечатанные в 1944 году в «Докладах АН СССР» «О происхождении визуально-двойных звезд и особенностях их орбит» и «Метеоритная теория происхождения Земли и планет», то не возникло бы никакого недоразумения. Я предложил новую теорию происхождения сложных астрономических систем, охватывающих как планетные системы, так и двойные звезды. В упомянутых работах из теории сделан ряд количественных выводов и результаты сравнимы с данными наблюдениями. Получившееся хорошее соответствие явилось доводом в пользу новой теории. Однако для полной проверки новой теории из нее необходимо сделать все решительные выводы, проследить, как она проявляется в разнообразных явлениях, на которых отражается то или иное происхождение планет, и т. д. Если хотя бы в одном случае следствие из теории

окажется в противоречии с фактами, то теорию надо отвергнуть или изменить. Если же всюду будет констатировано соответствие, то это и явится доказательством того, что теория в основном верна. Так, в частности, из различных теорий происхождения Земли вытекают различные следствия по таким вопросам, как возраст Земли, ее строение, внутренняя температура и т. д. Возникают вопросы, как теория объясняет расстояния между планетами, распределение масс между ними и т. д., как она объясняет происхождение других членов Солнечной системы, как кометы и метеориты. Большое число вопросов возникает о двойных звездах. Таким образом, широкий охват подлежащих исследованию вопросов вызывается не моим субъективным желанием объять необъятное, а есть суровый научный долг каждого человека, предложившего новую космогоническую теорию. Несмотря на тяжелую болезнь, я стараюсь пользоваться каждым днем передышки для продолжения работы» (Архив АН СССР, ф. 496, оп. 2, д. 363, л. 8). Накануне грядущей космической эры он уже внес свой вклад в ее будущее.

По нашему мнению, для понимания изложенных в этом документе идей определяющим является следующее разъяснение, сделанное Хилми: «Опираясь на энциклопедичность своих знаний и подвергнув глубокому анализу современное состояние вопроса, О. Ю. Шмидт пришел к выводу, что в ходе развития науки проблема происхождения и эволюции Земли приобрела своеобразный, глубоко специфический характер. В наше время эту проблему нельзя отнести к какой-нибудь определенной ветви науки, она стала пограничной проблемой для многих отраслей знания. Оставаясь тесно связанной с астрономией, проблема происхождения и развития Земли в наше время не менее связана с физикой и всеми науками о Земле: геофизикой, геохимией, геологией, палеогеографией и другими — и должна опираться на данные этих наук… По-новому О. Ю. Шмидт подошел к вопросу о конечной цели науки при разработке теории происхождения и развития Земли… Он считал, что теория происхождения должна составить основной элемент такой общей теории Земли, на которую сможет эффективно опираться геофизическая и геологическая практика, например, в таких вопросах, как предсказание землетрясений или поиски полезных ископаемых. Космогоническая теория должна давать правильную ориентировку широкому кругу наук о Земле и через них и вместе с ними участвовать в эксплуатации земных богатств. Наука наших дней (то есть середины XX века. — *В. К.)* способна только приступить к решению космогонических вопросов в такой постановке, но Шмидт был уверен в правильности и

перспективности этого пути» (1959, с. 194–195).

Несомненно, научная общественность страны, пережившая невзгоды и трагедии военного времени, «изголодавшаяся» по научному общению, приветствовала появление новых масштабных идей, достойных обсуждения. Кроме того, само имя Шмидта служило своеобразной гарантией доброкачественности самих идей и перспективности предлагаемых направлений в их дальнейшей разработке. Теория Шмидта обозначила также стык наук, целый узел совместных перспективных разработок для представителей многих научных направлений и специальностей.

Одними из первых на новые теоретические разработки Отто Юльевича откликнулись географы. Еще в октябре 1945 года президент Всесоюзного географического общества академик Л. С. Берг в связи с предстоящим 100-летним юбилеем Географического общества сделал Шмидту следующее предложение: «Мы были бы вам, Отто Юльевич, весьма признательны, если бы вы не отказались выступить во время юбилейных заседаний с докладом о Вашей новой теории образования Земли. Мне лично Ваша теория очень симпатична, и я убежден, что Земля никогда не была расплавленным шаром» (1959, с. 442). Примечательно, что этот интерес у географов сохранялся и позднее, судя по письму профессора (будущего академика) С. В. Калесника: «Я всегда очень увлекался вопросами космогонии, — да мне, как географу, иначе и нельзя было. Говоря о Земле и ее развитии, надо же было опереться во все этом на какое-то «начало», на какой-то исходный, отправной момент. Должен сказать, что впервые полное удовлетворение я получил после ознакомления именно с Вашей теорией! В своих основных положениях она представляется мне настолько неотразимой, что я позволяю себе, если только не будет возражений с Вашей стороны, изложить ее во втором издании своего учебника «Основы общего землеведения». Мне было бы очень приятно, если бы Вы разрешили прислать Вам для предварительного ознакомления текст соответствующего параграфа учебника, содержащего изложение Вашей теории» (1959, с. 443–444). Таким образом, географы не только первыми помимо астрономов прониклись идеями Шмидта, но и активно способствовали популяризации его идей.

Это неудивительно, если учесть, что в постановке проблемы по Шмидту намечалась система взаимосвязей между различными науками в объяснении причин возникновения Земли и планет и их современного состояния. Поскольку сами науки, перечисленные выше, находились на различной стадии своего развития, их взаимодействие рождало множество задач более

низкого уровня, решение которых стимулировало бы дальнейший прорыв. Уже за одно это научное сообщество должно было бы благодарить академика Шмидта.

Документы показывают, как одновременно с ухудшением здоровья новая гипотеза, все больше и больше обретая статус теории, занимает мысли Шмидта. В отчете 1947 года Отто Юльевич особо отметил: «Моя личная работа сосредоточена на дальнейшем развитии и обосновании той теории происхождения Земли, планет, двойных звезд, основные положения которой были опубликованы мною в 1944 году. В отчетном году был достигнут важный этап в логическом обосновании теории, а именно была доказана принципиальная возможность захвата в задаче трех тел, что было опровержением прочно укоренившегося в науке предрассудка. Геофизические последствия новой теории происхождения Земли были рассмотрены в докладе на Всесоюзном географическом съезде, конференции астрономов в г. Ленинграде, совещании по строению Галактики, космогонии и космологии» (Архив АН СССР, ф. 496, оп. 2, д. 356, л. 2).

Показательно внимание, проявленное научной общественностью к последним разработкам единственного Героя Советского Союза среди членов Академии наук, несмотря на голод, переживаемый страной после неурожая 1946 года, и послевоенную разруху. «С самого начала статьи и доклады Отто Юльевича пробудили огромный интерес к его исследованиям. Например, когда в январе 1947 года в ленинградских газетах появилось сообщение о том, что 31 января на пленарном заседании Второго Всесоюзного географического съезда состоится доклад академика О. Ю. Шмидта «Новая теория происхождения Земли и планет», слушатели заполнили не только конференц-зал Академии наук, но и прилегающие комнаты, и даже лестницу, так что докладчика пришлось провести на кафедру через запасной вход.

Но одновременно с волной широчайшего интереса нарастала и волна критики. Привлекая внимание к слабым местам, эта критика способствовала развитию исследований. Однако, к сожалению, часто вместо обсуждения общего направления исследований О. Ю. Шмидта, в которых были и достижения и недостатки, изолированно рассматривались одни только недостатки» (Левин, 1959, с. 69).

На следующий год он продолжил разрабатывать проблему возможности захвата, прочитал для сотрудников института четыре лекции, вводя их тем самым в курс самых последних достижений. Отто Юльевич был удовлетворен результатом дискуссий по его теории, состоявшихся в Ленинграде в марте

1947 и декабре 1948 года, а также в Геофизическом институте в Москве (Матвеева, с. 213), где его поддержали Л. Э. Гуревич и А. И. Лебединский.

Но прогрессирующее ухудшение здоровья заставило Отто Юльевича обратиться в президиум с просьбой об освобождении с поста директора института. Период организационной деятельности для Отто Юльевича завершился, и теперь он целиком сосредоточился на своих учениках и дальнейшем развитии своей теории. А до начала космической эры, ознаменовавшейся запуском первого нашего спутника и полетом Гагарина, оставалось так немного…

Отказавшись от руководства институтом, Отто Юльевич вскоре ощутил некий вакуум общения с представителями науки. Чтобы компенсировать этот недостаток, он возглавил редколлегию академического журнала «Природа», после перевода этого журнала из Ленинграда в Москву (1951). Деятельность Отто Юльевича на этом посту описана в воспоминаниях одного из бывших сотрудников редакции А.С. Абрамова. Он проработал с «шефом» до самой его смерти: «Редколлегия шмидтовской «Природы»… состояла из маститых и к тому же деятельно работавших в науке ученых, представлявших ее ведущие направления. Академики Н.Н. Аничков, А. Е. Арбузов, К.М. Быков, А. П. Виноградов, А.В. Винтер, И. П. Герасимов, Е. Н. Павловский, В. Н. Сукачев, А. М. Терпигорев, Н. В. Цицин, Д. И. Щербаков… не только сами составляли перспективные планы по своей специальности и защищали их на редколлегии, но и активно участвовали в обсуждении годовых планов и планов номеров. Поразительно, как О. Ю. Шмидт организовывал эти коллективные действия… Обсуждение разных планов — от перспективного до плана номера — превращалось в подлинно научную дискуссию, в которой генетики спорили с физиками, физиологи — с математиками, лысенковцы с В. Н. Сукачевым. Это было интересно и поучительно для самих членов редколлегии — представителей разных специальностей, тем более что дискуссии эти тактично и остроумно вел О. Ю. Шмидт. В итоге не только большинство членов редколлегии активно работали… Нет ничего удивительного в том, что «Природа» поддерживала и даже способствовала развитию… новых направлений в физике и геохимии, в биологии и астрономии, в геологии и географии, и ни разу не споткнулась на пропаганде сомнительных теории или прожектерства, была корректна в оценке дискуссий, культивировавшихся в те времена во многих областях знаний»(1981, с. 68). В качестве редактора Отто Юльевич считал, что интерес у читателя должны вызывать не только отдельные

статьи, но и журнал в целом. При обсуждении на редколлегии журнала он неизменно задавался вопросом, какие именно статьи вызовут повышенный интерес взыскательного читателя, называя такие материалы ударными.

«Большое внимание О. Ю. Шмидт рекомендовал уделять популяризации не только представлений, но и рассказам о получении научного знания. Любил и поощрял статьи об экспедициях, о работе учреждений и лаборатории, о постановке эксперимента или наблюдений, о применяемой при этом новой технике» (Там же, с. 69), в значительной мере по собственному исследовательскому опыту. Все это делало академический журнал не просто популярным, но пользовавшимся повышенным спросом среди интеллигенции вообще, включая учителей. В своей непосредственной работе над каждым номером академик Шмидт не просто визировал подготовленные редакцией материалы, но и читал все — от ведущих статей и до самых кратких заметок, помечая прочитанное инициалами. Часто общался с авторами, причем его рекомендации и замечания всегда оставались конструктивными и доброжелательными, в такой работе для него было важно не просто «снять вопросы», но и убедить автора в необходимости тех или иных исправлений, щадя авторское самолюбие, особенно у молодежи. «Но доброжелательность кончалась там, где автор был некомпетентен или недобросовестен, где проявлялось стремление к рекламе. Здесь Отто Юльевич проявлял принципиальность и непреклонность, невзирая на лица. «Это идет дальше фактов. Ломоносов и без того достаточно велик, чтобы ему что-то приписывать. Для «Природы» не подходит», — писал он на статье одного из руководителей Академии. Или о статье руководителей Комитета в помощь великим стройкам: «По моему представлению, обводненная пустыня останется пустыней с водопоями, а не раем земным». Отстаивал он свои взгляды и решения редколлегии в тех случаях, когда отвергнутые авторы обращались в высокие инстанции. Все это помогало высоко держать научную марку «Природы» в то время, когда волюнтаристские решения принимались довольно часто» (Там же, с. 70). Не опасаясь за собственную репутацию, в беседах с сотрудниками обращался к авторитету предшественников, по-своему расширяя кругозор сотрудников. Так, он объяснял им, что хотя взгляды В. И. Вернадского в области географии были подхвачены Б. Л. Личковым, Б. Б. Полыновым и А.А. Григорьевым, но в целом научное наследие этого выдающегося корифея остается неосвоенным современниками, порой иллюстрируя прогресс науки (например, в области медицины) на собственной судьбе: когда не помог

стрептомицин, придумали паск и т. д.

С каждым годом противоречие между слабеющим телом и мощной работой интеллекта стареющего академика Шмидта становилось для окружающих все более очевидным. «Последние десять лет его жизни, — отмечала С. В. Козловская, — могут показаться бледными. Но именно в эти годы, когда он продолжал напряженно работать, борясь со смертью, поражал его героизм едва ли не больший, чем в условиях ледяного безмолвия. После многократных легочных кровоизлияний, начавшихся в декабре 1953 года, Отто Юльевич неделями должен был лежать на правом боку, туго прижав к груди правую руку, стараясь не шелохнуться, так как при перемене положения вновь поднималось обильное кровотечение, а с этой кровью каждый час могла уйти его жизнь. Отто Юльевич понимал все это. И таких восемь недель… Ни его характер, ни поведение не изменились. В нем по-прежнему поражал необычайная восприимчивость, острота и ясность ума. Эти три последние года Отто Юльевич почти не вставал с постели, и встречи с нами, с его сотрудниками, происходили уже не в кабинете» (Козловская, 1959, с. 202). Действительно, его жизнь в эти годы была связана с серьезным лечением, включая длительное пребывание в санаториях на Южном берегу Крыма, куда к нему регулярно приезжали ученики, делившиеся последними столичными новостями из области науки (и не только), одновременно доставляя обширную почту, забирая взамен собственные отрецензированные и исправленные работы. «Но прежде всего, — отмечала Козловская, — я увидала Отто Юльевича великим тружеником. Он уехал туда осенью 1945 года после первого сильного легочного кровотечения, причем там, в декабре, переболел воспалением легких. Однако в декабрьском же письме он упоминает о том, что «мы с Ириной Владимировной пока что вычислили эллипсоид рассеиванья 383 комет» (работа очень трудоемкая), а в январе пишет: «Ирина Владимировна (супруга академика. — *В. К.)* расскажет Вам подробнее о моих делах и состоянии. Постараюсь без нее прожить паинькой и — насколько позволит врачебный надзор — работать. Еще так много надо сделать! «» (1959, с. 208). Необходимо отметить, что в Академии наук были серьезно озабочены состоянием здоровья Отто Юльевича, о чем свидетельствует письмо президента Академии наук СССР С. И. Вавилова от 4 августа 1946 года: «Глубокоуважаемый Отто Юльевич! К Вам приедет А.С. Штерн переговорить о возможности лечения Вас стрептомицином, который (к сожалению, в небольшом количестве) привез в Москву его изобретатель проф. Ваксман из Принстона и передал в мое распоряжение… Надеюсь, что стрептомицин Вам поможет» (1959,

с. 442).

Все последующие научные отчеты, которые он теперь писал, находясь практически на положении рядового сотрудника своего института, констатируют очередное продвижение в намеченном направлении и одновременно новые возникающие проблемы. В них приводился и перечень опубликованных работ. Так, в 1950 году «…научная работа была целиком посвящена развитию теории происхождения Земли и планет. В начале года вышла из печати работа «Возникновение планет и их спутников», в которой впервые было дано объяснение суточного вращения планет, происхождения спутников и направления их вращения»… Шмидт пришел к заключению, что температура образовавшейся Земли «является сложной функцией от начального разогревания при ее аккумуляции, сжатия под действием вышележащих слоев и выделением тепла радиоактивными элементами» (Матвеева, с. 214). Большое значение для слабеющего телом (но не духом и тем более интеллектом) ученого имело обсуждение его теории в Президиуме Академии наук 16–19 апреля того же года. Президиум «…с удовлетворением отметил инициативу академика О. Ю. Шмидта в разработке новой космогонической теории, а также его большую заслугу в привлечении внимания ученых разных специальностей к вопросам космогонии, что сильно способствовало широкому развитию космогонических работ в нашей стране» (Архив АН СССР, ф. 496, оп. 2, д. 626, л. 3–6).

По состоянию здоровья юбиляра 60-летие Отто Юльевича было скромно отмечено в обществе учеников у него дома. Помимо охапки гвоздик он получил от своих сотрудников шикарный фотомонтаж, в центре которого ученый был расположен в позе индийского философа, размышляющего на берегах то ли Ганга, то ли Брахмапутры о тайнах мироздания, — на фоне собственной схемы развития Солнечной системы. Суть ее была там же изложена в стихотворной форме. Получилось «простенько и со вкусом», а главное — остроумно, вполне по-академически. В тот вечер Отто Юльевич был в ударе и, вспоминая пребывание в Америке после челюскинской льдины, делился впечатлениями: как был вынужден пожимать руки женам сенаторов, сидя в инвалидном кресле: «Сто жен одних только сенаторов непременно хотели лично пожать мне руку!» — не без удовольствия констатировал он в тот вечер.

«Он утверждал, что теория будет жить и развиваться, так как в ней отражена какая-то существенная часть объективной действительности. В то же время его очень тревожила ее дальнейшая судьба. Беседуя в августе 1956 года, то есть незадолго до смерти, с академиком А.В. Топчиевым о положении

в науке, о космогонии, Отто Юльевич просил оказать содействие в дальнейшей работе коллективу его сотрудников. «Мне сейчас уже очень трудно писать самому, — сказал он, — я думаю, что не так важно, будет ли на книге стоять мое имя или имена соратников, важно, конечно, ее написать» (Яницкий, 1959, с. 32).

Положение Шмидта в ученом сообществе получило отражение и в советском искусстве того времени. На картине «Президиум Академии наук обсуждает великий сталинский план преобразования природы» Шмидт изображен не за столом президиума, а сидящим в кресле у двери на балкон. Не забывали о нем и «наверху». Обсуждая академические проблемы после смерти президента Академии наук С. И. Вавилова, Сталин задал вопрос: почему имя Шмидта отсутствует среди членов Президиума? Заведующий Отделом науки и высших учебных заведений ЦК Ю. А. Жданов кратко ответил — только из-за состояния здоровья. Вождь удовлетворился этим ответом.

Их последняя встреча состоялась в мартовские дни 1953 года в Колонном зале. Отто Юльевичу, одному из немногих, было позволено на протяжении получаса сидеть на стуле во время церемонии прощания с властелином. Какие мысли и воспоминания посетили ученого, нам не дано узнать — сам он на эту тему предпочитал не высказываться, что по-своему показательно. Не случайно его сын и биограф С. О. Шмидт отметил вполне определенно: «Отношение Отто Юльевича к Сталину трудно определить однозначно. Отто Юльевич не говорил о нем и о встречах с ним… Отто Юльевич упоминал имя Сталина в статьях и выступлениях, как было принято в те годы… Не делился впечатлениями от теоретических трудов Сталина… Написанное и содеянное Сталиным не было предметом обсуждения, а тем более спора и воспринималось как данность. Отто Юльевич, конечно, ощущал не только мощь положения Сталина, всевластие его и значимость личности» (с. 201). Точно так же мы не знаем о реакции Отто Юльевича на известие о смерти другого злого гения эпохи — А. Я. Вышинского, последовавшей в 1955 году за рубежом: уж лучше тому не возвращаться на Родину! Определенно Шмидт был поражен содержанием закрытого письма о культе личности Сталина, оглашенного на XX съезде в феврале 1956-го. Ему, практически ежедневно бывавшему в Кремле, откуда с Варварки (где располагалось ГУ СМП) было всего 15 минут пешком, ничего не было известно об истинных причинах гибели Серго Орджоникидзе!

На исходе жизни он сохранял интерес к прекрасному, носителем которого оставалась для него живопись. «Когда после

резкого обострения болезни в 1953 году Отто Юльевич уже не мог ходить, он говорил по поводу выставки картин Дрезденской галереи, что, быть может… удастся организовать, чтобы ему разрешили как-нибудь, сидя в кресле, «походить» по выставке. Все та же жажда жизни и красоты!» (Козловская, 1959, с. 213). Живо реагировал на происходящее в академии, приветствуя пополнение Отделения физико-математических наук осенью 1953 года двумя новыми академиками без обязательного член-корского стажа: одним из них был С. А. Лебедев, создатель одной из первых советских ЭВМ, другим — А. Д. Сахаров. Сохранялся у него и интерес к Арктике, над которой долгое время висела завеса секретности, что подтверждают воспоминания академика А. Ф. Трешникова, относящиеся к 1955 году. «Через два дня после возвращения, — пишет этот полярник, — тогдашний начальник Главсевморпути В. Ф. Бурханов мне сказал:

— Вас хотел видеть Отто Юльевич Шмидт. Он лежит дома тяжелобольной. Вот номер телефона его квартиры, договоритесь и навестите его, но учтите, что у него туберкулез горла и ему много разговаривать нельзя. Но он очень хотел поговорить с вами о последних исследованиях в Арктике.

Я в тот же день позвонил по телефону, и мне ответил женский голос, что завтра, 25 апреля, я могу прийти к Отту Юльевичу домой.

— Только учтите, пожалуйста, — добавила женщина, — врачи не разрешают Отто Юльевичу много разговаривать.

Я был очень взволнован предстоящим визитом… Говорят, он был всегда слаб здоровьем, но какая же сила духа жила в этом человеке, чтобы совершить дела, каждое из которых в отдельности явилось бы украшением биографии любого другого человека… Меня провели в спальню. «Здравствуйте, мой дорогой, — ответил Отто Юльевич неожиданно громким и звонким голосом и продолжал: — Я читал некоторые сведения из газет о работе вашей дрейфующей станции, и мне захотелось повидать современного полярного исследователя и поговорить с ним». Я удивился бодрости его голоса. Но больше всего меня поразили его глаза: синие-синие, с искорками неподдельного интереса… Большой интерес Шмидта вызвало мое сообщение о том, что на дрейфующих станциях исследователи живут в портативных домиках, в которых температура регулируется автоматическими устройствами, что на льдины завозятся тракторы, что на нашей льдине был даже вертолет.

— Это великолепно! — воскликнул Отто Юльевич. — Явления природы требуют длительных наблюдений квалифицированных специалистов, а чтобы их труд был

производительным, необходимо создавать для их работы нормальные условия.

Мой визит к О. Ю. Шмидту длился не двадцать минут, а почти два часа. Я не раз порывался уйти, но Отто Юльевич усаживал меня жестом руки на стул и продолжал задавать вопросы. Я рассказывал ему о работе не только на дрейфующих льдах в Арктическом бассейне, но и на береговых полярных станциях, о плаваниях караванов судов по трассе Северного морского пути, о научно-оперативной работе по обслуживанию мореплавателей прогнозами погоды и ледовых условий.

— Да, это колоссально! Как все изменилось по сравнению с тем, когда мы начинали! — комментировал мой рассказ.

Наконец, в спальню вошел врач и строго сказал, что дальше разговаривать нельзя… Я пожелал Отто Юльевичу быстрого выздоровления, и меня вежливо выпроводили из квартиры. Выйдя, я думал: «Что же было главным в жизни этого замечательного человека? Вероятно, Арктика! — ответил я себе. — Иначе он не растрачивал бы так свое здоровье, а был бы хорошим кабинетным ученым… Да, главным в жизни Отто Юльевича Шмидта была Арктика» (Трешников, 1985, с. 163–165). Очевидно, такая точка зрения правомерна, хотя, возможно, наравне с остальными.

Член-корреспондент АН СССР Б. Н. Делоне вспоминал о последних днях Шмидта: «В июле 1956 года незадолго до смерти Отто Юльевича мы пришли к нему, тяжело больному, приветствовать его от лица Всесоюзного съезда математиков, тогда происходившего. Пришли алгебраисты — А. И. Мальцев, А. Г. Курош, И. Р. Шафаревич, Д. К. Фадеев, Д. Я. Куликов и я. Хотя с телом Отто Юльевича, очевидно, было совсем плохо, голова его все так же величественно покоилась на подушках и все так же были светлы его мысли. Мы с ним, не скрывая этого, очевидно, прощались навсегда. Отто Юльевич сказал: «Я благодарю судьбу, благодарю за ту жизнь, которую она мне дала. Сколько было хорошего и сколько интересного! Я не боюсь умирать», а затем, посмотрев на меня, вдруг улыбнулся и еще пошутил: «Об одном, может быть, я жалею, что так и не сделался заправским альпинистом». Все мы ясно чувствовали, что от нас уходит один из самых интересных людей современности, таланты и интересы которого простирались от абстрактной алгебры до руководства снабжением Москвы в самые трудные годы, от обсуждения вопросов философии до практического руководства освоением Северного морского пути. В одном лице соединялись ученый, политический деятель, организатор и человек необыкновенного личного обаяния. Личность Шмидта —

редчайшее явление, и те из нас, кто имел с ним близкие личные отношения, счастливы, что им привелось их иметь» (1959, с. 183).

Здоровье его продолжало ухудшаться, и в самом начале осени 1956 года он скончался на даче в академическом поселке Мозжинка под Звенигородом (Подмосковье). Умирая, он, видимо, не думал о том, что его жизнь ученого и полярника пришлась на пору, о которой поэт написал:

А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
А только гордость и беда…

Все это он пережил, и его пережитое теперь оказалось достоянием официальных сообщений и некрологов на страницах официальных изданий, став со временем частью советского периода российской науки. Без вклада Шмидта он останется просто неполным…

Я думал, чувствовал и жил,
И все, что смог, постиг.
И этим право заслужил
На свой бессмертный миг.

Это тоже про него…

Послесловие

Отто Юльевич Шмидт в середине 1930-х годов — один из самых известных при жизни соотечественников. О Шмидте и руководимых им полярных экспедициях писали и в научных изданиях, и в массовых, и на Родине, и за рубежом. Писали видные ученые, общественные деятели и журналисты. Среди них такие мастера очеркового жанра, как Михаил Кольцов, Борис Горбатов, Лев Кассиль. Затем — при жизни же! — более десяти лет его имя замалчивали, вернув широкой общественности лишь в начале 1950-х.

После кончины О. Ю. Шмидта (сентябрь 1956 года) в Академии наук СССР издали три книги «Избранных трудов О. Ю. Шмидта» — «Математика», «Географические работы», «Геофизика и космогония» (1959–1960). Подготовлена к печати и книга трудов по истории науки, а также статей и докладов, отражающих его роль в развитии культуры и в сфере государственной деятельности. В 1959 году в издательстве Академии наук вышел в свет сборник, посвященный Герою Советского Союза академику О. Ю. Шмидту — книга объемом около 30 листов «Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность». В сборнике разделы: «Жизнь и творчество», «Воспоминания», «Письма и документы». Там же — «Библиография избранных трудов О. Ю. Шмидта» и указана «основная литература о жизни и трудах» его.

Изданы и другие книги об О. Ю. Шмидте — научные биографии[4] и работы популярных жанров (научного, публицистического). В некоторых из подобных сочинений — Е. П. Подвигиной и А. К. Виноградова «Академик и герой (Об О. Ю. Шмидте)» в серии «Герои и подвиги» (М., 1960), Н. Ф. Никитенко «О. Ю. Шмидт: Книга для учащихся 8–11-х классов средней школы» (М., 1992) и особенно И. И. Дуэля «Линия жизни» (М., 1977, в издании 1981 года заголовок «Каждой гранью») — использованы и впервые водимые в обиход науки архивные материалы из личного фонда О. Ю. Шмидта в архиве Российской академии наук, личных фондов других лиц, правительственных и академических учреждений.

В 1991 году к столетию со дня рождения в редакции Большой Советской энциклопедии Г. В. Якушевой подготовлена уникальная по замыслу «краткая иллюстрированная энциклопедия» «Отто Юльевич Шмидт — энциклопедист».[5] Напечатано было (прежде всего к юбилейным датам) немало статей о деятельности О. Ю. Шмидта в целом и об отдельных научных направлениях ее — пожалуй, ни о ком другом из наших

академиков советского времени авторами статей в научных изданиях (журналах, сборниках материалов научных конференций и заседаний) не выступало столько ученых, особенно членов Академии наук, совершенно разных специализаций. Добротную краткую биографию отца с уникальными для познания его повседневной жизни наблюдениями успел опубликовать его старший сын Владимир Оттович — заслуженный профессор Московского государственного индустриального университета.[6]

Особенно много сделано для увековечивания памяти об О. Ю. Шмидте в Институте физики Земли РАН, носящем с 1956 года его имя. Институтом (или при его участии) организовывались и научные конференции, приуроченные к юбилейным датам жизни О. Ю. Шмидта. Сейчас передан в издательство и сборник «Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей». В многостраничной книге три части: «научная деятельность», «научно-организационная деятельность, «Отто Юльевич Шмидт в памяти людей». В последней части собраны и тексты выступлений на заседаниях памяти Шмидта. Вступительное слово на заседании в московском Доме ученых, посвященном столетию со дня его рождения, 2 октября 1991 года президента Академии наук тех лет академика Г. И. Марчука публикуется как «Предисловие» к этой книге В.С. Корякина. Для сборника и я написал большого объема текст «Этюды об О. Ю. Шмидте: соображения и воспоминания сына-историка».

Образ Шмидта запечатлен (начиная с небольшой поэмы для детей А. Т. Твардовского 1934 года) в фольклоре, в произведениях изобразительного искусства,[7] особенно интенсивно обращался к этому сюжету Ф. П. Решетников — ив годы своей полярной биографии и позднее, когда стал уже народным художником СССР. Разнообразные сведения об О. Ю. Шмидте обнаруживаются в мемуарах, дневниковых записях, переписке, ибо как заметил математик академик А. Н. Колмогоров: «Мало найдется работников в области культуры и науки, которые в своей работе не соприкасались бы так или иначе с Отто Юльевичем, — столь разнообразен был круг его деятельности и интересов, интересов всегда самых горячих». О. Ю. Шмидту — полностью или в той или иной мере — посвящены кинофильмы, особенно телефильмы (причем не с однозначной характеристикой и оценкой им содеянного и его личности).

Однако сразу же выясняется, что литература о Шмидте (особенно публицистическая), не говоря уже о художественных изображениях и телепередачах, преимущественно посвящена

периоду его деятельности в Арктике. Но «Шмидт в Арктике» — это всего лишь около девяти лет! О другом в его жизни пишут и знают значительно меньше — чаще лишь о том, что связано с руководством Госиздатом и изданием Большой Советской энциклопедии в 1920-х годах и с разработкой Шмидтом и привлеченными им учеными космогонической гипотезы в последние годы жизни. Между тем без практики инициативного участия во многих правительственных начинаниях и смелости принятия решений еще в первое послереволюционное десятилетие О. Ю. Шмидт не смог бы совершить то, что ему удалось сделать в Арктике, а затем и в Академии наук (первым вице-президентом которой он был три года, с февраля 1939 года). Фамилия Шмидта великое множество раз упоминается в напечатанном об Академии наук (а также о жизни академиков) в годы руководства Шмидтом деятельностью Академии, но специального труда на тему «О. Ю. Шмидт и Академия наук» пока нет.

Поиски, ошибки и достижения О. Ю. Шмидта на административном поприще, воздействие на последующую работу в тех же сферах деятельности могут стать темой специальных изысканий, причем и по истории продовольственного дела и кооперации, даже советской финансовой политики, и по истории просвещения — организации образования (профессионального, в средней и высшей школе, в подготовке аспирантов) и системы руководства наукой. Могут быть также созданы особые самостоятельные исследования о роли О. Ю. Шмидта в истории книжного дела; о вовлечении им зарекомендовавших себя еще до революции профессионалов науки и преподавания («буржуазных специалистов», или «спецов», как их тогда называли) в советское культурное строительство; об интеллигенции в общественной жизни России XX века и о взаимоотношениях коммунистической партии и интеллигенции. И конечно же, по теме «Достигший высокого общественного положения интеллигент и тоталитарный режим». Об этом уже кое-что напечатано, но материал привлечен далеко не полностью. Такая интенсивная, на виду у многих, общественно-административная деятельность, какая была у О. Ю. Шмидта, не рассмотрена с должной обстоятельностью и в контексте непрекращающегося творчества ученого широких научных интересов, а также разнообразных исследовательских пристрастий.

Фигура О. Ю. Шмидта необычна на фоне его эпохи или, точнее, эпох советской истории — ленинской, постленинской, сталинской, постсталинской, — неординарны его поведение и его

судьба. В Шмидте для историка (особенно изучающего XX столетие) интересны не только многообразие проявлений творческой энергии, совокупность дарований, но и то, что такая необычная для советской системы личность сумела столь заметно выявить себя в ту пору, когда культивировалась тенденция подчинения всего единым стандартам, руководящему началу и однозначному объяснению.

Очевидно, что теперь, с существенным расширением проблематики исследований о советском времени, с появлением возможности снова упоминать о делах тех, чьи имена вычеркивались из истории при тоталитарном режиме и с кем взаимодействовал О. Ю. Шмидт в каждодневной работе и при планировании будущих действий, в биографии его узнаем немало нового (прежде всего в сферах организационной служебной деятельности и идеологии) и сможем более детально определить, чем он выделялся в сообществе других лиц. Постепенно становится яснее и то, что сохранило свою значимость и по прошествии времени, в чем именно новатор Шмидт оказался предтечей направлений будущего развития или, напротив, самонадеянно тороплив и недальновиден.

И черты такого нового подхода заметны в книге В.С. Корякина. Хотя и Владислав Сергеевич Корякин — доктор географических наук, почетный полярник, признанный авторитет в науке изучения Северного морского пути, тоже наибольшее место уделил тем годам жизни своего героя, когда он основные силы отдавал освоению Арктики. Обнаруживается близость с книгами того же автора — «Челюскинская эпопея» (вышла совсем недавно в том же издательстве «Вече») и биографическими работами о выдающихся полярниках России XX века:

В. А. Русанове и Р. Л. Самойловиче. Книгу о Шмидте можно, пожалуй, рассматривать как завершающую часть этой своеобразной трилогии.

Впервые столь детально и на основе многообразных материалов (и архивных, и печатных, с учетом новейшей литературы) показана не только организаторская деятельность О. Ю. Шмидта с присущими ей особенностями и личный романтический героизм его, но и вклад осуществленных под его руководством экспедиций и запланированных мероприятий в расширение общественных представлений об Арктике и путях ее познания. Охарактеризована значимость такой деятельности и для практики освоения высоких широт, и для дальнейшего развития полярной науки как комплексного междисциплинарного научного знания. А это особенно важно и интересно в наши дни, когда становится понятным, что степень использования

природных ресурсов в Арктике во многом определяет будущее и нашей страны, и всего человечества.

Впервые охарактеризовано повседневное в работе Шмидта-полярника и обусловленность некоторых действий опытом его деятельности прошлых лет. В.С. Корякин, основательно ознакомившись и с архивной документацией, и с разнообразной литературой — не только о Шмидте, но и по смежной тематике, — попытался, показывая жизненный путь его, определить значимость звездных лет жизни (1933–1937) для понимания всего этого пути, образа мысли и поведения. Рассматривается всё это неизменно в контексте особенностей истории изучаемых отрезков времени. И потому труд В.С. Корякина обогащает и тех, кто далек от арктических сюжетов.

Как историк и педагог, полагаю, что тема «О. Ю. Шмидт в контексте своей эпохи» будет небезынтересна и последующим поколениям. Книга В.С. Корякина надолго останется базовой для проявляющих любознательность в этой сфере знаний. Мы, родные Отто Юльевича, душевно признательны и автору, и издательству «Вече», подготовившим это издание в год 120-летия со дня его рождения.

Сигурд Шмидт, академик Российской академии образования, советник Российской академии наук, заслуженный профессор Российского государственного гуманитарного университета

Использованная литература

Абрамов А.С. Отто Юльевич Шмидт — редактор «Природы»// Природа. 1981. № 10.

Бабков В. В. Н. К. Кольцов и его институт в 1938–1939 гг. // Онтогенез. 1992. Т. 23. № 4.

Безбородов С. На краю света. М.—Л., 1937.

Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Л.: Морской транспорт. Т. 3; Советское арктическое мореплавание. 1917–1932 гг. 1959. Т. 4; Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1933–1945 гг. Гидрометеорологическое изд-во, 1969.

Бронтман А. На вершине мира. М.: Художественная литература, 1938.

Бочек А. П. Всю жизнь с морем. М.: Транспорт, 1969.

Буйницкий В. Х. 812 дней в дрейфующих льдах. М.—Л., 1945.

Визе В. Ю. О поверхностных течениях в Карском море // Известия Центрального Гидрометеобюро. 1924. Вып. 3.

Визе В. Ю. На Землю Франца-Иосифа. М.—Л.: ЗИФ, 1930.

Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. Баренцево и Карское. Архангельск, 1934.

Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. М.—Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948.

Визе В. Ю. На «Сибирякове» и «Литке» через ледовитые моря. М.—Л.: Изд-во Главсевморпути. 1946.

Водопьянов М. В. На крыльях в Арктику. М., 1954.

Водопьянов М. В., Григорьев Г. К. Повесть о ледовом комиссаре. М.: Географгиз, 1959.

«Враги народа» за Полярным кругом. М., 2007.

Гаккель Я. Я. За четверть века. М.—А.: Изд-во Главсевморпути, 1945.

Громов Б. Поход «Сибирякова». М., 1934.

Делоне Б. Н. // Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность. В киевском университете. М., 1959.

Дорофеев И. Г.// Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность. В киевском университете. М., 1959.

Дуэль И. Линия жизни. М., 1977.

Дуэль И. Каждой гранью. М.: Знание, 1981.

Ермолаев М. М. Воспоминания. СПб.: Гидрометеоиздат, 2001.

Ермолаев АЖ., *Дибнер В. Д.* Михаил Михайлович Ермолаев. Жизнь исследователя и ученого. Л. — СПб.: РГО, 2005.

Корякин В.С. Биография, которой хватило бы на десятерых// Природа, № 10. 2002.

Итоги Второй Мировой войны. М., 1957.

Каминский М. В небе Чукотки. М., 1967. Кн. 1.

Корякин В.С. Русанов. М.: Молодая Гвардия, 2005. (Серия ЖЗЛ).

Корякин В.С. Рудольф Лазаревич Самойлович. М.: Наука.

Кренкель Э. Т. Четыре товарища. М., 1940.

Кренкель Э. RAEM — мои позывные. М.: Советская Россия, 1973.

Крылов В. В. Донос на академика О. Ю. Шмидта и его сотрудников// Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 11.

Маркелова А. П. Оружием творчества. М., 1985.

Матвеева Л. В. Отто Юльевич Шмидт. 1891–1956. Киев, 2006.

Муров М. С. Записки полярника. Л., 1971.

Муханов Л. В. страну ледяного молчания. М., 1931.

Николаева А. Г., Хромцова М. С. Ледовыми трассами. Л., 1980.

Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Папанин И. Д. Жизнь на льдине. М., 1938.

Подвигина Е. П., Виноградов А. К. // Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность. Государственная деятельность О. Ю. Шмидта в первые годы советской власти (1917–1922 гг.). М., 1959.

Подъяпольский Г. Золотому веку не бывать. М.: Звенья, 2003.

Постников А.В. Схватка на крыше мира. М., 2005.

Попов С. В. Автографы на картах. Архангельск, 1990.

Рузов А.В. На суше и на море в Арктике. М., 1957.

С. О. Макаров и завоевание Арктики. А.—М., 1943.

Самойлович Р.А. SOS в Арктике. Берлин: Петрополис, 1930.

Симонов К. Письма о войне. М., 1990.

Совещание хозяйственных работников системы Главсевморпути при СНК СССР. Стенографический отчет. А.: Изд-во Главсевморпути, 1936.

Сойфер В. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993.

Сысоев Г., Ширяев И. Назаров В. О Всесоюзном Арктическом институте// Сов. Арктика. 1938. № 5.

Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995.

Трешников А. Ф. Ордена Ленина Арктическому и Антарктическому институту 50 лет// Проблемы Арктики и Антарктики. 1970. Вып. 36–37.

Федоров Е. К. Полярные дневники. Л., 1979.

Шевелев М. И. Арктика — судьба моя. Воронеж, 1999.

Ширшов П., Хмызников П. На «Челюскине». Л., 1936.

Ширшов П. П. Дневники. Очерки. Воспоминания. М., 2005.

Шмидт О. Ю. Наши задачи по освоению Арктики //За освоение Арктики. Л., 1935.

Шмидт О. Ю. Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1: Математика; Т. 2: Географические науки; Т. 3: Геофизика и космогония.

Шмидт С. О. К биографии О. Ю. Шмидта. Воспоминания и размышления сына-историка. Рукопись.

Шноль С. Э. Герои и злодеи российской науки. М., 1997.

XXV лет научной деятельности Арктического института. А.—М.: Изд-во Главсевморпути, 1945.

Штепенко А. П. Записки штурмана. М., 1953.

Якушева Г. В. Отто Юльевич Шмидт — энциклопедист. М., 1991.

Яницкий Н. Ф. Отто Юльевич Шмидт (Краткий биографический очерк)// Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Основные даты жизни О. Ю. Шмидта

1891–18 (30) сентября родился в г. Могилеве Могилевской губернии, семье лютеранского вероисповедания, выходцев из Лифляндской губернии.

1909 — окончив гимназию в Киеве, поступил на математическое отделение Университета Святого Владимира.

1909–1913 — учился в указанном университете, с 1916 года приват-доцент того же университета.

1916 — вышла в свет первая книга «Абстрактная теория групп».

1917–1924 — работа в Продовольственной управе Петрограда, в советское время — в различных наркоматах.

1923–1956 — профессор МГУ.

1924–1941 — главный редактор (редактор — с 1948 года) Большой Советской энциклопедии.

1928 — заместитель начальника Памирской экспедиции АН СССР.

1929–1930 — начальник правительственной Арктической экспедиции на Землю Франца-Иосифа и Северную Землю на ледокольном пароходе «Г. Седов».

1930–1932 — директор Всесоюзного Арктического института.

1932 — начальник экспедиции на ледокольном пароходе «Сибиряков».

1932–1939 — начальник Главного управления Северного морского пути.

1933 — вместе с В. Ю. Визе избран членом-корреспондентом АН СССР.

1933–1934 — начальник экспедиции на пароходе «Челюскин».

1935 — избран академиком АН СССР.

1936 — начальник Экспедиции особого назначения по проводке военных кораблей по Северному морскому пути.

1937 — начальник воздушной экспедиции на Северный полюс. За высадку первой дрейфующей станции на Северный полюс (начальник И. Д. Папанин) присвоено звание Героя Советского Союза.

1937–1949 — директор Института теоретической геофизики. В 1943–1956 годах руководитель отдела в названном институте.

1939 — сдал руководство ГУ СМП И. Д. Папанину и перешел на работу в Академию наук СССР в должности вице-президента.

1942 — личным распоряжением И. В. Сталина уволен с должности вице-президента АН СССР.

1951–1956 — главный редактор журнала «Природа»,

руководитель геофизического отделения МГУ.

1956–7 сентября скончался на академической даче Мозжинка в окрестностях Звенигорода.

notes

Примечания

1

Корякин В. Русанов. М.: Наука, 2005. [Серия ЖЗЛ]

Корякин В. Владимир Александрович Русанов. М.: Наука, 1987; *Корякин В.* Рудольф Лазаревич Самойлович. М.: Наука, 2007.

3

Возле которых сразу начинаются большие глубины. — *Примеч. ред.*

4

Самая основательная по своей архивной базе книга киевского профессора Л. В. Матвеевой напечатана в 1992 году в академической серии «Научно-биографическая литература»; в 2006 году книга переиздана в Киеве.

Под редакцией академиков Л. М. Прохорова и Б. С. Соколова. Мне доверено было тогда стать консультантом издания (С. О. Шмидт).

6

В издании этого вуза в 2003 году.

В рисунках скульптора Н.А. Андреева, живописи М. В. Нестерова, акварелях В.С. Сварога, шаржах Б. Е. Ефимова и др.